ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДВАДДЦАТЫЙ

Москва
2003

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск двадцатый)
М., 2003, 396 стр.

Ответственный редактор **А.О.Филоник**

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией в Арабском мире и с положением в ряде сопредельных государств. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-102-0

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-102-0

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

А.М.Вартанян

ОБ ОСНОВАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ИРИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Одним из результатов воздействия на иранскую внешнеполитическую стратегию событий 11 сентября 2001 г. и последующих операций в Афганистане и Ираке стала постепенная трансформация в 2002–2003 гг. концептуальных основ политики Ирана в регионе. Изменилась суть вынашиваемой еще со времен монархии концепции регионального лидерства. Теперь иранским руководством для достижения этой амбициозной цели приоритетными являются отнюдь не задачи достижения военного превосходства над другими странами региона: в условиях укрепления США в соседних Ираке и Афганистане, американского проникновения в Закавказье и Центральную Азию Иран придерживается политики позицию «позитивного нейтралитета»[1], при этом не уставая повторять устами министра обороны А.Шамхани, что оборонный потенциал Ирана находится «в полной боевой готовности для отражения возможной агрессии»[2]. На первый же план для иранского руководства выходят цели наращивания политического веса и влияния, укрепления нового имиджа ИРИ в регионе, в том числе за счет мер по более активному вовлечению в процессы преобразований в Ираке и Афганистане, а также на базе экономического становления Ирана в качестве одного из лидеров в регионе Среднего и Ближнего Востока. Еще одна составляющая новой региональной стратегии Ирана – пропагандистские усилия, направленные на утверждение своего режима в качестве оплота «исламской демократии», образца идеального синтеза исламских и демократических традиций, твердое открещивание от сотрудничества с террористическими структурами типа «Аль-Каиды» или Движения талибов.

Что касается закавказского региона, то, с учетом исторической и географической близости, Иран всегда включал эту территорию в зону своих национальных интересов. После распада СССР политика Ирана была направлена на установление доверительных и ровных отношений со всеми тремя закавказскими государствами, невзирая на их внутренние разногласия и противоречия. По мнению иранских аналитиков, эта конструктивная стратегия Ирана в первые после образования новых независимых государств годы в целом была успешной и принесла свои продуктивные плоды. В отличие от политики Турции, которая заняв антиармянскую позицию в нагорно-карабахском кон-

фликте до сих пор не может нормализовать отношения с Ереваном, что негативно сказывается на возможностях ее позиционирования в Закавказье на региональном уровне[3].

После событий 11 сентября 2001 г. иранская региональная стратегия в Закавказье обрела две новые черты. Первая характеризуется увеличением обеспокоенности Тегерана в связи с укоренением присутствия внерегиональных сил (прежде всего, США) в Закавказье под лозунгами противодействия терроризму, и вовлечения этих стран в евро-атлантическую систему безопасности. В этом контексте Иран, в частности, озабочен продвижением проекта нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который, как этого не исключает иранская сторона, может быть использован в качестве прикрытия для формирования турецко-азербайджано-грузинского блока[4]. Косвенным подтверждением вышеназванных опасений может также служить подписание в 2002 г. в Трабзоне в ходе трехстороннего саммита (Турция, Азербайджан, Грузия) соглашения о совместной борьбе с международным терроризмом.

Вторая особенность – появление во внешней политике ИРИ прагматической линии на активизацию экономической дипломатии в Закавказье, стремление укрепиться на торговых и финансовых рынках этих стран. Обе эти установки иранское внешнеполитическое руководство рассчитывает реализовать путем создания в Закавказье при активном участии ИРИ институциональных структур, которые будут сдерживать внешнее давление, способствовать интеграции внутрирегиональных игроков и координировать их торгово-экономическое взаимодействие. Объективно оценивая эти задачи Ирана в Закавказье на среднесрочную перспективу, следует признать, что их практическое выполнение в нынешних условиях труднодостижимо. Тем не менее, более подробное изучение закавказской региональной стратегии ИРИ представляется интересным и актуальным.

Итак, в настоящее время основная установка региональной стратегии Ирана в Закавказье в целом заключается в стремлении более активно участвовать в двусторонних и многосторонних механизмах политического, торгово-экономического и культурного сотрудничества закавказских государств.

Приоритетным направлением стратегии Ирана в Закавказье является установление на постоянной основе взаимодействия в сфере безопасности и внешней политики. ИРИ желает наладить более тесное и конструктивное практическое сотрудничество в Закавказье с Россией и, возможно, привлечь к этому диалогу другие заинтересованные страны региона, в первую очередь, Турцию. Ради этого иранское руководство уже давно продвигает идею создания постоянно функционирующего регионального форума, а в качестве первоочередного шага в этом направлении предлагает про-

вести встречу секретарей советов безопасности всех заинтересованных государств.

В данном контексте иранское руководство устроит любой формат предполагаемой региональной структуры, в которой предусматривалось бы участие Ирана в качестве равноправного члена. Среди наиболее часто рассматриваемых планов создания новой региональной структуры Ирану в большей степени импонирует вариант «3+2» (три государства Закавказья, а также Россия и Иран) или механизм «3+3» (три государства Закавказья, а также Россия, Иран и Турция). Согласился бы Иран, однако с меньшей охотой, на расклад по принципу «кавказская четверка + Иран» (три государства Закавказья вместе с Россией, а также Иран)?

Следует отметить, что после неудачных попыток Тегерана осуществить формирование многостороннего механизма «3+2», иранское руководство официально все более активно продвигает план создания региональной системы безопасности в формате «3+3», надеясь, что с привлечением Турции такой механизм обретет более реальные черты, создаст необходимый баланс сил и подтолкнет прежде всего Грузию и Азербайджан к участию в новой структуре. Эта позиция Тегерана в последнее время часто озвучивается официальными лицами страны, а ее наиболее последовательным сторонником выступает министр иностранных дел К.Харрази. 29 апреля 2003 г. в ходе своего турне по странам Закавказья он даже выступил с революционной идеей создания сил безопасности в кавказском регионе (официальной реакции руководства закавказских государств на это предложение пока не последовало).

При этом для политической элиты ИРИ абсолютно неприемлемым является привлечение внешних сил (США, Евросоюза) в процессы формирования закавказской системы безопасности. По этому вопросу иранская позиция во многом совпадает со взглядами российского руководства. Иран неоднократно высказывался и продолжает выражать серьезные опасения относительно набирающего обороты в 2002–2003 гг. усиления влияния США в делах Закавказья (особенно в Грузии и Азербайджане), подчеркивать необходимость свободного от внешних сил внутриполитического и внешнеполитического развития стран Закавказья. По мнению иранских дипломатов, именно отсутствие реального практического взаимодействия России и Ирана позволяет американцам «чувствовать себя в Закавказье так уверенно»[5].

Следует отметить ради объективности, что после распада СССР и крушения биполярного миропорядка мысль о формировании на территории Закавказья системы коллективной безопасности была впервые высказана отнюдь не Ираном, и даже не самими закавказскими государствами. Первым в 1995 г. эту идею озвучило руководство США, стремящееся укрепить свои позиции и обеспечить амери-

канские национальные интересы в этом важном геополитическом регионе. Затем в 1996 г. этот сигнал был услышен Россией, которая непосредственно приступила к реализации идеи по созданию постоянно действующей структуры в четырехстороннем формате (Россия и три государства Закавказья), получившей название «кавказской четверки» (первый саммит этой организации состоялся в 1996 г. в Кисловодске).

Отношения самих закавказских государств к возможности формирования системы безопасности неоднозначно. С укреплением региональной стабильности эти три государства заняли различные позиции по этому вопросу. Наиболее положительным был отклик Грузии, которая активно пропагандировала «идею общекавказского дома», впоследствии трансформировавшуюся в концепцию «За мирный Кавказ» (Э.А.Шеварднадзе, 1996 г.), предполагающую европейскую интеграцию закавказских государств. Позже грузины отошли от прежних заявлений и основной упор делают на получении для себя роли проводника американской политики в Закавказье (в данном контексте рассматриваются совместные учения ВС Грузии и НАТО, шаги грузинского руководства по скорейшему вступлению в эту организацию).

Азербайджан первоначально негативно отнесся к любому сотрудничеству с Арменией в рамках общего форума до урегулирования Карабахского конфликта. Позже его позиция несколько смягчилась, что привело к началу формирования новой региональной структуры с участием как Баку, так и Еревана – «кавказской четверки» – которая сейчас динамично развивается. Вместе с тем, на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. президент Азербайджана Г.А.Алиев предложил подписать «Пакт о безопасности и сотрудничестве на Южном Кавказе».

Несмотря на вышеуказанные моменты, активная интеграция Азербайджана в евроатлантические структуры способствует вовлечению стран НАТО в процессы обеспечения безопасности в этой стране и соответственно в регионе. Такой поворот событий совершенно неприемлем для Ирана, являющегося противником вмешательства любых внешних сил в создание системы безопасности в Закавказье.

Что касается Армении, то ее отношение к идее создания общей системы безопасности была более умеренной, чем грузинская, однако, в целом, Армения приветствовала и продолжает поддерживать идею учреждения постоянного механизма регионального сотрудничества в Закавказье. При этом армянская сторона особенно акцентирует внимание на необходимости регионального взаимодействия в социально-экономической сфере (транспорт, энергетика, борьба с распространением наркотиков). Еще один принципиальный пункт армянской позиции, по которому с ней солидарен Иран – отказ от вовлечения внешних сил (имеется в виду прежде всего НАТО во главе

с США) в дела региона. Среди практических соображений Еревана следует выделить озвученную на саммите ОБСЕ в Турции в ноябре 1999 г. инициативу президента Армении Р.С.Кочаряна о необходимости разработки региональной системы безопасности с участием Азербайджана, Армении, Грузии, России, Ирана, Турции, США и ЕС по формуле «3+3+2». Позднее, однако, армянская сторона позитивно отреагировала на пожелание России относительно изменения формулы на «4+2+2», в которой центральная роль принадлежала бы «кавказской четверке».

Особое место в иранской внешнеполитической стратегии на закавказском направлении занимает торгово-экономическая политика в этих странах. Иран декларативно выступает за экономическое процветание, рост благосостояния закавказских республик, что должно стать предпосылкой для расширения экономического и культурного сотрудничества Тегерана с этими странами. В увязке с этими заявлениями следует рассматривать озвученную Ираном в 2002 году инициативу созыва встречи министров экономики шести региональных государств (страны Закавказья, Россия, Иран и Турция) в качестве первоочередного шага на этом направлении.

На практическом поле следует констатировать отсутствие должного экономического взаимодействия между Ираном и странами Закавказья. На фоне достаточно слаборазвитых торгово-экономических связей с Грузией несколько выделяется ирано-армянское сотрудничество. Однако многие крупные двусторонние экономические проекты (транспортировка газа из Ирана в Армению, строительство Каджаранского автомобильного туннеля, участие Ирана в сооружении армянских ГЭС и т.д.) пока существуют лишь на бумаге. Тем не менее, в последние годы на этом направлении предпринимаются существенные усилия руководства двух стран, идет активное политическое лоббирование перспективных проектов, развивается конструктивный диалог на высшем и практическом уровнях. Это позволяет надеяться на скорый прорыв в торгово-экономическом сотрудничестве между Ираном и Арменией.

Что касается ирано-азербайджанского торгово-экономического сотрудничества, то его показатели по объемам где-то между уровнями Грузии и Армении. Естественные географические и геоэкономические предпосылки для расширения двустороннего экономического развития сдерживаются сложными политическими проблемами взаимоотношений между Тегераном и Баку (раздел Каспия, существование двух Азербайджанов, исламский фактор), которые удалось немного смягчить после визита в Тегеран в мае 2002 г. президента Азербайджана Г.А.Алиева. В настоящее время будущее ирано-азербайджанских отношений зависит от того, как сложится взаимопонимание между иранским руководством и новым президентом Азербайджана И.Г.Алиевым (первая реакция из Тегерана последовала положительная:

президент С.М.Хатами официально поздравил нового руководителя Азербайджана с победой на выборах).

В целом же ситуацию с расширением экономических связей Ирана с Закавказьем осложняет наличие целого ряда факторов. Во-первых – заметный внешнеполитический крен Грузии и Азербайджана в сторону США и как следствие – усиление экономических позиций американских корпораций в этих странах, попадание национальных слаборазвитых финансовых и экономических структур под влияние США. Второй важный момент – наличие в регионе неурегулированных конфликтов (Нагорный Карабах, Абхазия, Панкисское ущелье), деструктивно сказывающихся на развитии экономики и препятствующих росту благосостояния закавказских государств. Третий фактор – разрыв традиционных хозяйственных связей между самими государствами Закавказья после распада СССР, отсутствие единой и налаженной транспортной и коммуникационной инфраструктуры, износ основного капитала.

Достаточно сдержанную позицию Иран занимает в плане своего возможного участия в разрешении конфликтов на территории Закавказья (нагорно-карабахский, югоосетинский и абхазский конфликты). В частности, Иран готов подключиться к мирным переговорам по разрешению того или иного конфликта, но лишь при согласии всех заинтересованных сторон. То есть, если к Ирану обратятся с соответствующей просьбой, он готов взять на себя ожидаемую конструктивную роль в качестве посредника или наблюдателя в мирных переговорах. Необходимый для этого опыт у Ирана имеется: достаточно вспомнить его плодотворные усилия совместно с Россией по урегулированию конфликтов в Таджикистане и Афганистане.

Тем не менее, в последнее время Тегеран, не оказывающий сколько-нибудь заметного влияния на ход нагорно-карабахского урегулирования, заявляет о своем желании более активно включиться в процесс переговоров. В то же время, по признанию иранской стороны, в краткосрочной перспективе развязка нагорно-карабахского конфликта представляется маловероятной.

По грузино-абхазскому и грузино-югоосетинскому конфликтам иранская сторона солидарна с российской позицией, в том числе и что касается необходимости продолжения операции СНГ по поддержанию мира в Абхазии.

[1] Выступление руководителя ИРИ А.Хаменеи на пятничном намазе в Тегеране 31 октября 2003 г.

[2] «Хамшахри», 21 мая 2003 г. Интервью Министра обороны ИРИ А.Шамхани.

[3] International Developments Review (аналитический сборник издания «Tehran International Studies and Research Institute») выпуск № 15 за 2001.

[4] «Афтаб-е Язд», 18 июня 2003 г. Аналитическая статья журналиста А.Ансари.

[5] Из еженедельных пресс-конференций официального представителя иранского МИД Х.Р.Асефи для местных и зарубежных СМИ.

О.И.Жигалина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

Региональная политика современного Ирана является одним из наиболее острых направлений деятельности иранского правительства. Нынешняя международная обстановка, сложившаяся в регионе Западной Азии под влиянием событий в сопредельном Ираке, побудила Тегеран внести определенных коррективы во внутреннюю политику, в особенности в районах расселения народов, разделенных государственными границами ИРИ с сопредельными странами. Они представляют, как известно, ареалы неперсидского нешиитского (преимущественно суннитского) населения, социально-политические и религиозные идеалы которого отличаются от взглядов находящейся у власти персошиитской корпорации. Их недовольство может быть использовано определенными политическими силами, стремящимися к свержению нынешней власти в Иране. Не случайно Реза Пехлеви, сын бывшего иранского монарха, недавно выступил в Лондоне с заявлением о том, что вскоре в Иране возможна смена власти.

Как известно, представления об обустройстве регионов в постмонархическом Иране не нашли адекватного освещения в теоретическом наследии имама Хомейни. Поэтому еще при его жизни сразу после свержения шахского режима неперсидские этносы выступили с требованиями предоставления им национальных прав. Имам Хомейни обещал решить их проблемы, поскольку стабилизация режима шиитского духовенства требовала поддержки революции всем населением страны. Однако вскоре выявились расхождения в понимании некоторых понятий, составлявших основу внутрирегиональной политики, новыми властями и неперсидскими национальностями. Так, например, имам Хомейни руководствовался кодексом равенства, основанном на так называемом установлении «таква», т.е. религиозного равенства всех жителей страны. Также трактовалось и понятие «права человека», которые, по мнению Хомейни и его единомышленников определялись в Коране и сунне. Поэтому с их точки зрения следовало укреплять Закон. Содержание тех же понятий нешиитским населением определялось их национальными интересами.

Иранская конституция гарантировала права религиозным меньшинствам. В статье 15, в частности, фиксируется право использования национального языка в школьном обучении, преподавании лите-

ратуры, а также в средствах массовой информации. Однако впоследствии выявилось, что этими правами могут воспользоваться далеко не все этносы страны.

Наибольшими привилегиями пользовались по понятным причинам азербайджанцы-шииты, которых назначали на ответственные должности в высших управленческих структурах. Своими правами пользовались и некоторые немусульманские общины. Наиболее многочисленной из них является христианская, состоящая из армян (90%) и ассирийцев (10%). Они пользуются конституционным правом использования национального языка в школьном обучении и печатных изданиях. В армянских школах, кроме того, изучается национальная история, искусство и культура. Армяне традиционно занимают ответственные места в торговле и предпринимательстве. Их деятельность направлена во благо иранского государства и всячески поощряется властями[1].

Вместе с тем, подобные отношения сложились не со всеми неперсидскими национальностями. Обнаружился дифференцированный подход властей к проблемам национальностей. Многие из тех, кто заявлял о своих национальных правах, прекратили свою борьбу. Их запросы до сих пор остались без должного внимания иранского правительства. Иранские белуджи, туркмены и арабы, являющиеся суннитами, не добились равных прав с персоязычными шиитами, а в районах Белуджистана, Туркмен-Сахра и Хузистана не осуществлялись в необходимом объеме и социально-экономические программы. Поэтому эти регионы принадлежат к числу самых отсталых в стране. Между тем, наиболее остро в Иране складывается ситуация в Иранском Курдистане.

Некоторая часть иранских курдов активно участвует в органах местного самоуправления в провинции Курдистан. Они считают себя такими же иранцами, как и другие жители страны, поэтому и в Курдистане иранское законодательство должно реализовываться в полном объеме. Среди них, например, вице-губернатор этой провинции, считающий, что следует договариваться с центром и мало – помалу добиваться всяческих уступок властей, инвестиций в экономические и социальные программы.

В период пребывания на посту президента страны С.М.Хатами в Иранском Курдистане стала реализовываться программа культурной либерализации. Курды получили возможность использовать курдский язык в начальном школьном обучении и некоторых печатных органах. Политические свободы курдов олицетворяет работа 30 депутатов (из 290) от провинции Курдистан в иранском меджлисе. Однако назначение на должность генерал-губернатора провинции Курдистан Рамезанзаде азербайджанца-шиита, хотя и выходца из Курдистана, вызвало недовольство иранских курдов, полагающих, что он не сможет в должной степени отстаивать запросы суннитского курдского населения. Тем самым обозначился их протест против религиозного

выбора при назначении высших чиновников. Они ратуют за выборность губернатора. Кроме того, существуют различные оценки политики либерализации Хатами некоторыми представителями курдской оппозиции. Некоторые из них считают, что выбор этого курса является политическим компромиссом властей в целях сохранения внутриполитической стабильности в стране и оценивают как позитивный результат борьбы курдов за свои права.

Вместе с тем, иранскому правительству не удалось справиться со многими социальными и экономическими задачами, что является предметом острой критики курдской оппозицией. Курдские политические партии – Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) и Комала (Революционная партия трудящихся Курдистана) были запрещены имамом Хомейни еще в 1980 г. Однако их не удалось разгромить, и они продолжили свою деятельность, обосновавшись на иракской территории, подконтрольной Патриотическому Союзу Курдистана (ПСК), возглавляемому Дж.Талабани[2]. Вот уже 7 лет, как ДПИК не ведет вооруженной борьбы против исламского режима, но не прекращает своей деятельности на иранской территории в защиту прав курдов. Так, например, ее лидер выступил с осуждением бездеятельности правительства в отношении курдских районов, где не были восстановлены разрушенные еще в ходе ирано-иракской войны 1980–89 гг. деревни и города, не выплачены населению компенсации за утраченное жилье и имущество, не ведется борьба с криминалом и коррупцией, не легализована приграничная торговля[3].

В то же время ДПИК выдвинула политические, социальные и экономические требования: расширить границы Иранского Курдистана за счет включения в его территорию провинции Западный Азербайджан, Илам и Керманшах; организовать в нем самоуправление не по религиозному принципу; а на выборной основе; признать курдов самостоятельной нацией и их национальные права; создать систему образования с широким использованием курдского языка на всех уровнях, с изучением курдской истории, искусства, культуры и права, открыть университеты, отвечающие запросам курдского населения; обеспечить свободу вещания, включая спутниковые телекоммуникации и интернет; предоставить женщинам равные права с мужчинами и разрешить курдянкам носить национальную одежду, отличающуюся от норм мусульманского этикета.

К числу важных политических требований относится требование о легализации курдских политических и общественных организаций в Иранском Курдистане. При этом ДПИК отмежевывается от каких-либо связей с иранскими коммунистами. Возвращаясь к событиям 1979 г. в Иране, Хасанзаде с сожалением отмечал, что Народная партия Ирана (Туде) в период становления режима шиитского духовенства не только поддержала его, но и вступила в открытую борьбу с национально-демократическими силами.

В этих условиях ЦК ДПИК распространил специальное обращение к мировому сообществу, в котором предпринял попытку привлечь его внимание к проблемам иранских курдов. В нем, в частности, говорится, что в то время, когда в соседнем Ираке силами англо-американской коалиции был свергнут диктаторский режим С.Хусейна, в Иране попираются элементарные права курдов. Давая в целом положительную оценку событиям в Южном (Иракском) Курдистане, Хасанзаде заявил, что США и их союзники начали войну против Ирака под лозунгами установления демократии и борьбы с терроризмом. После краткого переходного периода они намерены передать власть в руки иракского народа и выражают поддержку интересам курдского населения, которому будут гарантированы все их национальные права и равноправие. Кроме того, ДПИК заявила о недопустимости вмешательства Тегерана в дела курдов Южного Курдистана, а именно: запретить деятельность исламских вооруженных группировок на его территории, а также не поощрять активность экстремистских групп в курдских районах. Иранские курды выступили также в защиту права транзитного передвижения иракских курдов через территорию Ирана за рубеж и т.д.

Несмотря на серьезные обвинения иранского режима и четко сформулированные требования, А.Хасанзаде выступил за мирное решение всех вопросов с Тегераном за столом переговоров. В то же время он заявил о том, что хотя иракский вариант решения курдской проблемы и является привлекательным для курдов Ирана, он и его единомышленники не хотели бы иностранного вторжения в ИРИ[4].

Однако эту точку зрения разделяют не все курдские оппозиционеры. Среди них имеются и более радикально настроенные, считающие, что для достижения своих целей нельзя отбрасывать и иные методы – политические, дипломатические, организационные, научные и многие другие. И в то же время следует всегда быть готовыми к вооруженной борьбе с нынешним режимом, поскольку, по их мнению, существует “прямая связь между вооруженной борьбой и курдским национализмом”. Они считают, что только благодаря сохранению своих национальных политических организаций курды смогли обрести политическую зрелость в отличие от других иранских этносов, прекративших активную борьбу за свои национальные права.

В числе выдвинутых курдской оппозицией требований немало таких, которые могут составить основу переговорного процесса с властями. Среди них расширение национально-культурных прав курдов, организация совместных действий в битве с наркоманией и наркодельцами в Иранском Курдистане, борьба с террористическими группировками, коррупцией, упорядочение приграничной торговли и пр. В то же время существуют и такие запросы, с которыми вряд ли сможет согласиться руководство страны, как, например, проведение административно-территориальной реформы по объединению четы-

рех провинций в одну, а также признание курдов нацией, что противоречит исламским принципам.

Ранее существующие противоречия зачастую приводили к серьезным стычкам, вплоть до вооруженных. Пытаясь заставить курдов прекратить борьбу за свои права, их подвергали преследованиям по политическим мотивам, устраивали расправы над курдскими священнослужителями, репрессировали и заключали инакомыслящих под стражу и т.д.[5] Следствием подобной политики явилось то, что многие иранские курды были вынуждены эмигрировать или спасаться бегством в сопредельный Ирак. В результате этого оказалось, что 13 тыс. иранских курдских беженцев были размещены в лагерях для беженцев на иракской территории. Во время режима С.Хусейна они получали от государства минимальную помощь. После свержения диктаторского режима и эта помощь прекратилась. Курдские беженцы оказались без электричества, воды (при 50-градусной жаре), медицинской помощи и без достаточного количества пищи. В таких условиях велика опасность распространения различных инфекций. Тем не менее ДПИК оказала содействие 1 тыс. беженцев, которые с огромным трудом пересекая пустыню, добрались до иорданской границы с целью получить разрешение разместиться в лагерях для беженцев из Ирака. Однако иорданские власти не склонны всем дать разрешение на пересечение иорданской границы. В связи с этим ДПИК обратилась за помощью в Верховную комиссию по беженцам ООН и Красный Крест.

Сложные обстоятельства, в которых оказались иранские курды, малоэффективная внутрирегиональная политика правительства ИРИ далеко не способствует прекращению борьбы курдов за свои права. Это дестабилизирует политическую ситуацию в западном Иране, осложняемую и нагнетанием напряженности вокруг ИРИ некоторыми европейскими средствами массовой информации. Нельзя не признать также, что мусульманское право, которым руководствуются иранские законодатели, не всегда согласуется с общепризнанными нормами международного права, также нуждающимся в усовершенствовании. Так, комиссия ООН по правам человека, работавшая в Иране, указывала на необходимость приведения в соответствие некоторых правовых норм, принятых в Иране, с нормами международного права.

Можно по-разному трактовать требования курдов: соглашаться с ними, критиковать или их отвергать. Вместе с тем, нельзя не признать новые оттенки в деятельности курдской оппозиции, связанные с реальностями сегодняшнего дня. Обвиняя некоторых иранских чиновников в преднамеренном распространении наркотиков среди курдской молодежи, ДПИК, призывает иранские власти к сотрудничеству в борьбе против этого зла в Иранском Курдистане. Ведь запретительные меры ведутся в других регионах страны. ДПИК также выступает с осуждением терроризма и требует начать коллективную борьбу за его искоренение. В одном из своих интервью А.Хасанзаде

четко определяет свое понимание терроризма и заявляет о необходимости объединения всех здоровых политических сил и государств в борьбе с этим злом. При этом он выражает сожаление, что не существует адекватных критериев в оценке государственного и оппозиционного терроризма. Разъясняя свою позицию, Хасанзаде сказал, что мировое общественное мнение осуждает террористические акты, осуществляемые оппозиционными группами внутри государств. В то же время он причисляет к государственному терроризму также насильственные действия некоторых государств в отношении оппозиционных вооруженных формирований, выступающих против политики государства. Очевидно, что Хасанзаде при этом имеет ввиду неудачные попытки ИРИ силовыми методами решить курдскую проблему. Доказывая неприемлемость подобных методов решения внутрирегиональных проблем, Хасанзаде вскрывает некоторые причины возникновения терроризма. Он видит его корни в угнетении и безысходности положения некоторых групп людей, которые вынужденно прибегают к терроризму и жестокости, чтобы нанести как можно больше потерь врагу без ущерба для себя. Чтобы искоренить это зло, считает Хасанзаде, следует «бороться с несправедливостью без партизанщины и фанатизма», не давать приверженцам терроризма возможность организовывать свои группировки среди угнетаемых и слабых. Следует перекрыть источники финансирования и поступления оружия и уничтожать места дислокации террористических тренировочных центров[6].

Все эти тенденции во внешнеполитической ориентации и практической деятельности в ДПИК свидетельствуют о некоторых позитивных сдвигах в ее идеологии и политике.

Между тем, затруднения, которые сейчас испытывает ИРИ, в своей региональной политике, заставляют Тегеран обратиться к сотрудничеству с курдской оппозицией с целью позитивного изменения своего имиджа в глазах мирового общественного мнения. Стимулом к этому послужили недавние события в Ираке, пребывание англо-американской армии на иракской территории и ее первые последствия, а также начало демократического урегулирования там внутриполитических проблем, в том числе и курдской. В сопредельном Ираке американское командование не игнорирует и вариант внутриполитического устройства страны на федеративной основе, с проектом которого выступают иракские курды. Отметим, что аналогичная программа выдвигалась в 1979 г. в Иране А.Касемлу, лидером ДПИК того времени. Но она была отвергнута, как противоречащая исламскому закону. В связи с событиями в Ираке в высших эшелонах власти ИРИ велись дискуссии. Среди видных политических лидеров появилось мнение о необходимости смягчения ирано-американских отношений. Одновременно в Тегеране вспыхнули волнения студенческой молодежи против президента С.М.Хатами, совсем недавно горячо поддерживавшегося ими. Для правящего режима шиитского духовенства

стала просматриваться реальная угроза подрыва его стабильности «изнутри». В числе наиболее серьезных и организованных носителей этой угрозы находится курдская оппозиция. В связи с этим начали предприниматься шаги для урегулирования курдского вопроса. Действительно, были установлены непрямые контакты с курдской оппозицией с целью начала переговоров по проблемам курдов. Представители иранских властей обратились к Курдскому Революционному союзу Курдистана (РСК) и некоторым другим курдским группировкам с предложением начать переговорный процесс. По словам Язданпана, РСК изучает это предложение. В случае согласия РСК будет настаивать на участии в переговорном процессе иностранных наблюдателей. Он ссылается на то, что среди высшего иранского руководства немало сторонников проведения консервативной внешней и внутренней политики[7]. Как известно, во время переговоров курдов с властями были убиты два руководителя ДПИК А.Касемлу (1989) и М.Шарифкинди (1992), и иранские курды естественно опасаются подобных рецидивов.

Политика ИРИ в регионе находится в тесном взаимодействии с ее внутрирегиональным курсом. Под воздействием внутренних и внешних факторов руководство ИРИ вынуждено корректировать свою внутрирегиональную политику. Нагнетание напряженности вокруг Ирана некоторыми зарубежными средствами массовой информации, антииранские выступления видных американских политических деятелей (например, К.Райс) и нестабильная ситуация в западных районах страны и другие обстоятельства побуждают иранское руководство к сближению с политическими силами, способными стать стратегическими партнерами ИРИ в случае ирано-американского политического или военного противостояния. Не случайно, Тегеран проводил многочисленные встречи и консультации с лидерами наиболее влиятельных политических группировок Ирака – лидерами иракских курдов М.Барзани и Дж.Талабани, главой иракских шиитов аятоллой М.Б.аль-Хакимом, претендующими на активное участие в государственном переустройстве Ирака. Несмотря на то, что штаб организации Верховный совет исламской революции в Ираке, возглавляемый аль-Хакимом, расположен в Тегеране, и она безусловно поддерживается Ираном, аль-Хаким преследует собственные цели, которые вряд ли согласуются с заинтересованностью иранской стороны. Эти сложности взаимоотношений различных политических сил региона и напряженность международной обстановки в Западной Азии побуждает Тегеран идти на сознательное сближение с оппозицией иранских курдов. На этот шаг его толкает не столько желание разрешить курдский вопрос в Иране мирным путем, сколько стремление Тегерана реально переломить ситуацию и достичь нормализации ирано-американских отношений. Уступчивость Тегерана, следовательно, является хорошо продуманным политическим ходом с целью реализации своей заинтересованности в регионе Западной Азии, разыгрывая курдскую карту.

[1] Арабаджян А.З. Армяне Ирана и «персисламский имперский комплекс» Хосрова Чакери. – М., 2002, с. 99–100.

[2] Iran after the revolution. Crises of an Islamic State. Ed.S.Rahmema, S.Behdad, – I.B.Tauris, L.-NY., 1996, c. 255–256.

[3] Kurdish party sets out terms for talks with Tehran. – http://www.pdk-iran.org/

[4] Там же.

[5] Stop the execution of Kurds in Iran. – East Bureau – Kurdistan National Congress (KNK).

[6] For further illumination of the perspectives and viewpoints of PDKI concerning terrorism. Interview with Abdulla Hasanzadeh, Secretary-general of PDKI. – http://www.pdk-iran.org/

[7] Tehran in Contact with Iranian Kurdish Groups: Kurdish official. – http://www.cogeco.co/-konuche/

А.Эпштейн[*] и Г.Меламедов

«ДВУНАЦИОНАЛЬНОЕ ЕВРЕЙСКОЕ» ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ АРАБОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ (к выводам Госкомиссии под председательством Теодора Ора)

1 сентября 2003 г. в Израиле был, наконец, опубликован отчет созданной еще в ноябре 2000 г. «Государственной комиссии по расследованию столкновений между силами безопасности и израильскими гражданами после 29 сентября 2000 г.». Замысловатое название Комиссии с трудом позволяет догадаться, что же именно ей было поручено расследовать: с какими «израильскими гражданами» «столкнулись» (и почему?) силы безопасности и почему по этому поводу нужно было создать специальную Государственную следственную комиссию. Однако речь, действительно, шла о событиях неординарных. В первых числах октября в ходе разгона массовых беспорядков, вспыхнувших среди израильских арабов сразу после объявления палестинцами 29 сентября 2000 г. о начале второй интифады (так называемой интифады Аль-Акса), погибли тринадцать человек. Отношения между евреями и арабами в Израиле в разные периоды были когда более, а когда менее спокойными. Однако осенью 2000 г. размах и накал антиизраильских выступлений в арабском секторе превзошел все демонстрации и забастовки, случавшиеся прежде (до этого наиболее массовыми были демонстрации в День земли, провозглашенный израильскими арабами в 1976 г.; тогда в столкновениях с силами правопорядка погибли семь демонстрантов). На контролируемых территориях, жители которых не имеют израильского гражданства, подобные, и даже еще более напряженные, события давно стали частью привычной социально-политической реальности, но в самом Израиле, в пределах «зеленой черты» акций протеста такого масштаба не случалось, пожалуй, никогда. Десятки тысяч демонстрантов перекрыли важнейшие шоссейные дороги на севере страны, создали угрозу безопасности химических предприятий, забрасывали полицейских и гражданских лиц камнями и бутылками с зажигательной смесью. Уже в первые два дня беспорядков погибли девять израильских арабов, всего же в первые восемь дней октября погибли четырнадцать человек: тринадцать арабов были убиты огнем сил полиции, а один человек по-

[*] Доктор философии, Институт «Шалем» (Иерусалим).

гиб, когда его машина была атакована арабскими демонстрантами[1]. И без того хрупкие отношения между еврейским большинством и арабским меньшинством в Израиле в тот момент поставили страну на грань гражданской войны.

Крах переговоров в Кемп-Дэвиде в июле 2000 г. рассматривался многими политическими обозревателями как прелюдия к новому витку эскалации арабо-израильского противостояния. На протяжении двух последующих месяцев Э.Барак и Я.Арафат не встречались между собой. Однако несмотря на фиаско изнурительных переговоров в Кемп-Дэвиде американская администрация продолжала инициировать дальнейшие контакты между израильскими и палестинскими лидерами в надежде, что они смогут прийти к соглашению. 25 сентября 2000 г. Э.Барак принял Я.Арафата в своем доме в поселке Кохав-Яир, где живут многие отставные военные (изначально встреча должна была состояться в доме М.Аббаса, но была перенесена); встреча была охарактеризована как «плодотворная»[2]. Однако в четверг 28 сентября, после посещения тогдашним лидером оппозиции А.Шароном Храмовой горы, палестинские руководители приняли решение о начале нового витка антиизраильского вооруженного восстания. Палестинские руководители полагали, что уровень деморализованности израильского общества достиг критической отметки, и что новая волна террора заставит кабинет Э.Барака пойти на дальнейшие значительные уступки в ходе переговоров, согласившись на полное отступление Израиля к границам 1967 г. Палестинские лидеры едва ли представляли себе, что вторая интифада продлится не месяцы, а годы, и что их партнерами по переговорам будут не Э.Барак и Б.Клинтон, а А.Шарон и Дж.Буш. События развивались иначе, чем предполагали в тот момент все вовлеченные в конфликт и переговорный процесс стороны.

Следует отметить, что в ходе первого витка интифады (в 1987–1993 гг.) израильские арабы, в подавляющем большинстве своем, не были вовлечены в активные антигосударственные действия, кроме, пожалуй, проводимых ежегодно с 30 марта 1976 г. акций протеста против отчуждения арабских земель для нужд государственного развития (прежде всего, расширения транспортной инфраструктуры и создания новых населенных пунктов). Через двенадцать дней после начала интифады (9 декабря 1987 г.) израильские арабы объявили 21 декабря однодневную всеобщую забастовку, не переросшую в массовые насильственные действия. Однако в сентябре 2000 г. ситуация изменилась: уже в первый день второй интифады депутат Кнессета Абдул-Малик Дехамше заявил: «Мы приложим все усилия для того, чтобы арабские граждане Израиля мобилизовались на спасение мечети Аль-Акса»[3]. После пятничной молитвы мусульман на Храмовой горе 29 сентября тысячи арабов стали забрасывать израильских полицейских камнями; начальник полиции Иерусалимского округа

Я.Ицхаки был ранен в голову, потерял сознание и был госпитализирован. Силы полиции открыли огонь для разгона демонстрантов; семь человек погибли. После этого беспорядки распространились на отдельные районы Восточного Иерусалима, Бейт-Лехема (Вифлеема), Шхема (Наблуса) и Дженина. При разгоне этих демонстраций 29–30 сентября еще несколько палестинских арабов были убиты.

Пик демонстраций, организованных арабскими гражданами страны, пришелся на 1–2 октября. Около десяти часов утра 1 октября отряд израильской полиции под командованием бригадного комиссара И.Соломона был блокирован в одной из деревень Западной Галилеи. Когда полицейские сочли, что ситуация выходит из под контроля и угрожает их жизням, они открыли огонь, в результате чего шестьдесят человек получили ранения; погибших в том инциденте не было. Однако в тот же день беспорядки охватили практически все арабские населенные пункты севера Израиля. Демонстрации в городе Умм аль-Фахм отличались особым размахом; в них принимал участие и мэр города, руководитель Северного крыла Исламского движения шейх Раад Салах (арестованный 13 мая 2003 г. и судимый в настоящее время по ряду обвинений, в том числе – в духовной, организационной и финансовой поддержке палестинских террористических организаций и контактах с представителями иранских спецслужб)[4]. При разгоне этих демонстраций два человека погибли. В Назарете демонстранты разгромили местное отделение банка «Ха'поалим» и сети универсальных магазинов «Ха'машбир ле'цархан». Внушительные антиизраильские демонстрации прошли также в Яффо, где арабы забрасывали камнями и бутылками шоссе, связывающее Тель-Авив и его южный пригород Бат-Ям, и на юге страны. Комиссия глав арабских местных советов объявила о всеобщей забастовке в арабском секторе и об объявлении 2 октября днем траура по погибшим в городе Умм аль-Фахм демонстрантам. Весь следующий день в Умм аль-Фахме, Кфар-Кане, Кфар-Касеме, Акко, Яффо, Назарете и других городах продолжались беспорядки, движение на многих транспортных артериях было приостановлено, были полностью блокированы въезд в еврейский город Нацрат-Илит и в промышленную зону города Рош-ха'айн. Демонстранты громили светофоры и линии электропередач, забрасывали камнями жилые дома в еврейских населенных пунктах и проезжавшие по шоссе машины. При разгоне этих демонстраций погибли шесть арабских граждан в возрасте от 17 до 25 лет; многие были ранены. Беспорядки и погромы продолжались и 3 октября; в этот день погиб еще один человек, еще один был ранен и умер день спустя. По всей стране прокатилась волна поджогов лесных массивов. В демонстрациях и акциях протеста приняли участие и друзы, живущие на Голанских высотах, и бедуины, живущие в пустыне Негев, а также палестинцы на контролируемых территориях.

После заключения в 1993 г. соглашения между правительством Израиля и ООП и дальнейшего продвижения переговорного процесса между сторонами израильские арабы оказались в крайне непростом положении, выражаясь словами профессора социологии Хайфского университета Маджеда аль-Хаджа, «дважды на периферии»: большинство израильтян считают, что сделанных палестинцам уступок более чем достаточно и не готовы на какие-либо дополнительные шаги в сторону признания коллективных прав израильских арабов, палестинские же лидеры, вернувшиеся на территории после десятилетий жизни в странах диаспоры, зачастую относятся к израильским арабам как к живущей бок о бок с «сионистским врагом» «пятой колонне», пренебрегающей национальными интересами»[5]. Вероятнее всего, именно стремлением добиться реабилитации в глазах палестинских лидеров во многом объясняется активное участие израильских арабов во вспыхнувших беспорядках.

Однако далеко не все руководители Палестинской администрации были в восторге от подобной активности арабских граждан Израиля. Так, один из руководителей ООП М.Аббас (Абу Мазен), ставший впоследствии (на сравнительно короткий срок) премьер-министром Палестинской Национальной администрации, выступил впоследствии с резкой критикой массовых антиизраильских выступлений израильских арабов. По его словам, эти выступления «заставили израильтян думать, что арабские граждане нелояльны государству, и из-за этого в будущем будет значительно труднее убедить израильских лидеров согласиться на возвращение палестинских беженцев»[6]. Парадоксальным образом, участие израильских арабов в интифаде еще более способствовало их блокированию в ситуации «двойной периферии». Как отмечают израильские политологи Г.Фриш и А.Блай (который был в 1990–1992 гг. советником премьер-министра Израиля по вопросам арабского сектора), в последние годы «палестинский израильский национализм» все больше формируется как обособленное идейно-политическое течение, имеющее лишь ограниченные точки соприкосновения с националистическими движениями палестинских арабов Западного берега и сектора Газа. В то время как лидеры Палестинской администрации концентрируют свои усилия преимущественно на борьбе за создание независимого Палестинского государства, для израильских арабских политиков, не собирающихся переселяться в это государство даже если (и когда) оно будет создано, как минимум, не меньшее значение имеет обеспечение политических, экономических и культурных прав арабских граждан в Израиле[7]. Что же касается возвращения палестинских беженцев, то если для палестинских лидеров это требование имеет, прежде всего, символическое значение и его целью во многом является ликвидация Израиля как еврейского государства «демографическим путем» (и в этой связи палестинские лидеры настаивают на возвращении беженцев и их потом-

ков в Израиль, почти не уточняя, куда именно), израильские арабы, в большинстве своем, относятся к этой проблеме куда более конкретно и требуют возвращения беженцев и их потомков именно в те города, деревни и даже дома, которые были оставлены ими пятьдесят пять лет назад[8]. Несмотря на то, что для подавляющего большинства израильтян оба подхода абсолютно неприемлемы практически в равной мере, важно отметить существенную разницу между ними. Радикальный национализм израильских арабов все больше отличается от национализма палестинцев.

Вечером 3 октября премьер-министр Израиля Э.Барак встретился с членами Комиссии глав арабских местных советов и призвал их прекратить беспорядки. Он также пообещал создать независимую комиссию во главе с судьей для расследования действий полиции, повлекших за собой значительные человеческие жертвы среди арабских граждан Израиля. После встречи с Э.Бараком председатель Комиссии М.Зейдан заявил: «Мы выразили свой протест, и заплатили за это тяжелую цену. Сейчас мы хотим вернуться к нормальной жизни». В отдельных местах акции протеста продолжались до 8 октября (в Назарете от огня полиции погибли еще два человека, в Старом городе в Иерусалиме было атаковано и подожжено отделение полиции), но, как казалось, ситуация внутри «зеленой черты» в целом постепенно вернулась» в более или менее приемлемое русло.

Собственно, масштабы кризиса во взаимоотношениях между еврейским и арабским секторами стали ясны несколько позднее, когда арабы объявили – и осуществили – свою угрозу в массовом порядке бойкотировать прямые выборы главы правительства. На всем протяжении израильской истории, в ходе пятнадцати парламентских кампаний, процент арабских граждан, принимавших участие в выборах составлял от 69% (в 1949 г.) до 91% (в 1955 г.)[9]. В ходе выборов 1984 и 1988 гг. проголосовали 74% израильских арабов, в 1992 г. – 70%, в 1996 г. – 77%, в 1999 г. – 75%. В состоявшихся 6 февраля 2001 г. впервые в истории страны отдельно от парламентских прямых выборах премьер-министра приняли участие менее четверти израильских арабов, причем более 30% из них опустили в избирательные урны белые бюллетени. Общественные деятели арабского сектора подчеркивали, что бойкот выборов выражает их глубокое разочарование политической и правоохранительной системами Государства Израиль[10]. В день выборов в арабских населенных пунктах разъезжали автомобили с черными флагами, на которых были помещены фотопортреты демонстрантов, погибших в первых числах октября 2000 г.

Следует отметить, что к началу октября 2000 г. правительство Э.Барака уже функционировало как правительство меньшинства. На протяжении трех предшествующих месяцев коалицию покинули партии «Исраэль ба'алия» во главе с Натаном Щаранским, Национально-религиозная партия, движение «Гешер» во главе с Д.Леви и сефард-

ская религиозная партия ШАС. Коалиция Э.Барака продолжала функционировать лишь опираясь на поддержку извне депутатов от Коммунистической и арабских националистических партий. Прекращение этой поддержки заставило премьер-министра объявить 5 ноября 2000 г. о проведении досрочных выборов, которые были назначены на 6 февраля 2001 г. Следует отметить, что изначально Э.Барак не предполагал наделять обещанную им независимую следственную комиссию статусом «Государственной комиссии по расследованию», намереваясь как можно скорее закрыть эту тяжелую главу во взаимоотношениях израильских граждан еврейской и арабской национальностей. Однако когда арабы объявили о бойкоте намеченных выборов, Э.Барак, крайне нуждавшийся в их голосах (на выборах 1999 г. среди арабов, друзов и бедуинов его поддержали более 94% избирателей, принявших участие в голосовании), объявил в середине ноября о создании именно полномасштабной Государственной комиссии по расследованию столкновений между силами безопасности и израильскими арабами в начале октября 2000 г. Следует отметить, что за всю историю Израиля государственные комиссии подобного рода создавались крайне редко, но их отчеты всегда оказывали огромное влияние на политическую жизнь страны. Достаточно вспомнить те общественные бури, которые вызвали после их обнародования отчеты созданной после Войны Судного дня Государственной комиссии во главе с судьей Ш.Агранатом и созданной после резни в Сабре и Шатиле Государственной комиссии во главе с судьей И.Каханом. Однако надеясь переломить те настроения, которые на тот момент доминировали в арабском секторе, Э.Барак все же назначил Государственную комиссию по расследованию во главе с судьей Верховного суда Т.Ором. Многие в Израиле и тогда, и впоследствии категорически возражали против создания подобной комиссии, утверждая, что силы безопасности и правопорядка действовали адекватно обстоятельствам, и расследовать тут нечего[11], однако Э.Барак не изменил (да и не мог изменить) свое решение. Кроме 66-летнего (на момент назначения) судьи Т.Ора в состав Комиссии были включены 67-летний профессор-востоковед Ш.Шамир, бывший посол Израиля в Египте и в Иордании, и 68-летний судья Назаретского окружного суда Д.Сахаль (как представитель арабского сектора)[12]. В 2001 г. Д.Сахаль покинул Комиссию, мотивируя свой уход ухудшением состояния здоровья. На его место был назначен 60-летний (на тот момент) судья Х.Хатыб. Х.Хатыб долгие годы работал адвокатом, в 1994 г. был назначен судьей Мирового суда в Акко, а в 2000 г. – судьей Окружного суда в Назарете[13]. В этом составе (Т.Ор, Ш.Шамир и Х.Хатыб) Комиссия проработала до конца августа 2003 г.

По большому счету, в рамках своих полномочий расследовать Комиссии было особенно нечего. Средства массовой информации своевременно и подробно освещали, что и как происходило на улицах

израильских арабских городов в октябре 2000 г. И факт подстрекательских выступлений арабских лидеров, и среди них – мэров городов и депутатов Кнессета, и имевшие место массовые выступления протеста, сопровождавшиеся многочисленными актами насилия, и использование полицией оружия для разгона демонстрантов и восстановления правопорядка были засняты на сотни метров кино- и фотопленки, описаны в выходивших по горячим следам в печатных и электронных СМИ сводках новостей. Установить что-то принципиально новое (например, как именно погибли убитые демонстранты) было заведомо невозможно из-за отказа родственников погибших разрешить эксгумацию трупов. В этих условиях члены Комиссии сосредоточили свою работу на двух основных вопросах.

Во-первых, было ли готово политическое руководство страны к массовым беспорядкам в арабском секторе и были ли приняты заблаговременно необходимые меры? (Ответ Комиссии гласит: подобные беспорядки были вполне ожидаемы, и политическое руководство проявило непозволительную беспечность, не подготовившись к ним адекватным образом).

Во-вторых, какими именно инструкциями, касающимися применения оружия при разгоне демонстраций гражданского населения (как в арабском, так и в еврейском секторах), руководствуются силы правопорядка, и адекватны ли они существующей социально-политической реальности?

В ходе допроса полицейских Комиссия не только обнаружила значительные расхождения в их показаниях, но вынуждена была констатировать элементарное незнание ими характеристик используемого ими оружия. Комиссия отметила, что для разгона демонстраций гражданского население использование военного снаряжения было недопустимым, подчеркнув при этом, что часть демонстрантов погибла от резиновых пуль, использование которых в отдельных крайних случаях признается возможным. Кроме того, члены Комиссии посвятили значительную часть своего 800-страничного отчета проблемам взаимоотношений населения еврейского и арабского секторов в Израиле в целом, пытаясь выработать рекомендации для восстановления нарушенного в октябре 2000 г. статус-кво. Следует подчеркнуть, что проблема взаимоотношений еврейских и арабских граждан «двунационального еврейского» Государства Израиль, представляет собой одну из самых злободневных проблем в настоящее время. Демографические тенденции таковы, что численность арабского населения увеличивается значительно быстрее, чем в других секторах и группах израильского общества. Для сохранения Государства Израиль чрезвычайно важно выработать взвешенную и эффективную политику в отношении арабского сектора.

Следует отметить, что израильские арабоязычные граждане (в данном случае речь не идет о евреях – выходцах из арабских стран)

не являются гомогенной общностью ни с национальной, ни с религиозной точек зрения; территориально они проживают в различных районах страны. Как сообщило Центральное статистическое бюро Израиля в сентябре 2003 г., в стране насчитывалось 6 млн. 716 тыс. жителей. Среди них 5143 тыс. евреев (76,6% от общего населения Израиля), 1291 тыс. арабов (19,2%) и 282 тыс. чел. других национальностей (4,2%). Среди арабоязычных граждан крупнейшими группами являются арабы-мусульмане (1063 тыс. чел.), арабы-христиане (120 тыс. чел.) и друзы (108 тыс. чел.)[14]. При этом естественный рост мусульманского населения, достигающий 3,6% в год, почти в два раза превышает средний общеизраильский показатель (1,9%) и почти в три – рост населения в еврейском секторе (1,4%). В 2002 г. у матерей-мусульманок родилось 35 тыс. детей – 26% от общего числа новорожденных в Израиле. В среднестатистической арабской семье 4,7 ребенка, а в еврейской – ровно в два раза меньше. По данным на 31 декабря 2001 г., 210,9 тыс. мусульман проживают в Иерусалимском округе (из них 203,5 тыс. – непосредственно в Иерусалиме), 11,3 тыс. – в районе Тель-Авива – Яффо, 145,5 тыс. – в Хайфе и окрестностях, 399,4 тыс. – в Галилее, 122,1 тыс. – в Негеве, 115,3 тыс. – Центральном округе, преимущественно – в городах так называемого «треугольника». Крупнейшими собственно арабскими городами в пределах «зеленой черты» являются Назарет (40,4 тыс. мусульман), Умм аль-Фахм (36,7 тыс. мусульман), Рахат (32,4 тыс. мусульман), Тайбе (29,5 тыс. мусульман), Тамра (23,2 тыс. мусульман) и Сахнин (20,8 тыс. мусульман)[15]. Среди арабов-мусульман отдельную этнокультурную группу составляют бедуины, (более 170 тыс. чел.), 110 тысяч из них живут в Негеве. Политолог Д.Зисерман считает, что бедуины Негева – самая дискриминируемая группа арабского населения в стране, отличающаяся наиболее радикальными антиизраильскими взглядами: так, в ходе социологического опроса в 1995 г. 42,5% бедуинов Негева заявили, что не признают право Израиля на существование в качестве еврейского государства, в то время как в среднем в арабском секторе такую позицию тогда заняли 35% опрошенных[16]. Эти данные разительно контрастируют с повсеместно подразумеваемой лояльностью бедуинов Государству Израиль и их готовностью служить в израильской армии (в ЦАХАЛе во время прохождения присяги новобранцы-бедуины приносят клятву не на ТАНАХе, а на Коране). Несмотря на ряд общих характеристик, их очевидную языковую и социокультурную общность, арабоязычные граждане разных национальностей, различного вероисповедания и различной степени религиозности заметно отличаются друг от друга.

Так, по уровню образования и некоторым другим показателям арабы-христиане превосходят мусульман. По данным опроса тысячи двухсот арабоязычных граждан Израиля, проведенного под руководством

профессора Хайфского университета Сами Самухи и его коллеги Асада Ганема несколько лет назад, среди христиан образование выше среднего имеют почти 34%, среди мусульман – 14%, среди друзов – 9,5%. К состоятельной группе населения относится 21% христиан, в то время как у мусульман – менее 8%, у друзов – чуть больше 5%. Жилищные стандарты христиан тоже лучше, чем у двух других групп. 41% христиан живут в условиях, когда на одного человека приходится одна комната или больше; у мусульман в таких условиях живет 21% (в два раза меньше)[17].

Христиане придерживаются более светских взглядов. Более 82% из них считают себя «частично религиозными» или совсем нерелигиозными. У мусульман и друзов этот показатель практически одинаков и составляет 64–65%. 93% христиан не одобряют разделение мужчин и женщин во время публичных мероприятий (среди мусульман – 64%, среди друзов – 53%). 28,5% христиан допускают, что незамужняя арабская девушка может иметь бойфренда. Среди мусульман и друзов такое мнение разделяют всего лишь 9–11% опрошенных[18].

Относительно высокий уровень жизни, модернизированность и открытость приводят к тому, что христиане чаще селятся в городах с преимущественно еврейским населением, чаще вступают с евреями в отношения экономической и социальной конкуренции. Соответственно, они чаще сталкиваются с проявлениями дискриминации. В результате, христианский сектор находится на втором месте по накалу антиизраильских настроений – существенно меньше, чем мусульмане, но больше, чем замкнуто живущие друзы[19].

Значительные различия в электоральных предпочтениях граждан Израиля – арабов, друзов и бедуинов до начала «процесса Осло» и в настоящее время видны из приводимой ниже таблицы.

Электоральные предпочтения граждан Израиля – арабов, друзов и бедуинов (1992 и 2003 гг.),
в % поданных голосов[20]

Уровень поддержки партий среди…	…национальных меньшинств в целом		…друзов		…бедуинов	
	1992	2003	1992	2003	1992	2003
Правые и религиозные партии «еврейского сектора»	19,3	8,8	45,0	36,0	28,4	11,3
Партия Труда и левые партии «еврейского сектора»	30,0	17,9	37,3	41,5	29,2	19,6
Коммунистическая партия	23,4	26,8	7,2	10,9	2,8	9,6
Арабские националистические партии	24,3	44,7	3,4	10,3	37,6	55,6
Другие списки	3,0	1,8	7,1	1,3	2,0	3,9

Из представленной таблицы видно, что арабоязычные граждане страны значительно отличаются по их отношению к Государству Израиль, его настоящему и будущему. Так, подавляющее большинство друзских избирателей голосовало и продолжает голосовать за преимущественно сионистские партии, как «левой», так и «правой» ориентации (82,3% – в 1992 г., 77,5% – в 2003 г.). Среди бедуинов доля сторонников сионистских партий существенно снизилась за последнее десятилетие, но остается значительной (57,6% – в 1992 г., 30,9% – в 2003 г.). Огульное зачисление всех представителей национальных меньшинств в лагерь заведомых врагов Израиля представляется большой ошибкой.

Очевидно, корни сегодняшних проблем в арабо-еврейских отношениях уходят в первые годы существования Израиля, когда были заложены принципы государственной политики на «арабском направлении». Большинство исследователей, оценивая политику израильского правительства по отношению к арабскому меньшинству в первые годы существования государства, согласны друг с другом в том, что эта политика строилась на сочетании двух основных принципов: интересы безопасности и соблюдение гражданского равноправия. Два указанных принципа часто противоречили друг другу, и практически всегда в этом конфликте приоритет отдавался соображениям безопасности. При этом, выражаясь словами Э.Рекхеса, «ни соображения безопасности, ни либеральные взгляды не доминировали настолько, чтобы исключать друг друга»[21]. При этом следует подчеркнуть, что основной заботой Д.Бен-Гуриона была безопасность Израиля, с особым акцентом на обеспечение еврейского характера государства. После окончания Войны за независимость он не рассматривал Израиль как еврейско-арабскую общность, как какую-либо форму двунационального государства. Для него Израиль являлся не столько государством всех своих граждан, вне зависимости от их национальности, сколько государством евреев всего мира, вне зависимости от места их проживания в настоящее время[22].

За прошедшие с тех пор годы у арабских граждан накопилось немало претензий к органам государственной власти. Доктор А.аль-Манна, руководитель программы по исследованию арабского общества в Израиле в иерусалимском институте Ван Лир, выделяет несколько блоков социальных проблем, которые, по его мнению, израильское правительство не пытается решить.

Первый блок связан с жилищной проблемой. В арабских городах и деревнях наблюдается большая скученность населения, а правительство отказывается в достаточном объеме финансировать инфраструктуру существующих населенных пунктов или строить новые, в то время как «для евреев постоянно строится новое жилье». Второй блок – проблема безработицы, «так как большинство земель, на которых раньше работали крестьяне этих деревень, отчуждено [автор

использует слово «конфисковано»], а альтернативные рабочие места не были созданы». Третий – проблема образования. А.аль-Манна указывает на неравенство между евреями и арабами с точки зрения уровня подготовки учителей, выделяемого количества учебных часов, наличия в школах психологов, медсестер и социальных работников. В результате, уровень подготовки арабских школьников низок, и доля арабских студентов в израильских университетах составляет всего 7% (в то время как арабы составляют 21% населения Израиля).

От сугубо социальной проблемы качества образования А.аль-Манна переходит к более политизированной теме. По его словам, «арабские школьники обязаны изучать ТАНАХ и сдавать по нему экзамен на аттестат зрелости, но не могут сдавать подобный экзамен на знание ислама или христианства; они обязаны изучать творчество Х.-Н.Бялика, но не могут изучать палестинскую арабскую поэзию; еврейскую историю – да, но историю других народов – почти нет, а палестинцев – вообще нет».

Далее, следуют выводы. «Сегодня арабская молодежь Израиля испытывает трудности с самоопределением. Государство, путем жесткого контроля над учебными программами, пытается отнять у ребенка представление о том, что он – араб и палестинец, ничего не предлагая взамен. Можно воспитывать ученика в системе ценностей иудаизма и сионизма, в представлении о том, что он – гордый гражданин еврейского государства, но при первом же столкновении с существующим в реальности неравноправием, эта гражданская самоидентификация рассыпается в прах. И тогда, в поисках ответа на вопрос о самоопределении, подросток обращается к неконтролируемым источникам информации о политических и национальных движениях, об исламе и других темах, о которых запрещено или нежелательно разговаривать в школе».

И, наконец, главный вывод: «Ты стремишься стать полноправным гражданином, почувствовать свою причастность к жизни страны, а тебе говорят: это – еврейское государство, и для него хорошо только то, что хорошо для евреев. И ты начинаешь понимать, что твои проблемы в этой стране – экономические, юридические, политические – не случайны, они – не результат запущенности, а результат сознательного стремления оттеснить тебя к краю, не дать тебе развиваться. Но другой-то страны у тебя нет. Я думаю, самая болезненная проблема израильских арабов – именно отсутствие чувства причастности к жизни страны», – завершает А.аль-Манна[23].

В работе С.Самухи и А.Ганема «Этнический, религиозный и политический ислам в среде арабов в Израиле», приводятся следующие цифры: от 51% до 69% арабов (в зависимости от принадлежности к разным религиозно-политическим стратам) считают, что, вне зависимости от прикладываемых ими усилий, они не смогут найти работу, соответствующую их уровню образования и квалификации; от 54% до

81% опрошенных недовольны состоянием учреждений образования и культуры в их городах и деревнях[24].

Отношение евреев к своим арабским согражданам с самого начала определялось недоверием. Даже после отмены в 1966 г. режима военных администраций в арабских районах, и несмотря на регулярное участие арабских партий в парламентских выборах, государственная политика в отношении арабов строилась исходя из предположения об имманентно присущем им «конфликте ментальностей», то есть противоречии между самоидентификацией с Израилем и с арабским миром. Так, согласно опросу, проведенному в 1995 г., в период после заключения мирного соглашения с Иорданией и ряда промежуточных соглашений об урегулировании конфликта с ООП, 31% евреев отрицали право арабов голосовать на выборах в Кнессет; 32,5% заявляли, что одобрили бы практику усиления надзора за большинством арабов в Израиле; почти 37% полагали, что Израиль должен использовать любую возможность для поощрения арабов к выезду из страны[25]. Очевидно, что в последние годы, когда часть израильских арабов приняла участие в интифаде, когда арабские депутаты стали все чаще выступать с провокационными антиизраильскими заявлениями, когда около ста арабов-граждан страны были арестованы за пособничество террористам, отношение к ним со стороны еврейского большинства только ухудшилось. Негативное отношение к израильским арабам со стороны израильского политического истеблишмента, непонимание их подлинных нужд со стороны лидеров Палестинской национальной администрации, безразличие со стороны лидеров арабских стран и западного мира, – все это ставит арабское меньшинство Израиля в крайне тяжелое положение.

В этой ситуации исламизм оказывается едва ли не единственной силой, которая предлагает израильским арабам некий способ решения их проблем. При этом исламизм перемещает конфликт из секулярной сферы в религиозную и, тем самым, только затрудняет его разрешение. Крайне важно и то, что исламистская идеология полностью оставляет за бортом проблемы арабов-христиан и друзов, чьи интересы, таким образом, совсем отодвигаются на задний план. Так, более 62% опрошенных в 1995 г. израильских арабов-мусульман заявили, что, по их мнению, исламское движение действительно выражает интересы арабов Израиля. Среди арабов-христиан и друзов такого мнения придерживаются только менее четверти опрошенных (24% арабов-христиан и 21% друзов). 48% арабов-мусульман выразили готовность голосовать за исламский список на местных выборах[26]. Рост популярности исламского движения способствовал как радикализации позиций политиков из других арабских партий, обеспокоенных возможной утратой голосов, так и появлению на общеизраильской политической арене арабских общественных деятелей, фактически не признающих права Государства Израиль на существо-

вание. Израильский политолог Д.Шифтан в статье «Палестинский вызов еврейскому государству (новая идеология арабских политиков)» указывает, что в течение длительного времени в арабской элите существовало понимание: будущее арабского меньшинства зависит от того, насколько оно примет основные принципы проживания в еврейском государстве[27]. В последние годы ситуация изменилась: антиизраильские настроения стали преобладающими в арабском секторе. По словам Д.Шифтана, «Ни для кого не секрет, что в настоящее время ни один представитель арабской общины в Израиле не может надеяться на поддержку общественности, не объявив борьбу против Израиля главным пунктом своей политической программы»[28]. В позициях таких известных арабских деятелей как депутаты Кнессета А.Бишара, А.Тиби, М.Бараке, А.М.Дехамше заметна все растущая готовность пропагандировать самые радикально антиизраильские взгляды. Можно вспомнить множество демонстративных заявлений представителей арабской израильской элиты о своей преданности Я.Арафату, их широко рекламируемых встреч с лидерами террористических организаций «Хизбалла» и «Хамас». На основании этих данных Д.Шифтан делает вывод о том, что «руководство арабской общины в Израиле считает полный отказ Израиля от контролируемых территорий, ликвидацию поселений и основание Палестинского государства лишь первыми шагами в куда более амбициозном проекте по полному уничтожению еврейского характера Государства Израиль»[29]. Подобные настроения присущи не только политической элите: по данным социологических опросов, количество арабов, согласных с определением себя в качестве «израильтян», за период с 1995 по 1999 гг. снизилось с 63% до 33%; доля арабских граждан, испытывающих бóльшую близость к евреям Израиля, чем к палестинцам на Западном берегу и в Газе, упала с 50% в 1995 до 35% в 2001 г. Почти на 11% выросла доля арабов, отрицающих право Израиля на существование в качестве еврейского государства, на 9% – отрицающих право Израиля на существование вообще. Опрос, проведенный в 2001 г., показал высокую степень вовлеченности арабских граждан в события интифады Аль-Акса: 43% опрошенных признали, что участвовали хотя бы в одной из демонстраций протеста[30].

Даже те исследователи, которые склонны преувеличивать лояльность арабского меньшинства, вынуждены признавать, что за последние годы его отношение к государству заметно ухудшилось. Закономерен вопрос, возможна ли обратная инверсия. Существует ли определенный «порог насыщения», дойдя до которого происходящие в настоящее время процессы палестинизации, исламизации и демодернизации арабского сектора изменят вектор развития и обратятся в свою противоположность?

Представляется, что резерв противостояния исламизму в среде арабов-мусульман достаточно велик. Он может увеличиться под воз-

действием двух важных факторов. Первый – как ни парадоксально, создание Палестинского государства, которое не сможет и едва ли захочет помогать израильским арабам в таких вопросах, как борьба против дискриминации на рынке труда или создание культурной автономии. Вызванное этим разочарование может приблизить тот «порог насыщения», за которым маятник снова качнется от «палестинизации» к «израилизации». Второй (и главный) – продуманная политика израильского правительства по усилению позиций арабов, не поддерживающих радикальный исламизм.

Из всех существующих предложений по изменению политики правительства Израиля в отношении арабского меньшинства, – от самых воинственных до самых либеральных, – можно выделить три, которые предполагают кардинальные системные изменения. Это, с одной стороны, трансфер арабов, введение военного режима в местах компактного проживания арабов и, с другой, – отказ от еврейского характера государства и превращение его в «гражданское государство всех своих граждан». Все эти предложения, очевидным образом, представляются нереальными. Однако помимо «системных» решений, существуют и решения ситуативного характера, и здесь у израильского политического истеблишмента имеется ряд весьма перспективных возможностей. Необходимо недвусмысленно провести отчетливую границу между жестким противостоянием антигосударственной деятельности исламских и иных радикальных организаций и обеспечением равных прав и возможностей для тех арабских граждан, которые лояльны по отношению к Израилю.

Сегодня ситуация, к сожалению, обратная: израильские арабы как нечто единое воспринимаются большей частью населения страны как досадная обуза. Достаточно сказать, что за всю историю Государства Израиль ни один представитель арабского меньшинства не входил в состав правительства, а в нынешнем составе Кнессета – кстати, впервые за многие годы, ни в одной из неарабских партий, в том числе в Партии Труда и в леворадикальном блоке МЕРЕЦ, нет депутатов от арабского сектора.

До 1970 г. даже друзы и черкесы, служившие в израильской армии, не могли стать членами правящей партии МАПАЙ (партии Труда); арабов в партию Труда начали принимать лишь после 1973 г. Впервые арабский политик стал членом Кнессета от партии Труда лишь в 1981 г.: им был учитель и профсоюзный активист мусульманин Х.Хилайли. В 1984 г. по списку партии Труда в Кнессет прошел также лишь один представитель национальных меньшинств (Абд эль-Ваххаб Дарауше), в 1988 г. – опять лишь один (Н.Масальха), в 1992 г. прошло три человека (мусульманин Н.Масальха, христианин Х.Хадад и друз С.Тариф), в 1996 г. – два (Н.Масальха и С.Тариф), в 1999 г. – вновь Н.Масальха и С.Тариф. В 2003 г. партия Труда получила только 19 мандатов, и ни один из

представителей национальных меньшинств по ее списку не прошел – впервые с начала 80-х годов.

В леворадикальной партии МАПАМ (с 1992 г. она растворилась в блоке МЕРЕЦ) начиная с выборов 1951 г. всегда избирался один (и никогда не больше) араб-христианин или мусульманин. Исключение составил лишь Кнессет 9-го созыва (1977–1981 гг.), когда депутата-араба в списке МАПАМ не было. В МЕРЕЦе также всегда был один «образцово-показательный» араб: вначале В.Садек, а потом – Х.Джебара – первая арабская женщина-депутат Кнессета. Тот факт, что на последних выборах блок МЕРЕЦ получил лишь 6 мандатов, оставил экс-депутата Х.Джебару за порогом Кнессета. Теперь и в МЕРЕЦе нет депутатов-арабов.

В 1977 г. в Кнессет прошло леворадикальное движение Шели (получило два мандата). Одним из их депутатов был уже упоминавшийся В.Садек. В центристской партии Даш в 1977–1981 гг. из пятнадцати депутатов было два друза: З.Атаси и Ш.Асад. З.Атаси был избран еще раз по списку «Шинуя» (наследника партии Даш) в 1984–1988 гг. Больше представителей национальных меньшинств среди депутатов от центристов не было и нет.

В Ликуде никогда не было депутатов-арабов; в 1977, 1981 и 1984 гг. от Ликуда избирался друз А.Н.аль-Ядин, в 1992 г. – друз А.Асад, в 1999 г. – друз А.Кара, в 2003 г. от Ликуда прошло два друза (М.Вахаба и А.Кара). Больше депутатов от национальных меньшинств в правых и правоцентристских партиях не было.

В израильском правительстве никогда не было министров-арабов; Э.Барак в 1999 г. в первый (и пока в последний) раз назначил министром друза. С.Тариф – депутат от партии Труда – стал министром без портфеля. Начиная с 1971 г., когда депутат от МАПАМ араб-мусульманин Абд аль-Азиз Зуаби был назначен заместителем министра здравоохранения, на должностях заместителей министра работали несколько представителей национальных меньшинств.

С подобной дискриминацией едва ли можно и нужно мириться. Важным шагом в направлении «израилизации» арабской политической элиты могло бы стать стимулирование политиков-арабов баллотироваться через израильские партии, в то время, как сейчас большинство арабов-депутатов Кнессета избирается по отдельным «сепаратным» спискам. Конечно, Азми Бишара или Абд аль-Ваххаб Дарауше вряд ли захотят и вряд ли будут приняты в ведущие израильские партии, но те арабские политики, кто не скомпрометировал себя антиизраильскими действиями, получат хороший шанс. Особенно большие возможности такая политика даст молодым арабским лидерам, которые мечтают потеснить сегодняшнюю элиту. Во всяком случае, если произойдет разделение арабских политиков на «радикалов» и «умеренных», причем, «умеренные» будут иметь всевозможные преимущества, это станет хорошим шагом вперед. Убедить изра-

ильские партии предоставлять арабам больше проходных мест – сложная задача. И все же, если будет принято соответствующее решение и проявлена политическая воля, то продвижение в этом направлении представляется вполне реальным.

Другим шагом должен стать анализ всех невыполненных обещаний, которые были даны арабскому сектору израильскими лидерами в ходе нескольких последних избирательных кампаний. За устранением политической дискриминации должно последовать, насколько это возможно, преодоление базового социально-экономического неравенства, проявляющегося, в том числе, и в значительно худших жилищных условиях арабов по сравнению с большинством населения страны. На наш взгляд, необходимо значительно облегчить получение арабскими гражданами разрешений на расширение и достройку существующих домов (сегодня процесс этот занимает долгие годы и редко когда заканчивается положительным результатом), а также немедленно прекратить практику сноса так называемых «незаконно построенных» домов, возведенных арабскими гражданами в арабских районах. Борьба за обеспечение национального характера «еврейского демократического государства» (а именно так определен Израиль в одном из Основных законов, принятом десять лет назад) не должна вестись бульдозерами в сопровождении армейских подразделений. Возможно, имеет смысл принять и некоторые требования арабского меньшинства в культурной сфере. Лояльные Государству Израиль арабы должны перестать чувствовать себя гражданами второго сорта!

Важнейшим моментом является и переориентация израильской полиции и служб безопасности, которые сегодня предпочитают не вмешиваться во внутриарабские «разборки»; перед ними должна быть четко поставлена задача защищать умеренно настроенных арабов от экстремистских организаций. Тот факт, что в ходе муниципальных выборов в Иерусалиме осенью 1998 г. израильские силы правопорядка «не заметили» произвола боевиков палестинских спецслужб, фактически блокировавших избирательные участки в населенных арабами районах столицы Израиля, нельзя не признать весьма и весьма огорчительным.

В течение длительного времени в арабской элите существовало вынужденное понимание, что будущее арабского меньшинства зависит от того, насколько оно примет основные принципы проживания в еврейском государстве. За прошедшие годы ситуация значительно изменилась, и преобладающими в арабском секторе стали именно антиизраильские настроения. Учитывая демографические тенденции, именно от того, насколько лояльны Израилю будут проживающие на его территории арабские граждане, зависит само выживание Государства Израиль. К сожалению, обсуждение выводов Комиссии Т.Ора в израильских СМИ превратилось в не более чем смакование различных

подробностей о тех или иных высокопоставленных политиках и полицейских. Вместо этого необходимо постараться понять, каким образом можно вывести из кризиса отношения между двумя основными группами населения страны – евреями и арабами. Будет крайне обидно, если именно эта, пожалуй, – самая важная часть отчета Комиссии, окажется проигнорированной.

[1] См.: Эяль Бен, «Красный октябрь» // Сайт газеты «Едиот ахронот», 25 августа 2003 г. http://www.ynet.co.il/articles/l,7340.L-2705053,OO.html [на иврите].

[2] См. об этой встрече: Гилад Шер. На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца (Тель-Авив, «Едиот ахронот», 2001), с. 281–282 [на иврите].

[3] Цит. по: Эяль Бен, «Красный октябрь».

[4] См.: Гидеон Мирон и Юваль Карни, Секретные записи шейха Салаха // «Едиот ахронот» – субботнее приложение, 29 августа 2003 г., с. 8–9 [на иврите].

[5] Маджед аль-Хадж. Идентичность и ориентация израильских арабов: ситуация двойной периферии // Еврейско-арабский конфликт в Израиле. Под ред. Рут Габизон и Дафны Хакер (Иерусалим: Израильский институт демократии, 2000), с. 13–33 [на иврите]. См. также: Алек Эпштейн и Ольга Зайцева. Дважды на периферии: дилеммы самоидентификации арабов – граждан Израиля // Ближний Восток и современность. № 14, 2002, с. 275–298.

[6] Цит. по: Даниэль Совельман и Арнон Реголар. Абу Мазен: Немедленно прекратить вооруженную интифаду // «Ха'арец», 27 ноября 2002 г. [на иврите].

[7] См.: Alexander Blight, Israeli Arab Members of the 15th Knesset: Between Israeli Citizenship and their Palestinian National Identity // Israel Affairs, vol. 9, № 1–2 (2003), с. 3–15.

[8] См.: Hillel Frisch. Ethnicity or Nationalism? Comparing the Nakba Narrative among Israeli Arabs and Palestinians in the West Bank and Gaza // *Israel Affairs*, vol. 9, № 1–2 (2003), с. 165–186.

[9] Подробные данные об электоральной активности израильских арабов см.: Вениамин Нойбергер. Выборы в Кнессет в арабском и друзском секторах (Тель-Авивский университет, Центр им. М.Даяна по изучению Ближнего Востока и Африки, 1996 [на иврите]).

[10] См.: Амир Гилат, «Мухаммед Бараке: Мы не дадим Шарону ни одной секунды спокойствия // «Маарив» – субботнее приложение, 9 февраля 2001 г., с. 26 [на иврите].

[11] См., например: Хагай Сегаль. Расследование, подрывающее существование // «Маарив», 2 сентября 2003 г. [на иврите]; Ури Элицур. Ущерб, нанесенный Комиссией по расследованию // «Едиот ахронот», 5 сентября 2003 г. [на иврите].

[12] См.: Даниэль Совельман и Далия Шхори. Председатель комиссии – судья Теодор Ор // «Ха'арец», 16 ноября 2000 г. [на иврите].

[13] См.: Судья вынужден был слушать свидетельства своих родственников // «Едиот ахронот» – субботнее приложение, 5 сентября 2003 г., с. 9 [на иврите].

[14] См.: Шломо Громан. Население Израиля – 6 716 000 человек, 25 сентября 2003 г. // Сайт:
http://shlomo-groman.narod.ru/demography/demoisrael31.12.01.html
[15] См.: Шломо Громан. В Израиле растет доля мусульман // Сайт радиостанции «Седьмой канал» за 17 февраля 2003 г.
http://www. sedmoycanal. com/article. php3?id=l 610.
[16] Дина Зисерман-Бродская. Проблемы арабского меньшинства в Израиле (Иерусалим: общество «Теэна», 2003), с. 13.
[17] Sammy Smooha and Asad Ghanem. Ethnic, Religious and Political Islam among the Arabs in Israel. Research report (University of Haifa, 1998), с. 5.
[18] Там же, с. 6
[19] Там же.
[20] Таблица составлена авторами настоящей статьи на основе информации Центральной избирательной комиссии Израиля. Данные за 2003 г. расчитаны на базе данных ЦИКа, опубликованных в: «Маарив» – ежедневное приложение, 30 января 2003 г., с. 32 [на иврите].
[21] Elie Rekhess. Initial Israeli Policy Guidelines towards the Arab Minority, 1948–1949 // New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State, ed. by Laurence J. Silberstein (New-York: New-York University Press, 1991), с. 117.
[22] Don Peretz. Early State Policy towards the Arab Population, 1948–1955 // New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State, ed. by Laurence J. Silberstein (New-York: New-York University Press, 1991), с. 86.
[23] Вера Райдер. Адель Манна: Мы все должны стараться ближе узнать друг друга (март 2001 г.) // Сайт Института гражданского общества «Идан хадаш» [«Новая эпоха»] http://www.iciso.org/Archiv/Manna.htm
[24] S.Smooha and A.Ghanem. Ethnic, Religious and Political Islam among the Arabs in Israel, с. 21. Выборка включала 1202 граждан Израиля – арабов (как христиан, так и мусульман), друзов, черкесов и бедуинов, проживающих в 44 населенных пунктах в пределах «зеленой черты».
[25] Sammy Smooha. The Advances and Limits of the Israelization of Israel's Palestinian Citizens // Israeli and Palestinian Identities in History and Literature, ed. by Kamal Abdel-Malek and David C. Jacobson (New-York: St. Martin's Press, 1999), с. 23.
[26] S.Smooha and A.Ghanem. Ethnic, Religious and Political Islam among the Arabs in Israel, с. 9, 19.
[27] Дан Шифтан. Палестинский вызов еврейскому государству (новая идеология арабских политиков) // Ближний Восток и современность, № 18 (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003), с. 136.
[28] Дан Шифтан. Палестинский вызов еврейскому государству, с. 153.
[29] Там же, с. 142.
[30] См.: Дина Зисерман-Бродская. Цит. соч., с. 13–14.

А.Я.Клява*

ПАЛЕСТИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОТ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ К «ДИПЛОМАТИИ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ» (1974–1991 гг.)

Хронологически историю палестинского национального движения можно разделить на четыре главных этапа. На первом этапе (1930–1940 гг.) происходило рождение идеологии движения, воинственной и бескомпромиссной, потерпевшей крах после Войны за независимость. Второй этап (середина 60-х – середина 70-х годов) начался с образования Организации освобождения Палестины (ООП), а также различных палестинских организаций, самая крупная из которых – ФАТХ – во главе с Я.Арафатом в 1969 г. захватила ключевые позиции в ООП. Доктрина вооруженной борьбы, выбранная руководством ФАТХа в середине 70-х годов, также показала свою несостоятельность.

Третий этап в истории палестинского национального движения начался в 1974 г., когда произошли два события, кардинально изменившие его дальнейшую судьбу. В июне 1974 г. была провозглашена так называемая поэтапная программа, в которой впервые было заявлено о возможности политического пути решения палестинской проблемы. В октябре того же года седьмая арабская встреча в верхах, проходившая в столице Марокко г.Рабате, приняла историческое решение: отныне ООП является «единственным законным представителем палестинского народа». Все последующие события, происходившие на Ближнем Востоке – мирная инициатива президента Египта А.Садата в 1977 г., конфронтация с израильскими войсками в Ливане в 1978 г. и израильское вторжение на ливанскую территорию в 1982 г., – бросали вызов новому курсу, выбранному лидерами палестинцев. Это приводило к политическим, а порой – и вооруженным конфликтам в рядах ООП, раз за разом сводившим на нет дипломатические достижения палестинцев на международной арене. В середине 80-х го-

---

* Израильский востоковед и переводчик, выпускник кафедры социологии и кафедры истории и политики Ближнего Востока Еврейского университета в Иерусалиме. Настоящая статья хронологически и концептуально продолжает статью А.Я.Клявы «Формирование организационных структур палестинского национального движения», опубликованную в № 18 сборника «Ближний Восток и современность», с. 161–194.

дов казалось, что палестинское национальное движение зашло в тупик. В 1987 г. на территориях Западного берега и сектора Газа вспыхнуло народное волнение, получившее название «интифада». Оно создало беспрецедентную политическую ситуацию, приведшую спустя четыре года к созыву Мадридской конференции по ближневосточному урегулированию. В 1993 г. в Осло между лидерами ООП и израильским правительством был подписан договор, ознаменовавший новый – четвертый этап в истории палестино-израильского противостояния.

В начале 70-х годов на Ближнем Востоке произошел ряд значительных событий, настолько изменивших геополитическую реальность, что необходимость приспособить к ним идеологию палестинского движения напрашивалась сама собой. События последних трех лет: новый виток интифады, начавшийся в сентябре 2000 г., одобрение «четверкой» (США, Европейский союз, ООН и Россия) так называемой дорожной карты, предложенной президентом США Джорджем Бушем, постоянные перестановки в правящих кругах Палестинской национальной администрации (ПНА) создали ситуацию, в которой палестинскому национальному движению необходимо снова задуматься о возможной смене курса.

Как и в 1974 г., эта ситуация сопряжена с внутренними конфликтами на «палестинской улице» и с малопродуктивными попытками помирить правящие круги и оппозицию. Исторический контекст позволяет выявить еще одну чрезвычайно интересную деталь: обязательное наличие среди лидеров палестинского движения двух лагерей – идеалистов-романтиков и жестких прагматиков. Между этими лагерями всегда шла борьба за власть. Именно прагматичный взгляд на ситуацию позволил Я.Арафату в 1974 г. не только удержать власть в своих руках, но и навязать всему палестинскому движению свою идеологию.

Цель данной статьи заключается не только в изложении истории ООП с 1974 г. и до созыва Мадридской конференции в 1991 г., но и в попытке обрисовать траекторию трансформации идеологии палестинского национализма. В исследованиях, посвященных данной теме, эта траектория, как правило, представляется в виде линейной прямой: от революционной, воинственной идеологии к мирной дипломатии. Такая концепция не учитывает ряд «остановок» на идеологическом пути ООП: в периоды с 1970 по 1974 г. и с 1977 по 1987 г. Именно в эти промежутки времени происходили наиболее сильные трения прагматиков и идеалистов. Между этими остановками шел крутой подъем и менялись тактика и стратегия национального движения, что привело к дипломатическим достижениям в периоды 1974–1977 и 1987–1991 годов. Наиболее точной метафорой идеологического пути ООП является не прямая линия, и даже не «лестница», а – спираль, движение по которой идет снизу вверх. Примечательно, что идеология палестинского национализма могла «буксовать», идти по кругу, не подни-

маясь, и даже долго стоять на месте. Но никогда – не идти назад. Этой значительной идеологической гибкостью во многом объясняется успех палестинского национального движения, подтвержденный ключевым пунктом американского плана «Дорожная карта», который гласит о необходимости создания Палестинского государства в 2005 г. Так это будет, или не так – покажет история.

I. 1974–1977: время судьбоносных решений

В начале 70-х годов в расстановке сил на Ближнем Востоке произошел ряд изменений, открывший новые возможности для решения арабо-израильского конфликта. В Египте и в Сирии сменилось руководство, после ликвидации военной структуры палестинских организаций на Восточном берегу в сентябре 1970 г. Иордания переживала период относительной стабильности, в Ираке шло полным ходом укрепление режима С.Хусейна. Образование единого арабского фронта под предводительством Египта, позволившее начать осенью 1973 г. очередную войну с Израилем, возродило на некоторое время мечту о создании единого арабского мира, померкнувшую после поражения в Шестидневной войне. Наконец, произошло резкое изменение ближневосточной политики США. Осенью 1973 г. Г.Киссинджер, вступив на пост государственного секретаря, начал проводить так называемую «челночную дипломатию», суть которой заключалась в урегулировании проблем путем интенсивных двусторонних переговоров между Израилем и отдельными арабскими странами. Благодаря его усилиям, по окончании Войны Судного дня были подписаны два соглашения о перемирии между Египтом и Израилем и достигнуто согласие о разъединении войск между Сирией и Израилем. С тех пор любые переговоры между странами региона стали проходить при прямом вмешательстве американского правительства.

Со смертью президента Египта Г.А.Насера в 1970 г. ушла целая эпоха в арабской политике. Политика его преемника – А.Садата – характеризовалась поиском конкретных, не голословных решений палестинской проблемы, таких, например, как создание палестинского правительства в изгнании или обсуждение плана разделения Палестины на два государства, предложенный ООН в 1947 г.

Как и Г.А.Насер, А.Садат видел необходимость в «ликвидации последствий израильской агрессии 1967 года» и рассматривал это как промежуточный этап на пути к конечной цели – «освобождению палестинских земель». Египетский лидер прекрасно понимал, что на Ближнем Востоке началась новая эпоха. Первостепенной задачей, которую он поставил перед собой, стало привлечение поддержки двух сторон – арабской и американской. Для удовлетворения арабской стороны А.Садат должен был объяснить арабскому миру, что переговоры о возврате территорий являются только первым этапом на пути достижения конечной цели. Кроме того, разработчики и про-

водники американской политики на Ближнем Востоке должны были убедиться в том, что Египет не поддерживает амбиции палестинских лидеров, желавших освободить палестинские земли военным путем. Идея участия ООП в Женевской мирной конференции* на правах организации, являющейся «единственным законным представителем палестинского народа», отвечала обоим требованиям.

Арабская встреча в верхах, проходившая в Алжире с 26 по 28 ноября 1973 г., одобрила официальную формулировку поэтапного разрешения конфликта, предложенную египетским президентом. Единственным, но очень серьезным препятствием, стоявшим на пути созыва Женевской конференции с участием ООП, было нежелание палестинских лидеров одобрить резолюцию Совета Безопасности ООН № 242, обязывающую Израиль отступить с захваченных территорий и призывающую страны региона к мирному сосуществованию и уважению территориального суверенитета всех стран ближневосточного региона**. Дальнейшие шаги египетского президента заключались в давлении на ООП с требованием не только принять формулировку поэтапной борьбы, но и одобрить резолюцию № 242. Если первая задача была выполнена хотя бы частично, то выполнение второй потерпело полный провал.

Еще в августе 1973 г. на секретной встрече с членами руководства ФАТХа Ф.Каддуми и С.Халафом А.Садат объявил о возможности новой войны с Израилем. 24 октября 1973 г. вступил в силу договор о прекращении огня между Египтом и Израилем. Уже 26 октября на встрече с Ф.Каддуми и С.Халафом А.Садат объявил о решении созвать мирную конференцию в Женеве, на основе двух резолюций Совета Безопасности ООН: № 242 и № 338. На этом этапе лидеры палестин-

---

* Женевская мирная конференция открылась 21 декабря 1973 г. Ее участниками были США, СССР, Египет. Израиль и Иордания, а председателем – генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. Главным и, пожалуй, единственным ее результатом стал еще больший рост влияния американской политики в ближневосточном регионе. Таким образом, в середине 70-х годов, да и по сей день, любое мирное урегулирование между Израилем и арабскими странами несет на себе печать американского вмешательства и посредничества.

** С точки зрения палестинцев, резолюция № 242 СБ ООН, принятая в ноябре 1967 г., не только признавала право Израиля на мирное существование в регионе, но и относилась к палестинской проблеме исключительно как к проблеме беженцев. Такая позиция была неприемлемой для палестинских лидеров. Пытаясь прекратить израильское наступление в Войне Судного дня, 22 октября 1973 г. СБ ООН принял резолюцию № 338, призывающую воюющие стороны прекратить огонь в течение двенадцати часов. Второй пункт резолюции № 338 призывал стороны сразу после прекращения огня начать выполнение резолюции № 242. Таким образом, резолюция № 338 была также неприемлема для палестинцев.

цев отклонили предложение А.Садата сформировать делегацию ООП для участия в Женевской конференции. Официальная позиция палестинских лидеров была высказана С.Халафом в такой форме: «Пока мы не получим официального приглашения на мирную конференцию, не может идти и речи о высказывании какой-либо позиции, – положительной или отрицательной – по этому вопросу»[1].

В ситуации глобальных изменений, происходивших в ближневосточной политике, палестинское национальное движение не могло позволить себе остаться позади. Первостепенной проблемой был, таким образом, поиск компромисса между достижением конечной цели военным путем, с одной стороны, и необходимостью достижения промежуточной цели возможными политическими средствами (как, например, путем участия в мирной конференции), с другой. Идеологи палестинского движения прекрасно понимали, что изменение тактики грозило двумя опасностями: промежуточная цель – основание государства на освобожденной территории Западного берега – могла превратиться в конечную, и, что более важно, принятие мирных средств борьбы могло расколоть палестинское движение на два противоположных лагеря. Отражением поиска этого компромисса явилась программа из десяти пунктов, представленная на 12-ом съезде Палестинского национального совета (ПНС), проходившем с 1 по 8 июня 1974 г. в Каире.

Основные принципы принятой на этом съезде «поэтапной программы» заключались в следующем:

1. **Учреждение национальной власти**: «ООП будет использовать *все возможные средства,* и, в первую очередь, военную борьбу для освобождения палестинской земли и учреждения народной национальной власти на каждой освобожденной пяди земли…, каждая освобожденная часть станет звеном в цепи создания Палестинского демократического государства».

2. **Решение Совета Безопасности ООН № 242**: «ПНС отвергает резолюцию № 242 и любую арабскую и мировую деятельность, основывающуюся на тексте этой резолюции, особенно Женевскую мирную конференцию. Данная резолюция отрицает существование у нашего народа национальных и панарабских прав [так в тексте] и относится к палестинской проблеме исключительно как к проблеме беженцев».

3. **Непризнание Израиля**: «ООП будет бороться с любым решением палестинской проблемы, включающим в себя признание Израиля, мир с Израилем, неприкосновенность его границ и отрицание права на возвращение [палестинских беженцев] и права на самоопределение нашего народа».

4. **Иордания**: «ООП вместе с национальными иорданскими силами будет бороться за создание *палестинско-иорданского национального фронта,* задачей которого будет учреждение национальной демократической власти на территории Иордании»[2].

На анализе решений 12-ого съезда ПНС, в свете их огромного значения для дальнейшей истории всего палестинского национального движения, следует остановиться более подробно.

Во-первых, в принятии идеи об основании палестинской власти на отвоеванной у Израиля территории не было ничего нового. Более того, эта идея не раз высказывалась в прошлом теоретиками палестинского движения – Ф.Каддуми, например, еще в 1967 году призывал создать «мини-государство на Западном берегу и в секторе Газа, после ухода с этих территорий израильских войск»[3]. Все же, никогда еще основание палестинской власти на упомянутых территориях не являлось официальной целью палестинского национального движения. Во-вторых, хотя резолюции № 242 была отвергнута участниками ПНС, в тексте программы не содержалось категорического отрицания участия ООП в Женевской мирной конференции. Это давало возможность созвать конференцию с участием палестинцев, но *не на основе* резолюции № 242. Такое толкование позволило А.Садату продолжить усилия по привлечению палестинской организации к участию в международных конференциях, подобных Женевской. В-третьих, решения 12-ого съезда ПНС, а особенно – уравнивание важности политических и военных методов борьбы – открывали путь ООП на мировую арену. 22 ноября 1974 г. Я.Арафат от имени всех палестинцев выступил перед Генеральной Ассамблеей ООН – цель, к которой палестинский лидер шел долгие годы[*4]. Не менее важным стало для лидеров ООП принятие сессией Генеральной Ассамблеи ООН резолюций № 3236 и № 3237, суть которых сводилась к признанию существования у палестинского народа права на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, а также предоставление ООП статуса наблюдателя на всех обсуждениях и заседаниях ООН. Наконец, в-четвертых, решения 12-го съезда ПНС послужили основой для признания за ООП официального статуса «единственного законного представителя палестинского народа». Эта формулировка была одобрена на седьмой арабской встрече в верхах, проходившей в столице Марокко г.Рабате с 26 по 29 октября 1974 г. Таким образом был разрешен многолетний спор между ООП и королем Хусейном: отныне последний лишался права официально представлять миллион палестинцев в Иордании и свыше полумиллиона на Западном берегу[**].

---

[*] Памятуя о внутренних расколах, которые переживало в то время палестинское движение, Я.Арафат сознательно обошел в своей речи концепцию учреждения национальной власти, выбрав более мягкие формулировки, вроде: «Моя мечта – вернуться вместе с моим народом из ссылки в такое Палестинское государство, в котором христиане, евреи и мусульмане будут жить в справедливости, равенстве, братстве и прогрессе».

[**] Среди решений встречи в верхах были: признание права палестинцев вернуться на свою землю и самим решать свою судьбу, одобрение права

Изменение политического курса ООП, последовавшее в 1974 г., разрушило с трудом достигнутую в конце 60-х годов внутреннюю сплоченность ее рядов. В этот период в рамках ООП выявились две тенденции: усиление политической фрагментации и возникновение внутреннего террора.

Выражая несогласие с новым политическим курсом ООП, лидеры группировок, составлявших ее, все же понимали, что, даже объединив усилия и основав собственную организацию, они не смогут создать легитимной альтернативы ООП. Такая организация не смогла бы существовать независимо. Так, хотя 26 сентября 1974 г. лидер организации Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) Д.Хабаш объявил о своем выходе из Исполнительного Комитета ООП, он оставил за собой и за своей организацией право участия в съездах ПНС. К решению лидеров НФОП присоединились еще три организации: Общее командование народного фронта Палестины (организация А.Джибриля), Арабский фронт освобождения (АФО) и Фронт палестинской народной борьбы под предводительством С.Рауаша. Они объединились и создали новую организацию, называвшуюся Фронт отказа (ФО). В качестве эмблемы были выбраны карта Палестины и винтовка, перекрещенные друг с другом и создающие вместе арабское слово «*ля!*» («нет!»). Утверждая, что руководство ФАТХа отвернулось от нужд палестинских беженцев, «продавшись» мировой общественности, ФО искал поддержку среди населения в палестинских лагерях на территориях Западного берега и сектора Газа. Несмотря на массовый характер движения, оно было крайне неоднородным идеологически и фактически перестало существовать после мирной инициативы Садата в 1977 г. Место ФО заняла другая коалиция организаций, поддерживаемых сирийским правительством: «Ас-Саика» (военное крыло сирийской организации «Пионеры освободительной борьбы», созданной на съезде сирийской партии Баас в 1966 г.), Общее командование народного фронта Палестины и другие остатки ФО. Эта коалиция наиболее ярко проявила себя в 1983 г., когда среди группы офицеров боевых формирований ФАТХа возникла оппозиция курсу умеренного крыла ООП, возглавляемая полковником С.М.Марара. В 1988 г. и эта коалиция распадется после решения лидеров ФАТХа, НФОП и Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) одобрить резолюции № 242 и № 338 и принцип сосуществования двух государств на территории Палестины.

В отличие от возникавших и распадавшихся коалиций, сопротивлявшихся новому политическому курсу, который взяла ООП, внутрен-

---

создания национальной власти на каждой освобожденной части земли и подчеркивание необходимости дипломатической поддержки ООП на арабской и мировой аренах.

ний террор в арабском мире вообще и в рядах палестинской организации, в частности, существовал всегда и существует до сих пор под названием «индивидуальный террор». Его целью было предотвратить миротворческую деятельность отдельных палестинских политиков, а также предостеречь всех других от подобной судьбы. И хотя большинство внутренних терактов происходило в рядах ООП начиная с 1978 г., корни этого явления следует искать в начавшемся в 1974 г. повороте палестинских лидеров в сторону мирного политического процесса. Так, в начале 70-х годов, после неудачного покушения на жизнь Я.Арафата*, ряды ФАТХа покинул командир отделения ФАТХа в Хартуме С.Аль-Банна, более известный под своим подпольным именем – Абу-Нидаль. Он создал подпольную организацию ФАТХ – революционное командование (ФРК), также известную под другим названием – «Черный июнь». Началом деятельности организации следует считать атаку ее членов 28 сентября 1976 г. на гостиницу «Семирамис» в Дамаске, что послужило поводом для широкомасштабной операции сирийских войск против палестинских организаций в Ливане. Члены организации Абу-Нидаля повинны в смерти многих политиков, не только палестинцев. 4 января 1978 г. в Лондоне был застрелен С.Хамами, 18 февраля того же года на Кипре убит египетский журналист Ю.аль-Сибаи, а 1 мая 1981 г. – в Вене – президент общества австрийско-израильской дружбы Х.Нитель[5]. Самым громким терактом организации Абу-Нидаля считается попытка покушения на жизнь посла Израиля в Лондоне Ш.Аргова 3 июня 1982 г., что послужило одним из основных поводов для ввода израильских войск в Ливан и начала операции «Мир в Галилее». С середины 80-х годов организация Аль-Банны ушла в подполье. В 1987 г. Аль-Банна вел переговоры с С.Халафом и Х.Аль-Вазиром о возможности присоединения его организации к ООП. Эти переговоры потерпели провал. В это же время ряды ФРК покинули несколько соратников Абу-Нидаля, обвинив его в проведении внутреннего террора в собственной организации. С тех пор ФРК потеряла какое-либо влияние на палестинской арене.

Таким образом, в период, последовавший за созывом встречи в верхах в Рабате, возникла парадоксальная ситуация: хотя страны-участницы встречи единогласно признали правомочность отношения к ООП как к единой организации, сама ООП переживала раскол. Начавшаяся в апреле 1975 г. гражданская война в Ливане только усилила дробление. Непростая военная ситуация в этой стране – по-

* Аль-Банна замышлял убийство Арафата, по-видимому, из-за борьбы за власть. Когда руководство ООП заявило о принятии политических средств борьбы наравне с военными, Аль-Банна обвинил Арафата в предательстве. 26 октября 1975 г. военный суд ФАТХа приговорил Аль-Банну заочно к смертной казни за «превышение полномочий и денежные растраты». Иракские власти помогли ему бежать.

следнем прибежище палестинских организаций, и особенно вовлечение Сирии в ливанский конфликт на более позднем этапе, послужила нелегким экзаменом не только для относительно лояльного Сирии руководства ФАТХа, но и для «Ас-Саики», официально поддерживаемой сирийским правительством.

13 апреля 1975 г. автобус с ливанскими мусульманами и палестинскими беженцами проезжал по христианскому кварталу Восточного Бейрута, называвшемуся Айн Румана. Внезапно ему преградили дорогу враждебные палестинцам[6] силы фалангистов во главе с П.Жмайелем. В начавшейся резне были убиты все пассажиры автобуса – около тридцати человек. Президент Ливана Сулейман Франжье использовал этот инцидент как предлог для возобновления требований ограничить палестинскую военную деятельность на территории Ливана. Последовавшие вслед за этим встречи между ливанскими властями и палестинскими лидерами не привели ни к чему существенному. Стороны разошлись, обвинив друг друга в нарушении положений «Каирского соглашения» 1969 г.

До конца 1975 г. ситуация в Ливане продолжила ухудшаться. Почти каждый день происходили столкновения между различными религиозными и этническими группировками, населявшими страну. На этом этапе ООП* и Сирия оставались лишь пассивными наблюдателями. В начале 1976 г. положение резко изменилось. 4 января силы фаланг осадили палестинские и мусульманские кварталы Бейрута. В ответ военные силы ООП, избежавшие осады, атаковали города с большинством христианского населения – Дамур и Джунию. Когда ливанские военно-воздушные силы начали операцию возмездия и стали бомбить Бейрут, осажденным палестинцам ничего не осталось, как обратиться за помощью к сирийским войскам. Сирия направила в долину Бекаа силы бригады «Ярмук», формально принадлежавшие к частям «Армии освобождения Палестины» (АОП), но фактически находившиеся под сирийским командованием. Не желая дальнейшей эскалации конфликта, что неизбежно привело бы к израильскому вмешательству, сирийские власти инициировали подписание договора между воюющими сторонами.

8 мая 1976 г. при сирийской поддержке и к крайнему недовольству организации «Ливанского национального движения» (ЛНД) – многолетнего союзника ООП, на пост президента Ливана был выбран Э.Саркис. Находясь между двух огней и подчиняясь призывам лидеров НФОП и ДФОП, ратовавших за расширение свободы действия

---

* В ряде стычек все же были задействованы силы ФС, ДФОП и «Ас-Саики». ФАТХ, будучи верен своей доктрине невмешательства во внутренние дела арабских государств, воздерживался на этом этапе от прямой военной конфронтации с силами фалангистов, укрепляя тренировочные лагеря в Южном Ливане и пытаясь завоевать поддержку ливанской оппозиции.

сил ООП в Ливане, Я.Арафат заключил союз с одним из лидеров ЛНД, предводителем друзов Камилем Джумблатом. В ответ Х.Асад приказал З.Мухсену, лидеру «Ас-Саики», выступить на стороне сирийских отрядов АОП, против союзных войск ФАТХа, фронтов и ЛНД. Когда этот шаг не принес ожидаемого успеха, 1 июня 1976 г. сирийские части регулярной армии вошли в Ливан.

На первом этапе, продолжавшемся все лето 1976 г., сирийская армия не участвовала в прямых военных действиях. Ее основная функция заключалась в осаде плотным кольцом двух главных очагов палестинского военного присутствия в Ливане – юга Бейрута и северного города Триполи. Под прикрытием сирийских войск 22 июня 1976 г. в южный Бейрут проникли части ливанских праворадикальных фалангистов. 28 июня им сдался без боя маленький палестинский лагерь Джиср аль-Баша. Силы фалангистов начали осаду двух крупных лагерей – Набаа и Телль Заатара. 6 августа сдалась Набаа, через шесть дней в результате кровопролитного сражения пал Телль Заатар.

До конца сентября сирийские войска продолжали осаждать Бейрут и Триполи. 30 сентября президент Сирии Х.Асад приказал остановить проникновение сирийских войск на территорию Ливана и проверить – не запросят ли мира мятежные палестинские войска*. Когда этого не случилось, 12 октября 1976 г. произошло кровопролитное сражение возле города Бхамдун. Отряды палестинцев прекрасно ориентировались на местности и в течение нескольких часов сдерживали наступление сирийской армии. Через день сирийские войска отступили. Эта важная в стратегическом плане победа дала ООП возможность обратиться к арабскому миру с просьбой о перемирии.

16–18 октября в столице Саудовской Аравии состоялось совещание, в котором приняли участие руководители Египта, Сирии, Кувейта, Саудовской Аравии, Ливана, а также председатель Исполкома ООП Я.Арафат. На совещании было принято решение о прекращении огня, максимально удовлетворявшее все конфликтующие стороны. Был создан отряд, называвшийся «Арабские силы сдерживания» (АСС) и находившийся в прямом подчинении ливанского президента. В его функции входило «наблюдение за выполнением Каирского соглашения от 1969 г., за отводом войск на позиции, которые они зани-

* Сирийский президент был знаком с положениями доктрины лидеров ФАТХа о невмешательстве во внутренние дела арабских стран и «бил врага его же оружием». В его запросе силам ООП говорилось: «Действия сил [палестинского] сопротивления – это заговор против разрешения палестинской проблемы. Во-первых, это действие ослабляет объединенные арабские силы и уводит их в сторону от решения палестинской судьбы. Во-вторых, это превращает арабо-израильский конфликт в конфликт между арабами. Наконец, в-третьих, палестинское вмешательство во внутренние дела Ливана является реакционной деятельностью даже согласно марксистским стандартам».

мали до 13 апреля 1975 г., и за конфискацией незаконного оружия». В тексте Эр-Риядского соглашения говорилось: «ООП подтверждает свою позицию невмешательства во внутренние дела Ливана, признавая его суверенным и неделимым государством. В то же время, ливанские власти гарантируют свободу действий ООП на территории Ливана, в соответствии с Каирским соглашением». 21 октября вступил в силу договор о прекращении огня между всеми участниками военных действий.

Последствием гражданской войны в Ливане на арабской арене стало укрепление влияния сирийского режима, инициировавшего подписание мирного договора на крайне выгодных ему условиях. Несмотря на взаимное недоверие и разницу в целях, ООП и Сирия вступили в период формального политического союза, достигшего своего апогея после провозглашения мирной инициативы А.Садата. Все же, с точки зрения сирийско-палестинских отношений, положение было далеко не идеально. На протяжении всех девятнадцати месяцев военных действий в Ливане наибольшие потери понес ФС и сирийская ставленница в рядах ООП – «Ас-Саика». Силы ФАТХа вступили в войну на более позднем этапе, и их потери были меньше. В сложном и противоречивом комплексе отношений внутри самой ООП это означало одно – оппозиция ФАТХу, возникшая как ответ на изменения в идеологии движения в 1974 г., была ослаблена в войне. Я.Арафат подумывал о том как использовать создавшуюся ситуацию для продвижения интересов организации на дипломатической арене.

На первый взгляд, Эр-Риядское соглашение, подтверждая принципы Каирского соглашения, закрепляло положение, существовавшее до начала военных действий. Однако существенное различие, возникшее за эти семь лет, заключалось в активном желании Израиля контролировать ситуацию в южной области Ливана. В июне 1976 г., в самый разгар военных действий, под предлогом предоставления возможности ливанским гражданам посетить Израиль, израильские власти открыли границу с Ливаном. В октябре 1976 г. отряды произраильской ливанской милиции под предводительством майора ливанской армии С.Хаддада двинулись на север и заняли Марджаюн – город с населением, сочувствующим палестинцам. Занятие Марджаюна дало Хаддаду контроль над важным стратегическим участком – шоссе, соединявшим южно-ливанские порты и партизанские базы, находящиеся на востоке Ливана в горном районе Аркуб. В течение следующих лет отряды Хаддада сумели склонить на свою сторону правохристианские силы южного Ливана, в их числе – христиан-маронитов. На стороне палестинцев традиционно находилось шиитское население южноливанских деревень. В отсутствии сил АСС конфликт грозил перерасти в религиозную войну. Палестинские лидеры, обеспокоенные создавшейся напряженной обстановкой, послали четырехсторон-

нему арабскому комитету* требование разоружить отряды ливанской милиции, но получили отказ.

Сложная обстановка на юге Ливана, ослабление оппозиции в рядах ООП, постоянные попытки возобновления Женевской конференции – все это оказывало существенное влияние на политику ООП. Негативная реакция ее лидеров на мирную инициативу президента Египта А.Садата красноречиво свидетельствовала о том нелегком положении, в котором находилась ООП на международной арене. Она всегда была вынуждена координировать свою политику с потребностями арабского мира. Потеря многолетнего союзника ООП – Египта и пять лет полной изоляции на дипломатической арене показали палестинским лидерам, что цель, которую они себе поставили – свобода принятия решений – была на том этапе недостижимой.

II. 1977–1982: объединение ценой изоляции

В январе 1977 г. президент Египта А.Садат и король Иордании Хусейн выступили с призывом созвать новую Женевскую конференцию. В их заявлении подчеркивалась роль ООП как «единственного представителя палестинцев, который должен участвовать в переговорах на равных вместе с другими делегациями». В заявлении выражалась уверенность, что итогом конференции станет создание независимого палестинского государства. В сложившейся обстановке лидеры ООП не могли не отреагировать на призыв двух правителей арабского мира. В течение следующих двух месяцев, предшествовавших созыву 13-ого съезда ПНС, дискуссии среди палестинских организаций шли по трем главным направлениям: 1) начало переговоров с леворадикальными израильскими политиками, 2) налаживание отношений с королем Иордании и 3) одобрение резолюции № 242 СБ ООН.

1 января 1977 г. израильский генерал в отставке М.Пелед объявил о возможности проведения встреч с лидерами ФАТХа на основе «взаимной договоренности». В течение всего 1977 г. такие встречи были проведены в различных европейских городах. С израильской стороны в них участвовали представители леворадикальных кругов: М.Пелед, У.Авнери, М.Паиль, А.Кейнан и другие. М.Аббас (Абу Мазен) был назначен главой делегации ФАТХа, включавшую, среди прочих, видного палестинского миротворца, доктора И.Сартауи. На этом

* Четырехсторонний арабский комитет был создан на совещании в Эр-Рияде в октябре 1976 г. В него входили страны-участницы совещания: Сирия, Египет, Кувейт и Саудовская Аравия. Его функция заключалась в наблюдении за выполнением Каирского соглашения на государственном уровне и в координации деятельности ливанского правительства. Члены комитета отклонили требование палестинцев разоружить отряды ливанской милиции, мотивируя свою позицию нежеланием накалять и без того взрывоопасную обстановку на юге Ливана.

этапе встречи израильтян и палестинцев не были продуктивными, и диалог между группами М.Пеледа и М.Аббаса прекратился, не успев толком начаться. В решениях 13-го съезда ПНС, в частности, говорилось: «ПНС подчеркивает важность отношений и координации усилий с демократическими и прогрессивными еврейскими силами [так – в оригинале], борющимися с распространением теории и практики сионизма»*. На съезде ПНС было решено, что группа М.Пеледа не отвечала данному требованию, и поэтому все контакты с ней были прекращены.

Не менее важным дипломатическим шагом, предпринятым руководителями ООП, стало налаживание контактов с королем Иордании. Иорданский правитель встретился в середине января с пресс-секретарем ПНС Х.Аль-Фахумом и членом Революционного совета ФАТХа Х.аль-Хасаном и обсудил с ними план иордано-палестинской федерации. Аль-Фахум и М.Аббас были вторично приглашены в Амман в середине февраля, а за несколько дней до проведения съезда ПНС на Афро-Азиатской конференции в Каире состоялась встреча Хусейна и Я.Арафата – первая после событий «Черного сентября» 1970 г. Несмотря на удовлетворение палестинских кругов сближением с Иорданией[7], в решениях ПНС не содержится упоминания об этих встречах.

На протяжении всего 1977 г. среди лидеров палестинских организаций велись обстоятельные дискуссии, посвященные отношению к резолюции № 242 СБ ООН как к основе участия ООП в Женевской конференции. Этому послужило не только совместное заявление короля Иордании Хусейна и президента Египта А.Садата, но и перестановки в правительстве США. В январе 1977 г. С.Вэнс сменил Г.Киссинджера на посту Государственного секретаря. Как это часто бывает, первостепенной задачей для новоизбранного политика стало продвижение дел, замороженных предыдущим правительством. Для начала, 16 марта 1977 г. президент США Дж.Картер сделал историческое заявление, в котором, в частности, говорилось: «У палестинских беженцев, страдавших столько лет, должна быть своя родина. Мы выражаем уверенность, что к концу этого года наши попытки созвать мирную конференцию и привести всех участников за стол переговоров увенчаются успехом»[8]. Это заявление открыло дорогу непрямым переговорам между ООП и США, которые велись при посредничестве Египта и Саудовской Аравии. До середины лета 1977 г. переговоры шли медленно и включали обсуждение возможных поправок к резолюции

* По-видимому, имелись в виду крайне левые партии, не включавшие в свои программы приверженность идеям сионизма, такие, как РАКАХ или «Мацпен». Поскольку палестинским лидерам было известно, что эти партии имели крайне ограниченное влияние в политической жизни Израиля, или не имели его вовсе, следует относится к решению ПНС как к отговорке. В конце 70-х и в начале 80-х годов секретные переговоры с леворадикальными израильскими политиками продолжались.

№ 242. 1 августа 1977 г. начался двухнедельный визит С.Вэнса на Ближний Восток, по окончании которого госсекретарь США объявил о возможности образования Палестинского государства на занятых Израилем в 1967 г. территориях после десятилетнего переходного периода. Со своей стороны, Ф.Каддуми и С.Халаф заявили о возможности принять исправленную версию резолюции № 242 и даже отказаться от вооруженной борьбы. По их мнению, если текст резолюции будет включать в себя определение палестинской проблемы не только как проблемы беженцев, но говорить о праве палестинского народа на самоопределение, ООП согласится принять ее.

13 сентября 1977 г. госдепартамент США опубликовал заявление, в котором, в частности, говорилось: «Статус палестинского государства должен быть определен в рамках арабо-израильского договора. Палестинцы должны участвовать в мирных переговорах от начала и до конца». Я.Арафат приветствовал это заявление, повторив, что ООП готово принять исправленный вариант резолюции № 242. Ф.Каддуми пошел дальше и объявил, что ООП не только примет резолюцию, но и признает за Израилем право на существование, если последний признает национальные права палестинцев. На этом этапе в руководстве ООП усилились голоса, утверждавшие, что дело зашло слишком далеко. Возможность развития отношений между ООП и США пугала не только оппозиционные круги в самой ООП, но также – по совершенно разным причинам – Сирию, СССР и Израиль*. В условиях усиливавшегося международного давления 26 сентября Я.Арафат созвал экстренное заседание ЦК ООП, на котором было принято решение не принимать резолюцию № 242, до тех пор, пока ее текст не будет официально изменен. Вместе с этим, палестинский лидер просил членов ЦК продолжить поиски возможных формулировок резолюции. Заседание Исполкома ООП, посвященное обсуждению возможных формулировок, было назначено на середину ноября. Этому заседанию не суждено было состояться. В ноябре 1977 г. про-

* Сирийское правительство осознавало, что ООП уходит из под его контроля, сближаясь с Египтом и США. Все усилия Х.Асада (предложения по созданию Арабского фронта сопротивления в составе Сирии, Ирака, Ливии и Алжира, и по включению палестинцев в делегацию) были направлены на предотвращение сепаратных переговоров о мирном урегулировании в регионе. СССР был также обеспокоен уходом своего десятилетнего союзника в сторону США (по окончанию визита С.Вэнса на Ближний Восток, Арафат был приглашен в Москву для объяснений). Со своей стороны, новоизбранный израильский премьер-министр и глава Ликуда Менахем Бегин начал претворение в жизнь своей политики одобрения развития израильских поселений на Западном берегу и оказания поддержки произраильским частям С.Хаддада в южном Ливане.

изошел грандиозный перелом во всей политике Ближнего Востока, вызванный беспрецедентной инициативой А.Садата.

9 ноября 1977 г. египетский президент открыл обычное заседание парламента, на котором присутствовали также Я.Арафат и Ф.Каддуми, речью о возможных путях разрешения ближневосточного конфликта. После заявления о том, что все предпринятые им усилия ни к чему не привели, египетский лидер отложил лежащий перед ним текст речи и заявил о своей готовности «отправиться на край света и даже в Кнессет в Иерусалиме, чтобы начать переговоры о мире с Израилем»[9]. Раздались бурные овации. Члены египетского парламента, Я.Арафат и Ф.Каддуми приветствовали египетского президента стоя. На следующий день, возвратившись в Бейрут, палестинский лидер говорил о том, что не имел понятия – была ли эта фраза случайной оговоркой со стороны А.Садата, или же речь шла о привлечении общественного мнения на сторону принципиально новой политики египетского президента. С.Халаф позднее писал: «Мнения членов ЦК ФАТХа разделились. Одни были уверены, что, несмотря на позицию египетского президента, надо продолжать поддерживать дружественные отношения с Египтом, играющим такую важную роль в арабском мире. Я считал иначе. В сложившейся ситуации режим А.Садата потерял легитимацию. Египет, следовательно, лишился своей ведущей роли. Я выступил за открытое сопротивление мирной инициативе А.Садата»[10]. 19 ноября 1977 г. состоялся исторический визит египетского лидера в Израиль, в ходе которого он объявил о готовности к мирному соглашению с Израилем. Последствием этого визита стал договор, подписанный между сторонами 17 ноября 1978 г. в Кемп-Дэвиде. 26 марта 1979 г. между Израилем и Египтом был подписан всеобъемлющий мирный договор, положивший конец состоянию войны между двумя государствами.

Эти изменения показали палестинским лидерам, что существует реальная возможность урегулирования отношений между Израилем и арабскими странами вне контекста нахождения решения палестинской проблемы. Через три дня после визита египетского президента в Израиль Я.Арафат выпустил совместное коммюнике с Х.Асадом, в котором, в очередной раз отступив от принципа невмешательства во внутренние дела арабских государств, заявил следующее: «Мы требуем от великого египетского народа и от его непобедимой армии открытого неповиновения такому предательству арабской нации». В ответ А.Садат закрыл офис ООП в Каире и радиостанцию «Голос Палестины».

18 февраля 1978 г. на Кипре от рук бойцов организации Абу-Нидаля погиб президент совета директоров выходящей в Египте газеты «Аль-Ахрам», генеральный секретарь египетской «Организации солидарности народов Азии и Африки» Ю.Ас-Сибаи. Египет использовал этот инцидент как повод для официальной атаки на лидеров палестинских организаций. По утверждению А.Садата, у ООП, «этого сборища клики карликов и наемных убийц», нет те-

перь права представлять палестинский народ. В рамках последовавших вслед за этим санкций египетские власти отменили ряд имевшихся у палестинского населения в Египте привилегий, полученных еще в 50-х годах. Приток палестинского студенчества в египетские университеты был заморожен, а бесплатная медицинская помощь, оказываемая палестинскому населению, была отменена. Египетская пресса начала широко распространять миф о том, что, поскольку палестинцы активно участвовали в земельных сделках с евреями до 1948 г., у них нет права на землю[11].

Политика египетского президента привела к двум существенным изменениям в истории палестинского движения. Во-первых, на арабской дипломатической арене ООП теряло верного союзника, что автоматически означало изоляцию палестинской организации в арабском мире и почти полную потерю всех существенных достижений предыдущих периодов. Во-вторых, на палестинской арене был заключен долгожданный союз между различными палестинскими организациями, составлявшими ООП, выступавшими теперь единым фронтом против мирных инициатив египетского президента.

Декабрь 1977 г. начался для лидеров палестинских организаций с поисков союзников в арабском мире. Альтернативой одному надежному союзнику, каким был для ООП Египет, стала вряд ли выгодная, но уж точно – принудительная, позиция палестинской организации как одного из членов Фронта стойкости и противодействия, образовавшегося 2 декабря 1977 г. и включавшего представителей Ливии, Сирии, Алжира, Йемена и Ирака. Днем раньше в столице Ливии Триполи произошла встреча трех палестинских организаций: ФАТХа, ДФОП и ФО, на которой было объявлено о бойкоте режима А.Садата.

6 октября 1981 г. во время армейского парада в Каире президент Египта А.Садат был застрелен группой молодых египетских военных, принадлежавших к исламским фундаменталистам. Это вызвало приступ радости среди палестинских лидеров. С. Халаф писал: «В этот день было покончено с позором, который олицетворял А.Садат. Египетский народ наглядно показал, что палестинская проблема существует, а того, кто хочет похоронить ее, ждет суровая казнь»[12]. Вскоре однако, обнаружилось, что сменивший А.Садата на посту президента Египта Х.Мубарак продолжил политику своего предшественника.

В целом, политическая обстановка с точки зрения палестинцев оставалась крайне неблагоприятной. В этот период ООП проводила так называемую осторожную политику, когда ни одно решение ее лидеров не влекло за собой резкой перемены курса. Этот принцип наиболее отчетливо проявился в реакции ее лидеров на план мирного урегулирования, предложенный будущим королем Саудовской Аравии (в то время еще наследным принцем) Фахдом 7 августа 1981 г.

План Фахда включал следующие положения: уход Израиля с территорий, захваченных им в 1967 г., включая восточную часть Иерусалима, с последующей передачей территорий под опеку ООН на переходный период, ограниченный несколькими месяцами. После этого переходного периода на территориях будет основано независимое Палестинское государство со столицей в Иерусалиме. 7-ой пункт плана гласил: «Все страны региона будут сосуществовать в мире и добрососедстве».

Открывшаяся 12 ноября 1981 г. арабская встреча в верхах в городе Фесе в Марокко, призванная одобрить план Фахда, закрылась спустя пять часов из-за нежелания лидеров арабских стран принять проблематичный 7-ой пункт. Для одобрения мирной инициативы короля Фахда понадобились кровопролитные месяцы войны в Ливане. С 6 по 9 сентября 1982 г. произошла очередная арабская встреча в верхах в Фесе. На ней был представлен полностью измененный 7 пункт, звучавший теперь следующим образом: «Совет Безопасности ООН гарантирует мирное сосуществования стран региона, включая независимое Палестинское государство». Удовлетворившись такой формулировкой, арабские лидеры приняли план Фахда. План был одобрен 16-ым съездом ПНС с важной поправкой: было подчеркнуто, что «политические переговоры, которые начнутся на основе плана Фахда, должны происходить параллельно с военной борьбой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Военная борьба будет вестись ради воплощения в жизнь прав палестинского народа». Сам Я.Арафат в речи на 16-ом съезде ПНС одобрил положения мирной инициативы Саудовской Аравии как «план-минимум».

Принятие палестинцами плана Фахда ознаменовало начало трехсторонних переговоров между ООП, Иорданией и США Это вызвало крайнее недовольство сирийских властей и послужило созданию просирийской оппозиции Я.Арафату в рядах ФАТХа. Новый этап в истории палестинского национального движения, начавшийся со вторжения израильских войск на территорию Ливана в 1982 г., характеризовался мощной дипломатической активностью. Если в 1974 г. идеология палестинского движения приравнивала политическую борьбу к военной, то спустя восемь лет политическая борьба стала доминирующей. В какой-то момент стало ясно, что дороги назад нет. Потеря последнего прибежища палестинских партизанских отрядов – Ливана – только усилила это ощущение.

III. 1982–1987: переоценка ценностей

С середины 70-х годов сирийское правительство ждало своего часа, чтобы осуществить долгожданную мечту – взять под контроль ООП. Сирия с тревогой следила за укреплением ее политического статуса на международной арене. Мирные переговоры с включением ООП в качестве равноправного партнера представлялись сирийским властям абсолютно неприемлемыми, в частности, из-за вполне ре-

альной перспективы создания Палестинского государства на территории Западного берега. Это похоронило бы надежду распространения власти сирийской партии Баас на регион, включающий в себя Ливан, Иорданию, собственно Сирию и территории Западного берега и сектора Газа. Укрепление позиции ООП на международной арене сопровождалось военными столкновениями, раз за разом подвергавшими опасности и без того шаткое положение палестинских организаций в Ливане.

11 марта 1978 г. боевики ФАТХа захватили израильский автобус и застрелили всех пассажиров – 31 человека. В ответ, 15 марта, части израильской армии вступили на территорию Ливана, заняв весь юг страны вплоть до реки Литани. Количество палестинских жертв и потерь среди коренного населения исчислялось сотнями. Сирийские войска оставались лишь пассивными наблюдателями событий. Когда 5 июня 1982 г. израильские войска под предлогом «предотвращения опасности, нависшей над севером Израиля от палестинских винтовок»[*13] начали широкомасштабную операцию в Ливане, получившую название «Мир Галилее», палестинцы обнаружили, что не только сирийские власти, но даже верные союзники ООП в период гражданской войны в Ливане – отряды друзов – оказались не в состоянии протянуть руку помощи терпящей бедствие организации. За первую неделю, не встречая особого сопротивления со стороны палестинцев, силы израильской армии дошли до южных кварталов Бейрута[**]. 11 июня 1982 г. был заключен израильско-сирийский договор о прекращении огня. Это ознаменовало конец первого этапа войны. В тот же день израильские войска осадили Бейрут. Осада ливанской столицы продолжалась без малого три месяца. В этот период происходили непрямые переговоры между палестинской и израильской стороной. Палестинцы прекрасно понимали, что, рано или поздно, им придется оставить стратегически важные форпосты на юге Бейрута. Суть пере-

---

[*] 24 июля 1981 г. между лидерами ООП и Израиля было подписано соглашение о прекращении огня. С этого момента на израильской северной границе установилось относительное спокойствие. Поэтому цели израильского правительства были гораздо серьезнее, и заключались в попытке полного уничтожения инфраструктуры ООП, приостановления мирных переговоров между США и ООП и смены власти в Ливане, с целью возможного подписания мирного договора между Израилем и его северным соседом в будущем.

[**] Несмотря на то, что палестинцы располагали довольно подробными данными о планах израильских войск, полученными от сирийской, советской и египетской разведок, ни одна из оценок ситуации палестинской разведкой не предполагала занятия Бейрута израильтянами. Когда Я.Арафат, обладавший хорошо развитой «политической интуицией», объявил о призыве всех палестинцев от 16 до 39 лет, члены НФОП обвинили лидера ФАТХа в нагнетании напряженности и безосновательной панике.

говоров, таким образом, заключалась в попытке достижения компромисса, максимально выгодного для ООП[***].

В середине августа, при посредничестве Франции и США, был подписан долгожданный договор о размежевании сил. Под их контролем 21 августа началась эвакуация 14,5 тысяч палестинцев и сирийских солдат, закончившаяся 1 сентября. Сирийские войска отошли в долину Бекаа в Восточном Ливане. Я.Арафат со своим штабом перебрался в Тунис, а его боевики были эвакуированы в восемь арабских стран (Около половины палестинцев перебралось в Сирию, остальные – в Алжир, Тунис, Южный Йемен, Северный Йемен, Судан, Ирак и Иорданию). 1 сентября 1982 г. было официально заявлено об окончании операции «Мир Галилее».

14 сентября 1982 г. президент Ливана Б.Жмайель погиб при взрыве двухсоткилограммовой бомбы в штаб-квартире фалангистов в Бейруте. Судя по всему, это убийство было совершено совместно сирийцами и противниками Б.Жмайеля из лагеря ливанских христиан. В ту же ночь, по приказу министра обороны А.Шарона, израильская армия вошла в Западный Бейрут. В официальном заявлении правительства Израиля причиной этого было названо стремление «предотвратить опасность беспорядков, кровопролития и хаоса в Западном Бейруте, где, в нарушение соглашения об эвакуации, остались две тысячи террористов, располагающих тяжелым вооружением»[14].

Сложилась ситуация, при которой израильская армия контролировала весь Западный Бейрут, за исключением двух лагерей беженцев – Сабра и Шатилла. 15 сентября израильский комендант Бейрута, действуя в соответствии с приказами министра обороны, санкционировал ввод в эти лагеря отрядов христиан-фалангистов, чтобы выбить оттуда предположительно находившихся там боевиков ООП. 16 сентября фалангисты вступили в Сабру и Шатиллу. К вечеру выяснилось, что фалангисты устроили в лагерях массовое убийство беззащитных мужчин, женщин и детей, объясняя его местью за смерть своего лидера Б.Жмайеля. Подразделение фалангистов покинуло лагеря утром 18 сентября, а позже было расформировано[*15].

[***] Палестинцы последовательно требовали возможности отойти в северные районы Ливана, переместить свои базы в Сирию, оставить в Ливане лишь политические учреждения ООП. Когда на все эти требования был получен отказ, палестинцы объявили о своем решении о безоговорочной эвакуации под эгидой США. После публикации Государственным департаментом США документа, обещающего международные гарантии жителям палестинских лагерей на территории Ливана, стороны пришли к соглашению, и эвакуация началась.

[*] Географическое удаление лидеров ООП от происходящей резни и ощущение предательства со стороны американского правительства, давшего обещание международных гарантий в случае ухода сил ООП из Бейрута, и

Уничтожив военное присутствие палестинских отрядов в южном Ливане, Израиль нанес непоправимый урон одной из ключевых идей палестинского национального движения – использованию силового давления как средства для достижения дипломатических целей.

Говоря о начале нового периода в судьбе палестинского национального движения, стоит выделить три наиболее важных последствия Ливанской войны. Во-первых, укрепления палестинских отрядов в Южном Ливане были для палестинцев, по их словам, «козырной картой в переговорах». Их потеря побуждала лидеров ООП возобновить дипломатическую деятельность на более высоком уровне. Во-вторых, потеря южного Ливана в качестве военной базы породила кризис политической системы всего палестинского движения. Это привело к возникновению хорошо сплоченной оппозиции в рядах ООП, поддерживаемой Сирией. В-третьих, с середины 80-х годов происходило медленное усиление влияния ООП на развитую политическую инфраструктуру территорий Западного берега и сектора Газа.

1 сентября 1982 г., когда последние силы палестинских отрядов покинули Бейрут, президент США Р.Рейган выступил с планом мирного урегулирования. Его положения могут быть сформулированы следующим образом: палестинскому населению Западного берега и сектора Газа предоставлялось «административное самоуправление» в рамках «ассоциации» с Иорданией. В плане подчеркивалась необходимость обеспечения безопасности Израиля. Решение об определении статуса Иерусалима откладывалось до «будущих переговоров». В тексте плана не упоминалось Палестинское государство. Более того, в тексте не было упоминания ООП.

Опубликование плана Рейгана поставило перед палестинскими лидерами следующую дилемму: проигнорировать план и быть полностью отстраненными от участия в процессе ближневосточного урегулирования, либо выступить на мировой дипломатической арене как равный партнер по переговорам. 14 сентября король Иордании Хусейн объявил о поддержке плана Рейгана и о возможном формировании иордано-палестинской делегации для участия в мирных переговорах. Это послужило началом диалога между палестинским лидером и иорданским правителем.

Первоначальные позиции сторон заключались в следующем: Я.Арафат считал возможным создание иордано-палестинской конфе-

---

со стороны израильских войск, не вмешавшихся в сражение, послужили рождению легенды о резне в Сабре и Шатилле, якобы совершенной израильской армией, в которой, исходя из текстов двух интервью, которые дал Я.Арафат двум разным источникам, погибли 3,2 тыс. или 6 тыс. человек (израильская разведка оценивала число убитых в 700–800 человек, комиссия, назначенная ливанскими властями, говорила о 420 убитых палестинцах). Правда о количестве убитых так и не была установлена.

дерации, но только после создания палестинского государства, Хусейн был готов обсудить такой план развития событий, но только после того, как лидеры ООП объявят об одобрении резолюций № 242 и № 338. Серия переговоров началась в конце осени 1982 г. и продолжалась до весны 1983 г. Главным препятствием, помимо принятия резолюций СБ ООН, стало активное желание лидеров ООП исключить из диалога американскую сторону. Так, хотя 26 декабря 1982 г. было опубликовано совместное иордано-палестинское заявление, одобрявшее план Фахда и выражавшее стремление создать совместную делегацию и сесть за стол переговоров под эгидой США, уже 6 января 1983 г. ООП выступила с критикой плана Р.Рейгана и всей американской ближневосточной инициативы[16].

Король Иордании понимал, что любое соглашение невозможно без активного вмешательства и посредничества США. 10 апреля 1983 г. Хусейн объявил о приостановке диалога с палестинским руководством. В совместном иордано-палестинском коммюнике, опубликованном по окончанию переговоров, стороны согласились с необходимостью «нахождения эффективной формы политического действия, способного вывести ситуацию из тупика».

Дипломатическая деятельность, предпринятая ООП осенью 1982 г., не на шутку испугала сирийское правительство*. Отражением недовольства сирийских властей стал ряд встреч с лидерами НФОП и ДФОП, на которых сирийцы призвали к созданию новой, альтернативной ООП палестинской организации. Одновременно, понимая всю бесплодность этих попыток, сирийские власти начинают новую кампанию – поддержку оппозиционных кругов в самом ФАТХе. На этом этапе их усилия начали приносить плоды.

27 сентября 1982 г. от рук поддерживаемой сирийскими властями народной ливанской милиции «Амаль» погиб начальник оперативного штаба палестинских войск в Ливане С.Саиль. Следующим шагом сирийских властей стал поиск оппозиционеров среди кадровых офицеров ФАТХа. Усматривая в этом открытое сирийское давление на ООП, Я.Арафат решил укрепить свою власть в организации.

С этой целью, весной 1983 г. под предлогом подавления волнений он уволил восемь офицеров высшего эшелона и назначил двух своих

---

* Ливия также была недовольна новой политикой ООП. В январе 1983 г. ливийский лидер М.Каддафи пригласил представителей НФОП, ДФОП, «Ас-Саики» и Общего командования народного фронта Палестины в Триполи и предложил помощь в создании альтернативной ООП палестинской организации. Хотя лидеры фронтов отклонили предложение М.Каддафи, стороны подписали соглашение, осуждавшее планы Р.Рейгана и короля Фахда, переговоры с Иорданией и ослабление бойкота Египта. Когда в рядах ФАТХа началось восстание, Ливия поддержала его, оказывая финансовую помощь и снабжая восставших оружием и продовольствием.

ставленников – полковника Х.Исмаила и командира бригады «Караме» Р.Аталлу. Боевые заслуги обоих офицеров оставляли желать лучшего: в ливанской войне они оставили свои войска на произвол судьбы и бежали. Выражая несогласие с назначениями, проведенными Я.Арафатом, 9 мая 1983 г. командование бригадой «Ярмук», расположенной в долине Бекаа, захватил полковник С.М.Марара, отличившийся при обороне бейрутского аэропорта и одним из последних покинувший ливанскую столицу 1 сентября 1982 г. В течение следующих двух недель к С.Мараре присоединились и другие офицеры, выразившие несогласие с единоличной властью Я.Арафата и с тем курсом, который взяло руководство ООП. В числе требований восставших были: отставка Я.Арафата и назначение нового коллективного правления, отрицание любого плана мирного урегулирования в регионе, создание комиссии по надзору за денежными потоками организации, а также восстановление позиций палестинских боевиков в Южном Бейруте. Небольшие уступки, на которые пошел ЦК ФАТХа, как, например, назначение на должность командира палестинских войск Сирии и Ливана генерала А.Афану, не удовлетворили восставших.

На первых порах стороны воздерживались от прямого военного конфликта. Когда же уступки, на которые пошел Я.Арафат, не привели к желаемому результату, восставшие отряды резко поменяли тактику. 25 мая 1983 г. силы восставших атаковали склады боеприпасов в долине Бекаа, принадлежавшие ФАТХу. Через три дня последовала атака на продовольственные базы ФАТХа в Дамаске. Наконец, 21 июня, после продолжительных боев силами восставших была занята деревня Маджаль Анджар, а также ряд мелких населенных пунктов, находящихся на весьма важном стратегическом участке между Дамаском и Бейрутом.

На этом этапе силы восставших насчитывали, по разным оценкам, от 200 до 300 человек. Заручившись финансовой и идейной поддержкой сирийских властей, которые поспешили закрыть бюро ФАТХа в Дамаске и 24 июня выпроводить Арафата с сирийской территории, лидеры восстания создали свою собственную организацию под названием Временное командование ФАТХа (ВКФ). Члены ВКФ попытались привлечь на свою сторону НФОП, ДФОП и «Аль-Сайку», но потерпели провал. Лидеры фронтов призвали лишь к усилению демократических сил в ООП и к борьбе с буржуазными элементами, но при этом указали, что «реформы в организации должны проходить в рамках национального единства и основываться на демократическом диалоге».

Бои восставших со сторонниками Я.Арафата в Ливане продолжались до конца осени 1983 г. Различные попытки примирения, предпринятые лидерами ФАТХа, как, например, созыв двух комиссий Рабочего комитета ФАТХа в начале июля и начале августа 1983 г., раз за разом терпели провал. Лидеры восставших подчеркивали, что не

видят смысла в создании подобных комиссий. По их мнению, вместо того, чтобы удовлетворить их требования, ФАТХ пытался превратить внутреннюю проблему ООП в проблему международного значения. В течение ноября силы восставших при активной сирийской поддержке вытеснили войска, верные Я.Арафату, из двух палестинских лагерей – Аль-Бадури и Нахр аль-Бард. Арафатовские силы сконцентрировались в ливанском городе Триполи. 24 ноября 1983 г. при посредничестве Египта, Саудовской Аравии и Франции было заключено долгожданное соглашение о прекращении огня, 20 декабря того же года Арафат вместе с четырьмя тысячами своих сторонников покинул Триполи и направился в Тунис.

22 декабря, по дороге к конечной цели своего плавания, палестинский лидер, находясь в очередной раз на грани краха своей политической карьеры, сделал неожиданную остановку в александрийском порту. Поиск нового союзника начался для лидера ООП с налаживания старых связей.

Последствием встречи между Х.Мубараком и Я.Арафатом стало налаживание дипломатических отношений между Египтом и ООП на качественно новом уровне. Отныне во всех совместных палестино-египетских заявлениях будет подчеркиваться политический, более «мирный» статус ООП. Такой слог выдержан в «Каирской декларации» – заявлении палестинского лидера 7 ноября 1985 г., сделанным в Каире, в присутствии египетского правителя и его советника – У.аль-База. В заявлении, среди прочего, было сказано: «ООП напоминает о том, что в 1974 г. было принято решение, отвергающее все формы *внешних военных операций* и любое проявление *террора,* и вновь подтверждает это решение»[17]. Положения «Каирской декларации» являлись, таким образом, напоминанием дипломатическому миру и прежде всего – США, что палестинское руководство сделало существенный шаг в сторону осуждения террористической деятельности.

В налаживании дружественных дипломатических отношений с Египтом можно видеть также и прямой вызов сирийской политике борьбы за влияние в рядах ООП. Принимая во внимание весьма шаткое положение ООП на международной арене, единственным выходом из создавшейся обстановки стал для Я.Арафата созыв ПНС и получение поддержки большинства членов ПНС по вопросу дальнейших переговоров с Иорданией. Получи Я.Арафат такую поддержку – этот шаг укрепил бы его статус лидера как внутри ООП, так и на международной арене.

Семнадцатый съезд ПНС открылся 22 ноября 1984 г. Впервые с 1970 г. он прошел в иорданской столице. На нем присутствовали 257 делегата от ФАТХа, Арабского фронта освобождения (АФО) и так называемых «независимых членов» ПНС. Все остальные организации, составлявшие ООП, бойкотировали съезд. Результатом заседаний стало достижение нужного Я.Арафату кворума по вопросу переговоров

с Иорданией. В своем обращении к участникам ПНС король Иордании Хусейн в очередной раз призвал ООП одобрить резолюцию № 242 как основу для переговоров о мирном урегулировании в регионе, на которых палестинская организация участвовала бы на равных с другими участниками. В заключительных решениях съезда содержался призыв к возобновлению диалога с Иорданией. Хотя съезд ПНС и одобрил дипломатическую стратегию, основывающуюся на «резолюциях ООН, относящихся к палестинской проблеме», в тексте не содержалось упоминания о резолюции № 242. Особое место в тексте заключения было отведено Египту: делегаты ПНС одобрили египетскую политику во время внутреннего кризиса в рядах ООП в 1983 г., однако подчеркнули, что ООП по-прежнему отвергает положения кемп-дэвидского соглашения.

11 февраля 1985 г. был заключен долгожданный договор между палестинским лидером и иорданским королем. Он назывался «Совместная программа действий для достижения справедливого мирного урегулирования ближневосточной проблемы и окончания израильского захвата арабских земель, включая Иерусалим [так в оригинале]»[18] и содержал следующие главные пункты:

1. Согласно принципам решений ООН и резолюциям СБ ООН № 242 и № 338, путь к урегулированию лежит через принятие формулировки «мир в обмен на территории».

2. Палестинский народ сможет воплотить в жизнь свое право на самоопределение, сделав это вместе с иорданским народом в рамках конфедерации между двумя государствами – иорданским и палестинским.

3. Будут рассмотрены и решены все аспекты палестинской проблемы, включая проблему беженцев.

4. На основе всего вышесказанного будут проведены переговоры с целью достижения мирного урегулирования. Будет созвана международная конференция, участниками которой станут все пять постоянных членов СБ ООН и все стороны конфликта, включая ООП – законного представителя палестинского народа, участвующего в конференции в рамках совместной [палестино-иорданской] делегации.

Имея на руках палестино-иорданское соглашение, Хусейн обратился к американским властям. В течение весны и лета 1985 года между сторонами шли интенсивные переговоры о составе делегаций будущей мирной конференции. Три главных требования американской стороны были следующими: лидеры ООП должны были одобрить официально и безоговорочно резолюции № 242 и № 338, объявить о согласии на проведение мирных переговоров с израильским правительством и осудить все виды террористической деятельности. Ни один из этих пунктов не следовал прямо – не из «Каирской декларации», не из иордано-палестинского соглашения.

Иордано-палестинское соглашение было важным дипломатическим шагом, предпринятым Я.Арафатом. Вместе с этим, оно угрожало

с трудом достигнутому единству рядов ООП. 25 марта 1985 г. лидеры НФОП, «Ас-Саики», Общего командования народного фронта Палестины (организация Ахмада Джибриля), и АФО объявили о создании так называемого Фронта национального спасения (ФНС). Его целью стало смещение Я.Арафата и переворот в ООП. Создание ФНС ознаменовало очередную сирийскую попытку захватить власть в ООП.

Испытывая давление со стороны ФНС, 6 февраля 1986 г. Я.Арафат официально отверг американские требования. Это привело к полной остановке переговоров с Иорданией. 19 февраля 1986 г. король Хусейн опубликовал заявление, в котором, в частности, говорилось: «Продолжать любые контакты с ООП на данном этапе представляется невозможным. В создавшейся обстановке такие контакты потеряли всякий смысл».

Решение иорданского правителя о расторжении договора с ООП послужило поводом для возвращения НФОП и ДФОП в ряды Исполкома ООП. Это нанесло мощный удар ФНС, который остался без двух главных составляющих. Как это случалось и раньше, объединение рядов ООП шло под знаком дипломатической изоляции: отказавшись от «иорданского плана», палестинская организация лишалась всех политических достижений предыдущих лет.

На этом этапе казалось, что палестинское движение повернуло вспять. С середины 1984 г., используя нестабильность ливанского правительства, ФАТХ, НФОП и ДФОП возобновили рейды с ливанской границы на территорию Израиля*. Это создало крайне напряженную обстановку на южной границе Ливана, грозившую перерасти в очередную войну. Постоянные стычки между отрядами ливанской милиции и жителями палестинских лагерей также не способствовали спаду напряженности на ливанской границе[19]. В целом, середина 80-х годов характеризовалась новой вспышкой военной активности ООП, как заграницей, так и на территориях Западного берега и сектора Газа**.

Восемнадцатый съезд ПНС, открывшийся 20 апреля 1987 г. в Алжире, прошел под знаком примирения ФАТХа, НФОП и ДФОП. Накануне открытия съезда на заседании ЦК ФАТХа Я.Арафат официально подтвердил аннулирование амманского соглашения от 11 февраля 1984 г. Делегаты съезда призвали к продолжению всех видов борьбы – вооруженной, массовой и политической – за достижение целей палестинского движения. Хотя съезд ПНС и осудил положения резолю-

---

* В сентябре 1982 г. с территории Ливана было совершено 15 рейдов, в мае 1983 г. – 64 различных военных операций. За лето 1984 г. среднее количество рейдов составило 75–80 в месяц.

** В 1984 г. было зафиксировано 349 военных операций, проводимых с территорий, в которых 5 израильтян были убиты и 108 – ранены. В 1985 г. число военных операций с территорий по сравнению с предыдущим годом увеличилось вдвое.

ции № 242, участники съезда выступили за необходимость созыва международной конференции в будущем. Наконец, в качестве ответа просирийскому крылу во главе с руководством ФНС, в решениях 18-го съезда ПНС говорилось, что «улучшение отношений между ООП и Сирией будет основано на решениях арабских встреч в верхах в Рабате и в Фесе. Делегаты ПНС согласны с необходимостью сохранения взаимоуважения между сторонами».

Коалиция ФНС была самым недолговечным и самым непопулярным образованием среди фракций в рядах ООП, когда-либо выражавших несогласие с правящей верхушкой палестинской организации. Два фактора влияли на крайнюю непопулярность фронта: направленность руководства ФНС на проведение «индивидуального террора», грозящего перерасти в настоящую междоусобицу, и оторванность представителей фронта от народных масс, участвовавших в палестинском движении. Идеология ФНС основывалась на отрицании всех решений, касающихся судьбы территории Западного берега и сектора Газа. Именно поэтому представители ФНС теряли ту немаловажную поддержку, которые жители территорий оказывали руководству ФАТХа.

На выборах 1972 г., проведенных израильской гражданской администрацией в городах Западного берега, победило консервативное большинство, характеризовавшееся хорошо налаженными связями с израильскими властями. Лидерам ООП стало ясно, что принятое ими решение бойкотировать выборы и не проводить никакой политической агитации среди населения Западного берега было ошибочным. Для проведения агитации ООП создало так называемое «Бюро по вопросам оккупированных территорий». Во главе его Я.Арафат поставил Х.аль-Вазира. Последовавшие события войны в Ливане в 1982 г. и восстание в рядах ФАТХа в 1983 г. только подчеркнули необходимость укрепления связи с жителями территорий в час, когда руководство ООП было, как географически, так и идеологически, оторвано от их насущных проблем. С этой целью Х.аль-Вазир создал на территориях организацию, называвшуюся «Движение молодежи» (ДМ), объединившую в своих рядах молодые кадры по принципу географической принадлежности или профессиональной связи друг с другом. С 1983 по 1986 г. на территориях Западного берега и сектора Газы в городах, университетах и на предприятиях образуются филиалы ДМ. Координация их действий, включавшая в себя политическую пропаганду, осуществлялась лидерством «Бюро». К середине 80-х движение насчитывало порядка сорока тысяч членов. Осуществляя давнюю мечту руководства ООП, руководители филиалов движения на местах вели активную пропагандистскую работу. Начавшееся в конце 1987 г. народное восстание (интифада), хоть и было спонтанным и явилось неожиданностью для руководства ООП, вспыхнуло на хорошо подготовленной почве.

IV. 1987–1991: ООП – билет на рейс Газа–Мадрид

8 декабря 1987 г. неподалеку от лагеря беженцев Джебалия, расположенном в секторе Газа, израильский грузовик врезался в легковую машину, в которой сидели четыре палестинца. Все четверо скончались на месте. Всеобщая демонстрация протеста, начавшаяся на следующий день и охватившая Джебалию и соседний с ним лагерь Балата, в течение нескольких дней распространилась по всему сектору Газа и перекинулась на города и деревни Западного берега. Это была не просто волна протеста, акция мгновенно приняла размах народного восстания, которое сами участники демонстраций так и назвали – «интифада»[20]. В волнениях особенно активно участвовала молодежь. В первые дни манифестанты бросали камни в израильских солдат, жгли покрышки и призывали примкнуть к рядам восставших новые силы, и в том числе – женщин и детей*. Спонтанное начало волнений было лишь видимостью, призванной поддержать имидж восстания как «выражения истинного желания широких масс, превративших этап вооруженной борьбы в массовую борьбу». На самом деле, демонстрации протеста организовывались и поддерживались созданным в середине 1986 г. подпольным формированием под названием Особое национальное командование (ОНК), которое, хоть и представляло себя как филиал ООП на территориях, являлось независимой от нее организацией[21]. Из воззваний его лидеров, первое из которых появилось на улицах лагерей палестинских беженцев и городов Западного берега 7 января 1988 г., можно получить представление о целях интифады: созыв международной конференции и создание Палестинского государства. Подчеркивая связь ОНК и ООП, текст воззвания говорил о необходимости «воплощения в жизнь неотъемлемых прав палестинского народа на возвращение в Палестину и самоопределения, приводящего к основанию независимого государства под управлением ООП».

Интифада настолько резко изменила политическую обстановку, что возможность созыва мирной конференции казалась уже не за горами. В новогоднем обращении к палестинскому народу Я.Арафат

---

* События первых дней интифады привели к появлению формулировки, поддерживаемой и распространяемой арабскими СМИ: «противостояние *силы слабости* палестинского народа и *слабости силы* израильского правительства». Главный идеолог интифады – Х.аль-Вазир, выделял три главных уровня народных волнений: 1) использование простых подручных средств (рогаток, бутылок с зажигательной смесью и др.), 2) формирование армейских батальонов из хорошо натренированных активистов и 3) партизанские рейды на территорию Израиля. Прекрасно понимая значение публикаций о событиях в СМИ, аль-Вазир призывал демонстрантов *не* использовать огнестрельное оружие, к каким бы действиям ни прибегали израильские власти.

напомнил три главных цели ООП: возвращение палестинских беженцев, самоопределение палестинского народа и основание независимого Палестинского государства со столицей в Иерусалиме. 9 января ЦК ООП призвал к созыву мирной конференции на основе «предыдущих арабских встреч в верхах, особенно – встречи в Фесе в 1982 г.». Следующим шагом на пути достижения поставленных целей являлось формирование палестинского правительства в изгнании, однако после ряда дискуссий лидеры ООП признали, что пока отсутствуют благоприятные условия для этого, и что «для создания таких условий необходима вторая, третья и четвертая интифада». На этом этапе гораздо большую тревогу вызывало у палестинских лидеров продолжавшееся нежелание американского правительства начать диалог с ООП. К весне 1988 г. палестинцы всерьез были обеспокоены тем, что усилия интифады могут ни к чему не привести. Убийство 16 апреля израильскими коммандос одного из ее главных идеологов – Х.аль-Вазира – только усугубило их опасения. Однако силы народного восстания были настолько хорошо организованы, что интифада не утихла, а продолжала сохранять прежний накал. Теперь, помимо демонстраций протеста, забастовок, выпуска агитационных листовок и широкого использования СМИ, интифада включала в себя еще и экономический бойкот израильских товаров, поставляемых на территории Западного берега и сектора Газа.

Начало интифады явилось полной неожиданностью не только для палестинского руководства*, но также и для короля Иордании Хусейна, который получил наглядное доказательство того, сколь малым было влияние политики его правительства на население Западного берега. Народные волнения грозили охватить анклавы палестинского населения самой Иордании. Реакция Иордании последовала мгновенно. Хусейн в очередной раз предложил возобновить диалог с ООП и сформировать совместную иордано-палестинскую делегацию для участия в мирных переговорах. Палестинские лидеры отклонили это предложение.

С этого момента дальнейшие действия короля Иордании были направлены в одну сторону – как можно более скорое политическое размежевание между территорией мятежного Западного берега и иорданским королевством. 28 июля 1988 г. он отменил пятилетний план развития инфраструктуры территории Западного берега, а через два дня распустил иорданский парламент. Наконец, 31 июля 1988 г. Хусейн заявил о прекращении административных и иных связей своей страны с Западным берегом Иордана. В заявлении, в частности, говорилось:

«Попытка создания независимого палестинского государства, помимо стремления руководства ООП воплотить в жизнь право пале-

* Примечательно, что интифада явилась полной неожиданностью и для самих лидеров ОНК, назначивших всеобщую демонстрацию протеста на 1 января 1988 г. – годовщину первой операции ФАТХа на израильской территории.

стинского народа на владение Палестиной, означает отсечение территории Западного берега от хашимитского королевства Иордании. Мы уважаем и признаем желание ООП. единственного законного представителя палестинского народа, разорвать связь с Иорданией и создать независимое Палестинское государство. Предпринимаемые нами шаги относятся исключительно к захваченной палестинской земле и к палестинскому народу, а не к иорданским гражданам палестинского происхождения, проживающим на территории иорданского королевства. Следует помнить, что Иордания – это не Палестина»[22].

12 ноября 1988 г. в Алжире открылся 19-й съезд ПНС. Ему предшествовал ряд встреч, проводимых руководством ФАТХа в двух направлениях: с представителями ОНК, – с целью получить реальную картину событий, происходивших на территориях, с одной стороны, и с лидерами НФОП, хоть и возвратившимся в Исполком ООП, но сохранившим враждебную позицию по отношению к любому мирному урегулированию в регионе, с другой. 15 ноября 1988 г. съезд ПНС принял два важнейших документа – «Декларацию независимости» и «Государственное воззвание». Тексты документов свидетельствовали о желании палестинских лидеров оповестить дипломатический мир, а более всего, – США и Израиль, о тех идеологических и структурных изменениях, которые произошли в его рядах с 1974 г., и дали (по мнению руководства ООП) возможность включить палестинскую организацию в рамки любых переговоров о мирном урегулировании в регионе. При бесспорной исторической значимости этих документов, необходимо отметить следующий факт: и «Декларация независимости», и «Государственное воззвание» были опубликованы до начала мирных переговоров, до признания ООП американской и израильскими сторонами и до начала реального строительства институтов власти Палестинского государства. В этом смысле тексты «Декларации независимости» и «Государственного воззвания» выглядят скорее как фрагменты новой идеологической платформы «для внешнего пользования», нежели как акты провозглашения независимости государства.

«Декларация независимости» провозгласила создание Палестинского государства на палестинской земле со столицей в Иерусалиме. Ее текст основывался на решении Генеральной Ассамблеи ООН о разделении Палестины на два государства от 1947 г.[23] Таким образом, в самом факте одобрения съездом ПНС этого решения содержалось признание законности существования государства Израиль. В сопровождающем Декларацию «Государственном воззвании» содержались следующие пункты:

1. Палестинское руководство видит необходимость в созыве международной конференции для урегулирования ближневосточного конфликта, в центре которого находится решение палестинской проблемы. Конференция будет проходить под эгидой ООН и при участии стран – постоянных представителей СБ ООН и всех участников кон-

фликта, включая ООП – единственного законного представителя палестинцев – на равных правах. Основой такой конференции служат резолюции СБ ООН № 242 и № 338.

2. Необходим уход Израиля со всех территорий, захваченных им в 1967 г., включая арабскую часть Иерусалима. После ухода Израиля территории будут переданы под юрисдикцию ООН на ограниченный срок.

3. Проблема палестинских беженцев должна быть решена на основе предыдущих постановлений ООН.

4. ПНС осуждает любые виды террористических актов, включая государственный террор, и одобряет в этой связи решения арабской встречи в верхах в Алжире в 1988 г. и положения «Каирской декларации» от 7 ноября 1985 г.[24]

Однако для американских властей формулировки, содержавшиеся в документах, были слишком расплывчаты. Правительство США требовало более четких определений. При посредничестве Египта и Швеции 14 декабря 1988 г. Я.Арафат созвал пресс-конференцию. В своей речи он определил три принципа политики палестинского руководства, всецело удовлетворявшие США: абсолютное и безоговорочное принятие текстов резолюций № 242 и № 338 в качестве основы для проведения переговоров, признание права Израиля на существование и осуждение любой формы террористической деятельности на любой территории. В тот же день Государственный секретарь США Джордж Шульц объявил об официальном открытии диалога между американской стороной и палестинскими лидерами.

Однако когда стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, стало очевидным, что мирный процесс «забуксовал на месте». Первый раунд переговоров завершился в декабре 1988 г. обсуждением процедурных вопросов. Второй раунд начался в марте 1989 г. и закончился ничем. Наконец, 14 мая израильское правительство обратилось с рядом требований к участникам переговоров. Согласно израильскому плану, представители палестинской делегации должны быть выбраны из числа жителей территорий. Таким образом, вся правящая верхушка ООП исключалась из процесса мирных переговоров.

Такое развитие событий представлялось неприемлемым для палестинцев. Достигнув столь многого в дипломатическом отношении, палестинское движение начало медленно откатываться назад: конференция ФАТХа, созванная в августе, призвала к эскалации вооруженного конфликта с Израилем. Хотя наиболее резкие определения были исключены из финального коммюнике, С.Халафу пришлось приложить недюжинные усилия, объясняя американской стороне, что вооруженный конфликт и террор – разные вещи. При посредничестве американской и египетской сторон переговоры о составе палестинской делегации продолжались в течение следующих нескольких месяцев.

Казалось, что вот-вот стороны придут к необходимому соглашению. Однако 30 мая 1990 г. силами израильских коммандос был предотвращен террористический акт на одном из пляжей Тель-Авива. Ответственность за этот теракт взял на себя лидер одной из фракций ООП и член Рабочего комитета ООП Мухаммад Аббас (не путать с членом ФАТХа Махмудом Аббасом – Абу Мазеном)*. Американские власти потребовали от Я.Арафата не только осудить этот теракт, но и исключить М.Аббаса из Рабочего комитета ООП. Когда палестинский лидер отказался это сделать, 20 июня 1990 г. Президент США Дж.Буш объявил о приостановке всех контактов с палестинской организацией. Вторым событием, сыгравшим свою роль в застопоривании переговоров о мирном урегулировании, стала неожиданная для многих поддержка С.Хусейна, оказанная ему Я.Арафатом во время военных действий в Персидском заливе в январе 1991 г.* Последствием этого шага палестинского лидера стал бойкот, объявленный ООП в арабском мире. Парадоксальным образом, несмотря на крайнее недовольство американского правительства, такое развитие событий в очень малой степени повлияло на судьбу мирных переговоров.

6 марта 1991 г. Государственный секретарь США Дж.Бейкер опубликовал план мирного урегулирования, включавший предложение сепаратных двусторонних переговоров между Израилем с одной стороны, и делегациями Сирии, Ливана, Иордании и ООП, с другой. Учитывая требования Израиля, план предусматривал, что в переговорах

---

* Организация Мухамада Аббаса «Палестинский Фронт Освобождения» (ПФО) представляла собой иракское крыло «Общего командования национального фронта Палестины» А.Джибриля, отколовшееся 24 апреля 1977 г. По не вполне понятным причинам, действия организации напрямую связывались американским правительством с позицией Я.Арафата. Так, например, после захвата итальянского судна «Акилле Лауро» и убийства американского гражданина Л.Клингхофера боевиками ПФО 7 октября 1985 г. американские власти превратили Я.Арафата в persona non-grata и запретили ему въезд в пределы США, когда палестинский лидер собирался произнести речь в ООН в декабре 1988 г.

* Сближение Ирака и ООП началось относительно недавно – в конце 80-х годов. Палестинские лидеры были поражены военной и индустриальной мощью иракского режима. Я.Арафат поэтично называл Ирак «стражем восточных ворот арабской нации». Ирак играл важную роль в убеждении ряда стран третьего мира признать Палестинское государство: за это они получали от иракского режима нефть и оружие. В то же время, Кувейт неоднократно обвинял ООП в коррумпированности и в том, что деньги, которые шлют кувейтские власти, идут на финансирование ХАМАСа. Последним камнем, склонившим чашу весов в сторону поддержки Ирака, были демонстрации солидарности с иракским режимом, прокатившиеся волной по территориям Западного берега и сектора Газа и даже Иордании.

могут участвовать только палестинцы, живущие на территориях Западного берега и сектора Газа, но не представители палестинской диаспоры, связанные с ООП.

Первая реакция палестинских лидеров была отрицательной. По их мнению, план Бейкера являлся лишь «улучшенным вариантом соглашения в Кемп-Дэвиде». С течением времени, однако, выяснилось, что ООП не может противопоставить плану Дж.Бейкера никакой альтернативы. В сентябре сирийские власти неожиданно объявили об участии в мирных переговорах. 18 октября Исполком ООП одобрил состав палестинской делегации, возглавляемой профессором физики, жителем Газы Х.абд аш-Шафи. 29 октября 1991 г. делегация прибыла в Мадрид.

Спустя восемь месяцев после окончания войны в Персидском заливе, 30 октября 1991 г. в Мадриде открылась международная конференция. Ее уникальность очевидна. Во-первых, израильское правительство согласилось сесть за стол переговоров с делегациями Сирии, Иордании, Ливана и ООП. Во-вторых, делегация ООП участвовала на равных в обсуждениях судьбы палестинского национального движения. Несмотря на протесты Израиля, представители палестинской делегации хоть и были выбраны из числа жителей территорий, «не связанных с руководством ООП», поддерживали постоянную телефонную связь со штаб-квартирой ООП в Тунисе. В-третьих, сложная система переговоров, разработанная участниками конференции, была призвана «соединить несоединимое», то есть – *решить все аспекты проблемы сразу, решая их по частям.* Таким образом, переговоры на мадридской конференции велись по двум каналам: четыре двусторонних встречи – представителей Израиля с сирийской, ливанской, иорданской и палестинской делегациями соответственно, и общие переговоры между всеми участниками конференции, посвященные общим проблемам ближневосточного региона: водопользования, окружающей среде, контролю за военными силами участников конфликта, проблеме беженцев и экономическому развитию. 26 октября 1994 г. было подписано первое соглашение, последовавшее в результате переговоров в Мадриде – между Израилем и Иорданией.

С этого момента в истории ООП начался новый этап: трансформация структур революционной организации в представительные институты палестинской администрации на территориях Западного берега и сектора Газа.

Заключение

1974 г. по праву можно считать переломным годом в истории всего палестинского национального движения. До этого момента оно шло по проторенному пути всех известных национальных движений подобного рода. На первом этапе происходило образование организационных структур, сплочение и формирование идеологии, весьма далекой от реальности. Изменение геополитической обстановки на

Ближнем Востоке в начале 70-х годов, а также крайняя неэффективность партизанской военной борьбы предыдущего периода, побуждали лидеров ООП искать более прагматичные пути решения палестинской проблемы. Две новых идеи, сформулированные в 1974 г. – недостижимое целое состоит из постепенно достижимых частей и политические методы борьбы также легитимны, как и военные – привели к существенным изменениям не только в стратегии палестинского движения, но и в его тактике. Новый период, начавшийся с 1974 г., характеризовался поиском различных, порой – противоречивых путей развития. В этом поиске палестинские лидеры руководствовались тремя главными принципами: необходимостью выбора союзника на международной арене, подчинении всех организаций ООП единому руководству во главе с Я.Арафатом и необходимостью сохранения национального единства.

До 1974 г. воинственная тактика, выбранная идеологами ООП-ФАТХа, побуждала его лидеров относиться к странам-участницам арабо-израильского конфликта исключительно как к базе для постоянных рейдов палестинских партизанских отрядов на территорию Израиля. Эти рейды способствовали эскалации вооруженного конфликта и должны были привести, по мнению палестинских лидеров, к всеобщей войне с Израилем. В 1970 г. король Иордании Хусейн уничтожил военную структуру палестинских организаций в Иордании. Это впервые заставило лидеров палестинцев задуматься о правильности выбранного ими пути. Более того, начавшаяся в 1973 г. Война Судного дня была развязана по инициативе президента Египта А.Садата, исключительно в стратегических интересах Египта, а не ООП. Таким образом, с 1974 г. ООП искала партнера, руководствуясь следующим принципом: союз с Египтом или Иорданией означал возможность начала мирных переговоров при обязательном посредничестве США, в то время как союз с Сирией подразумевал отказ от дипломатической деятельности и изоляцию палестинской организации на международной арене. Необходимо также напомнить, что с 1968 г. по 1985 г. у ООП был еще один немаловажный союзник – СССР. Правда, отношения между сверхдержавой и палестинской организацией характеризовались двойственностью: СССР, хоть и поддерживал ООП финансово и идеологически, всегда сохранял приоритет своих собственных интересов на Ближнем Востоке. Этот союз полностью распался с приходом к власти М.Горбачева в 1985 г.[25]

Успехи борьбы с оппозицией и сохранение единства идеологической системы во многом зависели от целенаправленной централизации власти, которую проводил лидер ФАТХа Я.Арафат. Палестинский лидер не терпел никакой оппозиции в рядах своей организации и использовал все методы борьбы – как жесткие (военное подавление), так и более мягкие – путем диалога с оппозицией. В 1974 г. была принята очень важная для ООП международная формулировка, поз-

волявшая относится к этой организации как к «единственному законному представителю палестинского народа». Довольно часто палестинский лидер успешно использовал эту формулу, стремясь доказать, что не может существовать никакой альтернативы ни палестинской организации, ни его власти. Попытки Сирии и Ливии создать организацию, подобную ООП, потерпели полный провал. Когда же в рядах ФАТХа в 1983 г. вспыхнуло восстание, санкционированное сирийским правительством, палестинский лидер умело превратил конфликт с оппозиционерами в борьбу за сохранение национального единства всего палестинского движения. Восстание в рядах ФАТХа, хоть и ослабило ООП, но не сумело разрушить его структурную иерархию. В 1987 г. палестинская организация без труда сумела использовать разгоревшееся народное волнение на территориях в свою пользу, руководя настроением толпы и начав переговоры о судьбе территорий Западного берега и сектора Газа.

Таким образом, с начала 90-х годов в истории палестинского национального движения наступил новый период. Впервые оно оказалось перед необходимостью осуществления конкретных шагов, связанных со строительством государственных структур национальной администрации. Ряд вопросов до сих пор остается открытым: как, например, проблемы, касающиеся статуса Иерусалима и возможного возвращения или выплаты компенсации палестинским беженцам. Их решение во многом зависит не столько от предложений палестинских лидеров, сколько от позиции Израиля по данным вопросам.

С 90-х годов палестинское движение вступило в период идеологического вакуума, в котором оно находится по сей день. Возвращение к воинственной идеологии прошлого (события второй интифады), а на деле – полное отсутствие цельной идеологической системы, требует незамедлительной переоценки ценностей со стороны палестинских идеологов. Пристальный анализ идеологических перемен в позициях и концепциях палестинских организаций и их лидеров в описанный в настоящей работе период позволяет надеяться, что эта задача, хоть и с очевидным трудом, но все-таки может быть ими решена.

[1] Abu lyad. My Home, My Land: a Narrative of the Palestinian Struggle. – New York: Times Books, 1981, с. 132.

[2] Полный текст программы см.: ООП, политическая поэтапная программа – официальный документ 14 съезда ПНС – Каир, 1–8 июня 1974 [араб. яз.].

[3] См.: Abu lyad, там же, с. 138.

[4] Полностью речь Я.Арафата в ООН приведена в: International Documents on Palestine // Institute for Palestine Studies and Kuwait University, 1974, с. 143.

[5] Частичный список террористических актов организации Абу-Нидаля с 1976 по 1988 годы см.: Бхор Г. Словарь ООП: люди, организации, события. – Тель-Авив: издательство министерства обороны Израиля, 1995, с. 155 [на иврите].

[6] О различных политических и военных силах в Ливане к началу гражданской войны см.: Khalidi W. Conflict and Violence in Lebanon. // Harvard Studies in International Affairs. 1979. № 38, с. 67–92.

[7] В интервью палестинскому журналу «Шуун Филистынийя» Ф.Каддуми сказал позже: «Естественно, что нам необходимы хорошие отношения с Иорданией, потому что Иордания всегда была нашим «источником вдохновения». Мы не сможем основать Палестинское государство без хорошо налаженных связей с иорданским правительством». International Documents on Palestine // Institute for Palestine Studies and Kuwait University, 1977, с. 366.

[8] International Documents on Palestine, 1977, с. 172.

[9] Цитируется по изданию: Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 3. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1986, с. 470.

[10] Abu Iyad.: там же, с. 206–207.

[11] См. Brand A. Palestinians in the Arab World: Institution Building and the Search for State. – New York: Columbia University Press, 1988, с. 61.

[12] Monday Morning (Beirut). 12–18 October 1981, с. 19.

[13] Gresh A. The PLO: The Struggle Within. – London: Zed Books, 1988, с. 225.

[14] Цитируется по изданию: Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 3, с. 823.

[15] Эпштейн А. Бесконечное противостояние. – Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 109–110.

[16] Sayigh Y. Armed Struggle and the Search of State. – Oxford: Clarendon Press, 1997, с. 555.

[17] «Шуун Филистынийя» – 1985, № 152–153, с. 100–101 [араб. яз.].

[18] Полный текст документа см. Аль-Хасан Х. Совместная программа иордано-палестинских действий. – Амман, 1985, с. 156–160 [араб. яз.].

[19] О столкновениях между ливанской милицией и палестинскими беженцами см. Sayigh Y., цит. соч., с. 580–596.

[20] Об исторических причинах, приведших к возникновению интифады, включавших в себя пренебрежительное отношение израильских властей к бедственному положению экономики на контролируемых территориях и многолетнее пренебрежение нуждами палестинского населения см.: Pressberg G. The Uprising: Causes and Consequences // Journal of Palestine Studies. 1988, № 17 (3), Э.Яари, З.Шиф. Интифада. – Тель-Авив: издательство «Шокен», 1990. С. 71–93 [на иврите], а также Sayigh Y. Struggle Within, Struggle Without: the Transformation of the PLO Politics Since 1982 // International Affairs. 1989, № 65 (2), с. 262–264.

[21] Согласно сведениям, которые предоставил Я.Сайит, инициатива в формировании ОНК принадлежала представителям ДФОП, НФОП и ФАТХа. Израильские власти несколько раз арестовывали и ссылали лидеров ОНК, их место занимали новые кадры, того же уровня подготовки. См. *Sayigh Y.* Armed Struggle and the Search of State, с. 615.

[22] «Ад-Дустур» [«Закон»], – Амман, 1 августа 1988 [араб. яз.].

[23] Полный текст документа см.: «Шуун Филистынийя», № 188, ноябрь 1988, с. 3–5 [араб. яз.].

[24] Полный текст документа см.: там же, с. 6–12.

[25] Об отношениях между СССР и ООП см. Golan G. The Soviet Union and the Palestinian Liberation Organization: An Uneasy Alliance. – New-York: Praeger Publishers, 1980; Golan G. The Soviet Union and the PLO Since War in Lebanon // Middle East Journal. 1986, № 40, с. 285–307.

К.А.Абилов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПАЛЕСТИНЦЕВ

Вопрос правового положения арабского населения Палестины (в дальнейшем – палестинцев) возник после ликвидации британского мандата и приобрел особое значение в ходе изучения палестинской проблемы в рамках ООН, когда длительное время ее содержание рассматривалось исключительно в контексте положения палестинских беженцев.

Классификация палестинцев как беженцев до настоящего времени остается наиболее распространенной в международной практике, однако необходимо отметить, что это не единственный статус, который может быть распространен на палестинцев.

Определение правового положения палестинцев, необходимое для решения гуманитарной проблемы нескольких миллионов человек, вызывает ряд трудностей. Обусловлено это тем фактом, что, в зависимости от политических интересов, палестинцам могут быть предоставлены различные правовые статусы.

До ликвидации британского мандата на Палестину в 1948 г. существовало номинальное палестинское гражданство, приобретаемое рождением. Население Палестины, не имея британского подданства, пользовалось минимальной защитой со стороны властей государства мандатория. Упразднение мандата прекратило действие палестинского гражданства.

Согласно резолюции ГА ООН № 181 предполагалось создание арабского и еврейского государств. Создано было только одно из них – Израиль. Ни одно из государств региона не признало за палестинцами коллективного права на его гражданство/подданство. Палестинцы фактически стали апатридами, но вплоть до настоящего времени они не соответствуют определению апатрида, данному Конвенцией об апатридах[1].

Следует иметь в виду, что в ходе и результате арабо-израильского конфликта 1947–1949 гг. до 800 тыс. палестинских арабов оказались вне районов своего постоянного места жительства в Палестине[2]. Между тем, арабские государства (за исключением Иордании) отказались от практики предоставления своего гражданства тем палестинцам, которые нашли убежище на их территории и не имели никакого правового статуса.

Арабская сторона настаивала на том, что проблема палестинцев связана с правом самоопределения палестинского народа и его правом

на территорию всей Палестины, что делало необходимым предоставление особого, отличного от статуса беженца, юридического статуса. Палестинцы по требованию арабских государств были выведены из-под юрисдикции Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), поскольку деятельность УВКБ носила преимущественно гуманитарный характер, а палестинская проблема рассматривалась арабской стороной исключительно как политическая. По этой причине, а также в силу того, что палестинцы пользовались защитой и помощью других организаций, помимо УВКБ ООН, в частности БАПОР, им было отказано в статусе беженцев на основе Конвенции о статусе беженца (1951)[3]. Они могут получить его только в случае ликвидации БАПОР до окончательного решения проблемы палестинцев. При этом, исходя из п. 143 «Руководства по процедурам и критериям определения статуса беженцев УВКБ ООН» лицо, зарегистрированное БАПОР, вне пределов деятельности Агентства может рассматриваться в качестве беженца, если оно продолжает при этом отвечать критериям Конвенции 1951 г.

Автоматическое приобретение статуса беженца, согласно Конвенции, путем выезда из территорий под юрисдикцией БАПОР вызывает сомнения, поскольку данное перемещение носит добровольный, а не вынужденный характер.

На основании того факта, что палестинцы – фактически апатриды, а не беженцы, западные государства отказывают им в предоставлении убежища на своей территории. При этом детям палестинцев, родившимся на территории третьих стран, отказано в натурализации по той причине, что палестинцы не – апатриды, а лица неопределенного гражданства.

Потеряв возможность пользоваться защитой государства – мандатария, палестинцы не приобрели ни статуса апатрида, ни статуса граждан/подданных государств убежища[4], ни полноценного статуса беженца.

В свою очередь, израильские суды, игнорируя право оптации (предоставления гражданства на основе проживания при правопреемстве государств), неоднократно выносили решение о прекращении палестинского гражданства с момента ликвидации мандата и образования государства Израиль[5]. Израильский закон о гражданстве (1952 г.) фиксировал то положение, что ликвидация мандата повлекла за собой прекращение палестинского гражданства, а бывшие граждане Палестины не стали гражданами Израиля.

Согласно этому закону, бывшие арабские граждане Палестины могли приобрести израильское гражданство при том условии, что они были зарегистрированы в реестре жителей Израиля (по состоянию на 1 марта 1952), были жителями Израиля на момент вступления закона в силу (14 июля 1952) и находились в Израиле со дня создания государства до момента вступления закона в силу или въехали в государство на законных основаниях.

Лица, перемещенные в результате первой арабо-израильской войны, фактически лишались возможности приобрести израильское гражданство (за исключением примерно 50 тыс. палестинцев, перемещенных на территориях, вошедших в состав Израиля), поскольку не находились в Израиле.

Данное положение осложнял Закон о предупреждении проникновения (1954 г.), согласно которому депортации подвергалось любое лицо, сознательно и незаконно въехавшее в Израиль с момента решения ООН о разделе Палестины (29 ноября 1947 г.), которое до этого было гражданином, жителем или посетителем в арабских странах, враждебных Израилю, либо бывшим гражданином или жителем Палестины, покинувшим место своего обычного жительства в районах, вошедших в состав Израиля.

В настоящее время палестинцы в тех или иных сочетаниях могут претендовать на несколько следующих статусов или обладать одним из них:

– статус палестинского беженца согласно критериям БАПОР ООН;
– статус беженца согласно УВКБ ООН;
– статус апатрида;
– статус перемещенного лица;
– статус внутренне перемещенного лица;
– статус экономического переселенца;
– статус гражданина/подданного.

Первоначально регистрация палестинцев БАПОР носила практический характер, поскольку давала представление о количестве лиц, находящихся под юрисдикцией Агентства. Однако позже этот процесс приобрел и юридическую составляющую, поскольку в международную практику вошел обычай называть лиц, зарегистрированных БАПОР, «палестинскими беженцами». Это положение, в частности нашло отражение в инструкциях БАПОР, которые классифицируют «палестинского беженца» как «любое лицо, обычным местом жительства которого была Палестина в период с 1 июня 1946 г. по 15 мая 1948 г., потерявшее свой кров и источники пропитания в результате конфликта 1948 г.»[7]. Определение беженца, данное резолюцией ГА ООН № 194, основано на том же принципе.

Конвенция о статусе беженца и протокол к ней предполагают качественно другое определение беженца, которое распространяется на лицо, которое, «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего обычного прежнего местожительства в резуль-

тате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений»[8].

Инструкция же БАПОР предоставляет статус беженца на более узкой основе, поскольку подразумевает четкое временное ограничение[9] и только одну причину массового исхода – конфликт.

Согласно нормам международного права, члены семьи беженца имеют тот же статус, что и родители. В случае, если статусом беженца обладает только один родитель, а второй является лицом без гражданства, БАПОР предоставляет детям таких лиц статус беженца.

Ниже приводятся данные о географическом распределении палестинцев по состоянию на май 2000 г.

	Численность палестинцев[6] (чел.)	Беженцы по линии БАПОР (UNRWA) (чел.)	Доля палест. беженцев по отношению к числу палестинцев (%)
АРЕ	51805	-	-
Западный берег и сектор Газа	3084880	1407631	45,63
Израиль	1094350	-	-
Иордания	2472501	1570192	63,50
Ливан	456824	376472	82,41
Сауд. Аравия	291778	-	-
САР	494501	383199	77,49
ССАГПЗ	149786	-	-
Ливия и Ирак	78884	-	-
Др. арабские государства	5887	-	-
Др. государства	473499	-	-
Итого	8675056	3737494	43,08

На настоящее время БАПОР зарегистрировало более 3,7 млн. палестинцев. В международной практике этих людей принято называть, как указывалось, «палестинскими беженцами», однако в строгом смысле эти лица не имеют статуса беженца, поскольку не удовлетворяют требованиям Конвенции о беженцах и не находятся под юрисдикцией УВКБ ООН. На этом основании, как отмечалось, некоторые западные государства на практике отказывают палестинцам в праве убежища.

Примерно 104 тыс. палестинцев зарегистрированы в качестве беженцев УВКБ ООН. Будущее данной категории лиц, находящихся вне пределов деятельности БАПОР, не вызывает никаких разногласий, поскольку к ним применим один из стандартных механизмов решения проблемы беженцев.

Тем не менее, существует некоторое количество палестинцев, не зарегистрированных БАПОР, поскольку они однозначно не являются перемещенными в результате конфликта 1948 г., и не обладающими

гражданством/подданством какого-либо государства. К этой категории лиц относятся арабы, постоянным местом жительства которых являются Западный берег р.Иордан[10] и сектор Газа. По приблизительным оценкам, их количество колеблется от 1,7 до 2,1 млн. человек.

Палестинцы без гражданства на Западном берегу и в секторе Газа до недавнего времени являлись лицами, размещенными на оккупированных территориях и пользовались защитой, предусмотренной IV-й Женевской конвенцией. При этом их правовой статус осложнялся тем, что до введения режима оккупации они не обладали гражданством какого-либо государства.

После подписания соглашений Осло и образования Палестинской национальной администрации (ПНА), под формальную юрисдикцию которой переходили Западный берег и сектор Газа, правовой статус лиц, проживающих на данных территориях, претерпел серьезные изменения. Провозглашение палестинского самоуправления и учреждение соответствующих институтов создавало условия для обеспечения защиты палестинцев со стороны вновь образованных органов. Однако режим фактической ре-оккупации территорий, начиная с 2000 г., и ограничение юрисдикции ПНА позволяют констатировать, что указанная категория лиц продолжает оставаться апатридами.

Война 1967 г. привела к перемещению большого числа людей (по различным данным, – от 350 до 800 тыс. чел.). При этом перемещению подверглись, в основном, лица, зарегистрированные БАПОР, т.е. палестинские беженцы.

Окончание военных действий и введение режима оккупации захваченных территорий привели к тому, что лица, постоянно проживающие в данных районах, не смогли вернуться к своим очагам (по израильским оценкам, – до 110 тыс. чел.). Фактически эти лица составили вторую волну палестинских беженцев, однако в международной практике их принято называть перемещенными лицами.

К категории внутренне перемещенных лиц относятся примерно 30 тыс. палестинцев, перемещенных в результате конфликта 1947–1949 гг., но оставшихся на территории Израиля; палестинцы, чьи земли позднее были конфискованы властями с целью возведения израильских поселений, и палестинцы, перемещенные в ходе войны 1967 г., но оставшиеся на территориях, контролируемых Израилем. Точных данных об этой категории нет, однако, по приблизительным оценкам, их численность на настоящий момент достигает 150 тыс. человек[11].

Экономическими мигрантами, в основном, являются две категории палестинцев:

– палестинцы в странах второго убежища, куда они мигрировали по экономическим соображениям из зон деятельности БАПОР, что лишило их статуса лиц, зарегистрированных Агентством;

– палестинцы в Израиле, которые по экономическим мотивам перемещаются внутри самого государства[12].

Некоторое количество палестинцев после своего исхода из Палестины приобрели гражданство/подданство другого государства. Главным образом, речь идет о палестинцах, получивших иорданское подданство, – примерно 1 млн. чел. Эта категория лиц является подданными государства проживания и пользуется в полном объеме правами, ей предоставленными.

Проблема палестинцев или, как ее принято называть, «палестинских беженцев» требует ясного разграничения различных групп палестинцев с целью решения их проблемы. В международной практике существуют механизмы, позволяющие решить как проблему апатридов или беженцев[13], так и других, менее крупных групп палестинцев. Однако каждый из этих вариантов предполагает сочетание с проблемой в гуманитарном контексте, что не соответствует интересам арабской стороны. Ведь осложнения, связанные со статусом палестинцев, вызваны политическими мотивами, поскольку определение статуса различных групп палестинцев предполагает дробление проблемы «палестинского народа».

В настоящее время решение проблемы основано на необходимости создания палестинского государственного образования, способного, прежде всего, предоставить свое гражданство апатридам и обеспечить хоть и номинальное право на возвращение для палестинских беженцев. Необходимым элементом этого процесса является принятие ООН новых резолюций, которые, учитывая неоднородность международного статуса палестинцев, предоставили бы правовую основу для решения их проблемы.

[1] Согласно ст. 2 п. i Конвенции, ее положения не распространяются «на лиц, которые в настоящее время пользуются защитой или помощью других органов или учреждений ООН, кроме Управления Верховного комиссара по делам беженцев».

[2] Это число включает более 50 тыс. перемещенных, но оставшихся на территории Израиля, палестинцев.

[3] Согласно ст. 1 п. D Конвенции, «Положения настоящей Конвенции не распространяются на лиц, которые в настоящее время пользуются защитой или помощью других органов или учреждений Организации Объединенных Наций, кроме Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев».

[4] Здесь и далее – за исключением Иордании.

[5] В частности, Верховный суд Израиля в деле Hussein v. Governor of Acre Prison (1952).

[6] Данные приведены по: Abu Sitta S. Palestine 1948 – Commemoration of Al-Nagba. – London, Palestine Return Center, 2000.

[7] UNRWA Instructions Concerning Registration and Eligibility, 1 Jan., 1993, par. 2.13.

[8] Ст. 1, п. A (2) Конвенции о статусе беженца (1951).

[9] Временные ограничения, предусмотренные в Конвенции о статусе беженца, были сняты Протоколом, касающимся статуса беженцев, принятым резолюцией ГА ООН № 2198 (1966) и вступившим в силу в 1967 г. (ст. 1, п.2).

[10] За исключением лиц, проживающих на Западном берегу, но имеющих иорданское подданство.

[11] См.: Palestinian Refugees // PASSIA special bulletin, – Jerusalem, May, 2001.

[12] Юридический статус экономических мигрантов в Израиле не вызывает споров, поскольку правовой статус этих лиц очевиден, они – граждане Израиля, и пользуются предоставляемыми им правами и привилегиями. Вопрос же о том, насколько в равной мере с другими слоями израильского населения их интересы соблюдаются государством – правозащитная проблема внутригосударственного характера.

[13] В частности, ст. 33 Конвенции об апатридах предполагает натурализацию лиц без гражданства, ст.1 п. С (1,3). Конвенции о беженцах говорит о возможности возвращения беженцев или размещения в третьих странах, а ст.34 о скорейшей их натурализации.

С.И.Симановский

ТРИ ГОДА ИНТИФАДЫ И ПАЛЕСТИНСКАЯ ЭКОНОМИКА

28 сентября 2003 г. исполнилось три года со дня начала интифады Аль-Акса. Вооруженное противостояние между сторонами ближневосточного конфликта привело за эти годы к гибели почти 900 израильтян и свыше 2,5 тыс. палестинцев. Помимо людских потерь, существенно ухудшилась экономическая ситуация в регионе. Особенно заметно это коснулось территории, управляемой Палестинской национальной администрацией (ПНА), социально-экономические проблемы которой обострились до резко обозначившегося кризисного состояния. Бумеранг интифады ударил не только по экономике Израиля, явившись одной из основных причин ее спада за последние три года, но и нанес значительный ущерб народному хозяйству ПНА, доведя его до ситуации, близкой к национальной катастрофе. В результате, население автономии, проживавшее в относительной бедности, оказалось в состоянии крайней нищеты.

Палестинская экономика до интифады

До подписания соглашений в Осло в сентябре 1993 г. экономика палестинских территорий (которые потом перешли под управление ПНА), находилась на довольно низком уровне. В отличие от других арабских стран, хозяйственный комплекс которых традиционно включал такие отрасли, как сельскохозяйственное производство, местную промышленность, ремесла, мелкую торговлю, разработку природных ресурсов и их экспорт, туризм, в палестинской хозяйственной структуре отсутствовал такой важный фактор, как добыча и переработка топливно-энергетических ресурсов (нефти и газа), других полезных ископаемых. По этой причине палестинский лидер Я.Арафат для поддержания сносного уровня жизни жителей контролируемых районов вынужден был довольствоваться в основном пожертвованиями со стороны богатых арабских соседей – Саудовской Аравии, Кувейта, Ирака и некоторых других мусульманских стран. Однако ситуация изменилась в связи с подписанием израильско-палестинских соглашений в Осло, после чего в новую территориально-административную структуру, утвержденную в 1995 г. решением ООН, иностранная финансовая помощь стала поступать щедрым потоком.

Особенно заметно возрос жизненный уровень палестинцев на территории ПНА с 1996 г. по 2001 г. Экономическое положение в этот

период было для ПНА самым благоприятным с самого начала ее существования. Национальный доход вырос на 30% в реальном исчислении. Этот значительный рост стал возможным благодаря масштабной помощи западных стран и благоприятствующей политике Израиля, стимулировавшего создание и развитие палестинской промышленности, сельского хозяйства и торговли путем отмены разного рода таможенных и финансовых ограничений.

Несмотря на то, что прирост населения в ПНА был одним из самых высоких в мире (3,8%), доходы на душу населения выросли почти на 15%. Улучшение ситуации наблюдалось практически во всех сферах. Например, количество граждан автономии, живущих ниже черты бедности (которая была определена как доход в 2 долл. в день на человека), сократилось с 29% до 21%, безработица уменьшилась до 9%. Капиталовложения в сектор частного предпринимательства выросли на 50%. Инвестиции начали осуществляться также и арабами, бывшими жителями Западного Берега Иордана и Газы, проживающими в США и Канаде. Деньги вкладывались не только в традиционные отрасли ремесленного производства, швейной и текстильной промышленности, но и в металлообработку, производство запчастей к автомобилям и даже электронику.

Западные страны через Всемирный Банк вложили в тот период около 6,5 млрд. долл. в сотни разнообразных программ и проектов ПНА – социальных, культурных, образовательных, в развитие частного сектора. Фактически за счет этих средств велось строительство шоссейных дорог, общественных зданий и жилых кварталов, развитие туризма. Поступление с Запада обеспечивали функционирование детских садов и школ, больниц и поликлиник, средств связи, коммунальных служб. На иностранные (в том числе и израильские) деньги действовала правоохранительная система ПНА, включая суды и полицейские участки. Прообраз будущей палестинской армии – вооруженную полицию – помог создать Израиль. Вместо обусловленных соглашениями в Осло 24 тыс. чел. она уже тогда насчитывала 40 тыс., сегодня – 60 тыс. чел.[1]

Были созданы и успешно функционировали местные органы власти, учебные заведения по подготовке учителей, курсы профессионального обучения и повышения квалификации для жителей автономии, действовала система налогообложения. Западный налогоплательщик, по существу, содержал целую армию палестинских чиновников, достигавшую 120 тыс. чел.

За годы, прошедшие после подписания соглашений в Осло, ПНА были созданы сотни фирм (в основном мелких). Один из главных архитекторов соглашений в Осло – бывший премьер Израиля Ш.Перес – с помощью своего Фонда мира начал вкладывать международные и израильские деньги в совместные технопарки, формируя высокотехнологичные отрасли – сферу «хай-тек».

К началу 2001 г. ВВП ПНА достигал 5 млрд. долл. И хотя эта величина составляла лишь около 5% ВВП Израиля, это было весьма за-

метным достижением для еще 10 лет назад нищих палестинцев. Средняя величина удельного ВВП на душу населения в мусульманско-арабском мире составляла около 1 тыс. долл., тогда как в ПНА, при численности населения 3 млн. чел.), – около 2 тыс. долл.

Увеличился объем внешней торговли (около 90% палестинского импорта поступает из Израиля или через Израиль), начал формироваться банковский сектор. Согласно прогнозу Палестинского экономического совета по развитию и реконструкции, экономический рост на 2001 г предполагался на уровне 7%, что соответствовало, например, темпам хозяйственного развития Китая[2].

По своим экономическим показателям до начала интифады Аль-Акса ПНА была третьим торговым партнером Израиля, причем во взаимном товарообороте израильский экспорт значительно превышал импорт. В соответствии с Парижским протоколом, подписанным Израилем и ООП в апреле 1994 г., Израиль и ПНА сохраняли единое экономическое пространство. В связи с отсутствием у ПНА промышленности, ее трудоспособные граждане выезжали на работу в Израиль, а работники сельскохозяйственного сектора поставляли свою продукцию на израильские рынки.

До начала интифады товарообмен между Израилем и ПНА составлял 3,2 млрд. долл. в год. Израильский экспорт в ПНА был достаточно высок – 3 млрд. долл. в год (10% всего экспорта страны) при 120 млн. долл. экспорта в остальные арабские страны. Импорт Израиля из ПНА был значительно (примерно в 15 раз) меньше – около 200 млн. долл. ПНА направляла в Израиль 89% своего экспорта, основу которого составляли цитрусовые, изделия из кожи, мрамора, керамика, стекло.

ПНА представляла собой огромный резервуар дешевой рабочей силы для Израиля. До интифады в стране официально работали 120 тыс. палестинских рабочих, или 6% всей рабочей силы. В настоящее время большинство из них заменено 200-тысячным контингентом из других стран[3].

Следует особо отметить, что палестинские территории Западного берега и сектора Газа с 1968 г. и по 2000 г. включительно, т.е. в течение более 30 лет, поддерживали свою экономику главным образом за счет экспорта рабочей силы в Израиль и ряд других соседних стран. По оценке группы экспертов Всемирного банка, приведенной в опубликованном в мае 2003 г. аналитическом отчете о состоянии палестинской экономики в условиях интифады, это сделало палестинское хозяйство одним из самых зависимых в мире.

В 70-е годы XX в. в связи с нефтяным бумом на Ближнем Востоке жители Западного берега и Газы в массовых масштабах выезжали на работу в страны Персидского залива и другие соседние нефтедобывающие государства. В конце 70-х годов значительное количество палестинцев отправлялось на строительные работы в Амман (Иордания), который тогда переживал строительный бум в связи с наплывом беженцев из Бейрута (Ливан), где в то время шла гражданская война.

Однако наибольший процент палестинской рабочей силы приходился на Израиль. Относительное экономическое благополучие палестинских территорий в конце 70-х и начале 80-х годов практически полностью зависело от дохода, получаемого рабочими-палестинцами в Израиле. Тогда они пользовались привилегией свободы перемещения по израильской территории в условиях отсутствия комендантского часа, контрольно-пропускных пунктов, квот и ограничений на миграцию рабочей силы. Палестинцы могли также переезжать на Восточный берег Иордана (жители Восточного Иерусалима и Западного берега считались иорданскими гражданами, тогда как жители Газы получали для выезда в Иорданию специальные паспорта, выдаваемые мэром города Газы Р.аш-Шава, который организовал в своем офисе нечто вроде иорданского консульства). Из Иордании они уже могли направляться в Кувейт, Ирак, Саудовскую Аравию или Ливию в поисках работы. Образовательный уровень и профессиональные навыки палестинских рабочих были существенно выше по сравнению с местным населением этих арабских стран, в связи с чем они пользовались там значительным спросом.

Однако, свободу перемещения палестинцев как уникального явления для рынка рабочей силы в регионе в тот период, со временем стали ограничивать. В связи с падением цен на нефть в середине 80-х годов спрос на рабочую силу в странах Персидского залива существенно сократился. Затем в конце 1987 г. вспыхнула первая интифада, и летом 1988 г. Иордания закрыла границу с Западным берегом. Вскоре началась военная кампания в зоне Персидского залива, и в начале 90-х годов имела место массовая высылка палестинцев из Кувейта и других стран этой зоны.

Условия жизни палестинцев на территориях Западного берега и Газы стали в возрастающей степени зависеть от состояния рынка рабочей силы в Израиле. Несмотря на известные ограничения, вводимые израильским правительством в отношении миграции палестинской рабочей силы в ответ на террористические акты со стороны экстремистских палестинских организаций, в июне 2000 г. (за три месяца до начала интифады) доходы от работы палестинцев в Израиле составляли 22% совокупного национального продукта Западного берега и Газы[4].

Вместе с тем, внутренний рынок рабочей силы в самой ПНА испытывал определенное давление со стороны палестинских рабочих, занятых в Израиле, ввиду более высокого уровня получаемой там зарплаты. Это давление приводило к необходимости повышения зарплаты в ПНА и таким образом снижало конкурентоспособность товаров, изготовленных в ПНА, на внешних рынках, а также подгоняло постоянно растущую инфляцию. На выплату заработной платы уходила практически половина национального бюджета палестинских территорий.

Инфляционная проблема дополнялась также и тем, что существенная часть бюджета расходовалась на так называемые нецелевые нужды, т.е. на содержание раздутого аппарата спецслужб и

обеспечение непомерных личных потребностей их руководителей, поддержку экстремистских организаций, осуществлявших террористическую деятельность против Израиля. Так, например, ООП на протяжении многих лет получала отчисления в размере 5% от зарплаты каждого палестинского рабочего в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. Собранные деньги переводились в Испанию и Швейцарию на счета ООП, оформленные на имя «Налогового фонда освобождения Палестины». Только таким способом собиралось около 50 млн. долл. в год. Эти деньги вкладывались в многочисленные компании, занятые в торговле недвижимостью, туризме, гостиничном бизнесе, средствах массовой информации. На вырученные ими средства через сеть подставных фирм приобреталось оружие и боеприпасы, оплачивалась боевая подготовка террористов[5].

Гипертрофированная зависимость от иностранных (прежде всего израильского) рынков рабочей силы была и до сих пор остается одной из важнейших структурных проблем палестинской экономики.

Банковская система ПНА также целиком зависит от израильской: ПНА не имеет своей валюты и своего Центрального банка. Действующие на палестинских территориях банковские учреждения получают деньги, переводимые через израильские банки двумя путями, наличными при помощи частных компаний и безналичным переводом на соответствующие счета.

Согласно Парижскому протоколу 1994 г., Израиль обязан возвращать автономии налоги, взимаемые с работающих в Израиле жителей ПНА, и пошлины за товары для ПНА, перевозимые через израильскую территорию. ПНА перечисляется также налог на добавленную стоимость с реализации табачных и алкогольных изделий. По данным министерства финансов Израиля, с 1997 г. по 2002 г. включительно Израиль перевел на счета автономии более 8 млрд. шек.[6]

Одним словом, хозяйственные комплексы обеих сторон были связаны тесными экономическими связями, в постоянном и эффективном поддержании которых особенно должна была быть заинтересована ПНА.

Интифада: экономические последствия для ПНА

Однако вспыхнувшая в конце сентября 2000 г. интифада разорвала эти связи, нанеся колоссальный экономический ущерб не только Израилю, но и самой ПНА. По собственной оценке палестинцев, экономические потери ПНА уже за первый месяц вооруженного конфликта с Израилем составили около 700 млн. долл.[7]

С сентября 2000 г. до конца 2001 г. национальный доход ПНА снизился на 33%, безработица возросла с 9 до 40%. Число лиц, живущих ниже черты бедности, увеличилось до 46%, а в лагерях беженцев – до 80%. Если в начале 90-х годов доход на душу населения арабских жителей Западного берега и Газы составлял 2 тыс. долл. в год, то после полутора лет с начала интифады – 1,4 тыс. долл.[8]

Уже на начальном этапе интифады Аль-Акса ПНА несла убытки, складывающиеся из потери рабочих мест в Израиле (для 50 тыс. официально занятых там палестинских рабочих, а также многих десятков тысяч палестинцев, неофициально приезжавших в Израиль на работу), и, соответственно, утраты их заработков в Израиле.

В связи с террористической деятельностью против Израиля со стороны экстремистских палестинских организаций израильское правительство ввело систему жестких ограничений на перемещение палестинцев как по территории Израиля (так называемые внешние ограничения), так и внутри самих палестинских территорий (внутренние ограничения). Палестинские рабочие, ранее пользовавшиеся свободой перемещения в регионе, оказались фактически на осадном положении. Это привело к возникновению катастрофической ситуации в палестинской экономике, близкой к состоянию «экономического удушения».

По данным Всемирного Банка, опубликованным в его докладе в мае 2003 г., уровень безработицы в ПНА составил к концу 2002 г. уже 50%. Исходя из уровня бедности, определенного в 2 долл. на человека в день, накануне интифады 21% населения ПНА считались бедными. К концу 2002 г. бедными были уже 60% жителей палестинских территорий. В секторе Газа три четверти населения находились ниже уровня бедности.

Значительно упали уровень и качество здравоохранения. Так, например, недавние исследования показывают, что 13% жителей Газы страдают от острого истощения, что примерно соответствует аналогичному положению в неблагополучных африканских странах, таких как Конго и Зимбабве.

С 1999 г. по март 2003 г. население палестинских территорий увеличилось на 13%, тогда как ВВП сократился на более, чем 30%, потребление на душу населения упало на 40%, экспорт уменьшился на 50%, импорт – примерно на 60%[9].

Ущерб от потери рынка рабочей силы в Израиле и от его существенного сужения в самой ПНА дополнялся также за счет потерь весомой части налоговых поступлений и таможенных пошлин на палестинский импорт. К этому следует добавить ущерб от замораживания строительства и использования совместно с израильтянами промышленных зон и технопарков; потери от разрушений инфраструктуры (систем энерго- и водоснабжения, дорог, линий связи и т.п.).

Так, вследствие бесхозяйственного и неквалифицированного использования переданных палестинцам систем водоснабжения была засорена и выведена из строя значительная часть скважин, чем в немалой степени обусловлена проблема нынешнего дефицита воды в автономии. В 1994 г., например, в переданной Я.Арафату Газе действовало 1530 артезианских колодцев, а к концу 2000 г. их осталось только 130[10].

В дальнейшем объем ущерба, нанесенного интифадой экономике ПНА, возрастал за счет резкого всплеска безработицы из-за прекра-

щения сбыта ранее поступавших в Израиль традиционных ремесленных изделий и сельскохозяйственной продукции; прекращения деятельности совместных технопарков в Карни, Дженине, Туль-Карме в связи с уходом из них израильских специалистов; резкого сокращения иностранных инвестиций и уменьшения объемов внешней торговли, которую необходимо теперь организовывать по согласованию с Израилем через специальные пункты на границах с Египтом и Иорданией; прекращения сбора налогов и пошлин в Израиле в интересах ПНА; перехода в поставках в ПНА из Израиля воды, электроэнергии, газа, услуг связи, лекарств и т.д. на полные международные торговые тарифы и таможенные ставки вместо льготных условий внутренней торговли, существовавших до интифады.

По имеющимся оценкам, непосредственный ущерб от интифады для ПНА за два года с момента ее начала составил 4,5 млрд. шек. (около 1 млрд. долл.). Он охватывает общее сокращение объема торговли между ПНА и Израилем почти вдвое; резкое снижение торговли в городах, примыкающих к «зеленой черте», снижение доходов от туризма и прекращение поступлений из казино в Иерихоне. Кроме того, часть коммунальной инфраструктуры, а также жилого фонда населенных пунктов ПНА оказалась разрушенной в результате антитеррористических операций израильской армии. Согласно имеющимся данным, ущерб от боевых действий израильской армии ЦАХАЛ в ходе кампании «Защитная стена» на территории ПНА в 2002 г. составлял не менее 400 млн. долл.[11]

По подсчетам одного из руководителей министерства финансов Израиля, озвученным на совещании ответственных представителей МВФ и Всемирного Банка в Дубае (ОАЭ) 20–23 сентября 2003 г., за три года интифады ПНА понесла общий ущерб в размере 2 млрд. долл.[12]

Помимо неэффективного управления народным хозяйством ПНА администрацией Я.Арафата, немаловажным фактором наблюдаемого ныне критического состояния палестинской экономики является проводимая израильским правительством политика санкций и ограничений в отношении ПНА, предпринятая в ответ на непрекращающиеся террористические акции против Израиля.

Еще со времени первого кризиса в Персидском заливе (с осени 1990 г.) правительство Израиля стало проводить в жизнь политику ограничений в отношении палестинцев, которая стала особенно заметно проявляться после подписания соглашений в Осло.

Это, в частности, закрытие пропускных пунктов для палестинцев, направляющихся ежедневно в Израиль на работу, а также резкое сокращение транспортного сообщения между палестинскими территориями и Израилем, что затрудняет функционирование палестинской экономики и жизнеобеспечение населения ПНА.

Одной из подобных мер, по мнению ряда западных экспертов, является сооружение израильскими властями заградительного забора

вдоль границы с территориями Западного берега с полосой отчуждения за счет земельных участков, принадлежащих палестинцам. Этот забор (или «великая еврейская стена», как его иронично называют в израильской прессе) начал строиться летом 2002 г. Он представляет собой систему стен высотой до 8 метров, заграждений, траншей и иных барьеров вокруг территорий Западного берега общей длиной 360 км (из них 126 км было построено к маю 2003 г.) На некоторых участках он вклинивается на территорию Западного Берега на глубину до 6 км, окружая и практически полностью изолируя палестинские населенные пункты. Каждый километр этого забора обходится Израилю как минимум в 400 тыс. долл.

В случае его реализации, этот проект поставит под вопрос возможность существования на Западном Берегу до 95 тыс. палестинцев, которые вынуждены будут покинуть этот район. Особенно чувствительно затрагивает «забор» интересы населения крестьянских районов вблизи городов Дженина, Туль-Карма и Калькилии, на долю которых приходится 45% общего сельскохозяйственного производства Западного Берега, объем которого в 2000 г. оценивался в 220 млн. долл.

По данным ООН, до настоящего времени в результате строительства этого заграждения было уничтожено 83 тыс. оливковых и других фруктовых деревьев, изъяты из хозяйственного обращения около 15 кв. км орошаемых земель, 37 км водопроводов и 15 км сельскохозяйственных дорог[13]. Как отмечал бывший палестинский премьер М.Аббас: «Строительство этой так называемой разделительной стены является опасным продолжением израильской практики колонизации. В дополнение к конфискации земель палестинских граждан и лишению их источников существования, стена является осуществляемой Израилем мерой аннексии крупных участков земли, конфискации подземных месторождений воды, изоляции наших городов и деревень и окружения Иерусалима»[14].

Не случайно, в своем докладе эксперты Всемирного банка отмечают, что «действия правительства Израиля являются ключевым фактором ухудшения палестинской экономики в 2003 г. Последствия израильской политики экономической изоляции ПА имеют для нее гораздо большее значение, чем непродуктивная хозяйственная политика – палестинской администрации или недостаточная финансовая поддержка стран-доноров»[15]. По их мнению, снятие внутренней блокады ПНА в самой ближайшей перспективе является непременным условием предотвращения неминуемого коллапса палестинской экономики.

Ситуация могла бы улучшиться при снятии нынешнего практически осадного положения населенных пунктов на территориях ПНА, восстановлении свободы перемещения палестинцев внутри самих территорий и ослаблении ограничений на миграцию палестинской рабочей силы в Израиль и, через него, в другие государства.

Однако, подобные меры могли бы привести лишь к краткосрочному эффекту оздоровления палестинской экономики, но в длительной перспективе они вряд ли способствовали бы ее переходу на путь стабильного и надежного экономического прогресса, базирующегося на развитии собственного производства и создании рабочих мест в самой автономии.

Политика создания экспортных производств на территории автономии способствовала бы повышению жизненного уровня населения ПНА в большей степени, чем его массовая миграция на работу в Израиль и другие страны, усиливающая зависимость автономии от израильской экономики и иностранной финансовой помощи.

Иностранная помощь Палестинской автономии

Восстановление разрушенных в ходе интифады хозяйственных объектов и жилого фонда ПНА потребует значительных капиталовложений и довольно длительных сроков. Соответствующие расчеты были проведены весной 2002 г. агентством UNDP совместно с представителями Всемирного Банка и правительств Италии, Японии, Голландии, Норвегии и США. Разработчики программы по восстановлению обратились к международным донорам с просьбой выделить деньги на конкретные проекты.

По данным ООН, по состоянию на май 2002 г. уже имелись спонсоры, готовые пожертвовать в ближайшее время в общей сложности 1,2 млрд. долл. В частности, учитывая катастрофическое экономическое положение в ПНА, могущее привести к расширению экстремизма, Госсекретарь США К.Пауэлл предложил американскую помощь в размере 30 млн. долл. в дополнение к уже обещанным 80 млн. для восстановления палестинской экономики[16].

Соединенные Штаты в настоящее время предоставляют палестинцам в качестве финансовой помощи около 75 млн. долл. ежегодно[17]. Однако эти средства идут в ПНА не в виде прямой помощи, а через неправительственные организации и подрядные агентства для финансирования крупных проектов, таких как восстановление систем водо- и энергоснабжения и т.п. на муниципальном уровне в обход самой администрации ПНА, которую американские и израильские критики режима Я.Арафата обвиняют в коррупции и использовании иностранной помощи для поддержки терроризма.

Европейский Союз ежемесячно предоставляет палестинцам 10 млн. евро, и с момента заключения соглашений в Осло до начала 2003 г. перевел палестинскому руководству около 1,5 млрд. долл.[18] Только с ноября 2000 г. по декабрь 2002 г., (т.е. уже в ходе интифады Аль-Акса) включительно ЕС перечислил ПНА 250 млн. евро (280 млн. долл.) для обеспечения функционирования органов управления и поддержания систем обслуживания населения[19]. Так, например, в конце октября 2002 г. Европейский союз принял решение выделить 29 млн. евро в качестве гу-

манитарной помощи ПНА. Из них 7 млн. евро направлены на обеспечение нужд населения, еще 7 млн. – на проведение реформы юридической системы ПНА, 5 млн. – на поддержку частного сектора, 10 млн. – на обеспечение нормального функционирования системы здравоохранения[20].

В июне 2003 г. под эгидой ЕС была начата программа стоимостью 30 млн. евро для проведения палестинскими властями срочного ремонта жилого фонда и инфраструктуры в наиболее подвергшихся разрушению районах – от северной Газы до Вифлеема. Кроме того, первый платеж в 40 млн. евро был направлен в Министерство финансов ПНА для поддержки предприятий частного сектора. Очередной транш в 2003 г. предполагалось выплатить в связи с проведением в ПНА финансовой реформы. До 30 млн. евро планировалось довести в 2003 г. сумму займов и ссуд со стороны ЕС палестинским предприятиям малого бизнеса[21].

Есть немало свидетельств того, что определенная часть предоставляемых западными странами средств идет на финансирование террористической деятельности. Пресс-секретарь Европарламента Ч.Таннер, в частности, в своем письме в английскую газету «Санди Телеграф» указывал на необходимость начать расследование «сообщений, согласно которым средства ЕС нелегально направляются на финансирование террористической деятельности против израильских граждан». Далее Таннер отметил: «Чтобы был какой-либо шанс обеспечения длительного и прочного мира на Ближнем Востоке, мы должны решить серьезный вопрос о том, используются или нет деньги европейского налогоплательщика на финансирование насилия, причем решить так, чтобы не оставалось никаких сомнений». В противном случае, по словам Таннера, «израильтяне будут иметь право подать иск против ЕС за финансирование террора»[22].

7–8 июля 2003 г. в Италии состоялись переговоры между руководством ЕС и ответственными представителями правительств десяти стран Средиземноморья (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Сирия, Тунис, Турция и ПНА) о дальнейшем углублении сотрудничества и о создании к 2010 г. зоны свободной торговли в средиземноморском регионе. Особое место было уделено вопросам расширения экономического содействия ЕС Палестинской автономии и стимулирования экономического сотрудничества между Израилем и ПНА в рамках реализации плана «дорожная карта». Присутствовавшие на встрече министр промышленности и торговли Израиля и министр экономики и торговли ПА выразили готовность наладить сотрудничество между израильскими и палестинскими деловыми кругами при посредничестве ЕС с учетом появившихся симптомов возобновления мирного процесса в ближневосточном регионе.

Существенный объем гуманитарной помощи предоставляется ООН через ее Агентство по оказанию помощи беженцам – ЮНРВА, созданное в 1949 г. специально для поддержки палестинских беженцев, а также через другие учреждения системы ООН. Основное бремя по

содержанию свыше 4 млн. палестинских беженцев, из которых 1,2 млн. проживают в 59 перенаселенных лагерях (19 лагерей имеется на Западном берегу Иордана, 8 – в Газе, 12 – в Ливане, 10 – в Сирии, 10 – в Иордании), несут, как ни парадоксально, не арабские, а западные государства. Так, например, в почти 400-миллионный годовой бюджет ЮНРВА (расходуемый на осуществление неотложных программ гуманитарной помощи, а также на долгосрочные программы и проекты в сфере образования, здравоохранения и социального обслуживания) около 100 млн. долл. перечисляют США. Например, в начале августа 2003 г. США перевели 26 млн. долл. в качестве очередного транша в рамках этого бюджета на счет представительства ЮНРВА в Газе[23].

Доля арабских стран в ЮНРВА в совокупности составляет менее 5 млн. долл. Египет, главный (после Израиля) получатель американской помощи на Ближнем Востоке (почти 2 млрд. долл. ежегодно), переводит палестинцам через эту организацию символическую помощь в размере около 10 тыс. долл. в год. Богатейшие государства арабского мира – Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия – жертвуют палестинцам в рамках ЮНРВА в общей сложности 4,5 млн. долл. в год[24].

В последнее время ЮНРВА испытывает возрастающие трудности с финансированием помощи палестинцам. С каждым годом затраты на палестинские лагеря сокращаются, а количество их обитателей растет. По имеющимся данным, в 2003 г. гуманитарная помощь в расчете на каждого жителя лагеря беженцев уменьшится до 60 долл. в год по сравнению со 100 долл. в начале 90-х годов[25]. Представляется, что реально и этот показатель еще более снизится с учетом весьма вероятного переключения потоков финансовой помощи ООН и ее специализированных учреждений на гуманитарную поддержку населения Ирака после ликвидации режима Саддама Хусейна войсками антииракской коалиции.

На первую половину 2003 г. ЮНРВА подала заявку на 94 млн. долл. на проведение неотложных операций, но реально получила менее 40% запрошенных средств. В июне 2003 г. ЮНРВА запросила 102 млн. долл. для реализации гуманитарных программ помощи на Западном берегу и в Газе на второе полугодие 2003 г. Эти деньги необходимы для поставок продовольствия для 1,3 млн. чел., ремонта 3400 жилищ, а также для разработки неотложной программы создания рабочих мест. Однако, по данным главы ЮНРВА, к середине июля подтверждено выделение лишь 3 млн. долл., да и то они еще не были перечислены[26].

Сокращение объемов финансирования ЮНРВА ведет к дальнейшему уменьшению поставок продовольственной помощи, масштабы которой итак уже снижены вдвое. По-видимому, агентство будет вынуждено остановить реализацию программ восстановления жилищ, разрушенных в регионе в результате военных действий израильских войск, а также неотложной программы обеспечения занятости палестинского населения, рассчитанной на 33–35 тыс. чел. Под вопросом

также осуществление неотложных программ психологической реабилитации и начального школьного образования для жителей ПНА. С учетом приоритетного перераспределения средств из фондов специализированных учреждений ООН в пользу срочных программ помощи Ираку и некоторым странам центральной Африки, вполне реальна перспектива резкого сокращения объемов финансирования гуманитарной помощи ПНА через систему ЮНРВА.

В начале августа 2003 г. Фонд развития ООН – UNDF выдвинул предложение о создании фонда в размере 18 млн. долл. для неотложной помощи палестинцам, чьи земельные владения подвергаются отчуждению в связи со строительством израильскими властями заградительного забора вдоль границ палестинских территорий Западного берега. Эта неотложная помощь будет направлена на обеспечение занятости и улучшения социальной, муниципальной и сельскохозяйственной инфраструктуры для тысяч палестинцев, проживающих в зоне забора. Как заявил специальный представитель ЮНДФ в Иерусалиме, «необходимы срочные действия с тем, чтобы обеспечить выживание жителей, несущих ущерб от сооружения этого барьера»[27].

Вместе с тем, существенно более крупные средства предоставляются ПНА арабскими государствами по линии двусторонних связей, а также в рамках международных исламских организаций. Здесь объем финансовой помощи во много раз превышает совокупный взнос арабских стран в соответствующие программы ООН. Ведущим донором является Саудовская Аравия. Так, например, в конце января 2003 г. в ответ на просьбу Я.Арафата о помощи саудовский принц Аль-Валид ибн Таляль в очередной раз перевел 4 млн. долл. на счета ПНА. Деньги поступили в распоряжение «Палестинского центра национального сопротивления» и предназначены якобы для строительства госпиталя и центра реабилитации палестинцев, пострадавших в ходе интифады Аль-Акса[28].

По мнению израильских экспертов, подобная помощь является замаскированной формой выплаты компенсаций семьям погибших и увечных шахидов («мучеников») и таким образом служит поощрению террора, а не реальной социально-экономической поддержке населения автономии. Но и эти деньги в значительных масштабах застревают в руках коррумпированных чиновников администрации Арафата и исламских экстремистов, практически не улучшая бедственного положения палестинских беженцев.

Существенный объем финансовой помощи предоставлялся палестинцам бывшим режимом С.Хусейна. Он ежемесячно направлял Фронту национального освобождения Палестины в автономию 1,5 млн. долл. Эти деньги распределялись между семьями террористов, а также шли на финансирование террористической деятельности различных экстремистских группировок. Кроме того, во время интифады представители С.Хусейна на палестинских территориях выплачивали по 10 тыс. долл. наличными семьям тех палестинцев, которые были убиты в ходе ан-

тиизраильских беспорядков. Столько же получала и семья раненого. Это было намного выше сумм, выплачиваемых Я.Арафатом: 2 тыс. долл. семье погибшего и всего 300 долл. семье получившего ранения. Последний платеж от Саддама Хусейна в размере 245 тыс. долл. (сказалось тяжелое предвоенное положение Ирака) поступил в ПНА в начале марта 2003 г. Всего же за 2,5 года интифады палестинцы получили от Ирака свыше, 35 млн. долл.[29] Теперь этот источник поступлений в ПНА полностью утрачен.

Правительство Сирии в начале марта 2003 г. перевело на счет фонда «Сопротивление Аль-Аксы» 4,94 млн. долл. Директор Исламского банка развития направил президенту Сирии Б.Асаду послание с выражением благодарности за финансовую помощь, оказываемую палестинцам. Али отметил, что данные средства были переведены ПНА в соответствии с резолюцией саммита ЛАГ, который состоялся весной 2003 г. в Бейруте, и предназначены для поддержки палестинского сопротивления[30].

ЛАГ и Европейский Союз только в течение 2003 г. перевели непосредственно Я.Арафату и ПНА более 1 млрд. долл.[31]

Несмотря на сложную экономическую ситуацию, Палестинской администрации удавалось поддерживать относительно регулярное функционирование ряда органов муниципального управления, систем бытового обслуживания населения. Работали министерства образования и здравоохранения. Зарплата их служащим выплачивалась за счет иностранной финансовой помощи, в том числе и из стран арабского мира, причем объем заработной платы, выплачиваемой ПНА, составлял до половины общего объема заработной платы и жалованья, получаемых на палестинских территориях.

С ноября 2000 г. по март 2003 г. включительно, ПНА получила 1 млрд. долл. в качестве чисто бюджетной поддержки. Арабские страны и Европейский Союз ежемесячно переводили в автономию по 55 млн. долл. для покрытия выплат заработной платы. Фонд зарплаты ПНА, обеспечивающий существование более 900 тыс. чел., или почти одной трети населения палестинских территорий, являлся и до сих пор является ключевым фактором выживания палестинской экономики[32].

Однако, по мнению экспертов Всемирного Банка, предоставление иностранной помощи не является выходом из сложившегося кризисного экономического положения ПНА. Доходящая так или иначе до палестинцев международная финансовая помощь расходуется неэффективно, так как она направляется главным образом на компенсацию инфляции и на импортные закупки продовольственных и промышленных товаров, а не на развитие их собственного производства, создание рабочих мест, снижение безработицы и повышение налоговых поступлений в бюджет автономии.

В 2001–2002 гг. совокупный объем всей иностранной гуманитарной помощи ПНА (ею в той или иной форме охвачено 1,8 млн. чел. из

3,6 млн. ее жителей) составлял около 1 млрд. долл. в год. Однако, если даже она удвоится и составит в 2003 г. 2 млрд. долл., то и в этом случае ВВП на душу ПНА достигнет в 2004 г. лишь 54% от соответствующего уровня 2000 г.

Согласно данным Всемирного банка, к марту 2003 г. ВВП на душу населения Палестинской автономии не достигал и половины соответствующего показателя в 2000 г. Уровень безработицы составлял 53%. Поступления в бюджет ПНА от налогов и тарифов упали с 91 млн. долл. в среднем в месяц до 19 млн. долл. Продолжалось дальнейшее обнищание палестинцев. Если в 2000 г. средний бедный палестинец тратил на свои нужды ежедневно 1,47 долл., то к марту 2003 г. его расходы сократились до 1,32 долл.[33] Подобная ситуация имеет место, несмотря на то, что правительство Израиля не препятствует деятельности международных правительственных и неправительственных организаций в оказании гуманитарной помощи жителям палестинских территорий и все еще возвращает ПНА часть собираемых налогов.

Бюджет ПНА на 2003 г. в своей доходной части составляет 531 млн. долл., из которых 207 млн. долл., по данным министерства финансов ПНА, поступают из местных источников, а 324 млн. формируются за счет налогов, взимаемых Израилем в пользу ПНА. Согласно Парижскому экономическому протоколу 1994 г. к соглашениям в Осло, Израиль взимает акцизный налог на все товары, закупленные ПНА в Израиле или поступающие в ПНА через Израиль, и эти деньги затем переводятся в автономию. Подобные налоговые поступления из Израиля ПНА в среднем составляли 60–65 млн. долл. в месяц.

Однако, в декабре 2000 г., в начальной фазе интифады, тогдашний премьер Израиля Э.Барак запретил перевод налоговых фондов ПНА. Кроме 210 млн. шекелей (около 45 млн. долл.), которые Израиль перевел в автономию летом 2002 г., налоговые платежи (из принадлежащих ей средств в размере 2 млрд. шек., т.е. около 500 млн. долл.) не поступали ПНА вплоть до января 2003 г.[34]

В последнее время госдепартамент США усилил давление на Израиль с целью расширения масштабов перевода ПНА принадлежащих ей замороженных налоговых средств. В начале 2003 г. Израиль возобновил, не без влияния США, постепенный перевод этих денег палестинцам при условии, что они будут израсходованы на проведение политических и социально-экономических реформ.

Так, 4 февраля 2003 г. Израиль перечислил ПНА 280 млн. шек. из указанных средств – самая крупная сумма, перечисленная палестинцам с момента начала интифады Аль-Акса. В сумму, переданную палестинскому министру финансов, входят 180 млн. шек., накопившихся за счет взимания текущих налогов в декабре 2002 г., и еще 100 млн. шек. из указанных замороженных средств в размере 2 млрд. шек. Отныне Израиль будет переводить автономии ежемесячно по 100 млн. шек. из ранее замороженного фонда. Глава правительства Израиля Шарон

согласился направлять в ПНА, в соответствии с соглашениями в Осло, деньги из налогов, взимаемых израильским министерством финансов, при условии, что будет создан международный механизм контроля, который позволил бы убедиться, что перечисляемые деньги не идут на финансирование террористической деятельности. В январе 2003 г. руководитель канцелярии главы правительства Д.Вайсглас имел встречу по этому вопросу с послом США в Израиле Д.Керцером, и в итоге их беседы была достигнута договоренность о контроле процесса перечисления денег ПНА американскими бухгалтерами[35].

Страны Запада, с учетом перспектив реализации международной мирной инициативы «дорожная карта», рассматривают возможность постепенного расширения экономического сотрудничества с ПНА на более длительную перспективу, не ограничиваясь оказанием сиюминутной разовой финансовой помощи.

В США администрация Дж.Буша оценивала начальные шаги кабинета М.Аббаса как позитивный симптом движения к миру на Ближнем Востоке в рамках плана «дорожная карта». В связи с этим она предприняла ряд шагов по оказанию помощи новому палестинскому правительству в улучшении экономического положения ПНА.

Так, например, 30 июня 2003 г. находившаяся в Иерусалиме на встрече с представителями кабинета министров Израиля и палестинского руководства советник президента США по вопросам национальной безопасности К.Райс предложила руководству ПНА срочную экономическую помощь в размере около 1 млрд. долл. для восстановления экономики палестинских территорий. Администрация США планирует, в частности, проложить на территории автономии сеть автодорог, а также построить больницы и создать коммунальные службы. Таким образом Вашингтон рассчитывал укрепить положение бывшего в то время премьер-министром М.Аббаса[36].

В начале июля 2003 г. администрация США приняла решение направить 20 млн. долл. в качестве прямой помощи для усиления позиций премьер-министра М.Аббаса. При этом правительство Израиля было соответствующим образом проинформировано об этой акции и со своей стороны не выразило каких-либо возражений. Следует отметить, что согласно утвержденному конгрессом США порядку непосредственная помощь ПНА запрещена и должна быть проведена через международные агентства или неправительственные организации. Поэтому для оказания прямой финансовой помощи ПНА Дж.Буш должен был заручиться специальной статьей в парламентском законодательстве, разрешающей президенту США обходить указанный запрет по соображениям национальной безопасности или ввиду непредвиденных обстоятельств.

В своем письме Конгрессу администрация Дж.Буша указывала, что эти деньги необходимы правительству ПНА для установления контроля над теми районами территории, управляемой ПНА, где правопорядок пока поддерживается израильской стороной, и для ликвидации в этих

районах инфраструктуры терроризма. Выделенные средства будут также использованы для улучшения систем обслуживания населения и повышения его жизненного уровня по мере вывода израильских войск из занимаемых ими палестинских территорий, в частности обеспечения функционирования систем водоснабжения и канализации, ремонта и строительства дорог. Было также заявлено, что если эта начальная сумма помощи будет эффективно использована правительством М.Аббаса в направлении прекращения террористической деятельности против Израиля и движения к реальному миру, то в будущем масштабы американской финансовой и материальной поддержки Палестинской автономии могут быть существенно увеличены. В этом случае размер помощи со стороны США до конца 2003 г. может составить 124,5 млн. долл.[37]

Сюда входит и обещанная в начале июля единовременная помощь в размере 30 млн. долл. со стороны Программы помощи США (USAID), предназначенная для восстановления дорожной сети, систем водоснабжения и иных объектов инфраструктуры, разрушенных в результате боевых действий на палестинской территории.

25 июля 2003 г. президент Буш принял М.Аббаса в Белом Доме, где объявил о создании совместной группы по экономическому развитию Палестины. По замыслу, она должна состоять из американских и палестинских ответственных представителей и заниматься главным образом проблемами повышения занятости населения палестинских территорий и притока инвестиций в Палестину. Буш напомнил, что недавно принял решение о предоставлении ПНА прямой субсидии на сумму 20 млн. долл. Он также сообщил о возможной поездке осенью на Ближний Восток министра финансов и министра торговли, для проведения консультаций с палестинским правительством по вопросу расширения американского экономического содействия ПНА. По словам американского президента, улучшение социально-экономических условий ПНА будет способствовать нормализации положения и прекращению насилия в регионе[38].

20 сентября 2003 г. на проходившем в Дубай форуме G7 – «большой семерки» – министр финансов ПНА обратился к представителям МВФ и Всемирного банка с просьбой о выделении 1,2 млрд. долл. на 2004 г. Полученные средства будут заложены в бюджет, а часть из них будет использована для гуманитарных нужд. Министры «семерки» выразили готовность обсудить этот вопрос на очередном заседании совместно с МВФ и Всемирным Банком в ноябре 2003 г.

Присутствовавший на встрече в Дубае один из руководителей министерства финансов Израиля в интервью агентству «Рейтер» отметил, что странам-донорам следует предоставить ПНА запрошенные деньги при условии, что «они будут реально использованы исключительно для хозяйственного развития и создания инфраструктуры, а также для поддержки такого правительства, которое последовательно проводило бы в жизнь закон, порядок и экономический прогресс»[39].

Коррупция в Палестинской национальной администрации

Многолетний опыт показывает, что иностранная финансовая помощь вследствие глубокой повсеместной коррупции в административном аппарате ПНА в значительных масштабах оседает на личных счетах палестинского руководства или уходит на закупку вооружений для террористов.

Одними из первых обнаружили финансовые злоупотребления со стороны руководства ПНА арабские страны-доноры, в частности, Саудовская Аравия. Ее служба общей разведки (СОР) установила, что пожертвования, поступающие на счет администрации Арафата в пользу жертв интифады Аль-Акса, расходуются не по назначению. СОР также обнаружила, что высшие чиновники ПНА на средства, полученные от арабских стран «на нужды палестинского народа», приобрели роскошные виллы на Кипре, в некоторых европейских странах, закупили дорогие автомобили, драгоценности и другие предметы роскоши. Ввозили они эти дорогостоящие покупки на палестинские территории под видом «гуманитарной помощи», необлагаемой налогом, уходя таким образом от уплаты таможенных сборов, как в пользу Израиля, так и ПНА. Ряд высокопоставленных чиновников ПНА (в частности, руководители министерства здравоохранения ПНА) переводили средства, полученные от стран-доноров, на личные счета в зарубежных банках.

Этой информацией саудовские власти поделились с руководством других арабских стран, прежде всего Египта и ОАЭ. В итоге, в Эр-Рияде в середине января 2001 г. состоялось секретное совещание представителей ряда арабских стран по вопросу финансирования интифады и совместного контроля за расходованием предоставляемых средств. (На тот период речь шла о сумме в размере около 700 млн. долл.). Одним из результатов совещания стало решение о переводе финансовых средств ПНА не напрямую, а исключительно через Исламский банк развития (ИБР), членами которого являются 44 мусульманских государства; его штаб квартира находится в Джидде (Саудовская Аравия).

ИБР был создан в 1976 г. при организации «Исламская конференция». Его уставной капитал составляет около 3 млрд. долл. Крупнейшим пайщиком ИБР является Саудовская Аравия – 26%[40]. Она же является одним из главных исламских спонсоров ПНА. Естественно, она заинтересована в прозрачности процесса использования выделяемых ею средств в гуманитарных целях, хотя поддерживает и вооруженную борьбу палестинцев против Израиля, финансируя ООП через ее финансовый центр – Палестинский национальный фонд.

Забили тревогу по поводу коррупции в палестинской администрации и западные страны, а также международные организации. Так, представитель Всемирного Банка при ПНА отметил, что хотя многие страны и намерены оказать материальную поддержку палестинцам, они опасаются, что выделенные ими средства могут быть потрачены на другие цели[41].

В одном из своих выступлений по поводу ближневосточного конфликта в мае 2002 г. президент США Дж.Буш, в частности, отмечал: «Палестинская администрация просит денег, много денег. Что же, я готов пойти и на это. Но я не дам ни единого цента до тех пор, пока не получу веские доказательства, что выделяемые автономии средства будут израсходованы на нужды палестинского народа»[42].

В Израиле активисты объединения «НДИ – Ихуд Леуми», входящего в партийный блок «Национальное единство», предприняли 23 января 2003 г. акцию, направленную на разъяснение палестинским арабам, каково реальное экономическое положение автономии, куда девается многомиллионная финансовая помощь и каковы масштабы и формы коррупции среди палестинского руководства. Соответствующие материалы были опубликованы на арабском языке в специально изданной газете «Новости палестинской автономии» и распространены на КПП Бейт-Лехем на границе с Западным берегом, на КПП «Эрез», граничащем с сектором Газа, а также разбросаны над арабским городом Умм аль-Фахм и палестинскими деревнями в районе Вади Ара, с самолета, пилотируемого депутатом Кнессета от блока «Национальное единство» бывшим военным летчиком полковником Э.Коэном.

В этих материалах отмечалось, в частности, что в банке «Леуми» на улице Ибн-Гвироль в Тель-Авиве имеется секретный счет, на который Израиль возвращает Палестинской автономии налог на горючее, не подвергавшийся замораживанию, в отличие от других налогов. К этому счету палестинское министерство финансов не имеет доступа, а распоряжается им лично Я.Арафат и по доверенности его экономический советник, курд по происхождению, М.Рашид, известный «Мосаду» и «Интерполу» как Халед Салем. С 1997 г. по настоящее время на этот счет поступило из Израиля более 1 млрд. шек.[43]

При участии М.Рашида был открыт также аналогичный секретный счет на имя Я.Арафата в одном из швейцарских банков, на который перечисляются, помимо средств из других источников, многомиллионные поступления от доходов принадлежащего палестинцам казино «Оазис» в Иерихоне, привлекавшее ежедневно сотни израильтян. До закрытия в связи с интифадой оно приносило свыше 15 млн. долл. в месяц. Совладельцами казино являются Я.Арафат и некоторые его ближайшие доверенные сотрудники, получающие 28% прибыли этого игорного заведения.

685 млн. долл. – такова только выявленная независимыми аудиторами в начале 2003 г. при новом министре финансов ПНА С.Файяде сумма денежных средств и собственности, которой бесконтрольно управлял личный экономический советник Я.Арафата. Большая часть палестинских средств была вложена в 11 крупных предприятий в области телефонной связи и телекоммуникаций в арабских странах, производства фармацевтических препаратов в Канаде, цемента в Иордании и т.п. М.Рашид финансировал также и деятельность службы безопасности автономии, напрямую участвовавшей в антиизра-

ильских террористических акциях. Часть денег, на которые осуществлялась закупка вооружений, бралась из доходов от деятельности казино. Так что израильтяне, игравшие в «Оазисе», сами того не подозревая, финансировали палестинские теракты против Израиля.

Нынешний министр экономики и торговли ПНА М.аль-Масри в одном из своих интервью на вопрос об источниках финансирования автономии, не проходящих по бюджету, ответил: «Есть доходы некоторых фирм от продажи нефти, сигарет, молока и цемента, и возглавляет эти фирмы-монополисты Рашид. Только доходы от нефти составляют не меньше 500 млн. долл. в год. А всего доход этих компаний – не менее миллиарда долларов. Но эти деньги в бюджет автономии не попадают».

Не остается в стороне от незаконной коммерческой деятельности и сам Я.Арафат. Так, по его распоряжению М. Рашид купил 14% акций иорданской цементной компании на деньги, поступившие в качестве пожертвований Палестинской автономии от государств Персидского залива. Цель сделки – увеличение личных доходов Арафата от капиталовложений за границей[44].

Следует отметить, что коррупция в администрации Я.Арафата проникает и в круги израильских бизнесменов и чиновников, для которых интересы личной выгоды превалируют над соображениями патриотизма и профессиональной политической ответственности. Так, например, в связи с делом казино «Оазис» в Иерихоне упоминаются имена видного израильского бизнесмена (в прошлом одного из высокопоставленных сотрудников службы безопасности Израиля) Й.Гиносара и Д.Вайсгласа – нынешнего главы канцелярии премьер-министра Израиля[45].

Военные действия не коснулись «бензиновых» отношений между сторонами конфликта. Более того, возросла незаконная поставка горючего ПНА с использованием израильских криминальных структур (в основном сформированных из израильских арабов) и палестинских посредников, подотчетных Арафату. Эта деятельность, приносящая значительные незаконные доходы обеим сторонам, распространилась в последнее время на угон израильских автомобилей и сбыт их на палестинских территориях. К этому преступному бизнесу причастна компания «Аль-Бахар», владелицей которой является супруга Я.Арафата, Суха. Компания пользуется монополией на выдачу номерных знаков ПНА и занимается их подделкой. В течение 2002 г. было задержано около 1,6 тыс. автомобилей, угнанных в Израиле, перерегистрированных ПНА, и проданных там по сниженной цене[46].

Одним из недавних примеров коррупции палестинских чиновников является факт приостановления финансирования западными спонсорами расположенной в Иерусалиме палестинской организации по контролю за соблюдением Израилем прав человека в Палестине (LAW). По результатам аудиторской проверки, проведенной известной фирмой «Эрнст энд Янг», LAW обвиняется в нецелевом использовании 4 млн. долл. из 10 млн. долл., предоставленных междуна-

родными донорами с сентября 1997 г. по август 2002 г. По мнению зарубежных спонсоров, подобная деятельность этой организации может дезавуировать ее утверждения о нарушении прав палестинцев израильскими войсками на оккупированных территориях[47].

Аудиторская проверка ПНА, проведенная в августе-сентябре 2003 г., установила, что Я.Арафат перевел 900 млн. долл. из государственных средств на принадлежащий ему личный банковский счет. Об этом заявил 20 сентября 2003 г. на форуме «большой семерки» в Дубае представитель Международного Валютного Фонда на Западном Берегу и в секторе Газа К.Нашашиби. Большая часть этих денег, являющихся доходами бюджета, была вложена в 69 торговых предприятий в Палестине и за рубежом. Пресс-секретарь Арафата палестинский юрист Х.Ашвари подтвердила, что нецелевое использование средств действительно имело место в прошлом, но теперь подобное обвинение повторено якобы по политическим мотивам и представляет собой попытку дискредитировать палестинского лидера и его администрацию в глазах мировой общественности[48].

По результатам аудиторского отчета, подготовленного по указанию нынешнего министра финансов ПНА С.Файяда группой независимых иностранных экспертов, проводится проверка деятельности 53 палестинских и совместных с зарубежными компаниями фирм, занимающихся нелегальным бизнесом и уклоняющихся от уплаты налогов в бюджет ПНА.

Таковы лишь некоторые примеры широкомасштабной и всепроникающей коррупции в палестинских административных и деловых кругах. Речь уже не идет о таких уголовных «мелочах», как незаконный захват участков израильской земли, пиратское производство видео- и аудио-продукции, подделка товарных знаков и других объектов интеллектуальной собственности, фальсификация лекарств, косметики, спиртных напитков, табачных изделий, мошенническое получение палестинцами льгот и пособий от израильских банковских и финансовых органов. Примером незаконного получения бесплатной медицинской помощи путем представления подложных документов в течение длительного времени (уже в разгар интифады) является тот факт, что семье главы палестинской службы безопасности Западного берега Д.Раджуба (одного из приближенных Арафата и одного из активных организаторов терактов против Израиля) переводилось на ее банковский счет ежемесячное пособие на детей от израильской государственной страховой компании «Битуах леуми»[49].

Реформы в палестинском правительстве

Под давлением парламентских, правительственных и деловых кругов ряда стран-доноров, интересующихся использованием предоставляемых ими средств, а также ввиду перспективы вероятного сокращения в связи с коррупцией с этих потоков финансовой помощи руководитель

ПНА Я.Арафат был вынужден признать факт коррумпированности среди чиновников всех уровней его администрации. Впервые это было сделано им в сенсационном заявлении 15 мая 2002 г. перед депутатами Палестинского законодательного совета. «Именно поэтому, – заявил он, – нам и нужны реформы)[50].

Впоследствии он неоднократно повторял подобные заявления, подтверждая наличие коррупции в его аппарате, но отрицая использование спонсорских денег на финансирование террористических операций против Израиля.

В июне 2002 г. в ходе реорганизации кабинета министров ПНА Я.Арафат назначил на должность министра финансов 50-летнего С.Файяда, который стал одной из ключевых фигур палестинского правительства, «серым кардиналом» ее хозяйственного руководства, профессионально и эффективно работая за кулисами бурной политической жизни. Он – коренной палестинец, родился в сельской местности вблизи г.Тулькарм, в детстве с семьей проживал в Иордании. Образование получил в Американском университете в Бейруте, докторскую диссертацию защитил в Техасском университете в г.Остин (США). Затем Файяд углубленно изучал арабскую экономику в Ярмукском университете в Иордании, по окончании которого поступил на службу в Международный валютный фонд. В 1995 г. он прибыл в Газу в качестве представителя МВФ в ПА. Уже тогда он отмечал наличие коррупции в руководстве ПНА. В 2001 г. С.Файяд ушел из МВФ и проработал в качестве регионального (Западный берег – Газа) управляющего в принадлежащем Иордании Арабском банке вплоть до назначения на пост министра финансов ПНА.

Свои знания и опыт он использовал для оперативной подготовки бюджета ПНА на 2003 г., который 1 февраля 2003 г. был принят Палестинским законодательным собранием подавляющим большинством в 44 голоса из 50 голосов членов парламента, которые участвовали в сессии лично или по видеосвязи из Газы.

Назвав предшествующий восьмилетний период финансовой деятельности ПНА с момента ее образования «временем хаоса и коррупции», Файяд обещал в корне изменить к лучшему работу министерства финансов. Он заявил о необходимости сделать правительственный бюджет гласным, прозрачным, убрать все возможные лазейки для его нецелевого использования, а также осуществить в автономии финансовую реформу таким образом, чтобы свести к минимуму возможность коррупции чиновников палестинской администрации всех уровней.

Он ввел конкурсную систему финансирования правительственных (как военных, так и гражданских) заказов, учредил службы финансовой безопасности и регулярной публикации ежемесячных отчетов о деятельности руководимого им ведомства на специальном веб-сайте министерства финансов. Файяд сформировал независимую группу из

200 внешних экспертов-аудиторов, включающую также западных консультантов. Благодаря ее деятельности министр разделил финансовые поступления и платежи ПНА и финансового центра ООП – Палестинского национального фонда со штаб-квартирой в Аммане (Иордания), пытаясь таким образом исключить возможность использования бюджетных средств для финансирования подрывной деятельности экстремистских палестинских организаций. По инициативе Файяда был образован Палестинский инвестиционный фонд, призванный контролировать и регулировать все осуществляемые инвестиции, в том числе и иностранные.

Одной из неотложных мер намечаемой финансовой реформы Файяд считает пересмотр завышенных ставок заработной платы и пенсий 120-тысячного аппарата чиновников разных уровней Палестинской администрации в рамках общего сокращения неоправданно высоких правительственных расходов.

Файяду удалось также сплотить вокруг себя ряд единомышленников, профессионалов экономического профиля. Это, в частности, министр планирования Н.Шаат и министр экономики и торговли М.аль-Мазри, которые впоследствии вместе с ним лояльно сотрудничали с вновь назначенным руководителем правительственного кабинета ПНА.

Выступая на встрече с иностранными журналистами 7 марта 2003 г., Я.Арафат объявил о намерении заменить свою администрацию на «профессиональное правительство» в составе 15 министров, убрать из него одиозные фигуры чиновников, явно причастных к коррупции, ввести пост премьер-министра, ответственного за хозяйственную политику ПНА. Сохранив за собой управление службами безопасности и дипломатической деятельностью, на эту должность Арафат назначил Генерального секретаря исполкома Организации Освобождения Палестины 68-летнего М.Аббаса (он же Абу Мазен), считающегося наиболее умеренным членом руководства ООП в отношении Израиля.

Руководитель нового кабинета министров был утвержден на этот впервые введенный пост Палестинским законодательным собранием в конце апреля 2003 г. Он известен своими многочисленными выступлениями, осуждающими террористическую деятельность палестинцев против Израиля. По его убеждению, она является непродуктивной и приносит больше вреда, чем пользы, как с точки зрения внутриполитической ситуации, социально-экономического развития, так и с точки зрения мирового общественного мнения и поддержки борьбы палестинцев за создание независимого государства.

Еще до утверждения в должности руководителя правительственного кабинета М.Аббас активно взялся за решение актуальных экономических проблем автономии. Это, в частности, участие в подготовке и принятии бюджета ПНА на 2003 г., создании Национального инвестиционного фонда ПНА для правительственного контроля за целевым

использованием внутренних и внешних инвестиций в палестинскую экономику, формирование межведомственного Комитета по экономической реформе Он принял деятельное участие в разработке подходов к урегулированию проблемы долгов в отношениях с Израилем, проблемы водоснабжения и др. Многие из его предложений по этим и другим важным вопросам вошли в повестку дня переговоров с Израилем и в список поправок палестинской стороны к проекту «дорожная карта».

В своей программе восстановления палестинской экономики М.Аббас учитывал такие важные для ПНА преимущества как относительно высокий образовательный уровень и предпринимательскую активность населения, наличие преференциальных торговых соглашений с США и Европейским Союзом, существенную помощь и поддержку со стороны довольно многочисленной палестинской диаспоры. В значительной степени его деятельность содействовала восстановлению авторитета палестинского руководства в глазах мировой общественности.

М.Аббаса на посту премьера правительства ПНА отличала энергичность, решимость и политическая воля. Однако, он не пользовался поддержкой политического лидера Я.Арафата, Палестинского парламента и, главное, авторитетом и признанием населения территорий, так как не сумел наглядно донести до его сознания сущность и механизм мер по преодолению социально-экономического кризиса. Ему не хватало реального влияния на происходящие общественно-политические процессы и властных полномочий в борьбе с палестинскими экстремистскими организациями, сил и средств для ликвидации инфраструктуры терроризма. Все это в совокупности и явилось причиной его ухода в отставку в начале сентября 2003 г. и прекращения, таким образом, реализации задуманной им программы экономических реформ. По рекомендации Я.Арафата пост председателя правительства ПНА в середине сентября занял 66-летний А.Куреи (он же Абу Алла), бывший до этого спикером Законодательного собрания. К началу октября он сформировал новый состав правительственного кабинета и представил его на рассмотрение парламента.

Касаясь перспектив дальнейшего хода реформ в палестинской экономике, ответственный сотрудник министерства финансов Израиля, министр без портфеля М.Шитрит в интервью агентству «Рейтер» дал совет А.Куреи как новому руководителю кабинета министров. Он предложил использовать в качестве модели хозяйственного развития экономическую политику ОАЭ, как образец сбалансированного сочетания внутренних и внешних факторов социально-экономического прогресса в условиях региональной и конфессиональной специфики. Это заявление он сделал 22 сентября 2003 г., находясь в Дубае на годовом совещании руководителей МВФ и Всемирного Банка[51].

Представляется, что Я.Арафат, публично стоящий как бы в стороне от экономической жизни, по-видимому, готовил свои реформы в правительстве ПНА главным образом для того, чтобы «сохранить ли-

цо» перед мировой общественностью, снять с себя ответственность за катастрофическое положение палестинской экономики, в которое он ее привел, а также избавиться от неугодных лиц и потенциальных конкурентов в своем окружении.

Осуществив некоторые организационные и персональные изменения в руководстве ПНА, Арафат в известной степени подготовил мировое общественное мнение к своей готовности принять участие в возможной реализации плана возобновления мирных переговоров с Израилем и восстановления разрушенной интифадой палестинской экономики, получившего название «дорожная карта».

Перспективы преодоления кризиса экономики

Для иллюстрации возможных вариантов выхода в 2003–2004 гг. из создавшейся кризисной ситуации в палестинской экономике Всемирный Банк разработал три иллюстративных экономических сценария. В общих чертах их можно изложить следующим образом.

Сценарий «Статус-кво», который предполагает сохранение, по сравнению с существующим положением, сопоставимого уровня вооруженного противостояния сторон (насилия) и существующей степени внутренних и внешних ограничений миграции палестинцев.

Сценарий «Снятие внутренних ограничений», который предполагает начало осуществления рекомендаций «дорожной карты» с середины 2003 г. и далее с постепенным снятием внутренних ограничений. Внешние ограничения также будут в какой-то мере ослаблены, однако «доинтифадный» уровень движения товаров и рабочей силы между ПНА и Израилем и остальным миром не будет достигнут. Так как экономическое оздоровление зависит в основном от реанимации небольшого внутреннего палестинского рынка, ее темп будет ограниченным и даже замедлится в 2004 г.

Сценарий «Снятие внутренних ограничений и либерализация торговли» предполагает, что доноры, руководство ПНА и Израиль предпримут соответствующие усилия для расширения и облегчения торговли ПНА с остальным миром.

По сценарию «Статус-кво», реальный ВВП несколько возрастет в 2003 г. по сравнению с 2002 г, но затем вновь сократится в 2004 г. Уровень безработицы также несколько повысится, хотя уровень бедности примерно останется тем же, что и сейчас (при росте абсолютного числа бедных в конце 2002 г. с 1,9 млн. чел. до 2,1 млн. чел. в 2004 г.). Несмотря на относительно стабильный высокий уровень финансовой поддержки, доноры не смогут ускорить экономическое оздоровление и могут лишь надеяться на поддержание нынешних уровней благосостояния населения. Расходы на экономическое развитие будут оставаться недостаточными, частично в результате продолжающегося со стороны доноров нежелания вкладывать крупные инвестиции в основной капитал во время отсутствия необходимой безопасности и ча-

стично из-за более высокой приоритетности, которую они придают проблемам неотложного предоставления гуманитарной помощи. Объем донорского финансирования, необходимый для балансировки бюджета ПНА, на 2004 г. предполагается в размере 31,2 млн. долл. в месяц.

Сценарий «Снятие внутренних ограничений». Постепенное снятие внутренних ограничений будет иметь значительное быстрое экономическое воздействие с середины 2003 г. и далее. ВВП предположительно вырастет в 2003 г. на 15% в результате роста внутренней торговли и производства. Существенный рост национального дохода облегчит бюджетную ситуацию и позволит ПНА ликвидировать ее задолженность перед частным сектором значительно быстрее, чем по сценарию «Статус-кво». Однако реальный доход на душу населения все еще будет на 35% ниже в конце 2004 г., чем в 1999 г. При этом 27% палестинского населения будут оставаться безработными, и более половины населения будет жить за чертой бедности. Продолжатся затруднения с выходом на внешние рынки и в 2004 г. рост ВВП снизится до 9,4%.

Сценарий «Снятие внутренних ограничений и либерализация торговли» Если все заинтересованные стороны приложат максимум усилий для улучшения товарообмена между ПНА, Израилем и остальным миром, то доходы от торговли могут со временем вывести палестинскую экономику на путь восстановления и развития. Предполагается, что уже к концу 2004 г. ВВП может быть на 8% выше по этому сценарию, чем в сценарии, предусматривающем только снятие внутренних ограничений. Безработица снизится к концу 2004 г. до 25% и уровень бедности – до 45%. Согласно этому сценарию, уровень донорской поддержки для обеспечения сбалансированности бюджета ПНА, будет относительно небольшим.

В дополнение к указанным трем основным сценариям эксперты Всемирного Банка разработали и резервный, четвертый, сценарий – «Распад ПНА».

Если аппарат системы гражданского управления ПНА перестанет существовать, доноры перекроют свои основные каналы предоставления помощи палестинскому населению. Ближайшими последствиями коллапса администрации и исчезновения доходов ПНА и порожденного ими спроса будет усиление бедственного положения жителей и исчезновение даже тех институциональных достижений, которые имели место за последнее десятилетие. Доноры продолжат оказывать неотложную и гуманитарную помощь через соответствующие международные организации и свои правительства, однако это потребует дополнительного времени на соответствующую перестройку, и размер переводимых средств будет существенно меньше, чем сейчас.

Аналогичным образом прекратится осуществление всех хозяйственных и институциональных проектов ПНА. Вполне вероятно, что потоки донорских фондов могут сократиться до 20 млн. долл. в месяц,

причем это затронет программы снабжения продовольствием, выдачи заработной платы и материальных пособий, и трудоустройства. Утрата бюджетной поддержки и иных форм общественных расходов приведет к значительно большей социально-экономической напряженности, чем в сценарии «Статус-кво». Реальный ВВП на душу населения может упасть в 2003 г. еще на 18% (а реальный национальный доход на душу населения – на 15%). Уровень безработицы превысит 50%, а уровень бедности к концу 2003 г. достигнет 65–70%.

Выбор сценариев и соответствующих параметров внутри каждого из них должен неизбежно базироваться на прогнозах общественно-политических процессов. Целью упомянутого доклада Всемирного Банка в этом контексте, однако, не является попытка предсказания политических событий или рекомендация специальных политических мер в связи с тем, что по положению международной организации он должен занимать непредвзятые позиции, без демонстрации своих субъективных политических симпатий и предпочтений. Эксперты Банка ставили своей целью скорее анализ того, что может случиться, если произойдут соответствующие события, и таким образом дать понять заинтересованным сторонам социально-экономические последствия принимаемых решений и, соответственно, разработать и осуществить соответствующие экономические меры.

Вместе с тем, представляется, что ликвидация негативных экономических последствий интифады как для ПНА, так и для Израиля может быть достигнута не столько принятием эффективных мер в области экономической политики, сколько политическими средствами, путем возобновления переговоров, при непременном условии прекращения палестинцами террористической деятельности против израильских граждан. Однако в нынешней обстановке на Ближнем и Среднем Востоке реанимация мирного процесса в ближайшей перспективе пока явно не просматривается. Израиль, по-видимому, будет продолжать ужесточать меры военно-экономического воздействия на ПНА, добиваясь от ее руководства позитивных изменений в палестино-израильских отношениях.

[1] Новости недели, 26.07.2003 г., с. 9.
[2] Новости недели, 18.04.2002, с. 50.
[3] Форвертс, 16–22.03.2001 г.
[4] Haaretz English Edition, 06.07.2003.
[5] Вести, 23.01.2003.
[6] Новости недели, 20.01.2003, с. 9.
[7] МИГ news, 29.11.2000, с. 49.
[8] Глобус, № 501, 20–26.05.2002 г., с. 10.
[9] Twenty-seven Months Intifada, Closures and Palestinian Economic Crisis. An Assessment. // The World Bank, May 2003. The West Bank and Gaza Office, Jerusalem, с. 14.
[10] МИГ ньюс, 05.11. 2000, с. 16.

[11] Русский израильтянин, 13–20.05.2002.
[12] Haaretz. English Edition, 23.09.2003.
[13] Haaretz. English Edition, 07.08.2003.
[14] Financial Times, 05.05.2003.
[15] Twenty-seven Months-Intifada, Closures and Palestinian Economic Crisis. An Assessment. // The World Bank, May 2003, The West Bank and Gaza Office, Jerusalem, c. 79.
[16] БИКИ, № 58, 30.05.2002.
[17] Haaretz. English Edition, 06.06.2003.
[18] Новости недели, 04.02.2003.
[19] Financial Times, 16.07.2003.
[20] Новости недели, 30.11.2002.
[21] Financial Times, 16.07.2003.
[22] Новости недели, 13.11.2002.
[23] Haaretz. English Edition, 07.08.2003.
[24] Haaretz. English Edition, 15.07.2003.
[25] Семь дней, 24.10.2002 г., с. 8.
[26] Haaretz. English Edition, 15.07.2003.
[27] Haaretz. English Edition, 07.08.2003.
[28] Новости недели, 27.01.2003.
[29] Новости недели, 20.05.2003.
[30] Новости недели, 16.03.2003.
[31] Haaretz. English Edition, 02.08.2003.
[32] The Jerusalem Report, 24.02.2003.
[33] Twenty-seven Months Intifada, Closures and Palestinian Economic Crisis. An Assessment. // The World Bank May 2003. The West Bank and Gaza Office, Jerusalem, c. 12.
[34] The Jerusalem Report, 24.02.2003.
[35] Новости недели, 05.02.2003 г.
[36] Ediot Achronot, 30.07.2003.
[37] Haaretz. English Edition, 09.08.2003.
[38] International Herald Tribune, 26.08.2003.
[39] Haaretz. English Edition, 23.09.2003.
[40] Форвертс, 12–18 января 2001 г.
[41] Новости Недели, 09.05.2002.
[42] Известия, 23.05.2002, с. 7.
[43] Вести, 23.01.2003.
[44] Новости недели, 16.03.2003.
[45] The Jerusalem Report, 24.02.2003.
[46] Новости недели, 04.02.2003.
[47] Haaretz English Edition, 27.03.2003.
[48] Izv.info, 21.09.2003.
[49] Форвертс, 27.07. – 02.08.2001 г.
[50] Известия, 17.05.2002, с. 8.
[51] Jerusalem Post, 23.09.2003.

Н.С.Глебова

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХАМАС И ООП

Организация Освобождения Палестины была создана в 1964 г. на совещании ЛАГ, чтобы «представлять интересы 2 миллионов палестинских арабов, изгнанных со своих земель»[1]. С 1969 г. организацию возглавляет лидер ФАТХ (крупнейшей фракции ООП) Я.Арафат. Исламское Движение Сопротивления – ХАМАС было образовано – 14 декабря 1987 г. шейхом А.Ясином.

История взаимоотношений ХАМАС и ООП является историей конфронтации, перемирий и компромиссов, на которые шли обе стороны в разные исторические периоды, исходя из своих интересов.

20 октября 1994 г. один из лидеров ХАМАС И.Фаллуджи заявил, что военное крыло ХАМАС будет продолжать военную борьбу до тех пор, пока Израиль не уйдет с Западного берега реки Иордан и Сектора Газа. Несколько дней спустя, ХАМАС, под давлением Палестинской Национальной администрации (ПНА), предложило Израилю перемирие. Однако это перемирие вскоре было нарушено.

Противостояние между Палестинской администрацией и ХАМАС было продолжено в 1995 г. Лидер ХАМАС объявил Арафату «беспощадную войну», называя Палестинскую администрацию «рукой израильской разведки». Он заявил, что попытки достичь подписания мирного договора с Израилем являются «преступлением против ислама». В середине февраля 1995 г. Израиль «предпринял наступление» на ХАМАС, начав с ареста одного из его лидеров – шейха Дж.Хамами. Через несколько дней ХАМАС предложило Израилю десятилетнее перемирие при условии, что Израиль выведет свои войска с Западного берега реки Иордан, сектора Газа и территории Восточного Иерусалима. Несмотря на подобное предложение, две недели спустя, боевики ХАМАС совершили нападение на еврейские поселения, убив и ранив несколько человек.

В 1995 г. в Каире состоялась встреча между представителями ХАМАС и ПНА, которая была ознаменована первыми попытками достичь формального соглашения о сотрудничестве. ХАМАС отказалось рассматривать ООП в качестве полномочного представителя палестинского народа на переговорах по урегулированию арабо-израильского конфликта и подписать мирное соглашение с Израилем, однако, представители этой организации объявили о намерении приостановить нападения на Израиль. В соответствии с заявлением

представителя ХАМАС М.аз-Заххара «это будет сделано для того, чтобы дать ПНА время. Мы посмотрим, много ли она сможет добиться в переговорах с Израилем». Также представители ХАМАС заявили о согласии принять участие в выборах, проходивших на территории, управляемой ПНА.

Это перемирие между двумя организациями было прервано 5 января 1996 г. убийством Я.Айяша, организатора многочисленных террористических актов в отношении Израиля. Смерть Айяша послужила катализатором для осуществления многочисленных актов террористов-смертников в конце февраля – начале марта 1996 г., которые привели к смерти десятков и ранениям сотен мирных граждан Израиля. После этих террористических актов Арафат под давлением США и Израиля отдал приказ арестовать сотни бойцов ХАМАС. Движение Исламского Сопротивления предложило новое перемирие 1 марта 1996 г., призвав освободить палестинских заключенных из израильских тюрем и положить конец тому, что его представители назвали «организованным террором против ХАМАС». Однако это предложение было отвергнуто Израилем, что немедленно повлекло за собой ответ – взрыв террориста-смертника в израильском автобусе.

20 июня 1996 г. ХАМАС вновь предложило Израилю соглашение о прекращении огня при условии, что последний прекратит «сионистский терроризм в отношении ХАМАС и бригад Кассам». Это предложение, в соответствии с заявлениями представителей ХАМАС, также имело целью объединить палестинский народ и урегулировать отношения между Палестинской администрацией и ХАМАС. Это предложение было отклонено Израилем.

В октябре 1997 г. шейх Ясин был выпущен из израильской тюрьмы. Это событие стало залогом нового перемирия, на которое пошла организация ХАМАС. 7 октября 1997 г. Ясин призвал к перемирию с Израилем при условии вывода войск последнего с территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Несмотря на этот призыв, некоторые лидеры ХАМАС, включая Абдель Азиза ар-Рантисси, заявили о том, что «ХАМАС продолжит вооруженную борьбу против врагов Бога»[3].

В ноябре 1997 г. ХАМАС снова выступило с предложением о перемирии. Представители военного крыла этого движения подтвердили, что нападения на израильских мирных жителей закончатся, как только Израиль прекратит вооруженные действия в отношении населения Палестины. Однако аресты, произведенные израильскими спецслужбами среди бойцов ХАМАС, подозреваемых в совершении террористических актов, обусловили заявление, сделанное шейхом Ясином о том, что «убийства будут продолжаться».

В мае 1999 г. ХАМАС в очередной раз выступило с предложением о перемирии, которое заключалось в гарантировании мира при условии возврата к территориальным границам 1967 г. Это предложение было сделано с явным расчетом на то, чтобы повлиять на выборы,

происходившие в этот период в Израиле. Оно было отклонено израильской стороной.

Интифада, вспыхнувшая после посещения А.Шароном Храмовой горы и получившая название «Аль-Акса», а также террористический акт, осуществленный палестинским смертником в дискотеке «Дельфинариум» в Тель-Авиве в июне 2001 г., привели к тому, что международное сообщество при участии коспонсоров мирного процесса – США и России призвало палестинских лидеров прекратить осуществление террористических актов. Под влиянием этого призыва Арафат пошел на перемирие с Израилем, и Ясин был вынужден согласиться на него, заявив при этом, что со стороны его организации это будет временное перемирие. Однако и оно (временное перемирие) длилось недолго, завершившись с очередным витком насилия и столкновений между боевиками ХАМАС и военными подразделениями Израиля.

После этого было еще несколько заявлений о перемирии, которые, тем не менее, заканчивались очередным террористическим актом и последующими за ним действиями израильской стороны. В некоторых случаях заявления о перемирии, сделанные представителями ХАМАС, были результатом конфронтации с Палестинской администрацией, которая в свою очередь оказывалась под давлением международного сообщества. Следует отметить, что все предложения ХАМАС о перемирии, были сделаны в тот момент, когда эта организация нуждалась в «передышке» с тем, чтобы собрать и/или перераспределить силы для борьбы с Израилем и продолжения конфронтации с Палестинской администрацией. Несмотря на все заявленные перемирия, лидеры ХАМАС ни разу не отказались от главной цели их деятельности, заявленной в уставе ХАМАС, – полного освобождения Палестины и создания подлинного исламского государства на ее территории.

На протяжении многих лет ХАМАС и ООП находились в состоянии жесткой конфронтации. Разногласия, характеризующие противостояние между этими двумя организациями касаются не только сферы внутриполитического существования на территории Палестины и их (организаций) положения в качестве равноправных представителей интересов палестинского народа, но и методов вооруженной борьбы с Израилем.

В соответствии с текстом Устава, ХАМАС выступает за «освобождение всей Палестины, которая будет неотъемлемой собственностью поколений мусульман до Судного дня»[4]. Следовательно, ни пядь палестинской земли не может принадлежать неверным. ООП, в свою очередь, выступает за образование независимого Палестинского государства, допуская его сосуществование наряду с государством Израиль.

ХАМАС настаивает на том, что «нет другого решения палестинской проблемы, кроме джихада»[5] и что «смерть во имя Аллаха является наиболее возвышенным желанием»[6].

Со временем, позиция ООП в отношении вооруженной борьбы претерпевала изменения. В начале деятельности этой организации

вооруженное сопротивление рассматривалось как «единственное средство для освобождения Палестины» и являлась «стратегией, но не тактикой»[7]. Однако в соглашениях, подписанных в Осло, а затем в письме норвежскому министру иностранных дел И.Холсту, Арафат подтвердил намерение «ООП выступать против насилия и террора»[8].

Многие критики Арафата отмечают, что благие намерения ООП и ее руководителей так и остались нереализованными. Во время интифады Аль-Акса различия в позициях этих двух организаций в отношении вооруженной борьбы обозначились еще раз. Они касались обстрелов израильских территорий, ракетами «Кассам», произведенных боевиками ХАМАС, и действии террористов-самоубийц.

Палестинская администрации несколько раз выступала с резкой критикой в целом деятельности ХАМАС и, в частности, обстрелов Израиля ракетами «Кассам» с территории сектора Газа. И обращала особое внимание на «неудачный» выбор времени для осуществления террористических актов смертников.

К числу критикующих деятельность ХАМАС относится и М.Дахлян, в течение 7 лет возглавлявший службу превентивной безопасности ПНА. В своей речи, произнесенной в Газе, он заявил, что направил Арафату послание, в котором рекомендовал ему «отказаться от интифады… Интифада – это лишь средство, а не цель. Мы должны были превратить интифаду в подлинно народную войну. Но мы не сделали этого, поскольку нам как лидерам, кажется, не хватило для этого смелости»[9].

В июле 2002 г. Абу Мазен выступил с речью перед лидерами ФАТХ. Он обратил внимание на то, что «сектор Газа подобен опаленной земле, которая изранена снарядами самодельных и минометных орудий. Я задаюсь вопросом, кто применяет эти минометы? Мне сказали, что один из минометных снарядов поразил мечеть в секторе Газа. Как это могло случиться? 32 ребенка было изувечено, когда самодельные бомбы, вложенные в их руки, преждевременно взорвались. Разве эта кровь пролилась напрасно? Разве это не глупость с нашей стороны стрелять поверх крыш израильских зданий, что позволяет им в последствии вторгаться на нашу территорию. Любой, кто совершает подобные действия, совершает преступления против своих сограждан. Те, кто производит минометы и снаряды для них, озабочены лишь получением прибыли. Странно, что, видя это, мы остаемся безмолвными. Молчаливо соглашаясь с этим, мы становимся их пособниками»[10].

В интервью ежедневной газете «Аль-Яум» М.Дахлян заявил, что «мы не говорим, что обстрелы ракетами «Кассам» являются оправданием израильской агрессии. Но это является одним из оправданий, которыми пользуются израильтяне. Мы считаем, что ракеты «Кассам» являются неэффективным видом вооружений. Милитаризация этой войны вообще была большой ошибкой. Мы ввязались в войну с Израилем, не обладая для этого необходимыми средствами»[11].

Поскольку именно ракеты «Кассам» боевики ХАМАС используют в своих нападениях, это движение отвергло такую критику в свой адрес. В интервью прохамасовскому еженедельнику «Ар-Рисаля» представитель ХАМАС Рантисси заявил: «Что действительно вызывает удивление и вопросы, так это секретные встречи представителей Палестинской администрации с премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном, которые происходят одновременно с кампаниями против движения ХАМАС, развернувшимися в СМИ»[12]. ХАМАС приняло решение продолжить обстрелы израильской территории ракетами «Кассам». Шейх Ясин объявил, что «мы продолжим запускать ракеты «Кассам», и они станут ответом на агрессию»[13].

Еще одним камнем преткновения в отношениях между ХАМАС и ООП стала реакция последней на осуществление терактов шахидами. Представители ХАМАС выразили свое возмущение тем фактом, что палестинское Агентство печати (WAFA) отказывается публиковать материалы, посвященные действиям шахидов. В частности, ими указывалось на то, что газета «Ар-Рисаля», помещавшая подобные материалы, была несколько раз закрыта по приказу Арафата. По этой причине движением ХАМАС было принято решение об образовании другого печатного издания «Ар-Райя»[14].

В январе 2003 г. в Каире состоялись переговоры о достижении согласия между Палестинской администрацией и оппозиционными фракциями. Во время переговоров Египет выступил с инициативой: «Исходя из преданности духу борьбы и сопротивления, из желания гарантировать решение палестинской проблемы мирным путем и из желания провести мирные переговоры результативно, предлагается заморозить вооруженные действия на год. Мы подчеркиваем, что наиважнейшей целью является объединение всех региональных и международных сил с целью изменения сложившейся ситуации, а также оказания давления на Израиль с целью прекращения репрессий в отношении палестинского народа и возврата за стол переговоров при участии международных коспонсоров»[15].

В интервью, данном иорданскому еженедельнику «Аль-Маджд», один из высокопоставленных лидеров ХАМАС М.Назаль заявил, что «мы не согласны прекратить сопротивление. Разногласие именно в этом вопросе стало препятствием для заключения соглашения между сторонами»[16].

Представитель ХАМАС Рантисси обрушился с критикой на египетскую сторону. «Они представляют проблему так, словно палестинский народ воюет с их соседями, а не участвует в войне за освобождение от оккупации. Почему они ни разу не сказали, что это именно палестинский народ вовлечен в эту войну и обороняется?»[17]

Под давлением международного сообщества и израильских ударов призванных устранить высокопоставленных деятелей ХАМАС (в частности, нескольких попыток устранения Рантисси) организации ХАМАС и «Исламский джихад» объявили о своей инициативе: трехмесячной

приостановке военных действий в отношении Израиля, включая обстрел ракетами «Кассам», при условии, что Израиль «прекратит агрессию» и освободит всех палестинских заключенных, находящихся в израильских тюрьмах»[18]. Стоит отметить, что предложения о перемирии выдвигались еще несколько раз, но по тем или иным причинам акты не были заключены или нарушались.

Со времени своего образования движение ХАМАС отказывалось признать ООП в качестве единственного представителя палестинского народа и выдвигало себя в качестве альтернативного властного органа. Однако, несмотря на разногласия относительно статуса ООП, ХАМАС на разных исторических этапах сотрудничало или вело переговоры с этой организацией. В качестве примера можно привести встречу между представителями ХАМАС и ФАТХ, проведенную в Хартуме 4 января 1993 г. при содействии Х.ат-Тураби, духовного лидера Исламского правительства Судана. В ходе этой встречи представители делегации ХАМАС выразили желание этого движения присоединиться к ООП при соблюдении трех условий:

1) ООП должна отказаться от признания резолюции 242 СБ ООН.

2) Члены ХАМАС составят 40% Национального Совета Палестины.

3) Будут проведены структурные изменения ООП.

На это предложение Я.Арафат отреагировал крайне резко. «То, что я получил от Лиги арабских государств, я не отдам ХАМАС… Я не продам ООП… Я предлагаю вам стать второй организацией после ООП, но никак не первой»[19]. Другие высокопоставленные лидеры ООП также категорически отказались поддержать инициативу ХАМАС, рассматривая ее как взрывоопасную. Абу Мазен, заявил: «Организация отказывается проводить переговоры относительно структуры ООП. Однако это не означает, что организации ХАМАС и Исламский джихад не могут присоединиться к ООП, но без условия изменения ее структуры и, не подвергая сомнению законность ее существования»[20].

М.А.Марзук, возглавлявший делегацию ХАМАС, отклонил обвинения в подрывной деятельности, заявив, что «с политической точки зрения, мы не претендуем на существование в качестве альтернативной ООП организации»[21].

Образование ООП, ее обязательства по прекращению террора, принятые ею на разных этапах, представляли определенную «угрозу» существованию ХАМАС. Несмотря на наличие серьезных разногласий с ООП, руководство ХАМАС приняло решение сосредоточить основные усилия не на внутреннем противостоянии, а на «священной войне» с Израилем. Это можно увидеть и в заключительных заявлениях, сделанных после встречи в Хартуме, когда обе стороны обязались «препятствовать возникновению внутренней борьбы и придерживаться принципа диалога как единственного средства разрешения противоречий между различными организациями, выступающими на политической арене»[22].

Однако во время интифады Аль-Акса отношения между этими организациями снова обострились. Руководство ХАМАС опять предприняло попытку потеснить ООП и лишить ее политической гегемонии. Этому «способствовало» падение популярности ФАТХА после провала встречи на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде, а также многочисленные обвинения в коррупции членов ООП. Следует отметить, что многочисленные террористические акты, осуществленные боевиками ХАМАС в отношении Израиля находили поддержку среди большинства населения Палестины особенно после фактического разрушения ее инфраструктуры из-за действий израильской стороны.

В интервью еженедельнику «Куль аль-Араб» шейх А.Ясин заявил: «Власть должна защищать народ от агрессии и гарантировать ему безопасность. Но, если власть гарантирует безопасность израильскому оккупанту, это означает, что она защищает интересы израильского врага и США. Палестинский народ также нуждается в защите своей Родины, своих интересов и своего будущего. Поэтому мы хотим создать такую власть, которая защищала бы свой народ и обеспечила бы будущее палестинским беженцам»[23].

Что касается ООП, то в открытом письме главам Национальных Советов лагерей беженцев, расположенных в секторе Газа, Абу Мазен указал на то, что «будущее Родины не должно находиться в прямой зависимости от интересов отдельных индивидуумов или организаций. Некоторые движения заявляют: «мы не хотим иметь Палестинскую администрацию в таком виде, в каком она существует сейчас. Давайте, заменим или уничтожим ее. Итогом подобных заявлений может стать то, что не будет ни Палестинской администрации, ни власти как таковой. Разрушение коснется каждого, без исключения»[24].

Подобное заявление поддержал член руководства ООП А.А.Шахин: «Существуют различные точки зрения в самом движении ХАМАС относительно взаимодействия с Палестинской администрацией. Одна часть этого движения выступает за установление постоянных дружеских контактов с Палестинской администрацией, а другая, возглавляемая доктором Рантисси, заинтересована в конфликте с ней. Действительно, среди нас были люди, которые были обвинены в коррупции. Но вы же не знаете, сколько коррупционеров в движении ХАМАС»[25].

Отвечая на подобные заявления лидеров ФАТХ, И.Ханайя, высокопоставленный член движения ХАМАС указал на то, что «мы не предлагали создать другую, альтернативную ООП организацию. Мы предложили провести всестороннюю реформу этой организации, всех ее дочерних организаций с тем, чтобы могла быть создана объединенная и эффективная структура, нацеленная на освобождение Палестины и противостояние сионистской оккупации»[26].

Идеологическое и политическое противостояние между ХАМАС и ООП обострилось также в связи с назначением Абу Мазена премьер-

министром. ХАМАС, наряду с другими оппозиционными движениями, всегда заявляло о своем недоверии любому правительству, которое одобряет соглашения, подписанные в Осло. ХАМАС рассматривает эти документы как незаконные и подписанные лишь под беспрецедентным давлением международной общественности.

Рантисси заявил: «Мы выступаем не против определенных людей..., но против дипломатического плана, разработанного этим премьер-министром и правительством на основе уже созданных ранее планов урегулирования конфликта и соглашениях, подписанных в Осло. То есть, против плана, который признает Израиль и по которому 80% палестинской территории отходит к нему. Мы выступали и будем выступать против этого... Мы не войдем в состав правительства, которое руководствуется соглашениями, заключенными в Осло»[27]. После подтверждения назначения Абу Мазена Рантисси добавил: «К сожалению, это правительство не предлагает ничего нового. В его составе нет ни одного нового лица. Большинство членов этого правительства работало в составе предыдущих кабинетов министров. Оно выбрало для себя тот же план работы, который был у его предшественников... Это правительство также обречено на провал... поскольку его план работы не отражает чаяния палестинского народа»[28].

Ответом на назначение Абу Мазена премьер-министром и попытки скорейшей реализации плана «Дорожная карта» стала активизация террористической деятельности со стороны ХАМАС. Комментатор газеты «Аль-Яум» М.А.аль-Хамид так охарактеризовал активность со стороны боевиков ХАМАС: «Взрывы были тяжелым ударом для правительства Абу Мазена. Оппозиция не дает правительству возможности достичь ощутимых результатов в реализации плана «дорожная карта». Особую опасность представляет тот факт, что исламская оппозиция доказала, что своими действиями она в состоянии наложить «вето» на принятые решения. Она не признает Палестинскую администрацию и не подчиняется решениям, принятым на национальном уровне. Ситуация, которая сложилась в Палестине, демонстрирует, что образовалось несколько властных центров, принимающих решения о судьбе палестинского народа и находящихся в состоянии конфликта»[29].

После назначения премьер-министром в интервью палестинской газете «Аль-Хаят аль-Джадида» Абу Мазен заявил: «Мы готовы провести переговоры со всеми фракциями и движениями. Мы не хотим, чтобы воцарилась напряженность, которая могла бы привести к насилию и гражданской войне. Мы также хотим, чтобы наши братья проявляли ответственность и осознавали, что судьба Палестины во многом зависит от сегодняшнего момента»[30].

Отвечая на предложение о проведении переговоров, Рантисси отметил, что «если предлагается провести переговоры, то мы хотели

бы знать предмет переговоров. Если они будут касаться прекращения интифады и сопротивления, то в этом случае мы не согласимся в них участвовать»[31]. Несмотря на подобное заявление, Рантисси несколько раз встречался с Абу Мазеном с целью достижения соглашения относительно борьбы против Израиля. Однако взаимоотношения с Абу Мазеном были прекращены после выступления последнего в Акабе, в ходе которого премьер-министр раскритиковал действия руководства движения ХАМАС и призвал к прекращению вооруженных действий[32]. В интервью агентству Рейтер Абу Мазен заявил: «С этого момента, если представители той или иной партии нарушат это соглашение, то они будут заключены в тюрьму»[33]. Выступая с лекцией в секторе Газа, М.Дахлян добавил: «Палестинское общество не будет втянуто в братоубийственную войну… Однако это не означает, что мы будем арестовывать всех подряд. В ответ на поджог полицейского участка мы будем атаковать хамасовские штаб-квартиры. Единственный путь для ХАМАС – это проведение открытого диалога с другими организациями. Если движение откажется от диалога, то это приведет к серьезной конфронтации, в которой не заинтересованы ни они, ни мы»[34].

Следует особо отметить, что во многом причиной падения правительства Абу Мазена стало разногласие между Арафатом и Мазеном относительно назначения Дахляна министром внутренних дел.

С 1995 по 2002 г. Дахлян, как оказалось, был начальником Службы превентивной безопасности в секторе Газа. Летом 2002 г. в силовых структурах ПНА планировалось проведение реформ. Под этим предлогом Арафат потребовал от Дахляна подать в отставку. При Дахляне служба превентивной безопасности арестовала сотни активистов ХАМАС и «Исламского джихада». Дахлян утверждал: «мы совершили ошибку, не разгромив ХАМАС и другие исламские группировки. У меня есть подробный план восстановления спокойствия и порядка. У меня достаточный опыт работы с ХАМАС и “Исламским джихадом”»[35].

Один из представителей ФАТХ заявлял: «Абу Мазену нужен сильный союзник, надежный человек в секторе Газа, который мог бы работать на него. Он выбрал Дахляна, так как считает его самым подходящим человеком для борьбы с ХАМАС и “Исламским джихадом”. Не каждый готов выполнять такую миссию. Это очень болезненная проблема, которая может привести к гражданской войне»[36].

С приходом к власти Абу Мазен заявил, что его первоочередными задачами станут разоружение всех боевиков, действующих в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан и реорганизация служб безопасности. По его мнению, в реализации этих целей ему мог бы помочь такой человек, как Дахлян. Известно, что этот последний пользуется поддержкой молодого поколения движения ФАТХ в секторе Газа, несмотря на многочисленные обвинения в

коррупции, высказываемые его оппонентами. Крайне сложная внутриполитическая обстановка, сложившаяся как внутри, так и за «стенами» Палестинской администрации и неразрешенность существующих ключевых проблем обусловили отставку Абу Мазена с поста премьер-министра.

На этом посту его сменил А.Куреи, который в свое время представлял ООП на секретных переговорах в Осло. С этим человеком многие связывают надежды на мир, безопасность и спокойствие. Однако к этому следует относиться с некоторой долей скепсиса, поскольку проблемы, которые предстоит решить Куреи, являются, по сути, старыми закоренелыми проблемами, взаимосвязанными друг с другом. К числу первоочередных и наиболее важных политических задач относится «умиротворение» таких организаций, как ХАМАС, «Исламский джихад», а также «Танзым». Осуществление этой цели невозможно без получения контроля над всеми палестинскими службами безопасности. Важно отметить, что отказ Арафата передать в руки Абу Мазена все рычаги управления спецслужбами был еще одной причиной отставки последнего. Сможет ли Куреи осуществить эту цель без осложнения отношений с Арафатом станет ясно со временем. Плодотворное сотрудничество с таким политическим деятелем автократического склада, как Арафат, будет крайне проблематичным и для Куреи.

27 сентября 2003 г. исполком Организации Освобождения Палестины во главе с Я.Арафатом одобрил список нового правительства Палестины, представленный на рассмотрение главой нынешнего правительства А.Куреи. 15 из 23 министерских портфелей распределены между представителями партии ФАТХ. Как заявили палестинские официальные лица, в состав кабинета министров войдет представитель ХАМАС, М.Забута, врач из Газы. Это не первый представитель указанного движения, входивший в палестинское правительство. На протяжении нескольких лет в палестинских правительствах представителем движения ХАМАС был И.аль-Фаллуджи, бывший в свое время лидером боевого крыла ХАМАС. Однако есть серьезные сомнения относительно реальных возможностей нового правительства решить острейшие проблемы, существующие на данный момент. Этому не способствует также и крайне взрывоопасная ситуация, по-прежнему, царящая на территориях, подконтрольных ПНА. Например, 19 сентября 2003 г. в Газе произошли столкновения между сторонниками ХАМАС и сотрудниками палестинской Службы превентивной безопасности, в ходе которых несколько боевиков ХАМАС были арестованы по подозрению в похищении одного из сотрудников службы безопасности Палестинской администрации. Это происшествие еще раз демонстрирует, что история взаимоотношений таких организаций, как ХАМАС и ООП далека от завершения и остается надеяться, что

она не станет развиваться по наихудшему сценарию, который может привести к гражданской войне в и без того измученной проблемами и военными действиями Палестине.

[1] http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/las.htm
[2] Аль-Ахрам, № 234, 1995.
[3] Аль-Кудс, 10.10.1997.
[4] HAMAS Covenant, Article 11, http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/hamas.htm
[5] HAMAS Covenant, Article 13, http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/hamas.htm
[6] Там же.
[7] Palestinian National Covenant, Article 9.
[8] http://194.90.101.51/documents/Oslo/recogniz.htm
[9] Аль-Хаят, 16.10.2002.
[10] http://www.fatehorg.org
[11] Афак Барламанийя, № 2, 11.2002.
[12] Ар-Рисаля, 20.02.2003.
[13] http://www.palestine-info.info/arabic/palestoday/dailynews/2003/feb/26_2/details2.htm
[14] http://www.palestine-info.info/arabic/palestoday/dailynews/2003/mar03/l8_3/details.htm#3
[15] Аль-Кудс, 23.01.2003.
[16] http://www.palestine-info.info/arabic/hamas/hewer/nazall.htm
[17] Аш-Шарк аль-Аусат, 23.02.2003.
[18] http://www.palestine-info.info/arabic/hamas/statements/2003/29_6_03.htm
[19] Там же.
[20] Аль-Хаят аль-Джадида, ПА, 10.02.2003.
[21] Ас-Сафир, 02.02.1993.
[22] Аль-Кудс, 22.12.1995.
[23] Куль аль-Араб, 02.05.2003.
[24] Аль-Хаят, 20.11.2002.
[25] Ар-Райя, 03.04.2003.
[26] Аль-Хаят аль-Джадида, 23.12.2003.
[27] http://www.palestine-info.info/arabic/hamas/hewar/rantesi(l).htm
[28] Ас-Синара, 02.05.2003.
[29] Аль-Яум, 20.05.2003.
[30] Аль-Хаят аль-Джадида, 20.05.2003.
[31] Ар-Райя, 08.05.2003.
[32] Аль-Хаят, 08.06.2003.
[33] http://www.ain-al-yaqeen.coni/issues/20030704/feat9en.htm
[34] Аль-Кудс, 10.06.2003.
[35] Jerusalem Post, 22.04.2003.
[36] Там же.

В.М.Ахмедов

БАШАР АСАД: ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ВЛАСТНОМ ПОПРИЩЕ

Когда в июне 2000 г. скончался Хафез Асад и президентом Сирии стал его 34-х летний сын Башар, это вызвало неоднозначную реакцию на Западе и в самом арабском мире. Несмотря на то, что, начиная с середины 90-х годов, на Ближнем Востоке ускорились процессы смены правящих элит и прихода к власти молодого поколения арабских лидеров (Марокко, Иордания, Катар, Бахрейн), многие в Сирии и за ее пределами скептически относились к перспективе утверждения Б.Асада на властном поприще в САР. И дело не только в том, что согласно сирийской конституции пост президента мог занимать человек не моложе 40 лет. Менее чем через сутки после смерти Х.Асада сирийский парламент практически единодушно принял новую редакцию соответствующей статьи конституции, приспособив ее под возраст Б.Асада. Столь близкие Западу понятия, как Демократия, Республика, Конституция плохо срабатывают на Востоке, когда речь идет о стабильности в стране и выживаемости верховной власти. По образному выражению биографа семьи Асадов, английского исследователя Патрика Сила Б.Асад не обладал «инстинктом убийцы», столь необходимым для управления такой непростой страной как Сирия. Действительно, на фоне своего отца – «Короля-Льва» (в переводе с арабского «асад» означает лев), нередко именуемого «Бисмарком Ближнего Востока», в совершенстве владевшего политической изворотливостью Н.Макиавелли, что позволило ему без особых внутренних потрясений удерживать власть в Сирии без малого 30 лет, Б.Асад выглядел в глазах представителей властных ближневосточных элит и некоторых западных политиков малоопытным и слабо подготвленным к столь ответственной миссии.

Несмотря на различные ожидания внутри Сирии и за ее пределами, армия и ПАСВ твердо выступили на стороне Б.Асада и поддержали его избрание новым президентом. Именно это обстоятельство в значительной мере обеспечило неконфронтационный переход власти. На следующий день после кончины Х.Асада, 11 июня 2000 г. на чрезвычайном заседании Регионального Руководства ПАСВ Б.Асад был выдвинут единственным кандидатом на пост президента САР. 17 июня 2000 г. в Дамаске открылась 9-я Региональная конференция ПАСВ. Завершившийся 19 июня партийный форум избрал его генеральным секретарем ПАСВ. 27 июня 2000 г. сирийский парламент

единогласно избрал Б.Асада президентом Сирии. Приход Б.Асада к власти был поддержан подавляющим большинством сирийских граждан, особенно сирийской молодежью, которая связывала с ним свое будущее. Нередко в популярных молодежных кафе и клубах Дамаска можно было увидеть молодых сирийцев со стрижкой «а ля Башар».

Однако, немалая часть высшего сирийского генералитета, а также представители «старой гвардии» рассматривали Б.Асада прежде всего как компромиссную фигуру, способную примирить их властные амбиции и не допустить дестабилизации внутреннего положения в стране. Об этом косвенно может свидетельствовать заявление министра обороны М.Тласа – одного из ближайших друзей и соратников покойного президента (знаком с Х.Асадом с 1953 г. – А.В.). Он, в частности, рассказывал, что после кончины Х.Асада сирийское руководство встало перед выбором, – «либо рекомендовать на пост президента министра обороны М.Тласа, либо вице-президента А.Х.Хаддама. Однако избрание на этот пост членов «старой гвардии», чей возраст приближался к 70 годам, могло бы потребовать частой смены президента, что угрожало бы стабильности власти в стране. Поэтому было принято единодушное решение рекомендовать на пост президента «молодого доктора Башара». Указанная группа высокопоставленных представителей партгосаппарата, армии и спецслужб, возможно, рассчитывала, что приход к власти Б.Асада будет способствовать сохранению прежней политической и экономической системы и позволит им удержать в своих руках контроль над важнейшими политическими, экономическими и финансовыми рычагами управления страной. Их отношение к реформам было емко охарактеризовано М.Тласом в интервью спутниковому каналу Абу Даби 12 апреля 2001 г. «… в деятельности правительства встречаются ошибки, но Башар исправит их».

После прихода к власти Б.Асад решительно приступил к проведению нового этапа экономической и социально-политической либерализации и попытался ускорить темпы модернизации Сирии. В своей инаугурационной речи перед парламентом 17 июля 2000 г. Б.Асад обратился к сирийскому народу с призывом «обновить старые и дать новые идеи». Его речь была полна оптимизмом, дышала уверенностью в своих силах, надеждой и верой в будущее. Он высказался, в частности, за большую открытость сирийской политической системы и необходимость административной реформы в стране[1]. Молодой президент явно рассчитывал на поддержку заинтересованных социальных сил Сирии – преимущественно интеллигенции и новых бизнес-элит. В начале января 2001 г. появилось так называемое послание тысячи – обращение представителей сирийской интеллигенции к Б.Асаду. В послании сторонники реформ – либерально настроенная интеллигенция – решительно потребовали независимости судов, коренного реформирования Прогрессивного Национального Фронта (ПНФ), отмены действующего с 1963 г. закона о чрезвычайном положении, освобождения политзаклю-

ченных, свободы прессы, равенства женщин и т.п. Аналогичное обращение – «коммюнике 99» – группы сирийской интеллигенции, появившееся ранее в конце сентября 2000 г., вызвало не менее широкую поддержку общественности[2]. А 1 октября 2000 г. передовица официальной сирийской газеты «Тишрин» поместила статью известного сирийского экономиста, советника президента Б.Асада А.Далиля, где говорилось о том, что однопартийная система власти в САР устарела и более неэффективна с точки зрения продвижения экономических реформ в стране. Характерно, что практически все высказавшиеся публично в поддержку реформ не были раньше замечены в антирежимной деятельности и не выступали против перехода власти к Б.Асаду. В ноябре 2000 г. Б.Асад распорядился выпустить из тюрем 600 политзаключенных. Известная тюрьма в Дамаске в районе Меззе была закрыта. В сентябре 2001 г. были выпущены на свободу активисты одной из левых организаций, просидевшие 14 лет в тюрьме. Большое число представителей сирийской интеллигенции открыто собирались в частных домах, превращенных в своеобразные «политические клубы», и вели острые дискуссии о судьбах реформ.

Более того, власти в начале в целом терпимо относились к требованиям интеллигенции о свободах. В Дамаске официально начала работать так называемая комиссия по защите прав человека во главе с сирийским журналистом Ахтамом Наиса, который с 1991 г. по 1998 г. находился в тюрьме по обвинению в критике режима. Возникшие во второй половине 2000 г. «политические клубы и ассамблеи» и общественные организации в поддержку развития гражданского общества Б.Асад стремился использовать для укрепления позиций сторонников реформ в госаппарате и армии, чтобы ограничить противодействие старой военно-бюрократической элиты[3]. С этой же целью президент предпринял попытки дать больше свободы национальным средствам массовой информации. Во главе ведущих государственных газет «Ас-Саура» и «Тишрин» были поставлены бывший профсоюзный деятель, оппонент прежней власти по социально-экономической политике Махмуд Саляма и один из ведущих сотрудников Центра стратегических исследований САР Х.М.Аль-Джарад. Впервые за последние полвека было разрешено издание частных газет. Конечно, право на издание независимых газет было ограничено и разрешено только трем из шести политических партий, сотрудничающих с ПАСВ в рамках ПНФ.

Первая такая газета – «Нидаль аш-Шааб», издающаяся Сирийской коммунистической партией, вышла в начале января 2001 г. и критиковала решение правительства разрешить деятельность в Сирии частных банков. Впервые с 1963 г., с момента прихода к власти бааситов, стала легально издаваться газета, не отражающая и не разделяющая официальную идеологию правящей партии. В то же время, государственные газеты публиковали острые статьи с критикой экономической политики правительства. Б.Асад лично встретился с ре-

дакторами газет и поддержал их стремление печатать материалы по реформам. Стремясь сблизить народ и власть и продемонстрировать ее открытость перед обществом, Б.Асад приказал убрать свои портреты с улиц и площадей сирийских городов и запретил выставлять их в публичных местах, что в такой стране, как Сирия уже само по себе являлось заметным событием. Действительно, для укрепления своего имиджа сторонника демократических преобразований новому президенту было достаточно на первых порах сделать не так уж и много. Во время поездки по стране, он публично появился в торговой зоне Халеба. В то время как его отец Х.Асад после мятежа «братьев-мусульман», которые особенно активно проявили себя именно в городе в конце 70-х, – начале 80-х годов, ни разу не посетил эту «северную столицу» страны. Эти и другие шаги молодого президента в условиях жестко контролируемой ситуации в стране представлялись важными изменениями и давали надежду сирийцам на будущее.

Однако уже очень скоро перед Б.Асадом встал ряд сложных вопросов: как органично вписать новый режим в современный мир, каким образом провести либерализацию в стране, чтобы укрепить национальную экономику, сохранив при этом контроль над властью и избежать возможной внутренней конфронтации между соперничающими властными группировками. Тем более, что, когда темпы инициированной Б.Асадом политической либерализации ускорились, данные группировки быстро объединились и сумели сделать все возможное, чтобы затормозить процесс реформ в САР. В середине февраля 2001 г. по поручению Регионального Руководства ПАСВ 17 членов этого высшего партийного органа были направлены в провинции и выступили в университетах Сирии «с разъяснением политической ситуации» в стране. Руководил этой компанией вице-президент САР А.Х.Хаддам, который позднее публично обвинил сторонников политической модернизации в том, что они перешли «красную линию безопасности и стабильности государства»[4]. Подписанное 20 февраля 2001 г. заместителем генерального секретаря ПАСВ А.аль-Ахмаром внутреннее циркулярное письмо партии обвиняло сторонников реформ в служении интересам «врагов родины» и «ослаблении государства». В официальном заявлении ПАСВ от 18 марта 2001 г. некоторые представители сирийской интеллигенции обвинялись в «связях с заграницей и провоцировании анархии в стране»[5]. Предложения и требования приверженцев демократизации и политических свобод были охарактеризованы как «разрушающие и ослабляющие государство». Сторонники реформ обвинялись в забвении «сионисткой угрозы», игнорировании общеарабской роли САР и арабо-израильского конфликта. К компании присоединился и министр обороны М.Тлас, который 12 апреля 2001 г. в интервью спутниковому каналу Абу Даби обвинил подписавших «петицию 1000» в «сотрудничестве с ЦРУ и врагами Сирии». Особое раздражение М.Тласа вызвал тот факт, что

в «петиции» ни словом не говорилось об арабо-израильском конфликте. Спустя четыре дня после заявления М.Тласа инициативный комитет в поддержку восстановления гражданского общества в Сирии выступил с новой «декларацией принципов», где содержался призыв к оказанию «всесирийской» поддержки палестинской интифады. Однако судьба демократических реформ была уже предрешена. Действия «консерваторов» были настолько стремительны, целенаправленны, сплочены и концентрированы, что застали врасплох не только аморфную и плохо организованную группу либеральной интеллигенции, но и сторонников реформ в армии и спецслужбах. Даже такой высокопоставленный сотрудник спецслужб, как генерал Б.Сулейман, известный своими либеральными взглядами еще при жизни Х.Асада и тесно связанный с семейным кланом Асадов, был вынужден пойти на попятную, – перестал высказываться в пользу перемен и оказывать свое обычное покровительство ряду сирийских интеллектуалов[6].

Вскоре демократическая активность в Сирии оказалась фактически свернутой, политическая деятельность в стране была вновь поставлена под жесткий контроль спецслужб, а многие политические активисты получили недвусмысленные предупреждения от власти. Некоторые из них были арестованы. Не пожалели даже депутатов сирийского парламента. В августе 2001 г. был заключен под стражу объявивший ранее голодовку протеста против действий властей депутат от Дамаска М.Хомси. Вслед за ним были арестованы известный сирийский бизнесмен и независимый депутат Р.Сейф, А.Далили, несколько десятков активистов и членов «гражданских обществ» в САР[7]. М.Хомси и Р.Сейф публично выступили против политики нынешнего режима, прекращения борьбы с коррупцией, отхода от ранее провозглашенных Б.Асадом принципов. Власти закрыли 14 «гражданских обществ» и политических клубов. Деятельность оставшихся была жестко ограничена. В опубликованной в газете «Тишрин» статье Р.Сейф и М.Хомси обвинялись в том, что они своим поведением спровоцировали власти на жесткие действия, которые фактически означают отступление демократии в Сирии и обострение конфликта власти и прессы[8]. Уже к середине 2001 г. постепенно был установлен контроль над СМИ, а ряд прогрессивных редакторов был уволен. Несмотря на то, что сегодня в Сирии формально разрешена деятельность частных радиостанций и газет, старые традиции по-прежнему остаются в силе. Бурные протесты в Сирии и за рубежом в связи с компанией арестов вынудили сирийские власти пойти на определенный компромисс. Спустя два месяца после ареста М.Хомси и Р.Сейфа, обвинявшихся в антигосударственной деятельности, было объявлено о том, что судебный процесс над ними будет открытым. По случаю годовщины Исправительного движения в САР из тюрем были выпущены свыше 100 политзаключенных, преимущественно «братьев-мусульман», членов оппозиционных иракских и палестинских организаций[9].

Очевидно, вопреки своему желанию, Б.Асаду не удалось долго оставаться «над схваткой», в которую его активно втягивали противоборствующие стороны, и очень скоро ему пришлось четче определять свою позицию. Так, если в декабре 2000 г., выступая перед активом сирийских спецслужб Б.Асад высказался в том духе, что сирийские спецслужбы «имеют право знать, что делают эти люди» (активисты гражданских обществ – А.В.), но, «они не могут воспрепятствовать им делать это», то уже менее чем через три месяца, в феврале 2001 г., сирийский президент заговорил о том, что «терпение имеет границы» (имея в виду деятельность тех же активистов, – А.В.). Как говорят в осведомленных сирийских кругах, большое впечатление на Б.Асада произвел тот факт, что на заседании Регионального Руководства ПАСВ в феврале 2001 г., в ходе острых и бурных дискуссий о происходящих в сирийском обществе процессах обнаружилось практически полное единство взглядов и схожесть позиций как «старых», так и «новых» гражданских и военных членов партийного руководства. Большинство участников партийного форума критиковало распространение в обществе явлений «распущенности и цинизма», «размытости идеалов», «падения морали, нравственности и дисциплины», высказывая в этой связи свою озабоченность за безопасность государства и стабильность власти в САР[10].

По существу, Б.Асад попал в весьма непростое положение. С одной стороны, – не желающие считаться с тем, что мир вокруг них меняется, – представители т.н. старой гвардии, давние друзья и соратники его отца, которым он в значительной мере обязан своим избранием на высший пост в государстве, с другой, – высокие и устойчивые ожидания больших экономических и политических свобод, которые связываются в различных слоях общества с личностью молодого президента, а также собственная убежденность в необходимости коренных социально-экономических реформ, невозможных без демократических преобразований. Сложность ситуации, в которой оказался Б.Асад, хорошо видна по его интервью 8 февраля 2000 г. газете «Аш-Шарк аль-Аусат», где президент в частности заявил, что, несмотря на прилагаемые им усилия, он не может обещать какого-либо прогресса, поскольку это зависит не только от одного президента, а от всех слоев общества. Такое своеобразное обращение к народу было сбалансировано высказанным Б.Асадом в том же интервью сомнением в необходимости устанавливать какие-либо временные рамки реформ, особенно в политической сфере. Таким образом, президент как бы давал понять, что он выступает за преобразование общественно-политической жизни страны, но путем эволюции, а не революции. Удачная экономическая конъектура 2000–2001 гг. – высокий урожай зерновых, доходы от транзита иракской нефти и финансовая поддержка арабских монархий Персидского Залива – позволяла Б.Асаду не торопиться с проведением политических реформ. В тоже время, предпринятые Б.Асадом в конце 2001 г. – первой половине 2002 г. шаги могли свидетельствовать, что сирийский

президент не отказался от планов модернизации Сирии. Так, в первой декаде декабря 2001 г. Б.Асад распорядился создать в рамках Народного Совета САР специальную комиссию из представителей законодательных, исполнительных и судебных органов для выработки предложений по реформированию судебной системы. При этом президент особо подчеркнул, что суд в стране должен стать независимым от влияния политиков и военных. Одновременно апелляционный суд САР снизил наказание до 10 лет тюрьмы по делу бывшего заместителя премьер-министра Сирии, министра экономики С.Ясина и министра транспорта А.Карима, которые обвинялись в нанесении экономического ущерба сирийскому государству в особо крупных размерах. Указанные лица были арестованы еще в мае – июне 2000 г. за получение крупных взяток в ходе заключения соглашения с французской компанией «Аэробус» на продажу в САР 6 гражданских самолетов на сумму 240 млн. долл. Замешанным в данном деле оказался также бывший премьер-министр М.Зуаби, который, как предполагают, решил не дожидаться ареста и покончил с собой в мае 2000 г.[11] Тогда суд приговорил С.Ясина и А.Карима к 20 годам лишения свободы и арестовал принадлежавшее им имущество. Характерно, что это было последним в САР крупным делом о коррупции, борьба с которой велась особенно жестко в последние годы жизни Х.Асада под руководством его сына Башара. Именно это обстоятельство позволило известному сирийскому писателю Т.Тизини заявить в ноябре 2000 г., что Б.Асад фактически свернул борьбу с коррупцией и медлит с проведением реформ, под влиянием своего ближайшего окружения[12]. Действительно, коррупция остается острой проблемой в жизни современной Сирии. Об этом могут свидетельствовать многие факты. Так, например, полученные в конце 2000 г. от Европейского инвестиционного банка кредиты на общую сумму в 182 млн. евро были «освоены» сирийским правительством к концу лета 2001 г. только на сумму в 1 млн. евро. Возможно, сирийские власти опасались, что Европейский банк может внезапно потребовать аудиторскую проверку и обнаружить истинные размеры коррупции в САР[13]. Размер таможенных пошлин в Сирии один из самых высоких в регионе. При этом доходы государственного бюджета от таможенных поступлений незначительны. По некоторым данным, через таможню в обход государства ежегодно попадает в частные руки около 1 млрд. долл.[14]

Судя по всему, Б.Асад хорошо осознавал, какую опасность представляет коррупция для стабильности и авторитета президентской власти и судьбы реформ в САР. 11 марта 2002 г. по обвинению в финансовых махинациях был арестован генеральный директор Сирийского коммерческого банка М.Мискаль. Его обвиняли в пропаже с банковских депозитов на сумму 5 млн. долл. в результате инвестиционных операций с «ненадежным» иностранным банком. В этот же день был уволен генеральный директор сирийских авиалиний. 17 марта около 30 сотрудников министерств транспорта и экономики, а также Центра

научных исследований САР были уволены и арестованы по обвинению в коррупции[15].

Таким образом, Б.Асад демонстрировал, что он намерен продолжить выполнение данных им в ходе своей инаугурационной речи обещаний реформировать Сирию. К тому же Б.Асад пользуется репутацией сдержанного человека, равнодушного к роскоши и чурающегося излишней помпезности. В своем близком окружении Б.Асад известен как интеллектуал с аналитическим складом ума, обладающий высокой самоорганизацией и дисциплиной. Близко знающие его люди отмечали, что Б.Асад постоянно занимается самообразованием. Он свободно владеет английским и французским языками. Много и с удовольствием читает. В его домашней библиотеке можно найти научные трактаты и книги по политологии. Особый интерес Б.Асад проявлял к изучению политэкономии. Он хорошо разбирается в компьютерных и информационных технологиях и живо интересуется последними достижениями в указанных областях.

До прихода к власти Б.Асад возглавлял Сирийскую ассоциацию по компьютеризации и информатике и его личной заслугой является подключение Сирии к «всемирной паутине» в 1998 г. По свидетельству близко знающих его людей, Б.Асад искренне считает, что будущее Сирии во многом зависит от того, насколько успешно в этой стране будут внедряться передовые компьютерные и информационные технологии (не случайно ряд важных постов в новом кабинете министров, сформированном в сентябре 2003 г., заняли его ближайшие соратники по Ассоциации, – А.В.). Постепенно он взял под свой личный контроль всю деятельность различных сирийских министерств и ведомств в этой области.

Ему куда больше идет гражданская одежда, чем военная форма. Предпочитает дорогие костюмы классического кроя. Воспитанный в традициях мусульманской семьи, чей неписанный этикет требует от младших уважать мнение старших, вести добропорядочный образ жизни, порицает выпячивание своих заслуг и самовосхваление, Б.Асад держится скромно в общении с окружающими. Он ведет здоровый образ жизни и занимается спортом. В то же время, Б.Асад открыт для общения, что, однако, не означает, что он лишен твердости и даже некоторой жесткости в отношениях с людьми. Сказываются, очевидно, гены отца, предки которого тяжелым крестьянским трудом добывали своим детям путевку в жизнь.

Своеобразное «боевое крещение» Б.Асад принял в ходе подавления мятежа, организованного из-за кордона его опальным дядей Рифатом в 1999 г. с целью захвата власти. Мягкие черты и юношеский овал лица Б.Асада, его открытая улыбка могут ввести в заблуждение неосведомленного наблюдателя. Однако близко знающие его друзья утверждают, что серо-голубые глаза Б.Асада, столь часто встречающиеся у выходцев из прибрежных районов Сирии, которые в течение

многих столетий были ареной ожесточенных сражений крестоносцев с арабами, могут иногда сверкать сталью подобно знаменитому дамасскому булату. Не обладающий, по общему суждению, харизмой своего старшего брата, Б.Асад, тем не менее, сумел за сравнительно короткое время создать себе в народе образ честного и справедливого правителя, выступающего против злоупотреблений властью, борца с коррупцией и непотизмом, радетеля за интересы простых людей.

Одним из ближайших сподвижников Б.Асада и горячим сторонником реформ является его жена А.Ахрас, с которой он познакомился, как утверждают осведомленные источники, во время своей учебы в Лондоне. Официально их брак был зарегистрирован в декабре 2000 г. в Дамаске. Свадебная церемония прошла без излишней помпезности и шумихи с участием близких родственников и друзей со стороны жениха и невесты. О женитьбе своего президента большинство сирийских граждан узнало из официальных сообщений прессы лишь в начале января 2001 г. А.Ахрас родилась и училась в Лондоне. Имеет диплом специалиста по компьютерным наукам. Несколько лет работала экономистом в крупных западных банках и компаниях, является представительницей одного из известных и почитаемых в Сирии суннитских родов г.Хомса. Этот факт, несомненно, способствует укреплению конфессионального союза и связи центра с периферией в Сирии. Однако этим ее достоинства не ограничиваются. Эта молодая и внешне привлекательная женщина достаточно социально и политически активна. В отличие от супруги Х.Асада, которая избегала публичности, жену Б.Асада можно нередко увидеть в теленовостях западных СМИ. Она не отказывается давать интервью и высказывать собственную точку зрения. Впервые А.Ахрас появилась на экране сирийских телевизоров во время церемонии встречи в Дамаске болгарского президента 19 марта 2001 г., шокировав патриархальную сирийскую публику своим открытым платьем выше колен. По некоторым данным, А.Ахрас имеет свой собственный офис в президентском дворце и курирует ряд важных социальных и гуманитарных проектов. Она выступает за повышение роли женщин в сирийском обществе, и в этой связи нельзя исключать ее причастность к тому, что за последние два года число женщин на ответственных постах в госаппарате существенно увеличилось по сравнению с прошлыми десятилетиями. Умело используя связи своей семьи в деловых и политических кругах западно-европейских стран, А.Ахрас заботиться об укреплении авторитета и позиций президента как в Сирии, так и за ее пределами. Ее личный вклад в обеспечение успеха визитов Б.Асада в ряд арабских европейских стран не подвергается сомнению.

В начале декабря 2002 г. Б.Асад поручил премьер-министру М.Миро сформировать новое правительство. Число членов ПАСВ в составе нового кабинета сократилось с 26 до 19 человек. Это произошло главным образом за счет сокращения численного состава правительства с

36 до 34 человек и увеличения числа партий в НПФ с 5 до 8. Серьезные кадровые перестановки произошли в экономическом блоке правительства. Новым министром экономики и внешней торговли был назначен Г.Рифаи, получивший ученую степень в Великобритании и работавший ранее в международных финансовых организациях. Новые министры промышленности И.Заим, финансов М.Атраш и туризма А.Каляа также учились во Франции и Великобритании. В то же время, сам премьер-министр и руководители ключевых министерств (обороны, иностранных дел, информации) остались прежними. Исключением стала отставка министра внутренних дел М.Харба[16].

Вслед за реформой правительства Б.Асад произвел ряд кадровых перестановок в армии и спецслужбах. В январе 2002 г. в отставку был отправлен начальник Генштаба САР А.Аслан – алавит, один из близких Х.Асаду высокопоставленных военных. В армии А.Аслан пользовался репутацией руководителя, который существенно укрепил боеспособность сирийских вооруженных сил. Назначенный на этот пост после отставки в 1998 г. Х.Шехаби, А.Аслан, как считали в осведомленных сирийских кругах, не смог найти общего языка с шурином Б.Асада генералом А.Шаукатом, который после смерти Х.Асада фактически руководил всеми кадровыми вопросами в силовых структурах Сирии. Отставка А.Аслана с поста начальника Генштаба объяснялась также и тем обстоятельством, что в течение 24 лет этот пост занимал представитель суннитской общины Халеба, а с приходом А.Аслана в армии заговорили о дальнейшей «алавитизации» командного состава сирийских вооруженных сил. На место А.Аслана был назначен его заместитель, суннит, 67-летний генерал Х.Туркмани – уроженец Халеба. В сирийской армии он был известен как один из верных и последовательных сторонников укрепления военно-технического сотрудничества с Россией. Отставка А.Аслана предполагала начало масштабных кадровых перестановок на уровне высшего и среднего звена командного состава сирийской армии, особенно среди тех офицеров, чье выдвижение было обусловлено поддержкой представителей «старой гвардии», к которой, наряду с А.Асланом, относится и министр обороны М.Тлас. Возможно, этим обстоятельством было продиктовано решение М.Тласа поторопиться с подачей Б.Асаду в феврале 2002 г. своего рапорта об отставке (по возрасту), рассмотрение которого было отложено президентом до июля 2002 г., когда в армии и спецслужбах ожидалась серия кадровых перемещений[17]. Как уже о практически решенном вопросе, в Дамаске заговорили об отставке генерала Х.Халиля с поста начальника Управления военной контрразведки. На этот пост Х.Халиль был назначен летом 2000 г. после того, как Б.Асаду наконец удалось отправить в отставку многолетнего главу Управления военной контрразведки А.Дубу, который не скрывал своего скептического отношения к власти молодого президента. Однако и при новом начальнике – своем прежнем заместителе, А.Дуба не утратил связи с Управлением военной

контрразведки и пытался вмешиваться в работу этой важнейшей в Сирии спецслужбы. В начале 2002 г. свой пост начальника контрразведки ВВС/ПВО САР (одной из самых «закрытых» и близки к Х.Асаду сирийских спецслужб) оставил генерал И.аль-Ховейджи. В начале марта 2002 г. Б.Асад своим приказом уволил в отставку «за грубые нарушения норм поведения и превышение служебных полномочий» около 30 высокопоставленных офицеров спецслужб. В основном это были сотрудники территориальных (провинциальных) управлений Департамента политической безопасности МВД САР, во главе которого находился также один из ближайших сподвижников Х.Асада генерал Аднан Бадр Хасан[18]. В начале октября 2002 г. он был отправлен в отставку. Вместо него главой Департамента Б.Асад назначил начальника разведки сирийских войск в Ливане Г.Канаана. Ранее, в декабре 2001 г. в ходе произведенных Б.Асадом кадровых перестановок в сирийском кабинете министров на пост министра внутренних дел вместо отправленного в отставку М.Харба – еще одного из старых сподвижников Х.Асада, – был назначен генерал А.Хаммуд. До этого А.Хаммуд – представитель алавитской общины в течение нескольких месяцев возглавлял Управление общей разведки САР, что вызывало настороженность военных-суннитов. На место А.Хаммуда был назначен генерал, суннит, Х.аль-Бахтияр. Назначение А.Хаммуда рассматривалось в информированных кругах Дамаска как новый шаг Б.Асада по усилению своего контроля над национальными спецслужбами за счет укрепления руководящего состава МВД преданными ему людьми и передачи этому министерству части полномочий и функций сирийских спецслужб. Характерно, что традиционно на пост министра назначался выходец из полиции. Кадровые перестановки в МВД имели также и внешнеполитическую подоплеку. Возглавлявший ранее службу разведки и контрразведки в Западном Бейруте А.Хаммуд мог оказаться полезным президенту в проведении его собственной политической линии в Ливане. В то же время, в соответствии с негласным распределением обязанностей в сирийских спецслужбах, Департамент политической безопасности МВД САР, который возглавил приобретший в Ливане богатый опыт «переговорщика» Г.Канаан, отвечает за «турецкое досье» и курирует общий ход сирийско-турецких отношений, в нормализации которых Б.Асад был крайне заинтересован[19].

Совпавшие по времени кадровые перестановки в правительстве и руководстве армии и спецслужб дали основания некоторым сторонникам Б.Асада предположить, что президент постепенно перемещает центр власти из военных в гражданские институты государства. Однако на деле, административная реформа так и не была завершена и свелась к обычному «перепрограммированию» чиновничьего аппарата. Реальные же рычаги власти остались под контролем прежней правящей элиты. Возможно, отдельные ее представители и помолодели на 5–8 лет, но большинство из них, по сути, обладало мировоззрением своих старших коллег. К тому же они не чувствовали своей

полной зависимости от воли Б.Асада и оставались во многом лояльны своим бывшим начальникам, которые продолжали составлять ближайшее окружение молодого президента. Так, уже в мае 2002 г. Б.Асад издал специальный указ о продлении на два года срока службы министру обороны М.Тласу, который по возрасту должен был выходить в отставку[20]. А уволенные в отставку А.Аслан, И.Ховейджи, М.Насыф были назначены советниками президента по вопросам обороны и национальной безопасности[21].

Реформирование ПАСВ и укрепление ее руководящих органов верными людьми могли дать Б.Асаду возможность расширить базу поддержки своей власти в партийных рядах и властных элитах. В результате проведенных в мае 2000 г. предварительных выборов делегатов 9 съезда партии, в его работе смогли принять участие около 200 новых молодых баасистов, среди которых было немало сторонников Б.Асада. Это позволило значительно обновить кадровый состав директивных партийных органов как в центре, так и на местах. Из 21 члена регионального руководства и 90 членов ЦК ПАСВ 12 и 62 соответственно были заменены новыми людьми. Полностью был обновлен обком Халеба, где особенно сильны позиции суннитского большинства и торгово-промышленной буржуазии страны. Существенные кадровые перестановки произошли в обкоме г.Сувейды (юг Сирии), в партийной организации (на правах обкома) Дамасского госуниверситета.

Наряду со стремлением Б.Асада упрочить собственные позиции и своих сторонников в ПАСВ обновление партийных рядов было призвано оживить повседневную жизнь и деятельность партии, упрочить ослабевшую за последние годы ее связь с обществом, преодолеть в этих целях пассивность и безразличие рядовых баасистов, пробудить их инициативу, особенно на периферии, освежить устаревшие формы и методы партработы, которые не отвечали возросшим требованиям момента.

На проходившем в декабре 2000 г. под председательством Б.Асада заседании РР ПАСВ было решено отказаться от системы назначений в партии и провести 20 января 2001 г. партийные выборы. При этом вводилось право «оказывать недоверие» на выборах партфункционерам среднего звена. Б.Асад дал также понять, что следующие президентские выборы 2007 г. он хотел бы провести на альтернативной основе. На этом же заседании было одобрено создание в Сирии системы частных банков, выражена поддержка учреждению фондовой биржи и принятию закона о банковской тайне. Таким образом, партия как бы делала заявку на более активное участие в осуществлении давно назревших социально-экономических преобразований в Сирии и укрепляла свои позиции в среде национальной буржуазии.

Стремясь расширить социальную базу поддержки ПАСВ и избежать преждевременного, с точки зрения, власти создания политических партий вне рамок ПНФ, Б.Асад предпринял также попытку реорганизовать его деятельность. Входящим в него партиям разрешалось учреждать

региональные отделения, легально привлекать новых членов и издавать собственные газеты. В начале февраля 2002 г. статья 9 Устава ПНФ, определяющая монопольное право ПАСВ на ведение политической работы в обществе, была частично изменена. Входящие в ПНФ партии теперь могли действовать в молодежной среде, университетах. Запрет на работу в армии, тем не менее, сохранялся. О предпринимаемых властями усилиях по изменению прежней схемы взаимоотношений ПАСВ с другими политическими партиями Сирии свидетельствует также тот факт, что на приходивший в декабре 2002 г. форум ПНФ в качестве наблюдателей были приглашены представители Сирийской национальной социальной партии (СНСП), которая не так давно возобновила свою деятельность в стране после долгих лет запрета. В начале марта 2003 г. В Сирии прошли первые с момента прихода к власти в стране Б.Асада парламентские выборы. Они не слишком заметно отличались от выборов прошлых лет, поскольку, несмотря на требования оппозиции сирийское избирательное законодательство осталось прежним. В результате ПАСВ, как и прежде одержала уверенную победу, получив 167 из 250 мест в парламенте. Комментируя итоги выборной компании, ее куратор – новый глава МВД А.Хаммуд заявил, что «нынешний закон о выборах пока не требует изменений и соответствует текущим реалиям». Обращаясь к вновь избранным депутатам, он, тем не менее, дал понять, что от них ждут продолжения реформ. Действительно, 83 места получили т.н. независимые кандидаты (в основном представители крупного национального капитала), а также представители СНСП. Впервые за всю историю ПАСВ и НПФ независимая партия получила на выборах 4 места в парламенте[22].

Реформируя ПАСВ, Б.Асад, очевидно, хотел изменить политическую конфигурацию сирийского общества и вернуть партии ее былую роль в политической системе страны наравне с армией и новым предпринимательским классом. Президент не мог не считаться с тем фактом, что партия, которая объединяла в своих рядах около 1,4 млн. человек (все население САР составляет 17 млн. чел.), в силу распространения сети своих организаций и связей с различными слоями общества сохраняла значительный политический потенциал. А мощный партийный аппарат представлял собой один из важных рычагов управления в руках президента. Тем более, что в самой партии не было каких-либо серьезных политических разногласий. В партийных верхах не велась борьба блоков и группировок, враждующих между собой по принципиальным политическим мотивам. Несмотря на определенную разницу в материальном положении, различную конфессиональную принадлежность, разную степень радикальности или консерватизма во взглядах, состав членов руководства ПАСВ был в принципе однороден и для него не была характерна фракционность. Если в нем и происходили какие-то столкновения между отдельными лицами или группами, то они отражали сложный процесс смены поколений во властных си-

рийских элитах и представляли собой соперничество за «лучшее место под солнцем», которое старшее поколение баасистов склонно было отождествлять с личностью и режимом Х.Асада. Процесс политизации ислама в регионе и в Сирии, в частности, возможное в перспективе начало прямых арабо-израильских переговоров, сложный процесс смены правящих элит и перераспределения власти между ними вынуждали сирийского президента проявлять особое внимание к делам партийной жизни в стране, чтобы не допустить возникновения идеологического вакуума в Сирии. В условиях участия САР в глобальной борьбе с терроризмом для власти весьма актуальной становилась задача поддержания конфессионального баланса в стране. В этом смысле «возрожденная» ПАСВ могла послужить достаточно прочным связующим звеном между суннитами и алавитами, центром и регионами. Активизировавшаяся в последнее время деятельность мирового и арабского сообществ по разблокированию мирного процесса в регионе заставляла сирийское руководство обратить самое пристальное внимание на партию. В отличие от армии и разветвленного аппарата спецслужб, которым в случае прекращения арабо-израильского противостояния, пришлось бы существенно сократить свою численность и реформировать свою деятельность, обновленная ПАСВ могла стать одной из основных опор президентской власти в постконфронтационный период. К тому же пример Ирака показал, что умелое использование режимом С.Хусейна баасистской партии для удержания кланом Тикрити власти в Ираке в условиях жесткой международной политической и экономической блокады показало эффективность партии даже в быстро меняющихся внешних идеологических условиях. С учетом изменчивой политической ситуации на Ближнем Востоке, отход сирийского руководства от баасизма мог иметь далеко идущие последствия не только в идеологическом, но и геополитическом плане. Борьба баасистов за влияние в арабском мире оставалась одним из реальных элементов сложного политического процесса в регионе. В результате активной «закордонной» работы ОР ПАСВ, Дамаск контролировал деятельность баасистских организаций в Ливане и Палестине. С учетом планов США и их западных союзников по переустройству миропорядка на Ближнем Востоке после свержения режима С.Хусейна в Ираке, Сирии приходится пересматривать свои отношения с радикальными исламскими и палестинскими организациями. В этой связи ливанские и палестинские филиалы ПАСВ могли стать важным каналом влияния сирийского руководства на политическую ситуацию в соседних арабских государствах. Примечательно, что еще при жизни Х.Асада по его указанию в первой половине 90-х годов в недрах РР ПАСВ разрабатывалась новая платформа партии (отмена режима чрезвычайного положения, введение многопартийности, создание гражданского общества и т.п.), учитывающая возможность арабо-израильского примирения. Вместе с тем Х.Асад отклонил поступавшие в этот период предложения о департизации во-

оруженных сил и спецслужб. В отличие от Ирака, ПАСВ в Сирии не имела собственных вооруженных формирований и была не в состоянии самостоятельно выступить в защиту режима в случае кризисной ситуации. Партии отводилась политическая роль, а партийное строительство и партийная деятельность были ориентированы, прежде всего, на проведение политической работы в массах и их мобилизацию для решения выдвигаемых властью задач. В то же время, реформированная ПАСВ, выступая на равных с военным и государственным аппаратом, способна сыграть роль важного фактора (особенно в постконфронтационный период), обеспечивающего стабильность политического курса, независимо от персональных изменений в руководящей элите. Однако, как бы ни сложился процесс политической модернизации в Сирии, ПАСВ, вероятно, могла бы играть в нем не последнюю роль при любых поворотах социально-политического развития страны. На ПАСВ сегодня ложится функция сглаживания существующих расхождений между правящими элитами. Возможно, партия могла бы стать своеобразным «политическим клубом» для встреч и обмена мнений различных представителей правящей сирийской элиты. Сегодня в партийном руководстве активно обсуждаются вопросы о том, обязательно ли должны студенты старших курсов сирийских университетов участвовать в деятельности молодежных организаций ПАСВ, а также должен ли глава правительства обязательно быть членом ПАСВ. По мнению бывшего пресс-секретаря сирийского МИД Шаабан (сегодня одной из немногих министров-женщин в составе нового кабинета министров – А.В.) роспуск партии «Баас» в Ираке поможет Б.Асаду открыть дорогу в руководящие структуры Сирии представителям других партий[23].

В экономической области власти объявили ряд мер, призванных ослабить жесткий государственный контроль над экономикой за счет внедрения в нее некоторых принципов свободного рынка. Вряд ли эти меры смогли кардинально решить проблемы сирийской экономики, они демонстрировали признание правительством острых экономических проблем в Сирии. Так, в октябре 2000 г. официальная сирийская пресса опубликовала основные положения нового пятилетнего плана, принятого сирийским правительством, где констатировалось наличие серьезных экономических и социальных проблем в развитии[24]. Таким образом, у населения сохранялась надежда, что, по мере расширения политических реформ, будут усиливаться и темпы экономической либерализации. Одним из косвенных показателей серьезности намерений власти в этой области стало то, что бюджет 2001 г. был разработан и принят без проволочек и затяжек, что являлось беспрецедентным для Сирии последних десятилетий.

На самом деле, к моменту прихода к власти Б.Асада Сирия фактически находилась на грани тяжелого экономического кризиса. Так, доход на душу населения составлял 1010 долл. в 1999 г., темпы эко-

номического развития в этот же год имели отрицательный показатель (-1,7%). В тоже время ежегодный прирост населения составлял 2,7%, а безработные составляли 20% населения. Таким образом, сирийская экономика нуждалась в срочном реформировании, что признавалось официальной сирийской печатью[25].

Несмотря на предпринятые в первые годы президентства Б.Асада усилия по улучшению экономического положения страны (к июлю 2001 г. было принято около 100 новых законодательных актов в области реформирования экономики), существенно изменить ситуацию пока не удается. И дело не столько в самой экономике, сколько в проблемах политического характера. В случае быстрых и масштабных рыночных преобразований в Сирии, которые неизбежно приведут к обрушению прежней экономической системы, многие, чье благополучие связано с государственным сектором, могут серьезно пострадать. При определенных обстоятельствах это может вызвать социальный взрыв. Так, по данным официальной сирийской статистки, 1,2 млн. человек (40% экономически активного населения) занято на государственной службе, в том числе в отраслях военной промышленности и гражданском производстве[26]. Более 80% занятых в сельском хозяйстве работают в государственных предприятиях и сельских кооперативах. Их деятельность полностью зависит от государственной помощи и различных дотаций. Занятые в этих отраслях экономики составляют 2\3 экономически активного населения страны и образуют одну из важнейшую социальных опор власти, многие представители которой (как сунниты, так и алавиты – А.В.) родом из сельской местности[27]. Б.Асад хорошо понимал и вынужден был учитывать данные сирийские реалии. В середине мая 2002 г. президент подписал указ о повышении заработной платы государственным рабочим и служащим, а также военным на 20%. Размер пенсий для этих категорий населения также был увеличен на 15%[28]. Многие представители властной военно-бюрократической элиты также были не заинтересованы в углублении реформ. Сегодня в Сирии министры и приравненные к ним по тарифной сетке зарплаты другие категории служащих официально получают около 400 долл. в месяц. При этом размер их заработка вроде бы не очень заметно отличается от жалования других бюджетников. На деле же, министры регулярно получают различные премии (размеры которых сопоставимы с их заработком), имеют в распоряжении несколько автомобилей с шоферами и т.п. Только размер командировочных этой категории сирийских служащих составляет 200 долл. в день. Естественно, они с опаской и без должного энтузиазма относятся к любым переменам[29]. Поэтому, несмотря на данные Б.Асадом три года назад обещания структурно реформировать сирийскую экономику, в том числе ее административный аппарат, серьезных шагов в этом направлении сделать пока не удалось.

Особенно хорошо это видно на примере реформы финансово-банковской системы – основы модернизации всей сирийской экономики. Не случайно, экономическая либерализация в Сирии началась с реформы именно этого сектора национальной экономики. За день до своего избрания президентом республики Б.Асад распорядился разрешить иностранным банкам действовать в одной из 5 «свободных зон» Сирии. Менее, чем через месяц после своей «инаугурационной речи», в которой он выступил с программой реформ, Б.Асад 8 августа издал указ о работе трех частных банков в сирийских «свободных зонах». Ряд ливанских банков первыми получили возможность принять участие в этом эксперименте. 2 декабря 2000 г. на заседании РР ПАСВ под председательством Б.Асада было принято решение о создании частных банков в Сирии «в виде частных или смешанных акционерных предприятий» с минимальной кредитной базой в 30 млн. долл. При этом указывалось, что частные банки не заменят собой контролируемые государством 6 существующих банков, а будут служить их дополнением. На заседании была также выражена поддержка планам создания фондовой биржи и принятия соответствующих законов для юридического обеспечения банковской реформы[30]. Действительно, при условии, что частные банки смогли бы в кратчайшие сроки завоевать доверие на международном уровне, они были бы способны оперативно обслуживать и финансировать сирийский экспорт и импорт. Стали бы гарантом от воздействия отрицательных факторов, которые могли бы появиться в результате свободного обмена сирийского фунта и разрешения на переводы неограниченных средств в национальной валюте. В отличие от частных банков, государственные не могли обеспечивать столь высокую норму прибыли, качественно и быстро проводить операции. Таким образом, потенциальные клиенты вынуждены были прибегать к помощи финансовых учреждений третьих стран, в результате чего Сирия, по некоторым данным, ежегодно теряла около 1 млрд. долл. Наличие широкой сети частных банков и их филиалов в туристических центрах способствовало бы развитию туризма, увеличению притока клиентов, особенно из арабских государств. Частный банковский сектор смог бы обеспечить появление новых рабочих мест для высококвалифицированных специалистов, многие из которых в настоящее время не находят себе достойного применения, а также укорил бы процесс модернизации государственных финансовых структур. В ходе банковской реформы предлагалось также разрешить арабским и другим зарубежным компаниям становиться совладельцами финансовых учреждений на условиях, что 51% уставного капитала будет принадлежать сирийской стороне. Это позволило бы привлечь капиталы извне, перенять опыт работы, улучшить деятельность управленческих структур. Большие надежды возлагались на превращение Коммерческого банка Сирии в предприятие со смешанным капиталом, (у государства предполагалось оставить лишь 25%) и переход к выплате им не 1%, а 8%

годовых, что обеспечило бы приток вкладов граждан и мелких инвестиций. Но Сирия более заинтересована в притоке долго- и среднесрочных вкладов. Для их привлечения необходимо, чтобы банк, с одной стороны, работал быстро и эффективно, а с другой, гарантировал возвращение инвестиций. Для решения этой задачи планировалось превратить Промышленный и Сельскохозяйственный банки в Банк развития со смешанным капиталом (50% остается у государства). Параллельно с организационными мероприятиями необходимо было провести большую работу по внедрению новейшей техники, обучению персонала, изучению управленческим аппаратом современных методов ведения банковского дела. 25 декабря 2000 г. Центральный банк САР объявил о планах введения в стране первых кредитных карточек. А уже 29 марта 2001 г. Совет министров САР принял новый закон о банках, на основании которого разрешалось создание частных банков и вводилось понятие тайна вклада. В Сирии разрешалось создавать два типа частных банков: с участием капиталов частных лиц или иностранных граждан при условии, что 51% уставного капитала принадлежал национальным инвесторам, и совместные финансовые предприятия с участие частных лиц и сирийского государства (не менее 25% капитала). 16 апреля 2001 г. Б.Асад издал декрет № 28 о создании частных банков, где государство владело 25% капитала, а также декрет № 29, обязывающий сирийские банки соблюдать тайну вкладов. Сирийское руководство хорошо понимало всю значимость для дальнейшего развития страны реальной банковской реформы. 30 апреля на пресс-конференции премьер-министр М.Миро заявил, что сирийское правительство считает, что частные банки «смогут облегчить бремя национальной экономики» и снизить ее зависимость от государства. Хотя сирийское банковское законодательство сильно отставало от западных стандартов, сирийские власти не прекращали попыток реформирования: введение кредитных карточек, сохранения тайны банковских вкладов и т.п. Особое внимание Б.Асад уделял вопросам развития системы частных банков и созданию современной финансовой системы в САР[31].

Однако, сохранявшиеся ограничения на обмен валюты и наличие нескольких обменных курсов в Сирии, давали представителям властной верхушки возможность, используя свое служебное положение и связи, обогащаться на разнице этих курсов. Они стремились также сохранить прежнюю систему выдачи банковских кредитов и определения процентных ставок по ним, которые зависели не столько от экономической целесообразности, сколько от политических соображений. Поэтому, несмотря на то, что в январе 2001 г. в Сирии был принят закон об образовании частных банков, сирийское правительство отказалось учредить новый независимый орган банковского регулирования. В результате, за год после принятия этого закона кроме нескольких банков Ливана, чья экономика находится под контролем Сирии, банки других стран пока не выразили желания работать на

сирийской рынке[32]. Более того, в середине 2002 г. Б.Асад публично выразил сомнение в способности частных банков обеспечить развитие национальной экономики[33].

Процессы модернизации в Сирии осложнялись еще и непростой конфессиональной и земляческой составляющими властной вертикали, доставшейся Б.Асаду в наследство от прежних лет. Решая задачу безусловного обеспечения наследственной преемственности власти в сложных внутри- и внешнеполитических условиях, Х.Асад и его сын несколько нарушили сложившийся во властных структурах конфессиональный баланс, что вызывало плохо скрываемое возмущение суннитов засильем алавитов в правительстве и армии. Последние перестановки в армии и спецслужбах были призваны несколько успокоить суннитскую общину и халебское землячество Сирии. Возможно, с этой же целью Б.Асад неоднократно в ходе различных арабских и исламских конференций подчеркивал свою приверженность общеисламскому делу. Конфессиональный аспект новой экономической политики Б.Асада учитывал также позицию по этому вопросу его отца, который считал, что экономика не должна быть зоной исключительных преференций для алавитов по сравнению с остальными конфессиями Сирии[34]. Поэтому, чтобы успокоить своих соплеменников и ослабить их оппозиционность программе реформ, Б.Асад активно развивал экономическую инфраструктуру средиземноморского побережья (районы Латакия, Тартус), где традиционно компактно проживает подавляющая часть алавитов. За счет привлечения зарубежных, прежде всего арабских, инвестиций сотни миллионов долларов вкладывались в развитие туристического сектора сирийской экономики, главным образом в прибрежных районах Сирии. В мае 2003 г. Европейский инвестиционный банк предоставил Сирии кредит на модернизацию порта Тартус в размере 50 млн. евро[35].

Стремясь обеспечить Сирии членство в ВТО и полноправное участие в европейских политических и экономических институтах, Б.Асад был крайне заинтересован в продолжении процессов политической и экономической либерализации. Тот факт, что в конце апреля – начале мая 2003 г. сирийское правительство, наконец, выдало лицензии трем частным банкам, мог рассматриваться как важный шаг на пути модернизации сирийской экономики. Сирийский кабинет также утвердил проекты создания 2-х частных университетов и 4-х частных радиостанций. Сегодня в Сирии рассматривается вопрос о реформе образования, в частности, планируется сократить объем военной подготовки в школах и университетах. Школьники младших и средних классов будут теперь носить новую униформу гражданского, а не военного, как прежде, образца. В то же время, основополагающие элементы системы власти в Сирии – государственное управление экономикой и закон о военном положении – остаются неизменными.

Инициированные Б.Асадом и его единомышленниками реформы находятся еще в самом начале и не могут пока оказывать существенного воздействия на процессы модернизации в Сирии на данном этапе. Тем более, что проведение политической и экономической либерализации в Сирии сталкивается с определенными трудностями. Многие влиятельные представители правящей элиты, пользующиеся экономическими и финансовыми привилегиями опасаются, что, в случае более радикальных преобразований в стране, они могут быть отодвинуты от основных финансовых потоков в Сирии и таким образом утратят свое политическое влияние и экономические позиции в государстве. В этой связи они поддерживают только те реформы, которые не выходят за рамки ныне действующей в САР системы. Вероятно, Б.Асад понимает, что при существующем раскладе сил его власть объективно ограничена, а подлинные сторонники реформ пока еще не набрали достаточного политического веса, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Возможно, другой бы на его месте в схожем положении сложил бы руки и предпочел царствовать, но не править, либо применил силу (соответствующие возможности у президента в армии и спецслужбах имеются), поставив тем самым страну на грань гражданской войны. Но не таков Башар – сын Асада. В сложной ситуации он проявляет редкие для своего возраста качества – твердость и целеустремленность в достижении поставленной цели в сочетании с политической гибкостью и умением маневрировать. Он действует как истинный патриот и гражданин своей страны, заботясь, прежде всего не об удовлетворении собственных властных амбиций, а об интересах Сирии и ее народа. Б.Асад осознает, какая ответственность лежит на нем как гаранте стабильности в стране.

В условиях отсутствия в Сирии серьезной альтернативы Б.Асаду, коалиционное руководство (за исключением вряд ли возможной сегодня военной диктатуры) в любых его персональных конфигурациях неизбежно сведется к открытой борьбе за власть верхушки властных сирийских элит, межконфессиональной розни и расколу общества. Поэтому в условиях переходного характера власти в стране Б.Асад считает, что оптимальный путь модернизации Сирии выражается сегодня формулой «преемственность ради реформ», что позволяет взять все положительное от прежних времен и одновременно избежать серьезных политических потрясений. Это особенно хорошо видно на примере нового сирийского кабинета министров, сформированного в начале сентября 2003 г. И дело здесь не только в том, что, как утверждают в осведомленных сирийских кругах, новый премьер-министр Н.Отри является близким родственником тещи Б.Асада. Помимо этого он известен как способный экономист и хороший управленец. А в такой стране, как Сирия любой рабочий или чиновник, при желании может установить свое дальнее родство с власть придержащими.

Несмотря на то, что состав кабинета обновился практически на половину, и новые министры в большинстве своем считаются настоящими профессионалами, ключевые посты – министра иностранных дел и обороны – на протяжении последних десятилетий остаются в руках одних и тех же людей. И хотя администрация США неоднократно в последнее время делала Б.Асаду недвусмысленные намеки на желательность исключения из властных структур Ф.Шара и М.Тласа – министров иностранных дел и обороны соответственно, сирийский президент предпочитает не торопиться с окончательным решением. Да и объективно сделать это непросто. Наиболее серьезные успехи в деятельности сирийского государства в последние несколько лет в сирийской и арабской политической среде связывают именно с внешней политикой и обороной. Однако после нанесение Израилем в начале октября 2003 г. ракетно-бомбовых ударов по сирийской территории данное положение может подвергнуться серьезной проверке. Какие выводы из этого сделает Б.Асад, говорить пока еще рано. Несомненно одно, политические и экономические реформы при Б.Асаде будут иметь более широкие рамки и идти быстрее, нежели это можно было представить во времена его отца. Об этом, в частности, может косвенно свидетельствовать инициированная новым премьер-министром Сирии проверка целесообразности и добросовестности расходов государственных финансов, первым объектом которой стало министерство промышленности и его руководители. Возможно, таким образом, президент хочет взять под свой полный контроль финансовые потоки в стране и тем самым лишить финансовой подпитки возможных противников реформ. Война в Ираке и последовавшие за ней события в регионе побудили Б.Асада серьезно задуматься о необходимости ускорения темпов реформ в САР. При этом речь идет не только о том, чтобы лучше соответствовать требованиям нового миропорядка, который США стремятся внедрить на Ближнем Востоке. Углубление экономической либерализации позволит Сирии укрепить свои позиции в новой международной обстановке в регионе и упрочить позиции самого президента внутри страны. Однако для того, чтобы изменения в Сирии приняли необратимый характер, очевидно, потребуется еще не один год.

Однако, в сущности, времени у Б.Асада не так уж и много. Если прошедшие три с половиной года президентства Б.Асада были отмечены относительным спокойствием и стабильностью внутриполитической обстановки, то это в значительной степени объяснялось тем, что президенту удавалось сохранять баланс сил в условиях отсутствия каких-либо кардинальных перемен в регионе. Однако после свержения режима С.Хусейна в Ираке ситуация вокруг Сирии и, в целом, на Ближнем Востоке претерпевает серьезные изменения. С учетом непростого социально-экономического положения в стране и роли Сирии в регионе сирийское руководство стоит сегодня перед необходи-

мостью существенной корректировки своей внутренней и внешней политики. Возможно, поэтому сегодняшняя Сирия нуждается в руководителе нового типа, обладающего не столько «инстинктом убийцы», сколько одной из самых мирных на земле профессий, способного путем тонких «хирургических» операций обеспечить сирийскому обществу верное видение перспектив в меняющемся мире.

[1] Syrian Arab News Agency (SANA), www.sana.org.
[2] Аль-Хаят, 27.09.2000.
[3] Аль-Хаят, 19, 14.01.2001.
[4] Agence France Press (AFP), 15.02.2001.
[5] Аль-Хаят, 19.03.2001.
[6] Аль-Кудс аль-Арабий, 12.04.2001.
[7] Radio «Monte Carlo», 19.08.2000; 07.09. 09.09.2001.
[8] Тишрин, 08.09.2001.
[9] Radio «Monte Carlo», 22.11.2001.
[10] Middle East Economic Digest, 22.12.2000, с. 5; Аш-Шарк аль-Аусат, 08.02.2001, аль-Кудс Аль-Арабий, 02.03.2001.
[11] ME1B, v. 3, № 11, november, 2001.
[12] Radio «Monte Carlo», 19.06., 24.11. 2000; 07, 08.12.2001.
[13] Daily Star (Beirut), 2.07.2001.
[14] ME1B, v. 3, № 7, July, 2001.
[15] Тишрин, 11.03.2002; Аль-Баас, 11.03.2002; MEIB, v. 4, № 3, march-april, 2002.
[16] MEIB, v. 3, № 11, november, 2001.
[17] Ад-Дустур (Амман), 12.02.2002 (араб. яз.).
[18] Ас-Сафир (Бейрут), 06. 03. 2002 (араб. яз.).
[19] Ар-Рай аль-Амм (Кувейт), 07.10.2002; Radio «Monte Carlo», 09.10.2002 (араб. яз.).
[20] www.syrialive.net, 23.05.2002.
[21] MEIB, v. 4, № 2, february, 2002.
[22] Ан-Нахар (Бейрут), 06.03.2003; Тишрин, 06.03.2003 (араб. яз.)
[23] The Washington Post, 11.05.2003.
[24] Тишрин, 02.10.2000.
[25] MEIB, v. 3, № 7, July, 2001.
[26] Аль-маджмуа аль-ихсаийя, 1999.
[27] MEIB, v. 3 № 7, July, 2001.
[28] www.syrilive.net. 23.05.2002.
[29] The Washington Post, 23.11.2003.
[30] Ас-Саура, 26.06.2000; AFP, 08.08.2000, 21.03.2001; SANA, 02.12.2000, 16.04.2001; Daily Star, 30.05.2001; Radio «Monte Carlo», ноябрь-декабрь, 2001.
[31] AFP, 21.03.2001; SANA, 16.04.2001; Daily Star, 30.05.2001; Monte Carlo, ноябрь-декабрь, 2001.
[32] The Washington Post, 11.05.2003.

[33] Syria: Country Report. Economist Intelligence Unit (EIU). London, may, 2002, с. 6–7; Аль-Кудс аль-Арабий, 25.05.2002.

[34] Hanna Batatu. Syrian Peasantry, the Descendants of its lesser rural notables, and their politics. – Princeton, 1999, с. 229.

[35] Dow Jones, 23.05.2003.

В.Ф.Щенников

МЕСТО СИРИИ В АРАБСКОМ МИРЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕЖИМА САДДАМА ХУСЕЙНА

Проблема урегулирования затяжного ближневосточного конфликта тянет за собой решение весьма сложного комплекса, который касается политической, экономической и военной сфер. Главным камнем преткновения является тема арабо-израильского противостояния. Поездки в страны ближневосточного региона членов команды президента США Джорджа Буша – госсекретаря США Колина Пауэлла, советника президента по национальной безопасности Кондолизы Райс и министра обороны Дональда Рамсфелда призваны были «вдохнуть жизнь в ближневосточный мирный процесс». Как сообщает агентство «Ассошиэйтед Пресс», американский президент после доклада подчиненных по итогам поездки посчитал, что действия арабских стран, прямо или косвенно поддерживающих терроризм, представляют наибольшее препятствие для достижения мира на Ближнем Востоке. Стабилизации обстановки в регионе, считает агентство, призваны содействовать и нормализация ситуации в Ираке, и американское давление на Сирию, которая «не в состоянии делать правильные выводы из очевидных фактов»[1].

Теперь в информационной войне, которую Соединенные Штаты Америки вели против Ирака, открылся сирийский фронт. Некоторые аналитики не исключают, что это начало подготовки к новой американской военной акции, теперь уже против Сирии. В апреле, например, в кармане террориста, убившего американского солдата в Багдаде, нашли сирийский паспорт. Тогда же, в направлявшемся в сторону сирийской границы автобусе, в котором ехали несколько десятков иракцев, обнаружили листовки, предлагающие награду за каждого убитого американца.

Потом появилось заявление Дональда Рамсфелда о том, что все опасные иракцы, в том числе разработчики биологического оружия, прячутся в Сирии. К пропагандистской атаке против Сирии присоединился Израиль. Министр обороны Ш.Мофаз в интервью газета «Маарив» указал, что Израиль стремится использовать новые условия на Ближнем Востоке, возникшие после падения Саддама, для устранения потенциальной угрозы со стороны Сирии. «Сирия запугивает еврейское государство через “Хезболла”, в связи с чем Штаты и предъявили Дамаску желтую карточку»[2].

После окончания иракской войны президент США сразу сказал, что теперь его беспокоит Сирия. Он выступил 13 апреля 2003 г. с серьезным предупреждением в ее адрес. «Власти Сирии должны сотрудничать с США и их партнерами по коалиции, а не укрывать тех, кто несет ответственность за тяжкие военные преступления: членов партии Баас, военных руководителей и других лиц, которым должен быть предъявлен соответствующий счет. Мы надеемся, что сирийцы поняли смысл этих слов». «Каждая конкретная ситуация потребует особого ответа», – подчеркнул Буш.

Тогда президент США поступил достаточно мудро, пишет «Нью-Йорк таймс», избегая упоминания о возможном использовании военной силы против Сирии. Но, тем не менее, это был серьезный намек сирийскому президенту Б.Асаду. Ведь год назад, когда командующий американской армией в Афганистане Т.Фрэнкс заявил, что, преследуя талибов, она «может» перейти границу и углубиться на территорию Пакистана, президент Первез Мушарраф вынужден был проявить проамериканскую лояльность, чем спас свою страну от вооруженного вторжения американцев. Что касается Сирии, то для начала войны теперь вовсе не требуется доказательств громких обвинений американского президента. Тем более, что ударная группировка американской армии сейчас находится рядом с сирийской границей[3].

Подобная решимость США напугала тогда британского премьера Т.Блэра, который называл сирийского президента Б.Асада реформатором своей страны. В начале апреля он позвонил в Дамаск и успокоил сирийского президента, сказав, что «Великобритания резко выступает против того, чтобы Сирия становилась следующей военной целью». Нельзя исключать, что Блэр убеждал Асада «не нарываться»[4]. В ответ сирийский лидер согласился остановить поток иракцев, пересекающих границу страны, заявив, что сирийская сторона обещает «запретить всем пересекать границу из Ирака в Сирию». Вероятно, президент Б.Асад после разговора с Тони Блэром стал осознавать необходимость сотрудничества с США, полагая, например, что, если Сирия пообещает «посторожить» иракскую нефть для американцев, которые уже приобрели нефтяные скважины, то они с ней могут и поделиться приобретенным.

Вашингтон в конце марта стал готовить поездку госсекретаря Пауэлла в Дамаск, считая, что под влиянием угроз у молодого президента Б.Асада сдадут нервы и он согласится на все требования Вашингтона. Дамаск действительно согласился выполнить многие претензии американцев, и на встрече с госсекретарем США 4 мая сообщил о закрытии границы, а также тайно выдал американцам нескольких ведущих иракских ученых, которых Вашингтон подозревал в разработке химического оружия. Сирия согласилась также принять участие в претворении в жизнь плана палестино-израильского урегулирования «дорожная карта», имеющего в основе прекращение террора и мирное

сосуществование двух демократических государств, еврейского и палестинского. Дамаск даже отрапортовал о закрытии офисов отделений террористических группировок «Хамас», «Народный фронт освобождения Палестины» и «Исламский джихад». Пресс-секретарь этих организаций Х.аль-Фахум заявил 20 мая агентству «Ассошиэйтед Пресс», что «решение свернуть деятельность в Сирии является абсолютно добровольным и говорит о нашем понимании проблем страны». Правда, руководители этих группировок останутся в Дамаске, но не будут участвовать в политической жизни страны[5].

Один из генералов сирийской армии, сопровождавший военную делегацию в Москву, как-то сказал журналистам: «Американцы нас постоянно упрекают то в терроризме, то в антиизраильских действиях. Но дайте Сирии гарантии мира, верните ей оккупированные Голанские высоты, и тогда мы готовы присоединиться к новому Багдаду, подписать, напри мер, в Дамаске всеобъемлющий договор с Израилем, который положит конец столетней ближневосточной войне»[6].

Вслед за госсекретарем в страны Ближнего Востока 28 июня выехала советник президента США по национальной безопасности. По ее словам, любые отношения с Сирией «проблематичны из-за поддержки ею терроризма». С целью ослабить негативную реакцию во всем мире на американские нападки на Дамаск советник президента заявила, что никакой операции против Сирии не планируется. Он дала понять, что для улучшения отношений с США Дамаску следует полностью пересмотреть свою политику, в частности «прекратить оккупацию Ливана»[7].

В Вашингтоне посол Сирии в США И.Мустафа заявил в ответ на слова К.Райс, что его страна не только примет самую строгую международную инспекцию, чтобы та убедилась, что в Сирии нет оружия массового уничтожения, но и «будет ее самым сердечным образом приветствовать». Он сказал: «Помогите нам освободить Ближний Восток от ОМУ. Только приезжайте во все страны региона, включая Израиль, у которого есть ядерные вооружения»[8].

По словам госсекретаря Пауэлла, Сирия уже давно дает повод для беспокойства как одно из государств, где существуют репрессивные политические системы, на протяжении длительного времени поддерживающие терроризм.

Нападки президента Буша на нынешнее сирийское руководство вполне понятны. Оставить Сирию в покое для американцев слишком «стрёмно» – эта страна способна стать миной замедленного действия. Сирия – самый опасный из всех соседей Израиля. Если с Египтом и Иорданией у Израиля подписан мирный договор, то Сирия это слишком опасный сосед этого стратегического партнера США. Теперь, когда Саддам – нестабильный участок в регионе выпал из проведения американцами «перестройки» на Ближнем Востоке», – руководство Сирии стало, пожалуй, единственным, откуда исходили са-

мые воинственные заявления. В апреле представитель сирийского МИДа Б.Шаабан заявила, что Сирия не собирается признавать иракскую администрацию, поскольку это «оккупационный режим», а признавать можно только законно избранное правительство[9].

Американцев за ситуацию в Ираке критикуют во многих странах, а арабские правительства пока молчат. Кроме Сирийской Арабской Республики. Ее правительство первым заговорило с американцами «языком улицы». Президент САР Б.Асад осудил операцию против Ирака, отметая американские претензии к его стране.

Нельзя забывать, что в Сирии, как и в Ираке, правит диктаторский режим, возглавляющий Партию арабского социалистического возрождения. В партии состоят 1,4 млн. чел., при том, что все население Сирии – 17 млн. Суть идеологических концепций выражена в главном партийном лозунге: «Арабская нация едина. Ее миссия вечна. Единство, свобода, социализм».

У Сирии имидж страны с навязанной волей меньшинства большинству диктаторским правительством, которое существует в Сирии более 30 лет, когда с 13 ноября 1970 г. в стране стала править династия алавитов – Асадов. Ее основатель Х.Асад принадлежал к той же плеяде ближневосточных лидеров, вышедших из военной среды, что и С.Хусейн. Он пришел к власти в результате военного переворота.

Как показали события последних лет, власть в этой стране передалась по наследству. Х.Асад за несколько лет до смерти в июне 2000 г. сумел создать все условия для мирной передачи власти своему сыну, учившемуся тогда в ординатуре одного из лондонских медцентров на офтальмолога, Б.Асаду.

Для начала он был зачислен в Дивизию республиканской гвардии. Затем Асад стал поручать ему работу, способствующую росту популярности. Башар, например, возглавил бюро по борьбе с коррупцией, что позволяло Хафезу вовремя избавиться от некоторых потенциальных конкурентов сына. В разгроме политических противников активнейшее участие принимал сам 37-летний Башар. Из врача-офтальмолога он быстро превращался в будущего диктатора.

К тому времени Израиль вывел свои войска из Южного Ливана, что было воспринято в Сирии как крупная победа Башара, отвечавшего за ливанское направление в руководстве страны. Это способствовало тому, что на референдуме страны 97% избирателей поддержали единогласное избрание депутатами парламента президентом страны Башара.

За прошедшие три года Б.Асад вполне справился с задачей сохранения своей власти. Во всяком случае, ни о каких крупных конфликтах в руководстве Сирии пока не слышно. Башар женат на британской подданной, представительнице известного сирийского рода А.аль-Ахрас. Своего сына он назвал Хафез.

Б.Асад унаследовал от отца его осмотрительность и пошел дальше, начав медленно перестраивать авторитарную Сирию и вступив в

диалог с Западом. И хотя сирийские реформы находятся в самом начале, многие считают Башара политиком нового поколения. Некоторые аналитики в Белом доме дают понять, что сирийцы пока не предприняли каких-либо действий, которые оправдали бы американскую военную операцию, но, как считают просирийски настроенные американцы, в Сирии уже несколько месяцев проводятся кардинальные изменения.

Одним из первых шагов молодого сирийского президента на пути сближения с Западом стала либерализация государственного строя страны. На выборах в Народный совет (парламент) проходивших в начале марта 2003 г., помимо Прогрессивного национального фронта (ПНФ) – межпартийной коалиции, существующий в стране уже 31 год, около 1/3 депутатских мест получили независимые кандидаты, представляющие сирийский бизнес. В их предвыборных заявлениях звучали призывы продолжить демократизацию общественной жизни в стране и принять новую Конституцию.

Крушение режима С.Хусейна вызвало тревогу у местной политической элиты, тем более что у нее одна идеология с бывшим режимом Ирака, формально даже одна оргструктура – Партия арабского социалистического возрождения. Сирийские баасисты давно уже выражали беспокойство ростом влияния политического ислама на Ближнем Востоке. Б.Асад уделяет сейчас правящей партии повышенное внимание, понимая, сколь губителен для арабской государственности идеологический вакуум. Сирийцам крайне важно сохранить межконфессиональное единство. ПАСВ может еще послужить достаточно прочным связующим звеном между суннитами и алавитами, центром и регионами.

Высший законодательный орган власти заметно помолодел: 172 народных избранника впервые вошли в его состав. 30 мандатов досталось женщинам.

В конце апреля Сирия приняла решение отменить военную подготовку в начальной и средней школе. Ее заменят информатика и другие уроки. Военные занятия, обязательные для посещений последние 30 лет, исчезнут из школьного расписания. Руководит процессом перехода от «меча» к «оралу» будет Революционный союз молодежи при правящей партии. Школьную форму цвета хаки заменили светло-розовые костюмы у девочек и голубые у мальчиков. Б.Асад стремится изменить укоренившийся на западе имидж Сирии как жесткого и авторитарного государства.

Еще при жизни Асада-старшего в первой половине 90-х годов началась разработка новой политической платформы сирийского отделения партии, предусматривающей отмену режима чрезвычайного положения, введение многопартийности и создание структур гражданского общества. Но Х.Асад отклонял предложения о департизации вооруженных сил и спецслужб. В отличие от Ирака, баасисты в Сирии

не имеют собственных вооруженных формирований. Молодой президент решился быть смелее отца. Он отказался от практики назначений функционеров на руководящие баасистские посты и вернул систему внутрипартийных выборов. В последней предвыборной кампании избиратели впервые воспользовались правом забаллотировать партработников среднего звена.

Прогноз ряда экспертов предрекает в ближайшее время в Сирии проведение во внутренней политике следующих реформ: отказ от «руководящей и направляющей роли» правящей партией, введение многопартийной системы, деполитизация армии, проведение президентских выборов на альтернативной основе и ограничение власти всесильных спецслужб. Б.Асад, в частности, уже дал понять, что следующие президентские выборы, намеченные на 2007 г., он хотел бы провести на альтернативной основе. Опасаясь создания политических партий вне рамок ПНФ, Башар занялся его реорганизацией. Уже в 2002 г. была изменена статья 9 Устава ПНФ, определяющая монопольное право ПАСВ на ведение политической работы в обществе. Во внешней политике может быть взят курс на сближение с США и Израилем[10].

Продолжается сокращение сирийского военного присутствия в Ливане. Около тысячи солдат из 20-тысячного контингента за последние дни отведены к ливано-сирийской границе, часть из них вернулась на родину. Тем самым сирийцы продолжили выполнение соглашения, остановившего гражданскую войну в Ливане в 1990 г.

В доперестроечные годы Сирия являлась стратегическим союзником СССР. Благодаря советской помощи (сегодня долг Дамаска Москве составляет 12 млрд. долл. в результате закупки советской военной техники) Сирия превратилась в одну из сильнейших в военном отношении держав региона. После распада СССР Дамаск стал отходить от Москвы. Одной из причин было подозрение Дамаска в том, что российская компания «Росвооружение» передавала в Израиль конфиденциальную информацию о нуждах сирийской армии. Жесткая позиция Москвы – сначала верните долги, потом будем говорить о новых поставках – привела к тому, что Дамаск был вынужден обратиться за помощью к другим странам (Украина, Белоруссия, Индия, Китай, Словакия и Северная Корея). Ныне наш двусторонний товарооборот составляет лишь 200 млн. долл. Однако он может значительно вырасти, если Дамаск вернет Москве долг.

В середине июля 2003 г. российский МИД решил напомнить во время визитов министра И.Иванова в Дамаск о желании восстановить и расширить российско-сирийские отношения, а так же о необходимости урегулирования конфликтов Сирии и Ливана с Израилем как составных частей ближневосточного процесса. Глава МИД России заявил, что использование механизма «дорожной карты» (мирного плана для израильтян и палестинцев) «может быть полезным» и для

примирения еврейского государства с его северными соседями. Сирии это необходимо, поскольку с 1967 г. часть ее территории остается под израильской оккупацией.

Демонстрируя приверженность традициям давнего сотрудничества с Дамаском, И.Иванов пригласил сирийского президента посетить Москву. В Дамаске соберется специальная совместная комиссия для обсуждения долговой проблемы. Намечена проработка вариантов частичной реструктуризации долга путем поставки товаров и заключения выгодных контрактов с частичным возвращением долга в денежной форме.

Таким образом, любые усилия России на Ближнем Востоке можно только приветствовать, поскольку Москва даже при известной слабости ее позиций поддерживает справедливое решение ближневосточного вопроса, хотя трудно сказать, на каком направлении Россия сможет сегодня наиболее серьезно повлиять на ход событий[11].

Проведенные в Сирии Б.Асадом изменения во внешней и внутренней политике можно рассматривать как меру, направленную на смягчение американского давления в отношении Сирии. Они диктуются не столько политической конъюнктурой, сколько объективной необходимостью. Внутренний ресурс развития страны почти исчерпан. Без интеграции в мировую экономику Сирия, в отличие от других арабских стран не имеющая сказочных нефтяных богатств, не сможет двигаться вперед. Сейчас сирийцы добывают 550 тыс. баррелей нефти в день, в то время как внутренние ее потребности составляют 300 тыс. баррелей. Учитывая дальнейшее расширение потребностей в энергоресурсах, государственная Сирийская нефтяная компания (SPC) подписала сроком на 25 лет договор с Китайской национальной корпорацией (CNPC). Китайцы обещают выделить 104,5 млн. долл. на расширение добычи нефти с 4 тыс. баррелей до примерно 10 тыс. баррелей в день на северо-востоке Сирии. Китай, вероятно, намерен использовать Сирию в качестве плацдарма для наступления на ближневосточный рынок нефтеразработок[12].

После падения Багдада Сирия оказывается в кольце стран-союзников США: Израиль, Турция, Иордания и «обновленный» Ирак. Если они окажутся врагами, то выжить будет крайне сложно. Все это вынуждает молодого сирийского лидера идти на контакт с Западом. В прошлом году Б.Асад по приглашению британского премьера Т.Блэра уже посетил с официальным визитом Лондон. Поездка сирийского президента к ближайшему союзнику Дж.Буша стала сенсацией. Понятно, что в нынешних условиях он не может приехать к американскому президенту. Слишком велик список обвинений, которые Вашингтон предъявляет Дамаску. Но это не мешает Бушу внимательно отслеживать действия сирийского лидера, заочно общаясь с ним не только через Т.Блэра, но и через членов своей команды.

С учетом положительных действий Дамаска в ответ на требования американцев о «сотрудничестве» с ними, Белый дом пока заблокировал разработку предварительных планов военной операции против Сирии и опроверг предположения о том, что США собираются начать войну. По данным британской газеты «Гардиан», глава Пентагона поручил составить документ, в котором указывались бы связи Дамаска с ближневосточными террористическими группировками, его роль в поставках вооружения С.Хусейну, а также описывалась бы сирийская программа по разработке химического оружия. Сам Буш, как сообщается, распорядился прекратить всякое обсуждение возможности перенесения «войны с терроризмом» в Сирию[13].

Однако в середине июля Дамаск снова подвергся резкой критике со стороны Вашингтона. Президент США обвинил Сирию в потворстве международному терроризму. Он официально предупредил, что «его поведение абсолютно неприемлемо. По словам Буша, «любое государство, поддерживающее терроризм, будет нести за это ответственность». Белый дом убежден, что Сирия предоставляет прибежище сторонникам С.Хусейна[14].

Между тем, сохраняется неясность с химическим оружием на территории Сирии. Как сообщает АП, обвиняя Дамаск в том, что это оружие у него есть, президент США не может дать ясный ответ о его происхождении. Некоторые члены военного руководства, например Д.Рамсфелд, утверждают, что ОМП пришло из Ирака (иракцы якобы тайно перевезли его в Сирию еще до войны), другие, как глава объединенного комитета начальников штабов Р.Майерс или командующий силами коалиции в Персидском заливе Т.Фрэнкс, говорят о собственно сирийском оружии[15].

Таким образом, опасения в том, что Вашингтон после победоносной кампании в Ираке возьмется за Дамаск, по-прежнему сохраняются. Тон госсекретаря США К.Пауэлла, грозящего «наказать» Дамаск в случае проведения испытаний химического оружия и сохранения связей с террористами, не только дипломатическими и экономическими путями, но и «некоторыми другими мерами» заставляют некоторых задуматься. Ближневосточные аналитики склонны в таких формулировках обнаружить стремление лишний раз припугнуть Дамаск, который уже видел, что американцы смогут сделать с «провинившимися»[16].

Впрочем, сам Дамаск категорически отрицает, что предоставляет убежище иракским чиновникам и располагает ОМП.

Мировая общественность выразила опасение, как бы последние угрозы в адрес Сирии не способствовали еще большей дестабилизации региона. Верховный представитель Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности Х.Солана заявил, что «настало время разрядить напряженность», и Вашингтону следует смягчить тон по отношению к Дамаску. Внешнеполитические ведомства России, Франции и Германии призвали США быть более «сдержанными» и «избежать

новой конфронтации». Министр иностранных дел Д.де Вильпен посоветовал сирийскому коллеге Ф.аш-Шараа присоединиться к мирному урегулированию ситуации в Ираке и палестино-израильского конфликта. Премьер-министр Испании Х.М.Аснар даже согласился выступить посредником между Вашингтоном и Дамаском[17].

Нельзя забывать, что если американцам удалось различными информационными доводами привязать Ирак к «Аль-Каиде», то в случае с Сирией даже придумывать ничего не надо – она имеет давние связи с ключевыми террористическими организациями «Хезболла» и «Исламский джихад», составной частью политического портфеля которых является террористическая деятельность. Вместе с Тегераном Дамаск «подкармливал» «Хезболла» с самого начала его существования, а самостоятельно – «Исламский джихад». Дамаск и Тегеран считают, что члены «Хезболла» не террористы, а борцы за свободу Палестины, – заявили лидеры этих стран в ходе встречи в Сирии 15 мая 2003 г.[18]

Если вдруг Белый дом пойдет на новую военную авантюру против Сирии, то у США будут сильные позиции в Саудовской Аравии, Афганистане, Пакистане, а также в бывших советских республиках Средней Азии – Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане, возможно, в Грузии и Азербайджане.

Но, если непосредственной опасности войны нет, то это не означает, что США не попытаются воспользоваться изменением геополитической ситуации на Ближнем Востоке для того, чтобы добиться коренных уступок от Асада. Ведь сейчас Сирия оказалась между оккупированным американцами Ираком и проамериканским Израилем. Что за уступки имеются в виду, можно понять из слов главы израильского военного ведомства Ш.Мофаза: «Сирия должна будет заставить воинственную шиитскую группировку «Хезболла», которая находится под ее влиянием, отвести своих партизан в Ливане от границы с Израилем, изгнать из страны лидеров организаций «Хамас» и «Исламский джихад», которые засылают террористов-самоубийц в Израиль»[19].

Соединенные Штаты продемонстрировали всему миру, как эффективно могут захватить страну, обладавшую большой и боеспособной армией. Можно не сомневаться, что Сирию тоже захватят, если она не будет сотрудничать с американским руководством. Если в начале апреля президент Сирии заявлял в интервью, «что пока продолжается агрессия против одной из арабских стран, угроза сохраняется. Однако наши опасения не означают, что мы чего-то боимся». Скорее всего сирийский президент лукавил, когда говорил, что «опасения не порождают страха». Дамаск боится, похоже, не без оснований, того, что Сирия может стать следующей мишенью американцев, если не пойдет на сотрудничество[20]. Однако, как отмечают все без исключения аналитики, последние прозападные шаги Б.Асада будут иметь далеко идущие,

судьбоносные последствия для Сирии. Считается, что в этом случае для Сирии все это будет хорошо, и войны в этой стране не будет.

[1] Независимая газета, 15.04.03.
[2] www.vremya.ru 11.04.03.
[3] Независимая газета, 15.04.03.
[4] www.vremya.ru 15.04.03.
[5] Известия, 4.04.03.
[6] http://vlast.kommersnt.ru № 17 (520).
[7] Известия, 16.05.03.
[8] Коммерсант, 23.07.03.
[9] Независимая газета, 7.04.03.
[10] www.vremya.ru 17.07.03.
[11] Ведомости, 17.08.03.
[12] Независимая газета, 9.06.03.
[13] Коммерсант, 20.06.03.
[14] Ведомости, 1 1.07.03.
[15] Независимая газета, 30.07.03.
[16] www.vremya.ru 22.08.03.
[17] Независимая газета, 16.08.03.
[18] Известия, 13.08.03.
[19] Там же, 1.07.03.

А.О.Филоник

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

К концу XX в. в Саудовской Аравии уже были сформулированы идеи, которые могут быть положены в основу своего рода национального проекта, содержание коего определяется потребностью в обновлении жизненного уклада королевства, проведении экономических реформ и необходимостью демократизации внутриполитического курса. Такой подход может квалифицироваться как своевременный и назревший в силу того, что саудовское государство обрело к этому времени все признаки колоссального улучшения материальных условий существования населения, в результате чего была создана качественно новая среда обитания, отвечающая самым взыскательным запросам. Эта новая форма была в целом благосклонно воспринята традиционалистски настроенной общиной. Однако даже это обстоятельство не предотвратило явных противоречий между модернизацией и старым укладом, поскольку она вызвала мутации в общественном сознании в процессе приобщения саудовских подданных к иным стандартам потребления, требовавшим и соответствующих изменений в поведенческом стереотипе.

Либерализация экономической жизни и активизация частнопредпринимательского капитала также стали велением эпохи, поскольку традиционный характер организации национального бизнеса, засилье государства в хозяйственной сфере и односторонняя специализация производства вступили в противоречие с потребностями развития на новом витке преобразования мирового экономического пространства, обусловленного углублением процессов глобализации. К тому же диверсификация производства стала насущной необходимостью особенно сейчас, когда сырьевая ориентация экономики в условиях общего перехода к постиндустриальной, информационной цивилизации способна увести страну на дальнюю периферию, превратив в хозяйственный придаток более развитых экономик.

Демократизация общества также относится к числу актуальных проблем, которые предстоит решать в связи с тем, что королевство, имеющее статус современного государства с точки зрения накопленного организационно-управленческого ресурса и технического потенциала, в иных отношениях резко отстает от утвердившихся во внешнем мире представлений, в частности, о либеральных ценно-

стях, гражданском обществе, свободе мнений и иных категориях, присущих государствам с давней буржуазной традицией.

Однако, сфера нравственного, как известно, гораздо менее подвижна и обладает большей инерционностью по сравнению с техническими параметрами материальной жизни, которые могут изменяться достаточно быстро под влиянием технологического прогресса. Подобный разрыв между духовным и материальным в Саудовской Аравии особенно масштабен и требует сближения образовавшихся полюсов, дальнейшее размежевание которых может создать серьезные трудности политического порядка, чреватые негативными процессами для правящего режима, для национальной безопасности и стабильности в регионе. Поэтому от власти ныне требуется особая гибкость и осторожность в оперировании такими категориями, как модернизм и традиционализм, мобилизация всех сил и ресурсов, чтобы избежать внутри страны столкновения разнонаправленных религиозных интересов и общественно-политических реалий совершенно иной этиологии, не допустить обострения в противостоянии исламских ценностей и заимствований из другой цивилизационной практики. Между тем, это крайне сложная задача в силу объективных факторов, господствующих в саудовском обществе.

Условия жизни, веками остававшиеся без существенных изменений, создали тип современного саудовского араба, чей менталитет и внутренняя самоидентификация требуют от него строгого следования заветам предков, неуклонного исполнения тех требований, которые сформировали аравийский национальный характер. Поэтому имеются основания считать, что нынешние политические предпочтения саудовских подданных не есть исключительно следствие зомбирования их властью. Речь может идти в большей степени об умелой политической мобилизации населения, в ходе которой максимально используются весь потенциал религиозного мироощущения людей и все возможные рычаги и приемы агитации и пропаганды, способные создать у населения восприятие себя как единого целого, функционирующего в общем потоке религиозного сознания и черпающего в этом глубокое самоудовлетворение.

Именно поэтому имеются причины считать, что саудовское массовое сознание сформировалось под воздействием культурного консерватизма, базовой составляющей которого является религия и который лежит в основе всей системы философского восприятия действительности и отношения к ней. Это наложило отпечаток и на психологию саудовского социума, которая своими корнями уходит в ислам, в традиции, бедуинскую этику, вообще во все то, что создает национальную самобытность современной саудовской массы. Эти элементы, генерирующие основополагающие импульсы сознания, выступают мощным противовесом внешним влияниям, его составляющие во многом самовоспроизводятся в значительных стратах

саудовской народной массы. Это обеспечивает относительно плавное следование общества в русле тех стереотипных представлений, которые издавна царили на Аравийском полуострове и в итоге определили консервативный настрой населения.

В европейской практике консервативная традиция – «это радикальное расширение демократии», «длящаяся демократия». В арабской политической практике демократическое начало существенно притуплено и на деле преимущественно выступает как фасадное явление, не имеющее существенных корней в толще политической жизни. Даже наличие многопартийности в ряде арабских стран, более или менее организованная парламентская жизнь, относительно разветвленная общественно-политическая деятельность не создают в них феномена демократии западного образца, не говоря уже об аравийской вообще и саудовской, в частности, практике, при которой квазипарламент с минимальными совещательными функциями воспринимается как масштабное достижение. Поэтому саудовский консерватизм предстает как явление, в политическом смысле в значительной мере выхолощенное за счет того, что в нем отсутствует или в ничтожно малой степени проступает демократический компонент, а все поле консерватизма практически отдано бытовой традиции.

Категории свободы и демократии в их просвещенном понимании не обрели в арабском мире той весомости, какой обладают в старом буржуазном обществе, ныне подающем себя в качестве образчика политической терпимости и уважения гражданских прав. Здесь традиция воспринимается как проявление формы временной связи ушедшей и текущей эпох, как необходимая преемственность сложившейся исторической и политической практики, гарантирующая незыблемость основ существования западного сообщества, его приверженность буржуазным идеалам.

Естественно предполагать, что сходное восприятие традиции имеет место и в арабском мире. Однако представляется, что оно оттенено, по крайней мере, двумя моментами, имеющими существенное значение для выявления определенной специфичности арабского подхода к этой проблеме.

Первый состоит в том, что арабское сознание, по-видимому, пришло к консерватизму в относительно отдаленные времена, в процессе саморазвития, материализовавшегося в виде некоей результирующей между ортодоксальностью фундаментализма и «либерализмом» бедуинской этики. Консервативные представления здесь навевались самим образом жизни, внедрялись в сознание каждого последующего поколения естественным путем, плавно и поступательно. Между тем, считается, что европейский консерватизм возник спонтанно как реакция на эпоху Просвещения и Великую Французскую революцию. То есть, появляются некие основания

утверждать, что хотя бы чисто механически идеология консерватизма в арабском ареале имела больший шанс устояться во времени как течение, имеющее признаки всеобщности, тогда как в европейских пределах она не имела всеохватного характера. Но, если в первом случае консерватизм выступал как «плоское» явление, не выходившее за границы бытового и религиозного сознания, то во втором он практически сразу после возникновения обрел концептуальную многомерность и разноплановость, превратившись в способ политического действия и, во всяком случае, в мотив для переориентации мышления и закрепления соответствующей формы общественного сознания в подготовленных к этому сегментах общества.

Второй момент, как кажется, заключается в том, что сфера традиционного в арабском мире, и в частности, в Аравии в огромной степени поддерживается государством. Другими словами, государство выступает в качестве формы существования традиции, обеспечивая преемственность идей, мировоззренческих основ и моральной ориентации индивидов. Для арабского менталитета, подчиненного влиянию религии, авторитету верховной власти, исторически воспитанного в духе приниженности перед государством как высшей силой, авторитарность этого последнего и гипертрофированность не является серьезным раздражителем, побуждающим к революционному ниспровержению его основ. Напротив, такое государство массовым сознанием (особенно привыкшим к общественному благополучию) воспринимается как охранительное, обеспечивающее ситуацию, при которой день текущий не будет отличаться от дня завтрашнего. На бытовом уровне это сильный стимул в поддержку власти, особенно, если она проводит своего рода патерналистскую политику в отношении населения, как это имеет место в Саудовской Аравии. Ведь для большинства личное благосостояние на шкале приоритетов стоит выше понятий свободы или демократии. Поэтому традиция, оберегающая статус-кво, гарантирующая материальное достояние и имущественные права и персонифицированная в общественном сознании в лице монархии, поддерживается в массах, и поддержка эта переносится и на такой властный институт, как трон. Тем более, что власть не остается глухой к новым тенденциям в мировой практике и во внутренней жизни и пытается предугадать настроения в обществе и вести продуктивную политику, подводящую к проведению назревших реформ, реализация которых должна отвести революционную опасность от режима и защитить его от действий экстремистов.

Причем задача власти состоит в том, чтобы в целях самосохранения мобилизовать именно консервативный ресурс общества в противостоянии с реакционной частью социума, которая, возможно, невелика численно но невероятно активна и динамична в политическом плане.

Наверное, не вполне правомерно делить политический спектр Саудовской Аравии на два полюса – власть и ее оппонентов в лице экстремистов. Однако, в силу действительно слабой дифференцированности саудовского политического пространства это допустимо для более наглядного восприятия положения дел в местной политической сфере. Экстремизм – неявная сила, функционирующая нелегально, но с широко анонсированными целями и задачами, которые угрожают правящему режиму. Этот вызов – сродни революционному в том смысле, что выступает по отношению к династии и сложившейся политической системе как деструктивное начало. Тот факт, что в такой «революции» имеется сильный религиозный компонент, не смягчает позиций нынешнего саудовского истеблишмента в борьбе за власть. Способствующим же фактором в деле противоборства с экстремизмом может быть то, что в Саудовской Аравии нет дробления народа на партии, и общественное бытие складывается не в условиях противостояния государству, а в рамках этого государства. Противоречия намечаются по линии социально-экономического разлома, но политически национальное пространство предстает еще относительно однородным. Подобное обеспечивается исторической преемственностью, видением государства в качестве более крупной племенной организацией, сохранением эффективности системы вертикальных родо-племенных связей, наличием неафишируемых групповых и корпоративных договоренностей, теневых отношений, создающих базовые точки опоры для режима.

Однако на нынешнем этапе одного только этого недостаточно. Чтобы предотвратить развитие общества по взрывному сценарию, власть должна следовать впереди общественных потребностей, предвосхищать события и проводить реформы. Правящая элита осознает необходимость именно такого курса и поэтому прокламирует своевременность реформ в экономике и стремится придать значимость тому, что делается в королевстве в области демократизации политической жизни, выдерживая охранительно-консервативный имидж монархии и пытаясь осуществить контролируемую модернизацию без разрушительной социальной революции, разрывающей традиционные схемы общественной регуляции и системные отношения, удерживающие социум в рамках эволюционного развития.

Реформизм как течение политической мысли возник в королевстве как не вполне внятная реакция на формирование нового мирового экономического порядка, но ныне обретает черты осознанной необходимости перед лицом набирающих силу внешних и внутренних факторов. Власть сама намерена начать реформы, чтобы и таким путем препятствовать разрастанию экстремизма. Проявляя инициативы в экономике и в политике, она лишает массы повода к самостоятельному поиску альтернативных путей (что

может привести их в лагерь экстремистов), канализируя энергетические импульсы этих масс в рамках государственной политики. При этом считается, что авторитарный режим, основанный на патриархальных представлениях о задачах власти, наилучшим образом соответствует арабскому менталитету, склонному не к либеральной буржуазной идее, а к иному типу свободы индивида. «Консервативная революция», противопоставленная властью «революции экстремистской», в этом смысле может быть более приемлемым явлением для аравийских условий, хотя само понятие революции чуждо общественному сознанию в этой части мира. Это первое.

Второе состоит в том, что саудовское государство дозирует внедрение в политической организм королевства институтов формальной демократии. Уже говорилось о саудовском квазипарламенте как о явлении, отражающем уровень и состояние демократии в этой стране. Этот институт не обрел черт, свойственных западному парламентаризму, но он, видимо, соотносим в этом виде с авторитарным характером режима и не может развиваться за установленные пределы. На текущем этапе этой формы достаточно, чтобы обозначить направленность политических реформ, тем более, что «консервативная революция» (если этот термин допустимо применять к саудовской политической практике) выступает против институтов формальной демократии, особенно недееспособного парламента, сходного по характеристикам с вече.

Третий момент, определяющий цели саудовского реформизма, возможно, состоит в том, чтобы вовлечь национальный бизнес и сложившуюся вокруг него среду в более продуктивную деятельность с масштабным производственным компонентом. Такой подход обусловлен не только чисто хозяйственной потребностью. Политический подтекст заключается в том, чтобы, повышая удельный вес промышленности, сковать общество жестким порядком современного индустриального производства, приковать национальный капитал исключительно к продуктивному бизнесу, отвлечь тем самым дополнительные людские контингенты от экстремистских лозунгов, расширив занятость, и создать дополнительные возможности для перехода к более зрелой экономически стадии развития, отвечающей национальным интересам и соответствующей новой модели хозяйственной организации мира. Это важный момент в траектории трансформаций, которым королевство исподволь подвергается. Он свидетельствует, что консервативное мировоззрение не идентично реакционному, стоящему на пути индустриальной революции и экономической модернизации.

В любом случае, кажется верным, что использование здорового традиционализма в качестве ключа к решению задач национальной безопасности имеет шанс на определенный успех в обществе, где

ценится незыблемость устоев и верность принципам. В этих условиях не валовой подход к ним, сопряженный с укоренением реакционных взглядов, а избирательность в отношении их, соединенная с аккуратностью методов воздействия на массовое сознание, применение тонких механизмов взаимодействия с носителями традиционалистских воззрений может принести освобождение от тенет, в которых королевство оказалось из-за взятых на себя идеологических обязательств как внутри страны, так и во вне ее, вошедших ныне в противоречие с реалиями нынешнего дня и взглядами других государств на допустимость тех или иных действий, даже если эти последние и провозглашены в качестве благородных и служащих благу целых народов или конфессий (здесь имеется ввиду поддержка ислама на всех направлениях).

В то же время надо полагать, что традиционализм не может служить на все времена универсальной панацеей от зла, спровоцированного не только эндогенными, но и экзогенными причинами. Но как промежуточное средство на период, пока в Саудовской Аравии не созреют общественно-политические силы, способные на ином уровне и иными методами противостоять деструктивным тенденциям на собственной территории, он, видимо, еще не исчерпал своего потенциала и может составить конкуренцию фундаменталистскому экстремизму в его наиболее одиозных проявлениях.

Тем более что традиционализм в аравийском исполнении предполагает следование сунне главным содержанием жизни мусульманина, а сложившийся на этой базе культурный консерватизм масс может быть достаточно вязким и негативным по отношению к политическому «беспределу» экстремистов, не только властью воспринимаемых как сила, обращенная против национальных интересов. По этой причине саудовский консерватизм, сильный тем, что разлит в народной массе в качестве скрепляющего ее культурного начала, осененного религией, которая консервативна по определению, устанавливает строгую меру дозволенности. Он также в целом ограничивает агрессивность, спонтанность и, в определенной степени, политический энтузиазм масс, оставаясь еще на какое-то время способным заменять потребность в волеизъявлении политическими средствами, концентрированностью населения на более близком и понятном, т.е. на вере в универсальность шариатских догм, традиций и обычаев, активно подпитывающих склонность населения к скептическому восприятию политических и культурных заимствований и, тем более, к неправовым действиям, противным суннитскому сознанию, почитающему устои, власть, государство как ниспосланное выше и потому не подлежащее ниспровержению.

В этой связи кажется уместным предположить, что в условиях Саудовской Аравии естественный консерватизм оказывается тем резервом, который потенциально может мобилизовать свою жизненную

энергетику, чтобы оградить национальные идеалы и реализовать свою функцию служения в едином исламском обществе, каковым и является саудовское, ориентиром для движения в направлении умеренности и согласия в соответствии с предписаниями ислама.

Однако, важно также иметь в виду и то, что превращение консерватизма в оформленную политическую силу, что давно имело место в европейских пределах, в Саудовской Аравии, как и в ряде других монархических режимов Аравийского полуострова, пока едва ли возможно в силу особенностей развития местной политической жизни. Консерватизм здесь не политика, а образ мышления, поведения, жизни, проникающий в политическую сферу не в качестве самостоятельной политической реалии, а в виде сопутствующего ресурса, которому, видимо, только предстоит обрести влияние и вес. Тем не менее, это не отрицает возможности движения по пути модернизации хозяйственных институтов страны и некоторых аспектов ее политической жизни.

Модернизация без революции, видимо, в принципе возможна. Но тогда королевство будет резко отставать от мирового прогресса, функционируя в догоняющем режиме и накапливая проблемы, решение которых должно быть безотлагательным и не должно сдерживаться охранительным мировоззрением. Понятно желание избежать социальных потрясений и сохранить власть в условиях, которые имеют тенденцию к обострению. С этой точки зрения, вопрос может быть поставлен таким образом: насколько динамичной должна быть модернизация, чтобы предотвратить революцию вообще и исламистскую, в частности? Вообще, если подходить к проблеме в расширительном смысле, каким может стать соотношение прогресса и реакции в королевстве в ближайшем будущем?

Эволюционная, консервативная модернизация осуществляется в Саудовской Аравии постоянно. Однако, разные ее составляющие находятся в неравном соотношении. Например, технологическое развитие ушло далеко вперед по сравнению с теми социально-экономическими условиями, в которых оно приносит наибольший эффект. Полноценной модели экономики и рынка пока не создано в стране. Социальная структура общества также значительно трансформирована, но и она не вписывается в современное видение социальной организации этноса. Культурно-интеллектуальная сфера также совершила заметный скачок в своем развитии, однако она вступает в противоречие со стагнирующим религиозным отношением к нововведениям, которое развивается только в сегментах, не детерминированных однозначно в Коране или Сунне.

Национальный проект как совокупность неких развивающих общество и экономику технологий таким образом должен включать огромную массу преобразований, затрагивающих фундаментальные основы функционирования государства и власти. Он должен преду-

сматривать созидание новых форм жизни при сохранении максимума старых преемств, поскольку именно они определяют национальный дух саудовского этноса и не могут быть устранены без разрушения королевства как воплощения исторической родины ислама и носителя духовного авторитета для мировой уммы.

Арабский консерватизм в наиболее чистом виде представлен Саудовской Аравией и рядом других аравийских монархий. Запретительные механизмы религиозно-общественного происхождения позволили здесь сохранить значительные очаги массового сознания практически нетронутыми. Однако, несмотря на это, характер мироощущения населения изменяется в сторону признания многомерности действительности, от которой нельзя уйти, применяя искусственные меры защиты. И все же консервативное сознание сопротивляется и в контексте современности пытается оградить свое существование, продвигая вперед такие фундаментальные ценности, как арабское историко-политическое наследие, шариатское право, исламские формы экономики в их современной трактовке, которые являются реальными источниками арабской охранительной традиции.

В основном особенности бытия арабских народов в новейшее время активизировали две тенденции в их идейно-политическом развитии. Первая и наиболее распространенная – охранительная, направленная против культурного наступления Запада, и вторая, ограниченная по числу сторонников, но весьма радикальная, – наступательная, нацеленная против политического вмешательства внешних сил в дела уммы.

Естественно, четкого разграничения этих тенденций нет, они могут переплетаться в самых разных конфигурациях с другими. Но здесь несомненно одно, что и та, и другая представлены в Саудовской Аравии и черпают свои силы и энергетику в арабо-мусульманском наследии, во многих проявлениях консервативны, поскольку стихийно видят возможность удержаться в приемлемом для себя поле в условиях новой модели глобального устройства, только апеллируя к идеалам прошлого и механически следуя им. Очевидно, что это – форма ухода от действительности, однако она привлекательна, поскольку сопряжена с тем, что арабский мир до сих пор не отверг инертность как способ существования

Саудовская действительность, как кажется, обеспечивает наибольшую чистоту эксперимента, связанного с адаптацией наиболее «неиспорченной» в религиозно-духовном плане части арабской уммы к внешнему миру в переломный момент его переустройства. Это создает определенную, может быть, своего рода эталонную модель вхождения в мировое сообщество страны со столь неоднородным соотношением между материальным и духовным началами. Однако, предлагаемая ею модель не является единственно возможной. С ее помощью лишь лучше оттеняется многообразие путей

приспособления к современной хозяйственной и политической системе мироустройства других арабских стран с меньшим консервативным потенциалом, но способных демонстрировать собственные подходы к проблеме и добиваться реальных результатов, даже опережая Саудовскую Аравию, несмотря на ее возможности и обладание сырьевыми ресурсами мирового значения. Тем не менее, решение глобальных национальных задач в нынешней Саудовской Аравии – слишком сложное предприятие, чтобы можно было предусмотреть все перипетии этого длительного и трудного процесса. Чтобы минимизировать потери на этом пути, руководство страны, очевидно, отдаст предпочтение эволюционным методам адаптации, тем самым исключая столь опасные спонтанность, неадекватность, излишний риск.

П.Н.Мамед-заде

ЕГИПЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖАРАБСКОГО ГАЗОПРОВОДА

В начале XXI в. наличие энергетических ресурсов в большом количестве у той или иной страны не только серьезным образом влияет на ее внутреннее социально-экономическое развитие, но и в определенной степени проецируется на внешнеполитический и внешнеэкономический курс государства. Последние события в мире демонстрируют, какую важную роль играют в современной системе международных отношений такие экономикообразующие составляющие как нефть, газ, вода и многие другие, в особенности в той ситуации, когда потребности государств в этих ресурсах растут, а их количество неумолимо сокращается. Вместе с тем, взаимодействие стран в области использования природных богатств способствует большей интеграции и тесному экономическому сотрудничеству.

Большинство арабских стран прочно закрепили за собой статус крупных экспортеров энергетического сырья, что позволяет им не только обеспечивать свою казну солидными валютными поступлениями, но и серьезным образом влиять на политические процессы если не в мировом масштабе, то у себя в субрегионе. Египет до недавнего времени не считался крупным экспортером энергоресурсов. Но найденные в последние десятилетия XX в. крупные запасы природного газа, позволили этой стране, расположенной сразу на двух континентах – Африке и Азии, войти в группу лидеров по производству и экспорту данного вида углеводородного сырья не только в арабском регионе, но и во всем мире.

27 июля 2003 г. президент Арабской Республики Египет Х.Мубарак и король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II открыли первую часть межарабского газопровода, по которому египетский газ будет поступать в ряд стран Арабского Востока, в частности, Иорданию, Ливан и Сирию с дальнейшим расширением проекта на Европу[1].

Первый отрезок газопровода пролег от египетского порта Таба до иорданского порта Акаба, которые расположены в Акабском заливе Красного моря. Благодаря ему Иордания будет получать 1,1 млрд. кубометров египетского газа ежегодно, удовлетворяя свои энергетические запросы, которые каждый год растут приблизительно на 3%[2]. Всего же в будущем, по завершении строительства сети газопрово-

дов, Иордания будет импортировать около 2,7 млрд. кубометров египетского газа в год[3].

Сданный в эксплуатацию в июле 2003 г. египетско-иорданский газопровод можно условно поделить на два участка. Это синайский, длиною 248 км, протянувшийся от города Аль-Ариш до красноморского порта Таба. Оттуда под водой на глубине примерно 850 м был проложен газопровод до Акабы протяженностью в 16 км. Стоимость сооружения газопровода Аль-Ариш – Акаба, по словам министра нефти Египта, составила 220 млн. долл.[4] Активное участие в финансировании этого проекта приняли Кувейт и некоторые другие страны Персидского залива[5]. Иордания является первой страной, куда будет поступать египетский газ.

Второй участок газопровода, предположительная стоимость которого составит 250 млн. долл., протянется от Акабы до иорданосирийской границы на 390 км. Финансирование строительства будет осуществлять совместная египетско-иорданская компания «Аль-Фаджр». На третьем этапе, в 2005 г., газопровод протянут до Сирии и Ливана, а также до сирийско-турецкой границы. Таким образом, из Акабы египетский газ к 2005 г. через территорию Иордании начнет поступать в сирийский порт Баниас на побережье Средиземного моря и на ливанский нефтегазовый комплекс в Захрани. На четвертом этапе – в 2006 г. – газопровод достигнет острова Кипр. Общая сумма затрат на строительство линий газопроводов, как ожидается, достигнет 1 млрд. долл.[6] По мнению министра нефти Египта, доходы его страны от экспорта газа в течение первого года работы газопровода составят, по меньшей мере, 70 млн. долл. Через два года они должны вырасти до 200 млн. долл., а через 5 лет – до 500 млн.

Соглашение о строительстве межарабского газопровода было подписано в декабре 2000 г. между Египтом, Сирией и Ливаном. В феврале 2001 г. к проекту присоединилась Иордания. Таким образом, сформировался своеобразный костяк газопроводной сети на Ближнем Востоке, в которой Египет играет ключевую роль – экспортера газа и одного из инвесторов. В планах египетских властей – прочно войти в ведущую десятку крупнейших стран-экспортеров природного газа в мире[7].

Страны восточного Средиземноморья, такие как Ливан, Израиль, Турция, Кипр являются импортерами углеводородного сырья, поэтому перед Египтом открываются хорошие перспективы для того, чтобы надолго обосноваться на рынках этих стран. В дальнейшем планируется экспортировать египетский газ в Турцию и некоторые страны Восточной, Центральной и Западной Европы.

Пустив природный газ по дну Акабского залива, с перспективой придти с ним в ближайшем будущем и на европейский рынок, Египет вступил в новый для него этап экономического развития, присоединившись к клубу мировых экспортеров природного газа. На успеш-

ное претворение в жизнь проекта межарабского газопровода в арабском мире возлагаются большие надежды, поскольку его реализация позволит арабским странам нащупать дополнительные взаимные интересы и создаст фундамент для тесной координации экономической политики.

По мнению египетского министра нефти, выступавшего на церемонии открытия египетско-иорданского участка газопровода, его успешный запуск – «качественный рывок вперед для египетской нефтегазовой индустрии и в то же время важнейший экономический и стратегический проект для всего арабского мира»[8]. Тон высказываний высокопоставленного египетского чиновника поддержал министр нефти и энергетики Иордании, заявивший, что «это наиболее значимый межарабский проект, который прочной нитью свяжет арабские страны вместе»[9]. Отмечая достоинства участка газопровода Аль-Ариш-Акаба, министр отметил, что «этот проект стал выражением политической воли лидеров двух государств и был построен в рекордные сроки – всего за 18 месяцев»[10]. (Египетская часть проекта от Аль-Ариша до Табы была завершена в январе 2003 г.) Иорданский министр также указал, что данный проект еще больше укрепит отношения между Египтом и Иорданией и обеспечит различные отрасли королевства важным источником энергии.

Египет активно взаимодействует с соседями по ближневосточному региону в области энергетических ресурсов – сфере, где перспективы Египта видятся наиболее радужными. Вместе с тем, для Египта крайне важно установление долгосрочных и тесных отношений со странами, куда египетский газ может прийти уже в самое ближайшее время. В ноябре 1996 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Египтом и Турцией о развитии экспорта газа в Турцию. В сентябре 2001 г. Кипр, Египет и Сирия объявили о создании трехсторонней комиссии на уровне министров, которая будет решать вопросы, связанные со строительством подводного трубопровода, по которому природный газ будет доставляться из Сирии на Кипр. К соответствующему соглашению после переговоров пришли министр нефти Египта и министр торговли, промышленности и туризма Кипра. Кипр и Египет приняли также решение о создании совместной технической комиссии для решения вопросов, связанных с поиском и добычей нефти и газа со дна Средиземного моря[11].

Кипр в будущем станет использовать природный газ вместо нефтепродуктов, что соответствует требованиям Европейского союза относительно защиты окружающей среды. Касаясь природных запасов нефти и газа в регионе Средиземного моря, кипрский министр отметил, что они залегают на глубине до 2 тыс. м, и современные технологии позволяют успешно добывать углеводородное сырье. Министр нефти Египта, со своей стороны, выразил удовле-

творение итогами переговоров в Никосии, отметив готовность своей страны предоставить Кипру все свои экспертные изыскания в области добычи нефти и газа в рамках широкого сотрудничества, которое уже началось.

Особое место в планах экспорта египетского газа в соседние страны, занимает перспектива строительства газопровода на территории Израиля и Палестины. В середине 90-х годов прошлого века, когда были подписаны первые соглашения между израильтянами и палестинцами, и казалось, что мирный процесс, наконец-то, вошел в нужное русло, отношения между Египтом и Израилем, в том числе и экономические, переживали заметный подъем. В этой связи всерьез обсуждались планы прокладки газопровода в Израиль и Палестину.

Египетское правительство совместно с иностранными инвесторами планировало строительство газопровода, способного доставлять египетский газ в Израиль и Палестину. Газопровод длиною в 460 км должен был пролечь от Порт-Саида до Хайфы на средиземноморском побережье Израиля, а уже от него предполагалось построить 40-километровое ответвление в Сектор Газа. К 1998 г. планировалось проложить 500-кило-метровый газопровод, однако, из-за прихода к власти в Израиле правого кабинета министров во главе с Беньямином Нетаньяху, избравшего в отношении арабских стран жесткий внешнеполитический курс, и как следствие этого, ухудшения политического климата в регионе, реализация проекта была отложена на более поздний срок[12].

Израиль, не обладающий запасами углеводородного топлива и являющийся его импортером, мог бы стать одним из основных потребителей египетского газа. Израиль граничит с Египтом и, кроме того, Египет – одно из двух арабских государств[13], с которым у еврейского государства имеется мирный договор (был подписан в Кэмп-Дэвиде 26 марта 1979 г.), позволяющий налаживать тесные экономические связи. С началом палестинского восстания (интифады) в сентябре 2000 г. и победой на парламентских выборах в Израиле в феврале 2001 г. А.Шарона, ставшего премьер-министром и избравшего в отношении палестинцев весьма жесткий курс, отношения между Египтом и Израилем еще больше ухудшились.

В заключительной декларации Арабского саммита, проходившего в Каире в октябре 2000 г., было отмечено, что «блокирование мирного процесса в различных аспектах повлекло за собой прекращение многосторонних переговоров», и потому главы государств решили «не возобновлять никакую официальную деятельность в многосторонних рамках и положить конец любому региональному экономическому сотрудничеству с участием Израиля»[14]. Египет, проводящий гибкую и последовательную внешнюю политику и связывающий свой курс в отношении еврейского государства с положением дел на палестино-израильском участке, принял решение заморозить

реализацию крупномасштабных проектов с Израилем. Данный шаг всецело подчиняется логике египетского внешнеполитического курса, долгое время поддерживающего палестинцев в их борьбе за создание независимого государства, но в то же время лишает Каир важного источника валютных поступлений. Словом, политика в очередной раз взяла верх над экономикой.

Таким образом, присоединение Израиля к газопроводу, идущего из Египта в страны Ближнего Востока и далее в Европу, возможно лишь после полного и справедливого разрешения ближневосточного конфликта и нормализации арабо-израильских отношений. Однако сегодняшнее положение дел в зоне палестино-израильского конфликта не дает надежды на скорое его окончание и, уж тем более, делает маловероятным возможность осуществления масштабных экономических проектов с участием обеих сторон.

Принимая во внимание конфликтную ситуацию на Ближнем Востоке, не позволяющую максимально раскрыть потенциал международных экономических отношений в данном регионе, Каир прилагает дополнительные усилия для поиска потенциальных импортеров египетского газа. В последние годы все активнее развиваются отношения Египта с европейскими странами. В июне 2001 г. Египет и Европейский союз (ЕС) подписали соглашение об ассоциации, целью которого является всестороннее развитие торговых отношений. Документ пополнил пакет подобных соглашений, подписанных ЕС с рядом государств средиземноморского бассейна. Целью этих соглашений является создание к 2010 г. зоны свободной торговли в регионе.

Учитывая стремление Египта развивать экономическое сотрудничество с европейскими странами, в том числе и с ЕС, весьма важным для Каира видится создание соответствующей нефтегазовой инфраструктуры. Осознавая сильную конкуренция среди экспортеров газа на мировых рынках, египетское правительство активно ведет поиск инвесторов для строительства необходимой инфраструктуры, чтобы в ближайшем будущем экспортировать природный газ в Европу. В 2004 г. в городе Дамьетта на севере Египта ожидается пуск в эксплуатацию совместного египетско-испанского объекта для экспорта газа в эту южноевропейскую страну. Таким образом, принимая во внимание планы в будущем расширить межарабский газопровод, египетский газ придет в Европу сразу по двум путям – через Ближний Восток и Средиземноморье.

Это позволит Египту всерьез и надолго придти на европейский рынок, где конкурентов уже сейчас насчитывается немало, среди которых есть и арабские страны, в первую очередь Алжир, который с его большими разведанными запасами газа к началу XXI в. выдвинулся в число крупных и наиболее перспективных производителей и экспортеров газа, существенно влияющим на положением дел в этой отрасли на мировом рынке[15].

Разведанные запасы газа в Египте на протяжении последних 10 лет постоянно росли, и в настоящее время страна занимает по этому показателю 18-е место в мире. Об этом было заявлено в Каире на открытии конференции по газовой отрасли в Средиземноморье[16], прошедшей в египетской столице в сентябре 2003 г. Запасы природного газа в Египте составляют около 1,656 трлн. кубометров[17], хотя еще в середине 80-х годов XX в. разведанных запасов этого углеводородного топлива было около 200 млрд. кубометров[18]. Проведенные недавно исследования показали, что около 84% запасов природного газа в мире находятся в регионе Ближнего Востока и Северной Африки[19].

На сегодняшний день, по меньшей мере, 12 стран выразили желание покупать египетский газ в общем объеме 60 млрд. кубометров[20]. Египетский министр заявил, что у правительства есть большие планы относительно газодобычи в районе Средиземноморского шельфа и Западной пустыне, а также развития параллельных отраслей экономики, в частности, химической индустрии на базе нефтегазодобычи[21].

Добыча природного газа началась в Египте в 1975 г.[22] в Западной пустыне в месторождении Абу Мади. Вскоре, два года спустя, были открыты залежи газа на шельфе средиземноморского побережья – месторождение Абу Кир. К 1985 г. добыча природного газа возросла в 6,5 раз[23]. Теми странами, кто импортирует углеводородное сырье, Египет изначально рассматривался, как поставщик нефти, хотя и не такой крупный как арабские монархии Персидского залива. Со временем чаша весов перевесила в сторону природного газа, во многом по причине большей его экономичности и экологичности, а также больших затрат на расширение нефтепромыслов. К тому же, к началу XXI в. перед Египтом встала угроза истощения его разведанных запасов нефти уже в течение одного-полутора десятилетий, что ускорило переход к более интенсивной разведке и добыче природного газа[24]. В начале 90-х годов иностранные компании стали вкладывать деньги в разведку газовых месторождений. В 1992 г. правительство Египта ввело льготные условия разведки газа, благодаря чему за несколько лет разведанные запасы газа были увеличены вдвое[25]. Таким образом, в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. газовая отрасль начинает привлекать особое внимание, как египетских властей, так и зарубежных инвесторов.

С начала 90-х годов XX до начала XXI вв. в Египте было построено 4,7 тыс. км газопроводов, открыто множество месторождений природного газа[26] в Западной пустыне, дельте Нила и на шельфе Средиземного моря. Основные месторождения сосредоточены на континентальном шельфе средиземноморского побережья. Масштабное освоение газовой отрасли в Египте в 90-е годы XX в. совпало с началом экономического роста после длительного спада. Среднегодовые темпы прироста ВВП страны после окончания войны

в Персидском заливе в 1991 г. достигли 5%[27]. Более успешному развитию экономики в этот период весьма кстати посодействовало списание значительной части внешнего долга Египта и предоставление всевозможных ссуд со стороны МВФ за активную поддержку Каиром многонациональных сил в ходе антииракской кампании 1990–1991 гг.[28]

В рамках проводимой правительством Египта политики, направленной на увеличение разведанных запасов газа, за последние несколько лет были открыты 30 новых газовых месторождений. Согласно данным правительства, доказанных запасов природного газа хватит на ближайшие 55 лет[29]. Уже сейчас в Египте природный газ обеспечивает 90% потребностей энергетического сектора, который поглощает свыше 61% этого вида топлива, добываемого в стране. Согласно Пятому пятилетнему плану социально-экономического развития, добычу природного газа в период с 2002 г. по 2007 г. планируется увеличить более чем вдвое[30].

Государственная политика в сфере добычи нефти и газа в основе своей исходит из необходимости сберечь имеющиеся запасы сырой нефти для будущих поколений, сделав основной упор на природный газ. Благодаря активной поддержке властей газовой промышленности к концу 90-х годов удалось покрыть потребности внутреннего рынка и перейти к экспорту своей продукции. Проект межарабского газопровода стал логичным продолжением политики египетских властей по превращению газовой отрасли в доходную статью для бюджета страны и усилению роли Египта в регионе Ближнего Востока.

Важнейшей задачей египетских властей, которую можно возвести в ранг национальной сверхприоритетнейшей задачи на современном этапе, является создание максимально благоприятной атмосферы для привлечения иностранных инвесторов в газовую промышленность. Во многом от успехов этой отрасли зависит, насколько Египет сможет укрепиться в арабском мире как стабильный экспортер природного газа. О том, что инвесторы уже стремятся в Египет, говорит и тот факт, что свыше 50 иностранных компаний ежегодно инвестируют в нефтегазовую отрасль около 2 млрд. долл.[31] Интересно, что и нефть Египта по-прежнему привлекает зарубежных инвесторов. Такие показатели вдвойне примечательны, учитывая тот факт, что, как уже было сказано, нефтяная отрасль Египта не является ведущей в арабском мире. Есть все основания полагать, что уже в ближайшем будущем газовую отрасль страны ожидает столь же высокий, а, скорее всего, еще больший интерес со стороны зарубежных инвесторов.

От успеха реализации этих и других масштабных экономических проектов во многом зависит благосостояние населения Египта. Для страны, чья экономика в последнее десятилетие хотя и развивалась

в целом успешно, но все же испытывала ряд серьезных трудностей (особенно после терактов в США 11 сентября 2001 г.[32], которые вызвали кризис в экономиках большинства стран Ближнего Востока), данный проект важен как стабильный источник валютных поступлений. «У Египта нет иного пути, кроме как начать экспорт газа»[33]. Именно природный газ призван обеспечить стабильный экономический рост и стать залогом будущего экономического процветания «страны», чье население в 2003 г. достигло 70 млн. человек, увеличиваясь при этом на 1,3 млн. ежегодно[34]. Между тем, согласно данным МВФ, обнародованным на Глобальном финансовом форуме в Дубае в сентябре 2003 г., экономический рост в Египте в 2003 г. равняется 2,8%, а в 2004 г. достигнет 3%[35].

К тому же экспорт египетского газа позволит несколько выправить отрицательное сальдо торгового баланса страны[36], а также диверсифицировать доходную часть бюджета, львиная доля которого состоит из нескольких статей: доходы от зарубежного туризма, пошлины за проход иностранных судов через Суэцкий канал, денежные переводы египтян, работающих за рубежом, экспорт электроэнергии и нефти. Реализация проекта придаст импульс развитию перспективных, но отсталых районов страны, в первую очередь, Синайского полуострова и способствует дальнейшему переселению в эти края населения[37].

Успешная реализация проекта межарабского газопровода укрепит позиций Египта не только в арабском регионе, но и в рамках различных региональных объединений. В частности, Ассоциации общего рынка стран Южной и Восточной Африки (КОМЕСА), в которую Египет вступил в 1998 г. Еще до начала работы египетско-иорданского участка газопровода на долю Египта приходилось 40% внешнеторгового оборота стран КОМЕСА[38]. При этом стоит отметить, что к концу XX в., то есть до начала реализации крупных проектов по продаже египетского газа за рубеж, около 50% поступлений от египетского экспорта приходилось на доходы от продажи нефти[39].

Важнейшей задачей египетского правительства на нынешнем этапе развития газоэкспортной отрасли является освоение ближайших региональных рынков газа – Ближнего Востока, Восточной Европы и Средиземноморья. Египет на сегодняшний день, не являясь членом Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), но, будучи членом Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК)[40], не влияет на положение дел в мире в области нефти и газа. Однако благодаря своему выгодному географическому положению, Египет в обозримом будущем имеет возможность максимально расширить географию своего экспорта, а также может вполне претендовать на роль ближневосточного центра по транспортировке и транзиту арабского газа в Европу, рынок газа которой в начале XXI в. рассматривается как крупнейший в мире. Если подобный сценарий

осуществится, и газ из Катара, ОАЭ, Ирака, Саудовской Аравии и других стран пойдет через египетские газопроводы, то Египет может вполне занять ключевое место в системе транспортировки различных видов топлива, связав страны Европы, Северной Африки, Персидского залива и Южной Азии.

[1] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации: Ближний и Средний Восток. 29 июля 2003 г.
[2] Associated Press, – Cairo, 27.07.2003.
[3] Associated Press, – Amman, 10.07.2003.
[4] РИА «Новости», – Каир, 27.07.2003.
[5] ИТАР-ТАСС, Лента новостей, 28.07.2003.
[6] Пульс планеты, 29.07.2003.
[7] Associated Press, – Cairo, 27.07.2003.
[8] Al-Ahram Weekly. 31 July – 6 August 2003, Issue № 649.
[9] Ibid.
[10] Monday Morning, – Beirut, 4 August 2003, Issue № 1597.
[11] Пульс планеты, 26.09.2001.
[12] Бондаренко С.В. Нефтегазовая отрасль Алжира и Египта в конце XX – начале XXI вв. // Ближний Восток и современность, № 10, 2001, с. 58.
[13] Другое государство – Иордания – подписало мирный договор с Израилем 26 октября 1994 г.
[14] Пульс планеты, 24.10.2000.
[15] Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX – XXI вв. – М., 2003, с. 9.
[16] Middle East Times, 26 September 2003, Issue № 39.
[17] Agency France Presse, 27.07.2003; Middle East Times. 26 September 2003. Issue № 39.
[18] Бондаренко С.В. Указ. соч., с. 55.
[19] Al-Ahram Weekly, 2–8 October 2003, Issue № 658.
[20] Middle East Times, 26 September 2003, Issue № 39.
[21] Ibid.
[22] Беляков В. Приоритет – добыче газа // Азия и Африка сегодня, 1996. № 4, с. 30.
[23] Бондаренко С.В. Указ. соч., с. 54.
[24] Там же, с. 51.
[25] Беляков В. Указ. соч., с. 30.
[26] Al-Ahram Weekly, 2–8 October 2003, Issue № 658.
[27] Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. Указ. соч., с. 27.
[28] Левин О. После войны в Заливе // Азия и Африка сегодня, 1992, № 2, с. 12.
[29] Egypt Yearbook 2002. Ministry of Information. State Information Service, – Cairo, 2002. – с. 114.
[30] Ibid, с. 116.
[31] Middle East Times, 26 September 2003. Issue № 39
[32] The Middle East, London. March 2002, Issue № 321. – с. 26–28.

[33] Middle East Times, 1 August 2003. Issue № 31.

[34] Monday Morning, 29 September 2003, Issue № 1605.

[35] Ibid.

[36] UN Statistical Yearbook. Issue № 46. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. United Nations. – NY, 2002, с. 697.

[37] В Египте около 98% населения занимает 4% территории страны, главным образом, в долине реки Нил и ее дельте. При этом, на юге Синайского полуострова – самом малонаселенном районе Египта – проживает всего 0,09% общего числа населения страны.

[38] Гашев Б.Н. Конференция стран КОМЕСА в Каире. – Ближний Восток и современность № 10, 2001, с. 72.

[39] Борисов А.Б. Арабский мир: прошлое и настоящее. – М., ИВ РАН, 2002. – с. 153.

[40] Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. Указ. соч., с. 9.

О.Е.Трофимова

СОГЛАШЕНИЕ ОБ АССОЦИАЦИИ ТУНИСА С ЕС: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Становление интеграционных связей ЕС со странами Магриба началось с 1972 г., когда на встрече глав государств и правительств Европейского Сообщества в Париже было принято решение о развитии отношений сотрудничества со странами Южного Средиземноморья в рамках евро-арабского диалога. Его реализация началась с заключения соглашений о кооперации с Тунисом, Марокко и Алжиром. В этих документах предусматривалось предоставление торговых преференций для доступа товаров из стран Магриба на европейские рынки, оказание финансовой помощи в форме грантов и кредитов Европейского инвестиционного банка (ЕИБ). В 1976–1991 гг. было подписано три протокола о сотрудничестве, а общий объем финансовых средств, полученных Тунисом, Марокко и Алжиром составил 1615 млн. евро, из них на Тунис пришлось 458 млн.[1] В этот период основной приоритет отдавался двусторонним связям. Доля многосторонних проектов, финансируемых за счет ЕС, была незначительна.

На следующем этапе сотрудничества (1991–1996 гг.) были подписаны новые финансовые протоколы со странами Магриба в рамках новой средиземноморской политики ЕС, в которой был сделан акцент на проведение экономических и структурных реформ и программы региональной интеграции стран арабского Магриба (САМ). За этот период три североафриканских страны получили помощь свыше 1 млн. евро, из них на Тунис приходилось 284 млн., которые в основном были направлены на развитие и диверсификацию сельского хозяйства, сферы услуг и программу содействия экспорту[2]. Однако не все задачи, предусмотренные последним финансовым протоколом, были решены. В частности, темпы развития межарабского сотрудничества оставались крайне низкими, что было связано главным образом с сохранявшимися политическими трениями между странами САМ.

В ноябре 1995 г. в Барселоне прошла первая встреча министров стран-членов ЕС и 12 средиземноморских государств, где еще раз был подтвержден новый подход Евросоюза к развитию сотрудничества с этими странами. Он заключался в углублении интеграции, создании к 2010 г. зоны свободной торговли, регулировании проблем миграции и других важных проблем, включая сотрудничество в культурной и социальной областях и проблемы безопасности в этом регионе. Эта встре-

ча заложила основы партнерства в двустороннем и многостороннем формате Европейско-Средиземноморского партнерства (ЕСП).

В июле 1995 г. Тунис первым из стран САМ подписал соглашение об ассоциации с ЕС, которое было ратифицировано в 1998 г. В январе 1997 г. его примеру последовало Марокко. Из трех стран Магриба Тунис имеет наилучшие шансы на успешное развитие интеграционных связей с ЕС. Несмотря на парадоксальное сочетание либерализации экономики и ее ориентации на мировой рынок с плановым ведением хозяйства, темпы роста ВВП в Тунисе в 1990–2001 гг. составляли в среднем 4,7% (4,6% по данным Всемирного банка), в 2003 г. прогнозируется рост в 5,1%, что выше планируемых и уже реализованных показателей стран Северной Африки и Ближнего Востока[3]. Душевой доход Туниса более 2 тыс. долл. в год является самым высоким в Африке, а по уровню конкурентоспособности своей экономики страна в 2000 г. вышла на первое место среди африканских стран. Как отмечалось на экономическом форуме в Давосе (2001 г.), это было достигнуто благодаря созданию экономики открытого типа с экспортной ориентацией, развитию обрабатывающей промышленности и сферы услуг и постепенной интеграции в мировую экономику. Главными преимуществами тунисской экономики являются близость к Европе, дешевая, но достаточно квалифицированная рабочая сила, а также благоприятный инвестиционный климат (политическая и социальная стабильность, налоговые льготы и низкие издержки производства).

Доля ЕС в экспорте Туниса составляла в 2001 г. около 80% (причем 2/3 – это поставки филиалов иностранных фирм), в импорте – 75,7%, в то время как для стран САМ в целом эти цифры соответственно были 48,7% и 45,1%[4]. На Евросоюз приходится также основная часть иностранных капиталовложений в Тунисе (более 80% всех прямых инвестиций в 1996–2001 гг.) и примерно 1/3 внешнего долга страны[5].

Ассоциированное членство означает более высокую степень либерализации взаимной торговли с ЕС, более тесное экономическое сотрудничество, включая оказание помощи со стороны Евросоюза, создание совместных институтов, содействующих сотрудничеству и подготовке условий для последующего вступления Туниса в ЕС. Статус ассоциированного члена предполагает вхождение в зону свободной торговли и в единый таможенный союз. Но этот процесс будет осуществляться постепенно в течение 12 лет после подписания соответствующих протоколов.

В 1996 г. Тунис еще до ратификации соглашения об ассоциации отменил таможенные тарифы на 12% своего импорта из ЕС. Это снижение коснулось сырьевых товаров и ряда промышленных изделий. В 2001–2002 гг. были отменены пошлины еще на 28% импортируемых из Европы товаров, включая полуфабрикаты. К 2007–2008 гг. планируется освобождение от пошлин остальных товаров, ввозимых Тунисом из стран Евросоюза (к ним относятся в основном промышленные изделия).

Таким образом, за шесть лет действия соглашения об ассоциации Тунис отменил таможенные тарифы на 40% своего промышленного импорта из ЕС. На 30% импорта таможенные пошлины были снижены на 48%, на остальной промышленный импорт тарифы были снижены только на 23%[6]. Отмена и снижение пошлин на промышленный импорт из ЕС привели к его ежегодному росту на 12% в 1997–2000 гг. В 1993–1996 гг. этот рост составлял примерно 5,5% в год[7].

В свою очередь, Евросоюз обещает снять последние ограничения на импорт тунисских товаров, за исключением «чувствительных» для европейских потребителей и производителей, а именно: текстиля и оливкового масла, которые являются основными статьями экспорта Туниса. По производству оливкового масла страна занимает 4-е место в мире (170 тыс. т в 2001 г.)[8]. Однако с 2001 г. сохранявшаяся квота в 46 тыс. т в год на импорт тунисского оливкового масла увеличивается до 50 тыс. т, а в 2005 г. – до 56 тыс. т, ввоз этих квот оливкового масла будет беспошлинным. Квоты на импорт брюк и изделий из хлопка, а также на продукцию нефтехимической промышленности также планируется постепенно увеличить[9].

В 2001 г. необлагаемая пошлиной квота на ввоз томатной пасты была увеличена до 2,5 тыс. т, а в 2005 г. – до 4 тыс. т. На картофель беспошлинная квота достигла в 2001 г. 16,8 тыс. т. В этом же году Тунис впервые начал экспортировать на европейские рынки мясо страуса (50 тыс. т в год), гранаты, мед, инжир и цветы – без ограничений[10].

Допуск на рынки ЕС сельскохозяйственной продукции из других стран – достаточно болезненная проблема для европейских производителей. Подобная проблема уже возникала при вступлении в ЕС в 1986 г. Испании и Португалии. Их дешевая сельскохозяйственная продукция постепенно потеснила французскую и итальянскую, что вызвало бурю протестов в этих странах. В свою очередь, тунисская сельхозпродукция, экспортируемая в ЕС, должна быть конкурентоспособна, соответствовать требованиям качества и иметь низкую себестоимость. В настоящее время Тунис стремится увеличить поставки не только базовой сельскохозяйственной продукции, но и продуктов питания, так как полученные в результате переработки продовольственные товары приносят большую прибавочную стоимость.

В октябре 2001 г. в Тунисе прошла национальная конференция, посвященная проблемам реализации соглашения об ассоциации с ЕС. В ходе ее подготовки была создана многосторонняя техническая комиссия, эксперты которой в течение четырех месяцев изучали промежуточные результаты реализации этого соглашения, а также воздействие либерализации торговых связей с Евросоюзом на тунисскую экономику. Постепенная отмена таможенных пошлин на европейские товары, по оценкам технической комиссии, означает ежегодную потерю страной 480 млн. долл. Если в 1996 г. на таможенные сборы приходилось 9,8% бюджетных доходов, то в 2000 г. – только 5,4%[11]. Для

того, чтобы компенсировать эти потери, Тунис должен будет повысить прямые налоги и сборы. По прогнозам технической комиссии, налог на добавленную стоимость может вырасти от 40 до 55%. Либерализация торговых связей с ЕС, по мнению комиссии, приведет к снижению ВВП Туниса на 0,2%, падению внутренних инвестиций на 2% в текущих ценах, добавленной стоимости в материальном производстве – на 2,1%, в сельском хозяйстве, туризме, нефтяной отрасли ее роста не будет[12]. Исследование, проведенное в 2000–2001 гг. тунисским бюро по оказанию помощи частным предприятиям, показало, что около 16% предприятий уже обанкротилось из-за снижения и отмены таможенных пошлин на импортируемые из ЕС товары, примерно половина из них находится в сложном положении из-за плохого управления, краткосрочной задолженности по кредитам и низкого уровня финансового содействия[13].

Беспошлинный ввоз европейской промышленной продукции скажется на конкурентоспособности тунисских предприятий, особенно в сельском хозяйстве, пищевой, электромеханической, химической и текстильной отраслях. Для защиты своей экономики Тунис еще в 1996 г. разработал и стал осуществлять программу модернизации своих предприятий. На эти цели запланировано около 1 млрд. долл. В настоящее время она охватывает около 2 тыс. предприятий, в основном работающих на экспорт, с числом занятых от 20 и более человек и с основным капиталом не менее 225 тыс. долл. Программа направлена главным образом не на модернизацию и замену оборудования, а на повышение уровня квалификации и профессиональной подготовки кадров. Осуществляется она, в основном, за счет внутренних ресурсов.

Помощь, выделенная ЕС Тунису в 1996–1999 г. составила 821,4 млн. евро. Из них 428 млн. – в виде безвозмездной помощи в рамках программы МЕДА I (171 млн. евро уже реализовано по назначению) и 393 млн. – в виде займов ЕИБ. Всего за этот период Евросоюз выделил трем странам Магриба 1222 млн. евро[14]. Финансовая помощь ЕС Тунису направлена на поддержку структурной перестройки экономики и социально-экономических реформ. На эти цели в рамках двустороннего сотрудничества предусмотрено выделение 180 млн. евро через два фонда – ФАС-1 и ФАС-2. Для осуществления программы «Евро-Тюнизи антреприз» (поддержка предприятий частного сектора) было направлено 20 млн. евро, помимо этого существует еще несколько совместных проектов по развитию частного сектора, увеличению занятости (9,5 млн. евро), улучшению конкурентоспособности (10 млн. евро), содействию приватизации (10 млн. евро) и др. До 50 млн. евро предусмотрено выделить для программы регионального развития сельского хозяйства и управления национальными ресурсами. Первый ее этап уже завершен. Для программы совершенствования профтехподготовки (Мэнформ) направлено 45 млн. евро. Займы, предо-

ставленные ЕИБ в размере 393 млн. евро, были предназначены для содействия развитию частного сектора, строительства небольших плотин и заграждений, очистки южного озера в столице Туниса[15].

В 1996–1999 гг. Тунис был самым крупным получателем кредитов ЕИБ в рамках ЕСП – около 16% всех средств, представленных банком странам Южного Средиземноморья. Примерно 2/3 всех займов, полученных Тунисом от ЕИБ, предназначалось для проектов по строительству плотин, созданию дорожной инфраструктуры, а также для развития энергетики[16]. Общая сумма полученных Тунисом займов ЕИБ в 1987–2000 гг. составила почти 600 млн. долл.[17]

Обязательства по двухсторонней помощи Тунису по линии стран ЕС составили в этот период 168 млн. евро или 17,8 евро на 1 жителя, что является самым высоким показателем для стран Магриба[18]. Из выделенных в 2000 г. финансовых средств по линии двусторонних соглашений со странами ЕС 37,3% было направлено на развитие инфраструктуры, 20% – на сельское хозяйство, 15% – на поддержку частного сектора, 12% – на здравоохранение и др.[19]

Однако финансовые обязательства ЕС выполняются с большим опозданием. К 2000 г. Тунису было выделено фактически 40% от общей суммы предназначенных финансовых средств в рамках программы МЕДА I[20].

Несмотря на просьбы Туниса и других стран Южного Средиземноморья увеличить финансовую помощь, Евросоюз запланировал для новой программы МЕДА меньший объем, чем в предыдущей программе МЕДА I.

Второй этап программы МЕДА (МЕДА II 2000–2006 гг.) предусматривает выделение помощи 12 средиземноморским странам в размере 5350 млн. евро, из которых Тунис может получить примерно 12%. Общая сумма кредитов и займов по линии ЕИБ должна составить в этот период 7,4 млрд. евро[21]. Во время визита в Тунис в январе 2001 г. председателя Еврокомиссии Р.Проди, были подписаны два финансовых соглашения на сумму 54,5 млн. евро. Первое – для поддержки государственной реформы системы образования (в течение 36 месяцев будет выделено 2 транша на общую сумму в 40 млн. евро) Второе, в размере 14,5 млн. евро, предназначалось для помощи в строительстве 18 небольших плотин и улучшения снабжения водой в отдельных районах[22]. Всего в 2000–2002 гг. было подписано Тунисом 6 соглашений на сумму 180 млн. евро для развития дорожной инфраструктуры и 2 соглашения, предусматривающих выделение 195 млн. евро для создания системы водоснабжения в районе Сахеля и поддержки малого и среднего бизнеса[23].

Помимо предоставления финансовой помощи и кредитов, страны ЕС инвестируют значительные суммы в экономику Туниса в виде прямых капиталовложений. В 1997–2000 гг. они вложили более 2 млрд. долл. Из зарегистрированных на конец 2001 г. в Тунисе 2318 предприятий с

участием иностранного капитала, около 86% принадлежит западноевропейскому капиталу[15]. В 1995–2000 гг. в Тунисе были созданы 1 тыс. новых компаний с участием иностранного капитала, в основном из ЕС, что позволило увеличить занятость почти на 60 тыс. рабочих мест[24].

Конструктивное сотрудничество между Тунисом и ЕС свидетельствует о взаимных интересах двух сторон. Соглашение об ассоциации предоставляет Тунису возможность привлечения европейских инвестиций, активизации внешнеторговых связей, успешного проведения социально-экономических реформ и структурной перестройки экономики при поддержке ЕС с тем, чтобы увеличить конкурентоспособность тунисской продукции, а также адаптироваться к расширению Евросоюза за счет стран Центральной и Восточной Европы. Благодаря сотрудничеству с ЕС Тунису удалось достичь положительных макроэкономических результатов, сохранить экономическое равновесие в период продвижения к зоне свободной торговли, несмотря на снижение таможенных тарифов на импорт из ЕС, неблагоприятную экономическую конъюнктуру, затянувшуюся засуху.

Однако реально оценить результаты первых семи лет действия соглашения об ассоциации Туниса с ЕС достаточно трудно по двум причинам. Во-первых, процесс создания действительно свободной торговой зоны еще не завершен, а за первые пять лет были отменены таможенные пошлины на импорт промышленных товаров из Евросоюза, которые не конкурируют с местной промышленной продукцией. Во-вторых, Тунис помимо соглашения с ЕС, подписал в апреле 1994 г. в Марракеше соглашение с ВТО, в котором предусматривается в 1995–2005 гг. снижение на 1/3 таможенных пошлин на ввозимые из других стран товары.

В целом снижение и отмены пошлин на европейские товары, по мнению экспертов технической комиссии, благоприятно отразилась на экспорте Туниса, что нельзя сказать о деловой активности на внутреннем рынке. Имеющиеся данные свидетельствуют о росте товарооборота с Евросоюзом, особенно импорта, в то время как экспорт Туниса из ЕС рос, но более медленно, чем импорт (примерно 1% в год в 1997–2000 гг.). Это привело к росту торгового дефицита на 33% за этот период, он достиг в 2002 г. 1,5 млрд. евро[25]. Для покрытия этого дефицита потребуется значительный приток иностранных прямых инвестиций и финансовой помощи. Несмотря на заметный рост притока прямых инвестиций в 1990–2001 гг., Тунису так и не удалось достичь в 2001 г. выполнения своих амбициозных планов по привлечению иностранных инвестиций в размере 1 млрд. долл., как впрочем, и другим странам Магриба. На страны Южного Средиземноморья до сих пор приходится 2% всех инвестиций ЕС[26].

Недостаточные объемы оказываемой ЕС финансовой помощи, особенно накануне его расширения за счет стран Центральной и Восточной Европы, а также тормозящие реализацию финансовых обя-

зательств бюрократические процедуры, сдерживают процесс интеграции Туниса с ЕС. Поэтому Тунис всячески стремится к получению кредитов от международных финансовых организаций и пытается диверсифицировать свое двустороннее финансовое сотрудничество за счет таких стран как США и Япония.

Постепенное снятие и отмена таможенных пошлин на импортируемые из ЕС промышленные изделия, конкурирующие с тунисскими товарами, безусловно скажется на конкурентоспособности экономики. Несмотря на успехи модернизации промышленных предприятий и их ориентацию на экспорт после создания полноценной зоны свободной торговли, до 1/3 мелких и средних предприятий могут разориться. На национальной конференции 2001 г., посвященной реализации соглашения об ассоциации, подчеркивалось, что это соглашение представляет определенный риск и способствует дезинтеграции местной промышленности, а также может привести к обострению социальных проблем. Сотрудничество в области промышленности, научных изысканий, решение проблем иммиграции также продвигается крайне медленно. Соглашение об ассоциации, как считает Тунис, является «соглашением о партнерстве и глобальном сотрудничестве», поэтому ЕС должен больше внимания уделять развитию не только внешнеторговых связей, а росту инвестиций, финансовой помощи и расширению научно-технического сотрудничества, исходя из взаимных интересов двух сторон.

[1] La Presse de Tunisie, 18 avril 2001.

[2] Union Europeenne. News magazine. Tunisie janvier-fevrier 2001, с. 3.

[3] L'Expansion Janvier, 2003 № 671, с. 102.

[4] БИКИ, № 108 25 сентября 2003.

[5] Рассчитано по: Rapports de la Banque Centrale de Tunisie за 1997–2001 гг. Statistiques sur I'economie tunisienne MCIIE, fevrier 2002

[6] La Presse de Tunisie, 24 octobre 2001

[7] La Presse de Tunisie, 28 novembre 2001; Rapports de la Banque Centrale de Tunisie (за соответствующие годы).

[8] Realites, № 831 29 novembre – 5 decembre 2001, с. 29.

[9] БИКИ, № 65 18 января 2003.

[10] La Presse de Tunisie, 17 mars 2001, Realites, № 831 29 novembre – 5 decembre 2001.

[11] La Presse de Tunisie, 24 octobre 2001.

[12] Ibid.

[13] La Presse de Tunisie, 27 octobre 2001.

[14] Realites, 7–13 fevrier 2002, с. 18; Jeune Afrique L'Intelligent, № 2066 5–11 septembre 2000.

[15] Le Temps, 23 mai 2000.

[16] La Presse de Tunisie, 12 decembre 2001, Realites, № 788 1–7 fevrier 2001.

[17] Ibid.

[18] Revue Tiers Monde, t. XL III № 169 janvier-mars 2002.

[19] Informations economiques sur la Tunisie, MC1Ш fevrier 2001; Realites, № 848 28 mars – 3 avril 2002.

[20] La Presse de Tunisie, 10 novembre 2001.

[21] БИКИ, № 108 25 сентября 2003; La Presse de Tunisie, 18 avril 2001, Realites, № 846 14–20 mars 2002, с. 25.

[22] La Presse de Tunisie, 13 avril 2001.

[23] La Presse de Tunisie, 12 decembre 2001.

[24] Statistique sur l'economie tunisienne, MCIIE fevrier 2001; Le Temps, 28 octobre 2001.

[25] Rapport de la Banque Centrale de Tunisie 2002, БИКИ, № 108 25 сентября 2003.

[26] Realites, № 801 3–9 mai 2001.

Н.В.Мохов

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНКО-АЛЖИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

По признанию обеих сторон, алжиро-французские отношения имеют особый, специфический характер, обусловленный географической близостью, 132 годами совместной истории в колониальный период, тесными культурными и социальными связями. Своеобразие отношений двух стран связано с их значительной эмоциональной составляющей, особой тональностью контактов, продолжительным колониальным присутствием Франции в Алжире, оставившим, вследствие необычайно острого и болезненного процесса деколонизации, смешанные чувства взаимной симпатии и соперничества, притяжения и отталкивания, близости и отчужденности, взаимопонимания и непримиримости. В силу целого ряда факторов геополитического, экономического, социального и культурного порядка Алжир заслуживает особого внимания Франции, в равной мере и Франция для Алжира была и остается важным партнером.

История сотрудничества независимого Алжира и Франции с 1962 г. знала периоды подъемов и спадов, взаимопонимания и кризисов. Однако на протяжении всех этих лет жизнь подтверждала справедливость выражения президента Алжира Х.Бумедьена: «что-то маленькое, но особенное останется между Алжиром и Францией»[1]. Характеристика, данная некогда известным алжирским государственным деятелем, сохранила свою актуальность и в наше время.

С начала 90-х годов отношения между Францией и Алжиром развивались противоречиво и непоследовательно. Победа Исламского фронта спасения (ИФС) в первом туре парламентских выборов в Алжире 26 декабря 1991 г., а также политические события, которые последовали за отменой второго тура выборов, вынужденной отставкой президента АНДР Ш.Бенжедида и образованием Высшего Государственного Комитета (ВГК)[2], явились причиной ухудшения отношений между Францией и Алжиром. Позиция Франции, выраженная президентом Ф.Миттераном, который заявил о том, что «необходимо уважать волю народа», состояла в осуждении действий алжирского режима и проводимой им внутренней политики[3].

Волна террористических актов в Алжире против представителей власти, интеллектуальной элиты, а также массовых расправ над мирным населением, совершенных исламскими экстремистами под ло-

зунгами борьбы за создание в Алжире теократического государства, не привела на протяжении 90-х годов к изменению отношения официального Парижа к внутриполитическому алжирскому кризису. Французские власти продолжали называть алжирских террористов «группами вооруженной оппозиции». Террористические акты, совершенные против французских граждан, самым громким из которых был захват группой экстремистов самолета авиакомпании «Эр Франс» в декабре 1994 г., лишь ухудшили отношения между двумя странами. Во французской прессе по поводу алжирского кризиса регулярно поднимался вопрос: «Кто кого убивает?», вызванный серьезными подозрениями французской общественности относительно участия алжирских военных в сериях террористических актов против собственного населения. Напряжение в отношениях порой приводило к острым ситуациям на дипломатическом уровне как, например, отмена, по инициативе алжирской стороны, встречи президента АНДР Л.Зеруаля с президентом Франции Ж.Шираком, которая должна была состояться в октябре 1995 г. в Нью-Йорке в период работы Генеральной Ассамблеи ООН.

Президентские выборы 1995 г. в АНДР, победу на которых одержал Л.Зеруаль с поддержкой 61% голосов избирателей, послужили началом для пересмотра отношения Запада к алжирскому внутриполитическому кризису. Общее движение Алжира по пути нормализации, проявившееся в регулярном проведении выборов, принятии закона о гражданском согласии, одобренного населением на референдуме 16 сентября 1999 г., а также снижение интенсивности террористических актов с конца 90-х годов, способствовало формированию нового восприятия Алжира западными странами, в целом, и Францией, в частности.

Приход к власти в Алжире в апреле 1999 г. А.Бутефлики в результате досрочных президентских выборов породил надежды на улучшение отношений Алжира с западными странами и, в том числе, с Францией. Первым символическим событием, ознаменовавшим потепление алжиро-французских отношений, стал визит А.Бутефлики во Францию в июне 2000 г.

Террористические акты в США 11 сентября 2001 г. привели к адекватному осознанию международным сообществом и, в первую очередь, странами Запада реальных и потенциальных угроз радикального исламизма, что оказало существенное влияние на окончательное формирование нового отношения Парижа, Вашингтона и Лондона к действующим сторонам внутреннего алжирского конфликта. Таким образом, на рубеже XX и XXI вв. сформировались благоприятные политические условия для потепления алжиро-французских отношений.

За визитом А.Бутефлики во Францию в 2000 г. последовала серия взаимных визитов высших государственных чиновников двух стран, заложивших основу для пересмотра межгосударственных отношений,

а также для создания политической надстройки, в большей степени соответствующей новым реалиям двусторонних связей.

Так, в ноябре 2001 г. после наводнения, от которого пострадал город Алжир и несколько близлежащих поселений, в Алжир прибыл с рабочим визитом французский президент Ж.Ширак. С июня 2000 г. Францию несколько раз посещал с деловыми визитами алжирский президент А.Бутефлика, в январе 2003 г. Францию посетил также премьер-министр АНДР А.Бенфлис. Помимо этого, состоялось множество взаимных рабочих встреч на уровне министров двух стран для обсуждения текущих вопросов сотрудничества. Кульминацией дипломатической активности, безусловно, стал государственный визит Ж.Ширака в Алжир 2–4 марта 2003 г. Эта поездка является первым государственным визитом французского президента в АНДР. Посещения независимого Алжира на разных исторических этапах французскими президентами В.Жискар д'Эстэном, Ф.Миттераном, а также самого Ж.Ширака в 2001 г. не имели статуса государственных визитов.

В ходе визита стороны подписали «Алжирскую декларацию», которая является структурной основой для дальнейшего развития двусторонних отношений. Документ предусматривает интенсификацию политических контактов, укрепление экономического, культурного и научного сотрудничества, а также развитие взаимодействия, направленного на упрощение административных формальностей, связанных с перемещением физических лиц между странами. Декларация предусматривает проведение ежегодных встреч между главами государств и дважды в год консультаций на уровне министров иностранных дел. Сотрудничество в политической области затронет такие сферы, как борьба против международного терроризма, партнерство между Европейским союзом и Магрибом, реализация Нового партнерства для развития Африки («НЕПАД»). Стороны пришли к согласию относительно активного участия в создании подлинного экономического взаимовыгодного партнерства, основанного на развитии прямых французских инвестиций в алжирскую экономику. Франция взяла на себя обязательства содействовать в проведении в Алжире экономических реформ, мобилизации финансовых инструментов, направленных на финансирование различных алжирских проектов, оказывать поддержку стране на переговорах о получении помощи и кредитов от международных финансовых организаций. В соответствии с достигнутыми договоренностями Франция и Алжир планируют подписать договор о дружбе.

В свете интенсификации двусторонних контактов на дипломатическом уровне обращает на себя внимание новая лексика, используемая Ж.Шираком, французскими государственными политиками и дипломатами для характеристики нового этапа франко-алжирских отношений. Так, Ж.Ширак в ходе визита неоднократно использовал для

того, чтобы подчеркнуть специфику и новую тональность отношений, такие термины, как «исключительное партнерство», «новый алжиро-французский альянс», «новое и огромное поле, открывающееся перед Францией и Алжиром», «глубокое, крепкое и долгосрочное партнерство», партнерство, которое не будет больше всего лишь «процветающим торговым обменом», а станет партнерством «великих совместных свершений»[4].

Наряду с двусторонними связями, Франция и Алжир развивают отношения в рамках сотрудничества Европейский Союз – Алжир. В декабре 2001 г. стороны парафировали договор об ассоциированном членстве Алжира в ЕС. В апреле 2002 г. указанный договор был подписан, а уже в октябре договор был одобрен подавляющим большинством голосов Европейским парламентом: 458 депутатов высказались за, 10 депутатов – против и 20 депутатов воздержались[5]. О важности западноевропейского направления алжирской дипломатии свидетельствует серьезный переговорный процесс, который предшествовал заключению договора об ассоциации – переговоры длились несколько лет и насчитывали 17 раундов. Однако в связи с расширением Европейского Союза на восток, подразумевающим оказание разностороннего содействия странам Восточной Европы, которые присоединятся к ЕС в 2004 г., остро встает вопрос о перспективах и темпе развития сотрудничества ЕС со странами южного Средиземноморья. Позиция Франции, которая исторически имеет интересы в Северной Африки, была выражена президентом Ж.Шираком, заявившем в интервью алжирскому изданию «Аль-Ватан», о том, что Франция приложит все усилия для сохранения евро-средиземноморского сотрудничества в качестве одного из приоритетов внешнеполитической деятельности ЕС[6].

Совпадение позиций Алжира и Франции по одному из наиболее актуальных вопросов международной политической жизни в 2003 г. – иракскому кризису, способствовало расширению базиса франко-алжирских отношений и появлению дополнительных импульсов к взаимодействию. Активная позиция Франции принесла стране и Ж.Шираку лично значительные дивиденды популярности, особенно со стороны государств с аналогичной позицией. Французский президент олицетворял сопротивление американскому силовому методу решения конфликта и стремление до последнего момента использовать все возможности мирного разоружения Ирака в рамках резолюции № 1441 Совета Безопасности ООН. Официальная позиция Алжира заключалась в негативной оценке военной операции коалиции, возглавляемой США, против Ирака. Применение силы без получения одобрения Совета Безопасности ООН не соответствовало принципам международного права. В официальной декларации, принятой 20 марта 2003 г. относительно развития событий в Ираке, Алжир, выразив поддержку братскому народу Ирака, заявил о необходимости

строгого соблюдения международных принципов и сохранения независимости, суверенитета и территориальной целостности Ирака, а также призвал к прекращению боевых действий и к использованию мирных методов урегулирования кризиса[7].

В силу объективных причин, сложностей социально-экономического развития в Алжире со второй половины 80-х годов и замедления темпов экономического роста во Франции с весны 2001 г. отмечается обоюдное повышение интереса к развитию взаимовыгодных экономических связей. Они способны обеспечить решение внутренних задач, связанных с достижением самоподдерживающегося экономического роста, путем качественного улучшения структуры экономики, притока одновременно с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) производственных и управленческих технологий для Алжира и получением дополнительных источников экономического роста за счет внешнеэкономической деятельности для Франции. В декабре 2002 г. в ходе визита в Алжир министра иностранных дел Франции Д.де Виллепана страны подписали соглашение о преобразовании в инвестиции 61 млн. долл. алжирской внешней задолженности перед Францией[8]. В будущем общая сумма задолженности, подлежащая преобразованию в инвестиции, должна достигнуть 180 млн. долл.[9]

С конца 90-х годов уже отмечается положительная динамика франко-алжирских торговых отношений – с 1999 г. по 2001 г. товарооборот между странами увеличился на 60%, достигнув в 2001 г. 6,4 млрд. евро[10]. В 2002 г., как и в предыдущие годы, Франция занимает первое место среди импортеров Алжира, поставив в АНДР, в соответствии с алжирской таможенной статистикой, товаров на 2648 млрд. долл., что составило 22,5% от общего объема алжирского импорта[11]. За Францией со значительным отрывом следует Италия – 1,9 млрд. долл., США – 1137 млрд. долл.[12] По итогам 2002 г., Франция с объемом в денежном выражении 2782 млрд. долл. стала вторым покупателем алжирского экспорта, уступив лишь Италии – 3,701 млрд. долл. и обогнав США – 2440 млрд. долл.[13] Французский экспорт в Алжир отличается высокой диверсификацией: по итогам 2001 г., доля оборудования в общем объеме экспорта составила 24,7%, доля автомашин и запасных частей – 21,4%, доля потребительских товаров – 18,4%, доля полуфабрикатов – 18%, доля продовольственных товаров – 15,8%[14]. Французский же импорт из Алжира состоял в 2001 г. более чем на 96% из углеводородного сырья.

Франция, с объемом инвестиций в 344 млн. долл. за период с 1998 г. по 2000 г., является третьим инвестором в алжирскую экономику после США и Египта[16]. Французские группы Санофи-Синтелабо и Авентис инвестируют в фармацевтическую промышленность, группа Данон создала совместное предприятие с алжирской Джуджура с объемом инвестиций в 28 млн. долл.[17], Юоплэ создала с алжирским партнером Яхяуи и Бэль совместное предприятия Бэль-Алжир. Помимо

пищевой и фармацевтической промышленности, французские предприятия инвестируют в химическую промышленность, электронику, автомобильную промышленность и сферу услуг. Символическим событием двусторонних отношений явилось возобновление в июне 2003 г. рейсов авиакомпании «Эр Франс» в города Алжира, прерванных после громкого террористического акта с захватом самолета компании в декабре 1994 г.

Однако, несмотря на динамичное развитие экономического франко-алжирского сотрудничества, обращает на себя внимание в корне различающиеся подходы французских и алжирских субъектов экономической деятельности при выборе приоритетных форм внешнеэкономических связей, что, конечно же, обусловлено спецификой современного внутреннего экономического развития двух стран. Алжирская экономика достигла, в силу благоприятной конъюнктуры на мировом рынке углеводородного сырья, со второго триместра 1999 г. беспрецедентного улучшения финансового положения. Это улучшение выразилось, по данным Социально-экономического национального совета (СЭНС) Алжира, в значительных золотовалютных резервах – 23,1 млрд. долл. на 31 декабря 2002 г., в сокращении внешнего долга до 22,54 млрд. долл. на 31 декабря 2002 г. и в низком уровне инфляции – 1,4% за 2002 г.[18] По итогам 2002 г., коэффициент обслуживания долга, рассчитываемый как соотношение расходов на обслуживание долга к экспортным доходам, составил 21,6%[19], а соотношение внешнего долга к ВВП составило, по данным Банка Алжира, 45%[20]. Активное сальдо торгового баланса составило по итогам 2002 г. 6,67 млрд. долл.[21] При столь значительном улучшении финансовых показателей Алжира по сравнению с 90-ми годами национальная экономика продолжает сталкиваться с недостаточным темпом экономического роста, достигшего в 2001 г. 2,1%[22] (данные исследования Нара Консалтинг), а в 2002 г., по разным данным, от 3,1%[23] (Нара Консалтинг) до 4,1%[24] (СЭНС) и крайне высокой безработицей – 27,3%[25] экономически активного населения.

Учитывая объективные сложности алжирской экономики – моноэкспортную структуру, технологическую отсталость производственных мощностей, низкую конкурентоспособность промышленности, слабость финансового сектора, одним из приоритетных направлений экономической политики правительства является привлечение прямых иностранных инвестиций. По планам алжирского руководства, основанным на международном опыте, ПИИ должны привести к применению и постепенному освоению местными предприятиями современных технологий, используемых транснациональными компаниями (ТНК) в производственной, маркетинговой, финансовой и управленческой деятельности. Технологические и финансовые возможности Франции, обеспечившие этой стране одно из лидирующих мест среди главных инвесторов планеты, как раз и обусловили осо-

бый интерес алжирских государственных органов и предприятий к сотрудничеству в сфере инвестиций в качестве приоритетной формы экономических связей.

Французская экономика, столкнувшись с замедлением темпов экономического роста – 3,5% в 1998 г., 3% в 1999 г., 3,5% в 2000 г. и 2,1% в 2001 г.[26] – начавшимся весной 2001 года и ставшим очевидным к его концу, нуждалась в увеличении доходов от экспорта с целью создания положительного импульса для роста совокупного спроса и, как следствие, увеличения темпа экономического роста. Колоссальные доходы, получаемые Алжиром с 2000 г. от продажи энергоносителей на мировом рынке, явились достаточным основанием для расширения торговых франко-алжирских связей, а также главным объектом интереса французских предприятий.

Что же касается прямых инвестиций, то, несмотря на активные действия алжирских властей на самом высоком уровне[27], французские инвестиции остаются на нынешний день значительно ниже ожиданий и надежд алжирской стороны. По данным посольства Франции в АНДР, всего 92 французские компании представлены в Алжире, из которых 59 имеют торговые филиалы, у 29 есть представительства и лишь 4 предприятия имеют производственные филиалы[28]. Эти компании создают около 6 тыс. рабочих мест[29]. Для сравнения: в Марокко действуют не менее 450 французских предприятий, создающих около 65 тыс. рабочих мест, а в Тунисе представлены 770 французских предприятий, создающие около 60 тыс. рабочих мест[30]. Низкий уровень французских инвестиций в алжирскую экономику особенно контрастен на фоне рекордного показателя прямых французских инвестиций за рубеж, достигнутого в 2000 г., – 187,2 миллиардов евро, что на 65% больше чем в 1999 г.[31] Однако приоритетными направлениями для прямых французских инвестиций по-прежнему остаются США и страны еврозоны.

Причины низкого уровня ПИИ в алжирскую экономику состоят в отсутствии благоприятного политико-экономического климата, являющегося необходимым условием для активной и плодотворной деятельности ТНК. В политическом плане в качестве главных негативных аспектов инвестиционного климата в Алжире рассматривается продолжающееся противостояние алжирского режима с вооруженными исламскими террористическими организациями, обострение с весны 2001 г. кабильского кризиса, вылившегося в регулярные манифестации в разных частях страны в рамках борьбы за признание культурной специфики берберов, а также частые изменения состава правительства.

В экономическом и юридическом плане основными препятствиями для ПИИ является процедурная слабость, медлительность в рассмотрении уполномоченными органами инвестиционных проектов, противоречия алжирского частного права международным стандартам, отсутствие прозрачности в бизнес-среде, значительные админи-

стративные барьеры, несоответствие финансового сектора алжирской экономики требованиям благоприятной инвестиционной среды, отсутствие реформ, многократно объявляемых руководством АНДР, но нереализованных на практике. Наибольший интерес для иностранных и для местных инвесторов представляет реформа банковской системы и программа приватизации государственных предприятий, которые за исключением ограниченного числа мероприятий до сих пор не претворены в жизнь.

Неблагоприятный инвестиционный климат в Алжире, даже в сравнении с некоторыми другими странами Магриба такими, как Тунис и Марокко, сдерживает заинтересованность французских предприятий в инвестировании в алжирскую экономику.

Подходы алжирской и французской сторон к экономическому сотрудничеству между странами кардинально различаются. Алжир стремится построить взаимодействие с акцентом на прямых инвестициях, Франция желает максимизировать полезные эффекты для экономики из увеличения экспорта в Алжир. При сохраняющихся различиях, на сегодня преобладающей формой алжиро-французских экономических отношений остается торговый обмен углеводородного сырья на промышленные и продовольственные товары, вытекающий из комплементарности национальных экономических систем. Подобная структура отношений, безусловно, не отвечает ожиданиям алжирской стороны. Однако, по вышеизложенным объективным и субъективным причинам, в настоящее время отсутствуют реальные предпосылки для совершенствования механизмов более многогранного, разностороннего и перспективного партнерства.

Несколько поколений французских колонистов, переселившихся во Францию до и после получения Алжиром независимости, равно как и несколько поколений алжирских иммигрантов, формирующих во Франции одну из крупнейших диаспор, придают связям двух стран дополнительное, социальное измерение. Его важность возрастает в современный период децентрализации международных отношений, характеризующийся появлением и активным влиянием на международную политику новых действующих сил, помимо суверенных государств. Интенсивные социальные связи выражаются в виде регулярных семейных визитов алжирцев во Францию, а также живущих во Франции иммигрантов к родственникам в Алжир; в форме легальной и нелегальной эмиграции из Алжира во Францию в поисках, прежде всего, работы. Такие явления вынуждают стороны систематически обсуждать тему миграции физических лиц на межгосударственном уровне.

В свете новой динамики двусторонних отношений в последние годы французский МИД улучшил условия выдачи виз алжирским гражданам: в 2000 г. открыто консульство в г.Аннаба, в 2004 г. планируется открытие генерального консульства в г.Оран и обновление кон-

сульских структур в г.Алжир и г.Аннаба. Однако, несмотря на увеличение в последние годы количества выдаваемых алжирским гражданам виз, существует и обратная тенденция, связанная со стремлением французских властей остановить нелегальную эмиграцию и усилить контроль над передвижением физических лиц. Эта тенденция проявилась в новом порядке оформления виз, действующем с 1 января 2003 г. и предусматривающем обязательную предоплату алжирскими гражданами заявлений на получение шенгенской визы в консульстве Франции независимо от результата, то есть при отклонении просьбы на выдачу визы внесенная сумма не возмещается. В рамках борьбы против нелегальной эмиграции французские власти принимают активные меры, предусматривающие, наряду с другими мероприятиями, организацию специальных рейсов с целью депортации на родину нелегальных эмигрантов.

На протяжении всей истории отношений Франции и Алжира вопрос межкультурного взаимодействия носил особый характер. Это, в первую очередь, связано с контрастно различающимися культурно-цивилизационными основами, с одной стороны, а также географической близостью и продолжительной совместной историей. Тесное взаимодействие в колониальный период логично и естественно привело к глубоким культурным связям между народами двух стран, которые прослеживаются сквозь языковую взаимосвязь, интерес к познанию друг друга, осознание общей истории, более глубокое взаимопонимание.

Даже после более четырех десятилетий независимого развития АНДР и несмотря на несколько волн арабизации, проводившихся властями на разных исторических этапах и затронувших самые разнообразные сферы общественной жизни, очевидные признаки культурного влияния Франции сохраняются в Алжире и в наше время. Безусловно, в силу вполне понятных причин, элементы французской культуры отмечаются в большей степени в крупных городах северной части АНДР, таких как Алжир, Оран, Аннаба, Константина.

Французское культурное присутствие прослеживается, прежде всего, через сохраняющуюся по сей день значительную роль французского языка в общественной жизни Алжира. В алжирском диалекте арабского языка активно используются французские слова и корни. В крупных северных алжирских городах нередки случаи, когда алжирцы в повседневной, нерабочей беседе активно используют французские фразы и выражения. Встречаются также случаи, особенно среди алжирской элиты, когда повседневная, абсолютно заурядная беседа между двумя алжирцами полностью ведется на французском языке. На французском языке выпускается около половины алжирских общенациональных газет.

Подобная роль французского языка в современной жизни алжирцев связана не только с тесным переплетением исторических судеб двух народов, но и с сохраняющимся влиянием французской культуры. В условиях существования всего лишь одного алжирского государ-

ственного телеканала, а также учитывая оснащенность жилищ алжирцев спутниковыми антеннами, просмотр программ международных телеканалов является одной из наиболее распространенных форм проведения досуга в стране. Приоритет французским телеканалам отдается алжирцами в силу лучшего языкового понимания, по сравнению с каналами на других европейских языках. Французское спутниковое телевидение, пользующееся большой популярностью в Алжире, создает своего рода невидимую связь между двумя странами, способствуя распространению французской культуры и оказывая непосредственное влияние на формирование жизненных стандартов и поведенческих установок определенных категорий алжирского городского населения, особенно среди молодежи.

Потепление отношений между странами в последние годы создало благоприятную основу для проявления новых и интенсификации старых форм двустороннего сотрудничества в сфере культуры. После перерыва вновь открыты французские культурные центры в городах Алжир, Оран, Аннаба, планировалось открытие культурных центров в Константине и Тлемсене. В декабре 2002 г. в г.Алжир открыт Международный лицей имени А.Дюма, дающий возможность алжирским учащимся получать французское среднее образование. Диплом лицея принимается при поступлении в европейские ВУЗы. До открытия лицея алжирцам, желающим получить французский диплом о среднем образовании, нужно было ездить в Тунис на сдачу экзаменов в аналогичном французском лицее. Лицей имени А.Дюма предоставляет учащимся других алжирских лицеев возможность сдачи экзаменов с выдачей, при успешном результате, французского диплома.

В ходе пребывания Ж.Ширака в Алжире в марте 2003 г. достигнута договоренность о создании Высшего франко-алжирского совета по сотрудничеству в сфере высшего образования и научных исследований, а также о создании с участием французской стороны алжирской бизнес-школы для обучения руководящего состава предприятий.

По признанию президентов обеих стран событием «года Алжира» во Франции, проходившему под названием «Джазаир 2003», суждено стать ярким символом новых двусторонних отношений и, по выражению Ж.Ширака, «очевидным знаком того, что пришло время нового алжиро-французского альянса»[32]. В культурной программе года предусматривались вернисажи картин, среди которых экспозиция полотен французских художников, написанных под влиянием путешествий в Алжир, выставки предметов обихода разных этапов истории Алжира, фотовыставка. Кроме этого, прошли концерты музыкальных коллективов, представляющих различные направления алжирской и магрибинской музыки: народной музыки, «рай», андалузской музыки. Прошли показы алжирских и алжиро-французских фильмов и состоялось множество других культурных мероприятий. В репертуар театра «Комеди Франсэз» включены постановки алжирских авторов.

«Джазаир 2003» имел цель лучше познакомить французскую публику, имеющую лишь ограниченные возможности для посещения и ознакомления с Алжиром, с историей этой страны, ее обычаями и традициями, культурной спецификой и современным состоянием, что, безусловно, открывает новые благоприятные условия для расширения и углубления межкультурного взаимодействия.

Вследствие изменения во второй половине 90-х – начале 2000-х годов внутренних особенностей развития Франции и Алжира, а также эволюции международного политического контекста после террористических актов 11 сентября 2001 г., сложились объективные предпосылки для потепления франко-алжирских отношений после трудного периода в их развитии. Новая динамика отношений с начала третьего тысячелетия неодинаково отразилась на разных сферах двусторонних связей. Отношения в политической области характеризуются интенсификацией межгосударственных контактов, направленных на развитие двусторонних связей, и улучшением координации позиций сторон по различным актуальным вопросам региональной и мировой политической жизни. За короткий промежуток времени с 2000 г. по 2003 г. благодаря обоюдным усилиям государственных органов, сторонам удалось достичь лучшего взаимопонимания и наметить структурные основы для будущего развития двустороннего сотрудничества. Несмотря на то, что на сегодня большинство наиболее масштабных инициатив находится в стадии проектов, безусловно, можно констатировать ряд конкретных позитивных результатов и растущий двусторонний интерес к расширению и углублению отношений.

Однако в настоящее время анализ состояния франко-алжирского сотрудничества не позволяет сделать вывод о существовании масштабного партнерства. Отношения, скорее, характеризуются значительным потенциалом, который сторонам еще предстоит преобразовать в реальные достижения. Оценка перспектив развития франко-алжирских отношений усложняется существованием различных сдерживающих факторов. В качестве наиболее серьезных внешних факторов, способных дестабилизировать двусторонние отношения, является проблема Западной Сахары, по урегулированию которой позиции сторон не совпадают, а также активизация в последние годы роли США в Магрибе, в целом, и в Алжире, в частности[33].

Помимо традиционно сильных позиций американских компаний в нефтегазовом секторе алжирской экономики, повышение интереса США к сотрудничеству с Алжиром в последние годы проявляется, прежде всего, в сфере борьбы против международного терроризма, а также в содействии в проведении экономических реформ. Борьба против международного терроризма, будучи одной из самых актуальных тем современных международных отношений, несет в себе значительный потенциал сотрудничества между США и Алжиром. Активизация роли США в Магрибе не может не вызывать негативной реак-

ции Парижа и приводит к столкновению французских и американских интересов в регионе, который Франция считает своей традиционной зоной влияния.

Учитывая тот факт, что алжирское политическое руководство не отдает явного предпочтения ни Франции, ни США, а проводит традиционную для Алжира политику диверсификации отношений с партнерами в разных областях международных отношений с целью максимально возможного достижения своих целей и защиты собственных интересов, перспективы франко-алжирских отношений будут находиться в тесной зависимости от динамики алжиро-американского сотрудничества.

Среди наиболее серьезных внутренних и двусторонних сдерживающих факторов для развития отношений необходимо отметить, помимо продолжающегося дестабилизирующего противостояния алжирского режима исламским террористическим организациям, проблему соблюдения прав человека и демократических свобод в Алжире, а также возрастающую нелегальную эмиграцию. Оба вопроса вызывают негативную оценку французской стороны и могут существенным образом сдерживать в долгосрочной перспективе развитие алжиро-французских отношений.

Перспективы увеличения взаимной выгоды от развития экономических связей привели к повышенному двустороннему интересу к активизации экономического сотрудничества между Алжиром и Францией. Однако вследствие целого ряда обстоятельств, связанных с внутренними противоречиями политического, экономического и социального развития АНДР, интенсификация внешнеэкономических отношений с Францией не позволяет на современном этапе решать адекватным образом внутренние проблемы страны за счет внешних факторов. Подобная ситуация ярко проявилась через особенности структуры двустороннего экономического сотрудничества, характеризующегося резким ростом в последние годы торгового оборота при гораздо более скромном увеличении объема прямых инвестиций. Редуцирование экономических связей до торгового обмена, безусловно, в большей степени отвечает интересам французской стороны. Ведь такая структура экономических связей делает их чрезвычайно уязвимыми от ухудшения условий торговли для Алжира, которое неизбежно произойдет в случае падения мировых цен на энергоносители.

Значительные усилия алжирского руководства по привлечению внимания французских предприятий и государственных органов, ответственных за проведение внешнеэкономической политики, к иным формам экономических контактов, связанных с притоком ПИИ в алжирскую экономику, не увенчались значительным успехом. Практика современных алжиро-французских отношений свидетельствует о зависимости эволюции объема прямых французских инвестиций в Алжир от способности алжирских властей найти решение внутренних противоречий в развитии страны. Путь к диверсификации экономических отношений

Алжира с Францией лежит через устранение внутренних барьеров и препятствий для притока ПИИ в алжирскую экономику.

Под воздействием новых импульсов современного этапа развития алжиро-французских отношений происходит заметная активизация взаимодействия между странами в сфере культуры, образования и научных исследований. Потепление двусторонних отношений с начала 2000-х годов при наличии благоприятной основы для развития сотрудничества в этих областях, способствовало интенсификации многоуровневых контактов.

Алжиро-французская межкультурная коммуникация и тесные связи создают благоприятную атмосферу для развития сотрудничества во всех без исключения областях. И, может быть, именно благодаря этим связям действительно «что-то маленькое, но особенное» по-прежнему, как отмечалось, сохраняется в отношениях между Алжиром и Францией.

[1] Grimaud Nicole. La politique exterieure de 1'Algerie. – Rahma, 1994, с. 38.

[2] 12 января 1992 года консультативный конституционный орган Высший Совет Безопасности (ВСБ) констатировал невозможность продолжения избирательного процесса и объявил о создании Высшего Государственного Комитета (ВГК) с коллективной формой управления. В состав ВГК вошли М.Будиаф, А.Кафи, А.Харун, Т.Хеддам, Х.Неззар. ВГК был наделен властью, предоставляемой конституцией президенту страны.

[3] Liberte, – Alger, 02.03.2003.

[4] El Moudjahid, – Alger, 04.03.2003.

[5] El Watan, 11–12.10.2003.

[6] El Watan, 28.02–1.03.2003.

[7] El Moudjahid, – Alger, 21–22.03.2003.

[8] El Watan, 18.12.2002.

[9] El Moudjahid, 05.03.2002.

[10] Liberte Economie, – Alger, 31.07–06.08.2002.

[11] Liberte, – Alger, 23.01.2003.

[12] Ibid.

[13] Ibid.

[14] Liberte Economie, – Alger, 31.07–06.08.2002.

[15] Ibid.

[16] Liberte, 02.03.2003.

[17] Ibid.

[18] Liberte, 06.04.2003.

[19] Liberte, 04–05.04.2003.

[20] Liberte, 30.03.2003.

[21] Liberte, 23.01.2003.

[22] Liberte, 04–05.04.2003.

[23] Ibid.

[24] Liberte, 06.04.2003.

[25] El Watan, 10.12.2002.

[26] Observatoire francais des conjonctures economiques (OFCE). L'economie francaise 2002. La Decouverte. – Paris, с. 4–6.

[27] Тема ПИИ регулярно обсуждается на государственном уровне в ходе встреч алжирских министров и президента с зарубежными и, прежде всего, западными коллегами. Регулярно проводятся деловые форумы, бизнес советы и встречи с иностранными предпринимателями. Например, в феврале 2002 г. А.Бутефлика выступил перед Движением французских предприятий («МЕДЕФ»), призвав французское деловое сообщество активнее инвестировать в алжирскую экономику.

[28] El Watan, 18–19.07.2003.

[29] Ibid.

[30] Ibid.

[31] OFCE. L'economie franfaise 2002. La Decouverte. – Paris. С. 44.

[32] El Moudjahid, 04.03.2003.

[33] При некоторых обстоятельствах те же самые факторы могут оказывать стимулирующее влияние на развитие франко-алжирских отношений. Так, более активная американская политика в отношении Алжира с конца 90-х годов подталкивает Францию, обеспокоенную возможной потерей позиций, прикладывать дополнительные усилия для развития сотрудничества с Алжиром.

Е.В.Загорнова

ДРУЗЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Актуальность анализа взаимоотношений друзов с представителями других конфессий обусловлена высокой степенью вовлеченности друзской общины в сложную систему общественно-политических отношений на Ближнем Востоке. Возрастающий интерес к друзам обусловлен появлением на международной арене новых политических фигур, принадлежность которых к друзизму так или иначе отражается на их деятельности. Для выяснения политических ориентиров друзов в регионе необходим сравнительный анализ деятельности общины касающейся ее религиозных, исторических и социальных аспектов.

Несмотря на то, что основным местом сосредоточения друзов продолжают оставаться Сирия (250 тыс. человек) и Ливан (170 тыс. человек)[1] численность друзов проживающих за пределами этих стран постоянно растет. По данным за сентябрь 2003 г., в Израиле (с учетом Голанских высот) проживает около 108 тыс. представителей друзской общины[2], несколько тысяч друзов проживают в США, Канаде и Иордании[3]. Небольшие общины есть в Чили, Колумбии, Бразилии, Аргентине, Мексике и на Филиппинах.

Несмотря на то, что религия продолжает доминировать в жизни друзов, их социальное развитие с каждым годом становится все более значимым, что не остается незамеченным наблюдателями. При анализе взаимоотношений друзской общины с представителями других конфессий обычно отмечают тактику постоянного лавирования друзов между религией и политикой. Религиозные и социальные принципы друзов разделены тонкой гранью, и иногда складывается мнение, что они переступают ее по своему усмотрению.

Долгое время отношение к друзам отличалось субъективизмом, их действия трактовались с позиции собственных стереотипов и интересов исследователя. Друзы, в свою очередь, не исправляли ошибочного мнения об общине, опираясь на установленные религиозные догмы. Политические конфликты на Ближнем Востоке и, как следствие, резкое увеличение потока друзских эмигрантов, вынудило современный мир к пересмотру отношения к друзам в целом. Возникла необходимость всестороннего изучения друзской общины, ее внутренней стратификации и внешних взаимоотношений с окружающим миром.

О возникновении общины существует несколько версий. Друзов называли арабами, пришедшими в Сирию в те времена, когда на последователей друзизма в Египте начались гонения[4]. На Западе их долгое время считали потомками крестоносцев. Бытовало мнение, что название общины происходит от имени некого графа Дреус. Появление данного утверждения относится ко времени пребывания в Италии друзского эмира Фахра ад-Дина II Ма'ана (1590–1635 гг.)[5]. Сам Фахр ад-Дин II, рассчитывая на помощь европейских дворов в восстании против Османской империи, говорил о себе как о потомке Готфрида Бульонского[6].

Эпонимом названия общины исследователи считают имя исма'илита Мухаммада б. Исма'ила ад-Дарази – первого человека, публично заявившего о божественном воплощении в халифе аль-Хакиме. Сами друзы причисляют Мухаммада б. Исма'ила ад-Дарази, или Наштакина, к вероотступникам и предпочитают называть себя *аль-муваххидун* (приверженцы *таухида* – догмата единобожия). Слово «друз» ими интерпретируется как форма арабского *дурус* (урок, в данном случае урок веры).

Появление друзской общины относится к рубежу X-XI вв., когда на территории горных районов Сирии и Ливана распространилось вероучение разработанное Хамзой б. 'Али о воплощении Бога в египетском халифе из династии Фатимидов – аль-Хакиме би-Амр Аллахе (996–1021 гг.). Друзское общество (вне зависимости от страны проживания) разделено по нескольким признакам. Основу современной друзской общины составляет иерархия, разработанная основателями вероучения. Согласно этой иерархии друзы разделены на «совершенных» (аджавитов), «разумных» ('*укаля*') и «неведающих» (*джуххаль*).

Современные аджавиты, возглавляющие религиозную стратификацию друзов, практически не отличаются от своих предшественников. Они носят предписанную для них одежду, выполняют установленные правила общения с прихожанами, соблюдают скромность в еде, не курят, не употребляют алкоголь и свинину. Аджавиты попрежнему охраняют друзское эзотерическое учение и остаются в друзской среде духовными наставниками и хранителями рукописей религиозно-философского содержания.

В социальном аспекте они часто выступают третейскими судьями при решении спорных вопросов, нередко возникающих между друзами. С просьбой к аджавиту может обратиться любой член общины, независимо от своей принадлежности к религиозной группе или социального положения. Для оформления брака и развода или составления завещаний многие друзы предпочитают обращаться не к профессиональным нотариусам, а к аджавитам. Гарантом подлинности документа является поставленная на нем подпись аджавита. Традиция оформления документов при содействии аджавитов сохранилась с тех времен, когда среди членов общины грамотными были только

друзы, принадлежавшие к высшему религиозному сословию. Как в прошлом, так и в настоящем филологические знания необходимы аджавитам для чтения религиозных рукописей, поэтому безграмотный человек никогда не удостаивается этого звания. Традиция получения звания аджавита остается неизменной уже несколько веков. Высшее друзское духовенство никогда никем не назначается. Аджавитов выбирают члены общины из числа своих сограждан. Претендент должен пользоваться всеобщим уважением и на протяжении всей своей жизни неукоснительно соблюдать нормы и правила, предписанные идеологами вероучения. Преемственность звания приветствуется, но обязательным условием не является.

Численность аджавитов постепенно возрастает. Этому процессу способствует несколько факторов, основным из которых является демографический рост друзского населения в целом. В Ливане в 1862 г. численность друзов составляла 24 460 человек, в 1913 г. – 47 290, в 1932 г. -53 334, в 1963 г. – 82 268, 1980 г. – 150 тыс., в настоящее время, по приблизительным оценкам, их численность возросла на 10%[7]. Духовенство друзской общины предпочитает не комментировать факт увеличения численности друзов по причине явного противоречия между действительностью и основами вероучения. Согласно друзской теории человеческие души с момента их создания пребывают в постоянном круговороте, причем созданы они были единожды и в определенном количестве. Количество мужских душ строго пропорционально женским душам. Если принять во внимание утверждение, согласно которому на других планетах существует некий «резерв» душ, находящийся там для «исправления»[8], то закономерным становится вывод о том, что в последний период души стали «исправляться» гораздо быстрее, чем раньше.

Следующим фактором, влияющим на численность аджавитов, является современное территориальное расселение друзов. В прошлом местами компактного проживания общины являлись исключительно Сирия и Ливан, в настоящее время они расселены практически по всему миру. То, что у друзов, выезжающих за рубежи совей исторической родины и объединяющихся за ее пределами в новые семьи, со временем появилась необходимость выбирать шейха из своей среды, не могло не отразиться на численности аджавитов. Аджавиты нового времени в обыденной жизни могут быть представителями различных профессий – от простых рабочих на предприятии, крестьян или торговцев на рынках до ведущих специалистов в науке и культуре. Личное отношение аджавита к иноверцам всегда влияет на взаимоотношения окружающих его членов общины с представителями других конфессий, так как мнение аджавита, как духовного наставника, считается друзами наиболее авторитетным.

Следующую ступень в религиозной иерархии друзской общины занимают '*укаля*' («разумные»). Основными критериями, согласно которым

любой рядовой друз может заслужить право стать '*укаля*', является достижение сорокалетнего возраста, получение соответствующего образования и соблюдение праведного образа жизни. Если друзские шейхи посчитают все вышеупомянутые условия выполненными, они принимают от рядового друза присягу и причисляют его к '*укаля*'. На данную ступень иерархии друзской общины могут подняться и женщины. Они также получают специальное образование и приносят клятву аджавитам. Женщин, удостоенных права быть причисленным к данной страте, называют '*аккилят.*

'*Укаля*' не являются простым промежуточным слоем, отделяющим аджавитов от рядовых членов общины. Составляющие не более 20% всей общины, '*укаля*' имеют большое влияние на остальных друзов, которые всегда подчиняются их авторитету. Современные '*укаля*' как и аджавиты, в социальной жизни друзского общества могут занимать различные должности и быть представителями всевозможных профессий. Но в религиозном аспекте они являются эталонами поведения и примерами для подражания.

Большинство друзов составляют обычные верующие, которых духовенство частично посвящает в религиозную доктрину. Их называют *джуххаль* («незнающие», или «неведающие»). Рядовые друзы не знают основ учения и священных текстов, им доступны лишь специальные толкования.

Представители других вероисповеданий в иерархической лестнице, разработанной друзскими идеологами, поставлены на ступень ниже рядовых друзов. В друзской общине категорически запрещены браки с иноверцами. Вступившие в брак с представителями иных вероисповеданий считаются вероотступниками. В прошлом у друзов наказанием за вероотступничество был смертный приговор, что в принципе не являлось спецификой друзизма. Теперь «оступившихся» не принимают в общине, считая, что в будущей жизни душа провинившегося будет страдать в новом теле, которое, так или иначе, все равно будет находиться в друзской общине. Однако среди современных друзов количество подобных браков стало учащаться. Как правило, на регистрацию с иноверцами идут друзы, выезжающие за рубеж и не желающие возвращаться обратно. Среди современных выходцев друзской общины отмечены случаи оформления временного брака с целью получения иностранного гражданства, главным образом в странах Запада. Такие браки также запрещены в общине, но молодежь зачастую предпочитает поступиться религиозными принципами, которые в современном мире постепенно отходят на второй план.

Согласно друзскому вероучению, после очередного богопоявления друзы станут хозяевами мира, а мусульмане, христиане и иудеи перейдут в ранг слуг и рабов. В друзском вероучении существует ряд догматов, вызывающих к друзам негативное отношение со стороны иноверцев. Друзские идеологи утверждают, что миссия Иисуса Хри-

ста на Земле заключалась не в пророчестве, а в пожертвовании собой ради спасения истинного пророка – Хамзы б. 'Али, который скрывался среди последователей Иисуса под именем Элеазар и подсказывал христианскому пророку все то, что было необходимо говорить на проповедях. Чудеса, которые совершал Иисус Христос, на самом деле являлись творениями Хамзы б. 'Али.

Разумеется, христиане не приемлют такие взгляды и не рассматривают друзское вероучение как одно из течений в исламе. «Их (друзов), собственно говоря, нельзя причислить к магометанам, потому что как их система веры, так и религиозный закон, которому они следуют, имеет скорее антиисламский характер, насколько можно судить по их священным книгам»[9]. Для мусульман друзское утверждение об истинном пророке – Хамзе б. 'Али является противоречием Корану[10]. Говоря о друзской общине, сунниты (*ахль ат-танзиль* – люди откровения), применяют термин *фирка* (группа, отделившаяся от ислама). Корни негативного восприятия суннитами друзов уходят в эпоху классического ислама, когда между суннитами и ши'итами существовали противоречия, порой доходившие до открытых столкновений и погромов. Ши'иты также не приемлют берущий свое начало в исма'илизме друзский догмат о первопричине мироздания – Боге и о пяти его эманациях. Сами исма'илиты отвергают утверждение о божественном воплощении в фатимидского халифа аль-Хакима[11].

Вряд ли правомерно рассматривать друзов как некое единое племя, жизнь которого регламентируется только религиозными принципами. Друзская община сложилась из нескольких родов, происходящих от населявших Аравийский полуостров племен кейсиев и иеменитов. За свою многовековую историю друзские рода неоднократно выступали политическими оппозиционерами по отношению друг к другу, что часто приводило к вооруженным столкновениям между ними. Данный факт является одним из доказательств того, что религиозные принципы не всегда были для друзов основополагающими. Родовая знать нередко ставила свои эгоистические интересы выше, обязательств перед другими членами общины, игнорируя тем самым второй из семи разработанных Хамзой б. 'Али принципов, согласно которому друзы должны оберегать своих собратьев и помогать друг другу.

Друзы всегда используют «обязательство друг перед другом» при появлении внешней опасности. Ливанские эмиры не имели права запрещать главам друзских родов объединять своих соплеменников в случаях посягательств на честь каждого из друзов в отдельности и общины в целом. Оскорбляющим честь друзов считался запрет на ношение оружия. Еще до принятия друзизма горцы Сирии и Ливана отличались от остального населения этих стран уважением к воинским доблестям, которые ставились выше других заслуг перед обществом. Распространяемое друзскими идеологами вероучение гарантировало горцам право на использование оружия с целью защиты

вероисповедания[12]. На протяжении всей своей многовековой истории община неоднократно доказывала верность этой традиции. В друзских поселениях военное дело считалось доминирующим над другими видами деятельности. Старшее поколение друзов уделяло много времени обучению молодежи военной стратегии и владению различными видами холодного и огнестрельного оружия. Основная задача друзских воинов заключалась в обороне своих земель или охране соседей, которые нередко обращались к представителям общины за помощью. Например, друзы из рода Таннухидов охраняли от чужеземцев Бейрут и часть внутренних районов Сирии. Их гарнизон, состоящий из 30 всадников, постоянно находился в столице Ливана. Таннухидами была разработана система передачи друг другу сигналов оповещения о приближающейся опасности. Разжигая поочередно костры на вершинах гор Аль-Мтейир, Барук и Сальхийя, друзы сообщали о наступлении врагов.

В современной друзской общине военнослужащие продолжают пользоваться почетом и уважением, как и в прошлые времена. Карьерный рост военнослужащего не остается незамеченным для соплеменников. Друзов призывают в сирийскую армию, этнический состав которой отличается многообразием, так как в ней обязан отслужить каждый гражданин страны, в том числе и те, кому была предоставлена отсрочка, связанная с обучением. Призывной возраст исчисляется от 17 до 50 лет. Политические события, происходившие в Сирии в XX в., и высокая степень вовлеченности в них военнослужащих не могли не отразиться на внутриармейских взаимоотношениях представителей различных общин. Особенно это заметно при анализе религиозной принадлежности командного состава армии, который меняется согласно отношению правящих кругов страны к той или иной конфессии. В Сирии друзские командиры зачастую оспаривают свое назначение с суннитами, численность которых в стране остается высокой. Рост политического влияния представителей общины алавитов, также повлиял на увеличение их числа среди командного состава, что является препятствием получения высоких званий друзами. Таким образом, между друзами и алавитами постепенно сложились конкурентные отношения, которые проявляются в политическом и социальном аспектах, но не затрагивают конфессиональные различия общин.

В Ливане долгое время существовала традиция назначения на должность начальника генерального штаба выходца из друзской общины. Современному высшему командному составу рекомендовано соблюдать веротерпимость в отношении подчиненных. В ливанской армии существуют подразделения, состоящие из представителей одного вероисповедания, подразделения смешанного типа и подразделения которые возглавляет иноверец по отношению к своим подчиненным. Случаи возникновения конфликтных ситуаций на религиозной или этнической почве, безусловно, бывают, но не выносятся коман-

дованием за пределы своего подразделения. С целью предотвращения подобных ситуаций в армии Ливана тщательно продуман, в частности, вопрос продовольственного обеспечения. Военнослужащим различных вероисповеданий предоставляется возможность выбора питания. Друзские командиры, которым разрешено употребление свинины, лояльно относятся к мусульманам, в рационе которых она запрещена.

Постоянно увеличивается друзский контингент и в израильской армии. Из друзов создаются отдельные подразделения, назначение которых различно. Примечательным является то, что призванные в израильскую армию друзы участвуют в военных операциях Израиля против арабского мира, выходцами, из которого они бесспорно являются. В 1948 г. отряд друзских добровольцев из Сирии, состоящий из 800 человек, принял участие в сражении против израильтян в районе Рамат-Йоханан. После сражения часть друзов была приглашена на переговоры с М.Даяном, который убедил их остаться в Израиле. Среди друзов, сначала воевавших против Израиля, а позже не пожелавших вернуться на родину, находился Афаш Ваххаба – отец Маджали Ваххабы. Появление на политической арене Маджали Ваххабы в качестве личного советника тогда еще кандидата на пост премьер-министра полковника израильской армии Ариэля Шарона и его деятельность как посредника в урегулировании конфликтов между арабами и израильтянами, вызвали бурный интерес мировой общественности. Свою принадлежность к друзской общине Маджали Ваххаба никогда не скрывал. Напротив, он подчеркивал что, будучи друзами, члены его семьи сделали военную карьеру именно в Израиле[13].

Взаимоотношения друзской общины с иноверцами необходимо рассматривать в двух плоскостях, четко отделяя религиозные противоречия от социальных. Социальный симбиоз друзов и представителей других конфессий сложился еще в средние века. Друзы долгое время считали недостойными профессии, связанные с ремеслом и с умением читать и писать. В свою очередь, мароните, обучаемые за счет иезуитских орденов, были людьми высокообразованными. Поэтому, друзские эмиры предпочитали приглашать их к себе на службу в качестве секретарей или писарей. Друзы, в большинстве своем не умевшие хорошо и быстро считать, не говоря уже о сложном расчете прибыли и убытков, долгое время считали ниже своего достоинства занятие торговлей. Во времена правления в Ливане эмира Фахр ад-Дина торговля начала развиваться быстрыми темпами. Накопление богатств торговым сословием, в которое входили представители других конфессий, не оставалось незамеченным для друзов. Поэтому часть друзов постепенно отошла от старых стереотипов.

Уровень образованности друзов долгое время зависел от их отношений с иноверцами. Постоянное развитие общества в целом побудило друзскую общину к получению знаний. Но среди друзов не

нашлось необходимого количества людей, способных преподавать различные дисциплины. В открытых друзами учебных заведениях к преподаванию были привлечены представители различных конфессий. В училище для друзских детей, находящемся в селении Абей, занятия проводили мусульмане – сунниты и мароните. Так как всех желающих друзов училище принять не могло, представители общины стали отдавать своих детей в протестантские школы, находящиеся в большом количестве в Шуфе. Позже среди знатных друзов появилась модная тенденция отправлять детей на обучение в протестантское училище в Бейруте. В целом вражда на религиозной почве была невыгодна ни друзам, нуждающимся в квалифицированном преподавании, ни иноверцам, получавшим гонорары от общины. В настоящее время друзы, напротив, стали выделяться на общем конфессиональном фоне высоким уровнем образованности.

Однако французские исследователи утверждают, что друзско-маронитские столкновения, которые охватили Сирию и Ливан в XIX в., возникли на почве этнического и религиозного антагонизма[14]. Для Франции такое объяснение служит оправданием введения своих войск в 1869 г. на территорию этих стран. Но российские исследователи, настаивают на том, что эти конфликты носили исключительно социальный характер. По их мнению, религиозные противоречия лишь послужили поводом для выражения друзами недовольства правлением эмира из рода Шихабов – Башира II (1788–1840 гг.)[15].

События, происходившие в Ливане в середине XX в., подтвердили социальный характер конфликтов между друзами и представителями других конфессий. В марте 1957 г. президент страны – маронит Камиль Шамун принял решение о присоединение Ливана к «доктрине Эйзенхауэра», согласно которой, США предполагали оказывать экономическую и военную помощь странам Ближнего и Среднего Востока с целью «сохранения их независимости и свободы» от Советского Союза. Такой шаг вызвал в стране недовольство, результатом которого стало создание оппозиционного блока, получившего название «Объединенного Национального Фронта». В него вошли: друз Камаль Джумблат, ши'ит 'Али Базри, христиане Генри Фараон, Шарль Хелу, Хамид Франжье и др. Основные требования оппозиционеров сводились к отставке президента и смене внешнеполитического курса. К.Шамун, избранный на свой пост в 1952 г., ориентировался на США и Великобританию, что обостряло отношения Ливана с Египтом и Сирией. В мае 1958 г. в Ливане началась гражданская война, результатом которой стало смещение К.Шамуна и выборы на пост главы государства христианина Ф.Шихаба. В отличие от своего предшественника, в аппарате которого преобладали мароните, новый президент проводил независимый курс и уделял большое внимание отсталым районам страны, население которых состояло из ши'итов, суннитов и друзов[16]. В 1964 г. президентское кресло занял Ш.Хелу – сторонник

Ф.Шихаба. Политика, проводимая новым президентом в отношении представителей различных конфессий, практически не отличалась от политики его предшественника.

Особое место на политической сцене в вышеуказанный период занимала Прогрессивно-социалистическая партия, основанная в 1949 г. выходцем из рода Джумблатов Камалем Джумблатом. За свою многовековую историю Джумблаты неоднократно выступали в оппозиции по отношению к другим друзским родам. Со временем клан занял главенствующие позиции в общине, что вызывало недовольство представителей рода Имадов (Язбеков). Вражда двух семей заметно ослабила политические позиции друзов и негативно отразилась на друзской общине в целом. Роду Джумблатов не только удалось выстоять в этой борьбе, но и усилить свое влияние в общине, что обеспечило ему процветание в будущем*. Глава рода К.Джумблат вместе со своими сторонниками из ПСП выступал за суверенитет и независимость страны, ее реформаторский путь развития, а также за нейтралитет Ливана на международной арене. Однако реформаторские позиции не помешали членам ПСП принять активное участие в вооруженной борьбе против президента К.Шамуна.

Неоспоримой заслугой К.Джумблата перед ливанским обществом было его выступление против конфессионализма. Членство в его партии могли занять представители различных общин, места между которыми распределялись согласно их компетенции. На флаге ПСП изображены кирка (символ рабочих), серп (символ крестьян) и перо (символ интеллигенции). Такое изображение призвано подчеркнуть равенство и объединение всех слоев населения Ливана. После гибели в 1977 г. в результате террористического акта К.Джумблата его сын Валид Джумблат стал лидером друзской общины и занял место командующего милиции ПСП. В целом В.Джумблату удалось продолжить дело, начатое отцом и сохранить власть над всеми друзами.

---

* Внутри современной друзской общины, проживающей в Ливане, сохранилось межродовое противоборство, начало которого было залажено еще задолго до принятия горцами друзизма. На политической арене страны, право на господствующие позиции в управлении государством, постоянно оспаривают представители рода Джумблатов и рода Арсланов. Друзский род Арсланов, властителей района Гарб, принадлежит к племени иемениев, которое, восстав против владычества рода Шихабов в 1711 г. потерпело поражение и было вынужденно переселиться в Хауран. Восстановить свои политические позиции Арсланы смогли только в 1841 г., когда род Шихабов окончательно был разбит. В настоящее время Арсланы, набравшие за последний период достаточно серьезные политические дивиденды, выступают по отношению к Джумблатам как политическими оппозиционерами, так и конкурентами за родовую власть над всей друзской общиной Ливана.

Во второй половине XX в. конфессиональные отношения в Ливане обострились с новой силой. Толчком для этого послужили события, связанные с началом проведения в 1968 г. широкомасштабных военных операций Израилем против соседних арабских государств. Преследуя палестинцев на ливанской территории, израильтяне добились того, что в стране произошел политический раскол на два лагеря. В поддержку Палестинского движения сопротивления (ПДС) выступили ПСП, Ливанская коммунистическая партия (ЛКП) и Движение арабских националистов (ДАН). В оппозиции мусульманам выступил Тройственный блок «Хильф», состоящий из правых христианских партий. В 1975 г. начались вооруженные столкновения между сочувствующими палестинцам мусульманами и выступающими за укрепление отношений с западными странами христианами. Так, конфессиональный признак вновь стал основополагающим во взаимоотношениях граждан Ливана.

В 40-х и 50-х годах XX в. сирийские друзы принимали участие в ряде военных переворотов, произошедших в стране в этот период. Военные обвинили гражданское правительство в некомпетентности и в неспособности вывести Сирию из кризиса, который охватил ее после поражения в Палестинской войне. В марте 1949 г. произошел первый переворот под предводительством полковника сирийской армии Х.аз-Заима, который занял пост главы государства с 25 июня. Власть нового президента продержалась только полтора месяца. Опираясь на представителей Народной партии (НП), полковник С.Хинауи 14 августа отстранил от занимаемой должности Х.аз-Зама и занял его место. Его руководство страной закончилось 19 декабря, когда в стране произошел новый переворот, возглавляемый полковником А.Шишекли. Сам А.Шишекли стал президентом Сирии в 1953 г., издав при этом декрет о слиянии президентской должности с должностью премьер-министра. К этому времени обстановка в стране была накалена до предела. Военная диктатура, установленная задолго до официального вступления на президентский пост Шишекли, доказала свою неспособность к управлению государством, выражением чего стали антиправительственные выступления, прокатившиеся по стране в конце 1953 г. Президент Шишекли был вынужден покинуть страну. В вышеуказанный период друзы, входящие в состав сирийской армии, были вовлечены во внутрисирийский конфликт наряду с представителями других конфессий. Последующие события в стране были связаны с политикой, проводимой США в отношении всего арабского мира, и действиями Израиля в отношении к палестинцам и их союзникам.

1 февраля 1958 г. в Каире, президентом Сирии Ш.аль-Куатли и президентом Египта Г.А.Насером была подписана декларация о создании Объединенной Арабской Республики (ОАР). Надежды на объединение двух стран не оправдались. Новый конфликт с Израилем произошел в июне 1967 г. В результате «шестидневной войны» израильские войска оккупировали часть Египта, Сирии и Иордании. Поло-

жение внутри Сирии вновь обострилось. Военное руководство постепенно ослабляло власть гражданских лиц в стране, и уже в ноябре 1970 г. произошел очередной военный переворот и отставка правительства Нур аль-Атаси.

В результате референдума, 12 марта 1971 г. президентом страны был избран Х.Асад. Период его правления охарактеризовался рядом политических и экономических преобразований в стране. Конфессиональная принадлежность президента страны (Х.Асад был алавитом), бесспорно, отражалась на проводимой им внешней и внутренней политике. Как уже отмечалось, алавиты стали преобладать на руководящих должностях в управлении государством. Алавитам отдавалось предпочтение в экономическом секторе и в распределении должностей высшего командного состава армии. Преемник Х.Асада – его сын Б.Асад, занявший пост президента в 2000 г., не изменил политике отца, проводимой в отношении алавитов. Друзов вполне устраивает такая постановка вопроса, так как по конфессиональному признаку они и алавиты более близки друг к другу, чем к другим конфессиям Сирии, что отражают политические и военные назначения в стране.

В современной друзской общине религиозные догмы постепенно продолжают отходить на второй план. Включаясь в борьбу за высокие должности в управлении государством, друзские политики широко используют принятую во всем мире модель предвыборной гонки, когда кандидат в депутаты обещает избирателям неуклонно отстаивать их интересы после победы на выборах, утверждая, что его противник, получив назначение, откажется от своих обещаний. Такое поведение друзских кандидатов идет вразрез с религиозными принципами общины, согласно которым вражда (в том числе и политическая) внутри друзского общества недопустима. В Ливане парламентские места распределялись по принципу общинного представительства, согласно которому каждая община была представлена в соответствии со своей численностью и политическим влиянием. В ст. 95 Конституции 1926 г. говорилось: «Во имя справедливости и согласия, в виде временной меры, религиозные общины будут представлены справедливым образом на государственной службе, в парламенте и в составе кабинета министров»[17]. Национальный пакт, принятый в 1943 г., одобрил эту статью Конституции и закрепил данное положение в последующем распределении должностей в государственном аппарате. Разработанное «во имя справедливости» положение, напротив, поддерживало религиозные противоречия между представителями различных конфессий, так как избиратели могли голосовать только за кандидатов от тех общин, на которых распространялось право выдвижения своих членов от данного округа. Друзские кандидаты, ввиду ограниченного количества министерских портфелей (в парламенте для друзов отводилось 8 из 64 мусульманских мест), вынуждены были поступаться принципами, установленными для общины.

Ситуация изменилась в 1990 г., когда правительством была принята редакция конституционного закона от 21 сентября. Согласно статье 25, Палате депутатов, избранной на основе представительства мусульман и христиан, вменялось в обязанность принять необходимые решения для обеспечения отмены принципа конфессионализма в политической сфере. Примечательным является пункт «В» данной статьи, в котором оговаривается, что на смену конфессиональному представительству приходят компетенция и знания в государственной службе, в управлении, военных ведомствах, службе безопасности, экономических учреждениях. Но должности первой категории и аналогичного статуса будут распределяться поровну между христианами и мусульманами. Указанные конфессии не имеют права бронировать места на вышеуказанных должностях, назначение на которые будет также определяться профессионализмом и компетенцией[18]. На современном этапе понятие «претендент от общины» потеряло свое значение, что не только позволяет выйти на ведущие позиции высоким специалистам и профессионалам, но и упреждает внутриконфессиональную борьбу. Статья 25-я призвана обеспечить мирное сосуществование представителей различных конфессий, так как теперь религиозная принадлежность не является основополагающей для занятия той или иной должности.

Не последнюю роль друзская община играет и в политической жизни Сирии. Друзы входят в состав Национального совета страны, в который его члены, согласно ст. 50 Конституции Сирии, «избираются путем всеобщих, прямых и равных выборов»[19]. В отличие от ливанской Конституции, сирийская Конституция, принятая 13 марта 1973 г., на первый взгляд, не содержит положений, касающихся каких-либо конфессиональных вопросов, что подразумевает возможность для каждого гражданина страны быть избранным на должности первой категории. Однако, ст. 3 гласит, что «Президент Республики должен быть мусульманином»[20]. Тем самым представители немусульманских конфессий, проживающие в Сирии и являющиеся ее гражданами, автоматически лишаются права быть избранными на пост главы государства. При этом, «государство гарантирует свободу вероисповедания и уважает все религии» (ст. 35)[21]. В случае нарушения данного права, граждане страны могут обратиться в суд высшей инстанции.

Суд, рассматривающий дела, касающиеся друзской общины, находится в Ас-Сувейде. Выборы на должность судьи проходят раз в год внутри общины, среди наиболее уважаемых граждан. Непременными атрибутами здания суда являются друзские флаги, размещенные перед входом в само здание и в кабинетах чиновников. Параллельно расположенные полосы флага символизируют «пять эманаций Бога», которые в цветах обозначают следующее: зеленый – *аль-'акль* (божественный Разум – Хамза б. 'Али), красный – *ан-нафс аль-куллийа* (Вселенская душа – Исма'ил б. Мухаммад ат-Тамими), желтый – *аль-*

калима (Слово – Мухаммад б. Вахаб аль-Кураши), синий – *ан-нур аль-басит* (Всепроникающий свет – Сапям б. 'Абд аль-Ваххаб) и белый – *аль-хикма ал-лятыфа* (Вразумляющая мудрость – аль-Муктана). Символика друзского флага призвана подчеркнуть то, что религиозные догмы являются основополагающими для друзов.

Вторая половина XX в. охарактеризовалась для друзов не только активным участием во внутриполитической жизни стран их проживания. Вовлеченная в конфликт 1976 г. между Сирией и Ливаном, община столкнулась с тем, что ее выходцы оказались, разделены на два противоборствующих лагеря. Теоретически друзы, призванные в армии своих государств, были вынуждены противостоять друг другу, так как официальное заявление Сирии о том, что свои войска она вводит в Ливан с целью оказания помощи ливанской армии и правохристианским формированиям в борьбе с палестинскими отрядами и присоединившимися к ним мусульманами, расценивалась Ливаном как иностранное вмешательство во внутренние дела государства. После окончания войны в 1989 г. сирийские войска покинули Бейрут и передислоцировались в долину Бека'а – одно из основных мест проживания друзской общины. Несмотря на возрастающее недовольство ливанцев, сирийские войска не спешили покидать Ливан. Объединившись с маронитами, друзы стали настаивать на выводе армии Сирии из Ливана. Определенное соглашение было достигнуто в 2001 г., когда Б.Асад был вынужден заверить Ливан в том, что сирийский контингент будет передислоцирован. В тот период фигура В.Джумблата привлекала к себе повышенное внимание как со стороны политиков, так и со стороны рядовых друзов. Многие члены общины считают своим долгом вступать в ряды друзской милиции, сформированной еще при К.Джумблате. Число сторонников В.Джумблата продолжает увеличиваться и его авторитет среди друзов остается неизменно высоким.

В настоящее время сложная обстановка в ближневосточном регионе по-прежнему отражается на друзской общине, которая постепенно отходит от религиозных догм, призванных регламентировать ее повседневную жизнь. Социальные процессы и военные конфликты неизменно влияют на взаимоотношения друзов не только между собой, но и с представителями других конфессий.

[1] Тороваль И. Энциклопедический словарь Мусульманская цивилизация. [Пер. с франц.]. – М., 2001, с. 68; Щенников В. Кто вы друзы? // Азия и Африка сегодня. 1995, № 8, С. 44.

[2] http://slomo-groman.narod.ru/demography/demoisrael.31.12.01.html

[3] Раса'иль аль-хикма I-XIV («Послания мудрости» I-XIV): Из друзских рукописей СПбФ ИВ РАН (А 173). Факсимиле рукописи; предисловие, исследование (гл. II, III), избранные переводы с арабского, глоссарий Родионова М. А.; гл. I исследования Полосина Вал. В. – СПб., 1995, с. 8.

[4] Петкович К.Д. Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях. – СПб., 1885, с. 125.

[5] Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. – М., 1962, с. 30.

[6] Adel I. Histoire du liban du XVII-e siecle a nos jours. T. I. P., 1955, с. 46.

[7] БСЭ. – М., 1972. С. 514; Петкович К.Д. Указ, соч., с. 130. Родионов М.А. Мароните. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. – М., 1982, с. 55. Руппи А. Современная Сирия и Палестина. [Пер. с нем.]. – Пг., 1919, с. 12; Современный Ливан. Справочник. – М., 1963, с. 18.

[8] Раса'иль аль-хикма, с. 38.

[9] Иллюстрированная история религий в двух томах Спасо-Преображенского Валаамский монастырь Ставропегиального монастыря. Т. I. – М., 1997, с. 401.

[10] Коран. Пер и коммент. Крачковского И.Ю. – М., 1963.

[11] Фархад Дафтари. Краткая история исма'илизма. [Пер. с анг.]. – М. 2003, с. 111.

[12] Родионов М.А. Указ, соч., с. 40.

[13] Фальков М. Тайный вояж друзского курьера. News on line, Israel. 19. 01. 2001.

[14] Adel I. Histoire du liban du XVII-e siecle a nos jours. T. I. P., 1955. С. 105.

[15] Смилянская И.М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. – М., 1965, с. 84.

[16] Камаль С. Салиби. Очерки по истории Ливана. [Пер. с анг.]. Лейферовой С.М. – М., 1969, с. 290.

[17] Современный Ливан. Указ, соч., с. 138.

[18] Сапронова М. А. Государственный строй и конституции арабских республик. – М., 2003, с. 281.

[19] Сапронова М. А. Указ, соч., с. 295.

[20] Сапронова М. А. Указ, соч., с. 287.

[21] Сапронова М. А. Указ, соч., с. 292.

М.З.Ражбадинов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМИЗМ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ЕГИПТЕ

Следует отметить, что многие межконфессиональные столкновения в Египте, начавшиеся с начала 80-х годов, являются в своей основе межклановыми соседскими конфликтами между мусульманами и коптами, решение которых, в соответствии с традициями Верхнего Египта, часто происходит с помощью оружия. Например, в мае 1992 г. в Маншийят ан-Наср давний спор об участке земли привел к столкновениям между коптскими и мусульманскими семьями, и вмешательство в него сторонних сил (которые не имели отношения к исламистам вообще) привело к тому, что в результате нападения на коптов погибло 14 человек. В то же время очевидно, что нередко исламистские группировки используют такие инциденты в интересах политической мобилизации своих сторонников, тем самым провоцируя разрастание конфликта.

Между тем, радикально ориентированные исламистские группы регулярно применяют насилие к тем людям, и особенно торговцам независимо от их конфессиональной принадлежности, которые повинны в нарушении норм шариата. В рамках борьбы за введение шариата исламские активисты иногда требовали от христиан платить джизью, что также становилось причиной конфликтов[1].

В идеологии исламского радикализма присутствуют антихристианские мотивы насилия, что увеличивает вероятность перерастания соседских конфликтов в конфессиональные. То, что такая радикальная группировка как «Аль-Гамаа аль-исламийя» активно способствовала разжиганию конфессионального конфликта, явно симпатизирующий исламистам арабский автор М.Махфуз называет «самой тяжелой ошибкой исламского движения»[2]. Заявляя о «справедливом» отношении шариата к христианам, идеологи «Аль-Джихада» склоны рассматривать коптов в качестве потенциальных врагов. Один из лидеров организации Т.аз-Зумр упоминая врагов ислама, причисляет к ним и христиан, «которые говорят: «мы тоже участвуем в войне, объявленной исламу», и вот они действительно обрызгивают каким-то веществом одежду мусульманок, так что на ней проступают очертания креста»[3]. Тут Т.аз-Зумр, скорее всего, имел в виду слухи родобного содержания, распространявшиеся в провинциях Верхнего Египта в начале 1987 г.

Со своей стороны, другой член руководство организации А.аз-Зумр уточняет, что в антиисламской деятельности замешаны не все копты, а

лишь «некоторые из христиан, стремящихся к реализации крестоносных планов, разрабатываемых некоторыми церковными лидерами»[4].

Вместе с тем, неопределенность этого критерия позволяет оставлять вопрос антихристианских лозунгов открытым. Надо отметить, что коптское меньшинство в Египте воспринимается большей частью радиальных исламистов как «чужая нация», связанная с Западом религиозными и политическими узами. Такие подозрения усиливаются рядом факторов. Это и привилегии, которые предоставляют коптам иностранные компании (в частности, при наборе персонала) и большая помощь с Запада по линии учебных и благотворительных организаций, оказываемая коптской общине. Это и заявления некоторых коптских деятелей, особенно представителей коптской эмиграции в США, о создании коптского правительства в изгнании, коптского государства в Верхнем Египте, особое внимание западной прессы к коптам Египта, широкая активность протестантских и католических миссий в Аль-Минье и Асьюте.

В самом Египте синдром меньшинства способствует отходу коптов от активного участия в политике, особенно на стороне оппозиции. Это было принципиальной позицией религиозного лидера коптов Папы Шенуды, которая предстает все более неадекватной по мере того, как египетский режим стремительно теряет кредит доверия в обществе. На фоне репрессий против исламистов христиане невольно выглядят как сторонники режима и, следовательно, вынуждены разделять с ним ответственность за его действия. По словам исламских активистов в одном из каирских районов, «христиане нас провоцируют, поскольку они знают, что в случае столкновений репрессии затронут только нас»[5]. Характерны события в Кальюбийе (к северу от Каира) в 1993 г., когда волнения начались с протеста против несправедливого решения властей, а затем недовольство перекинулось на христиан как «инициаторов» этого решения. На основании жалобы одного коптского ученика, четверо других школьников и преподаватель средней школы были наказаны за распространение кассет, которые, якобы, провоцировали разжигание религиозной вражды. После многотысячной демонстрации, в ходе которой министерство образования было названо «безбожным», решение было отменено. Но через несколько дней при невыясненных обстоятельствах возник пожар в местной протестантской церкви [6].

Представляется, что антихристианские настроения во многом являются отражением антиправительственных настроений. Причем, по мнению известного исследователя вопроса Ж.Кепеля, участие в межконфессиональных инцидентах можно рассматривать как признак слабости исламского радикального движения, а именно: его неспособности вести борьбу непосредственно с государством[7].

Между тем, следует отметить что, отношения между исламистами и коптами характеризуются не только конфронтацией. Умеренные

«Братья-мусульмане», давно осознавшие опасность формирования стереотипа «исламизм есть угроза национальному единству», постоянно стремятся подчеркнуть свои хорошие отношения с коптским меньшинством. Традиционно «Братья-мусульмане» считают, что для межконфессиональной розни в Египте нет ни исторической, ни религиозной основы. Конфессиональный вопрос в Египте это не проблема межрелигиозной розни, а в большей степени бытовая и социальная проблема межклановой конфликта, которая периодически искусственно политизируется правящим режимом для оправдания своей политики[8].

Лидеры «Братства» традиционно присутствуют на коптских праздниках, встречаются с коптскими религиозными деятелями, в том числе с Папой Шенудой. Одним из итогов дискуссий с Папой можно считать его неоднократные заявления о том, что он не возражает против постепенного введения исламских законов в обществе.

На протяжении 1992–1993 г. имели место постоянные контакты между небольшой группой коптских деятелей и представителями «Братьев-мусульман», которые использовали эти встречи для разъяснения своей позиции по проблеме конфессиональных столкновений. Близкая к «Братству» газета «Аш-Шааб» регулярно предоставляет слово христианским общественным и религиозным деятелям, превратившись в трибуну для серьезной и спокойной дискуссии о влиянии исламского государства на коптскую общину[9].

Копты фигурируют в избирательных списках оппозиционной Социалистической партии труда (СПТ) вошедшей в 1987 г. в «исламский альянс» с «Братьями-Мусульманами».

Интересно, что клиентализм оказался сильнее неприязни, которую копты должны были бы испытывать к исламизму, когда все население маленькой коптской деревни Буртубат в Верхнем Египте целиком проголосовало на последних муниципальных выборах за кандидата СПТ[10].

В марте 2001 г. после того, как представитель государственного комитета США по правам религиозных меньшинств совершил инспекционный визит в Каир, заявления «Братства» совпали с аналогичной позицией члена коптской фракции египетского парламента[11].

Характерно, что терпимое отношение к коптам стало доминировать к концу 90-х годов и в воззрениях некоторых лидеров радикальной «Аль-Гамаа аль-исламийя» В апреле 1996 г. эмир «Аль-Гамаа» в Асуане в ходе суда обнародовал в СМИ через некоего адвоката призыв ко всем боевым подпольным группам «Аль-Гамаа», прекратить насилие. В июле 1997 г. представитель руководителей «Аль-Гамаа» отбывающих заключение в каирской тюрьме Мухаммад Абд аль-Халим объявил об «одностороннем прекращении огня внутри и вне Египта». Кроме того, Аль-Халим заявил, что нападения на коптов – христиан противоречит исламу. Эти инициативы подержал духовный лидер «Аль-Гамаа» шейх Омар Абд ар-Рахман отбывающий пожизненное заключение в США[12].

Таким образом, можно сделать вывод, что правительство использует конфессиональные противоречия как инструмент воздействия на оппозицию. Копты не представляют никакой опасности для режима, тогда как исламисты являются его главным противником. Поэтому для режима попытка использовать межконфессиональные инциденты – это предлог для легитимации репрессий против исламистов, своих единственных серьезных оппонентов. Тем самым, коптская община используется режимом для оправдания своей репрессивной политики как перед египетским, так и, особенно, западным общественным мнением. Все это побуждает по-новому взглянуть на вопрос о том, является ли антихристианское насилие структурным элементом процесса реисламизации (что давало бы законные основания государству силой уничтожать малейшие проявления исламизма во имя сохранения «национального единства»), или же это насилие представляет собой сопутствующую форму социального насилия или периферийную форму насилия против государства. В этом случае исламистское насилие является лишь поводом для репрессий против политической оппозиции во имя самосохранения режима[13].

[1] Middle East International, 01.09.92.

[2] Махфуз М. Аллязина зулиму. Ат-танзимат аль-исламийя фи Мыср. – Лондон, 1988, с. 248.

[3] Аз-Зумр Т. Мафхум аль-игтияль фи аль-ислям. Б.м., б.г., с. 21.

[4] Аз-Зумр А. Васика аль-джихад ва маалим аль-амаль ас-саурий. – Б.м., 1988, с. 14–15.

[5] Burgat F. Cacher le politique. Les representations de la violence en Egypte. – Maghreb-Machrec. 1993, № 142.

[6] Там же.

[7] Kepel G. La prophete et pharaon: aux sources des mouvements islamistes. – P., 1993, с. 260.

[8] Кауд И. Омар ат-Тельмесани шахидан аля аль-аср. – Каир, б.г., с. 167–168.

[9] Christian Science Monitor, 03.04.94.

[10] Kepel G., указ. соч. с. 53.

[11] http://www.aljazeera.net/news/Arabic/2001/03/03/htm

[12] http://www.asharqalawsat.com/08-12-2001/memoire/memoire.html

[13] Там же, с. 54.

Б.Н.Гашев, Л.П.Зудина

АРАБО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

В конце ноября 1995 г. в Барселоне состоялась конференция с участием стран Европейского Союза и ряда государств Ближнего Востока и Северной Африки, входящих в регион МЕНА. Повестка дня включала сотрудничество и интеграцию в областях, касающихся политики, безопасности, экономики и финансов, социальных и культурных аспектов. В сфере экономики и финансов предусматривалось установление зоны свободной торговли между странами МЕНА и ЕС для активизации обмена прежде всего продуктами обрабатывающей промышленности путем постепенного снижения и отмены импортных ограничений. Срок учреждения зоны свободной торговли – приблизительно 15 лет с момента заключения соглашения о партнерстве. На Барселонской конференции в области экономики и финансов были поставлены также такие цели, как либерализация экономики, развитие производственной инфраструктуры, поощрение инвестиций, перенос передовой технологии, борьба с безработицей. Учитывалась огромная разница в уровне развития и конкурентоспособности европейских и арабских стран, что сделало неизбежной одностороннюю направленность некоторых элементов сотрудничества, например, перенос технологий, инвестиции и др. Учитывалось и отрицательное воздействие соглашения. В результате снижения или устранения защитных барьеров многие отрасли арабской перерабатывающей промышленности оказываются перед лицом возросшей иностранной конкуренции. Но это заставляет арабские страны пойти на перестройку и модернизацию некоторых участков своей экономической структуры, что должно, в конечном счете, дать им шанс повысить конкурентоспособность не только на внутреннем, но и на внешнем рынке и дать толчок развитию перерабатывающих промышленных отраслей.

На Барселонской конференции 1995 г. были определены основные рамки партнерства между ЕС и 12 средиземноморскими странами, что положило начало созданию крупнейшей в мире зоны свободной торговли. В нее намечено ввести 30–40 государств с населением 600–800 млн. человек. Уже сейчас более половины торгового оборота средиземноморских стран приходится на ЕС. По странам Магриба, в силу исторически сложившихся особенностей, эта доля повышается до 70%, что объясняет их особую заинтересованность в партнерстве. С Турцией, как кандидатом на вступление в ЕС, в 1996 г. было подписано таможенное соглашение. В отношении арабских партнеров речь идет пока лишь о

создании зоны свободной торговли. Особенно медленно идут переговоры со странами Персидского залива, от которых ожидается заключение полноценного таможенного союза между собой, что формально облегчит отношения их с ЕС в качестве коллективного субъекта. Того же ЕС ждет и от остальных арабских стран, но придает этому меньшее значение[1].

За прошедшее десятилетие целый ряд средиземноморских арабских стран заключили соглашения с ЕС об экономическом партнерстве, в том числе Тунис, Марокко, Иордания и Палестинская автономия, хотя не все они вступили в силу. В 2001 г. ассоциированным членом ЕС стал Алжир. В январе 2002 г. состоялось подписание соглашения об ассоциированном членстве Ливана в Европейском Союзе. Продолжаются переговоры о достижении подобной договоренности с Сирией[1].

Ранее других к либерализации и реформированию экономики приступили страны Магриба. В Марокко началось снижение таможенных барьеров в 1984 г., в Тунисе – в 1989 г.[1]

Переговоры об экономическом партнерстве с Египтом формально начались в 1995 г. Соглашение, состоящее из 92 статей, было подписано в Люксембурге в июне 2001 г., но до сих пор не вступило в силу, для чего требуется одобрение парламента Египта и утверждение со стороны президента. Соглашение в значительной мере составлено по образцу соглашений, ранее уже подписанных с Марокко и Тунисом. Сейчас в ЕС направляется половина египетского экспорта, и оттуда поступает 40% импорта. Ожидается, что из-за отмены таможенных пошлин в торговле с ЕС таможенные сборы сократятся к 2010 г. на 1 млрд. долл., что эквивалентно 20% ВВП и 8–10% всех налоговых поступлении Египта[2].

Острым вопросом обсуждения являются антидемпинговые мероприятия. После того, как ЕС начал применять их в отношении Египта, экспорт египетского текстиля в европейские страны сократился на 38% в течение трех лет. Формально демпинг осуждается, но допускается использование государственной поддержки в качестве протекционистской меры в чрезвычайных обстоятельствах.

Соглашение затрагивает такие области взаимоотношений, как промышленность, сельское хозяйство, услуги, в том числе внешнюю торговлю. Немедленно отменяются ограничения на ввоз в ЕС продукции египетской перерабатывающей промышленности. Пошлины сохраняются только на ткани и готовую одежду, но на них отменяются квоты. На египетское сельскохозяйственное сырье и продукты его первичной (промежуточной) промышленной переработки, экспортируемые в ЕС, пошлины отменяются лишь частично, и сейчас этот вопрос – один из главных на переговорах между сторонами. Египту предоставлено право, в случае возникновения угрозы для той или иной отрасли промышленности и ухудшения социальной обстановки в стране в результате иностранной конкуренции, замедлять темпы снижения таможенного барьера.

Европейские промышленные товары, на которые должны снижаться пошлины при ввозе их в Египет, поделены соглашением на четыре ка-

тегории. Первая категория включает машины и оборудование, которые в Египте не производятся. Импортные пошлины на них отменяются в течение 3 лет: с 1 июля 2003 г. по 30 июня 2006 г., если к началу указанного срока соглашение войдет в законную силу. Причина ускоренной отмены пошлин на эти товары объясняется отсутствием конкуренции с их стороны местному производству и острой потребностью в них отечественных промышленных предприятий, остро нуждающихся в быстром подъеме производительности и конкурентоспособности.

Во вторую категорию входят товары промежуточного спроса, также не имеющие аналогов в местном производстве, а также сырье, машины и оборудование, производимые в Египте. Срок для отмены пошлин на них в Египте устанавливается в 6 лет: с 1 июля 2006 г. по 30 июня 2015 г.

Третья категория – промышленные изделия конечного спроса и промежуточные товары, производимые в Египте. Для либерализации импортного режима по этим товарам предусмотрен 7-летний срок с 1 июля 2008 г. по 30 июня 2015 г.

Наконец, четвертая категория включает легковые автомобили и автоприцепы, на отмену импортных пошлин на которые установлен срок в 8 лет – с 1 июля 2009 г. по 30 июня 2017 г. Модернизация такого рода промышленных предприятий в Египте потребует наиболее продолжительного времени. Египет оговорил за собой право в чрезвычайных обстоятельствах восстанавливать таможенные пошлины на наиболее конкурирующие товары в пределах 25%. Подобные товары составляют по оценке 20% всего импорта Египта из стран ЕС. Чрезвычайные меры могут вводиться на срок не более пяти лет при условии, что после либерализации пошлин на те или иные товары прошло не более трех лет.

В качестве положительных последствий, в случае вступления соглашения в силу, министр внешней торговли Египта назвал освоение новых рынков сбыта египетскими товарами, рост занятости, увеличение способности оказать конкуренцию импортным товарам, создание условий для модернизации производства в течение достаточно продолжительного срока, ускорение экономического роста, более широкий приток местных и иностранных капиталовложений. В Египте ожидается также расширение финансовой помощи со стороны стран Европейского Союза в виде 5,3 млрд. евро для содействия либерализации торговли в странах средиземноморского бассейна.

В ноябре 2002 г. президенту Х.Мубараку было доложено о возможных отрицательных последствиях выполнения соглашения. Прежде всего, это сокращение поступлений от импортных пошлин. В случае сдерживания развития местного производства могут сократиться поступления от налога на продажи и других налогов, ухудшатся условия для деятельности неконкурентоспособных, слабых предприятий, которые будут поставлены перед угрозой банкротства.

Наибольшие надежды в Египте, связанные с увеличением экспорта в страны ЕС, возлагаются на промышленные предприятия, обладаю-

щие относительной конкурентоспособностью в мировой торговле. Они будут модернизироваться в первую очередь. Подобных предприятий насчитывается около 5 тыс. в текстильной, пищевой промышленности, производстве кожевенных изделий, мебели, стройматериалов, химических и фармацевтических товаров. Президент Х.Мубарак в качестве первоочередных претендентов на модернизацию производства указал на промышленные предприятия, находящиеся в следующих городах: текстильное производство – Америя, Махалля аль-Кубра, Шебин аль-Ком; металлургия – Хелуан, Дихейля, ас-Садат, Суэц Северо-Запад. Из вновь намечаемых к строительству промышленных предприятий, продукция которых будет направляться в страны ЕС, были названы заводы по сжижению природного газа в Рашиде и Думьятте[3].

В странах ЕС освобождены от импортных ограничений 14 видов стальных изделий, экспортируемых из Египта, который считается одним из заметных поставщиков стального листа. В 2001 г. ЕС импортировал из Египта 0,3 млн. т стали при общем объеме импорта в 5,1 млн. т. В 2002 г. из совокупного объема импорта стали в Европу, оцениваемого в 70 млн. т, из Египта, по предварительным данным, поступил 1 млн. т против 350 тыс. т в предыдущем году. Страны ЕС импортируют 60% всей египетской стальной продукции[4].

Президент Х.Мубарак потребовал увязки модернизации с программой либерализации импорта. Эти процессы, по расчетам, должны продлиться около 20 лет. Помимо промышленности, предполагается модернизировать сферу услуг, прежде всего туристический бизнес, путем улучшения гостиничного хозяйства и относящейся к нему инфраструктуры. Важной задачей считается повышение квалификации кадров, занятых в хозяйстве, как в сфере производства, так и в управлении. Уделяется внимание усовершенствованию методов участия государства в экономической жизни в сочетании с рыночными преобразованиями при поддержке стран ЕС. Государственный сектор, который имеет большой удельный вес в экономике, должен, по мысли президента, подвергнуться определенной перестройке как в производственном, так и в административном отношении, но об отказе от государственного предпринимательства речи не идет. Первоочередное внимание уделяется госпредприятиям и текстильной промышленности с точки зрения повышения их конкурентоспособности на рынках ЕС и увеличения их сопротивляемости перед лицом конкуренции со стороны западных товаров. То же можно сказать о предприятиях черной металлургии.

На Барселонской конференции было заявлено о том, что идет окончательная выработка варианта соглашения об экономическом партнерстве между Египтом и ЕС, о чем незадолго до этого велась также речь на совещании в Брюсселе. По завершении этой работы соглашение будет представлено на утверждение египетскому президенту и Народному собранию (парламенту). Оно подлежит также обсуждению парламентской фракцией правящей Национально-демократической партии Египта[5].

Первым из средиземноморских арабских стран соглашение о партнерстве с ЕС в 1995 г. подписал Тунис. По сравнению со своими соседями, он оказался наиболее подготовленным к такому шагу, что было обусловлено присущей стране политической, экономической и социальной стабильностью, открытостью по отношению к Западу, давними историческими связями с Европой: Тунис был членом ГАТТ, вступил в ВТО.

Соглашение предусматривает создание зоны свободной торговли, расширение политического, экономического и финансового сотрудничества, постепенную подготовку к интеграции в ЕС. Руководство Туниса рассчитывает, что расширение рамок сотрудничества с Европой, создание зоны свободной торговли и единого евро-средиземноморского экономического пространства откроет новые возможности для широкого обмена товарами, преференциального доступа тунисской продукции на еврорынки, увеличит приток туристов из Европы.

Соглашение касается пока только промышленных изделий, которые, впрочем, и так с 1979 г. имели беспошлинный доступ на рынки стран Западной Европы. Как и в соглашении с Египтом, промышленные товары, ввозимые в Тунис, разделены в основном на четыре категории. В первые два списка входит до 40% импорта промышленных товаров из ЕС. Соглашение предусматривает полную отмену таможенных пошлин на ввозимые из ЕС машины и промышленное оборудование, а также полуфабрикаты, не производимые в Тунисе. В отношении специально оговоренного списка товаров, конкурирующих с производимыми на предприятиях Туниса (до 30% тунисского импорта из ЕС), импортные пошлины подлежат постепенной отмене в течение 12 лет. Еще около 30% тунисского импорта из ЕС касается производимых в стране промышленных потребительских товаров, которые пользовались до этого жесткой протекционистской защитой. Пошлины на такого вида товары должны сохраняться в течение первых пяти лет, а в течение следующих семи они должны снижаться поэтапно. Пошлины на товары ремесленного производства и продукцию текстильной промышленности (менее 0,5% текущего импорта из ЕС), также должны снижаться поэтапно.

В соглашении подробно рассматриваются механизмы снижения и отмены импортных пошлин на различные виды промышленных товаров и ремесленных изделий. При этом предусматривается, что в течение 12-летнего переходного периода Тунис может вновь ввести импортные пошлины на товары из ЕС (объемом до 25% всего экспорта из ЕС в Тунис), если правительство посчитает, что подобная продукция может представлять угрозу для развивающейся тунисской промышленности. Однако, это можно сделать при условии, что вводимые пошлины затронут не более 15% всего объема тунисского импорта из ЕС, причем такие пошлины могут быть установлены на срок не более пяти лет[6]. Переговоры об изменении таможенного режима для сель-

скохозяйственных товаров предполагалось начать в 2000 г., но европейская сторона затормозила эти переговоры. Переговоры об условиях оказания услуг должны начаться в 2003 г., но в этом случае более консервативно настроена тунисская сторона.

Тунису будет весьма сложно преодолевать негативные последствия отмены ограничений на товары промышленного импорта, поскольку вопрос касается производимых в нем промышленных потребительских товаров, которые пользовались до этого жесткой протекционистской защитой. По соглашению отмена этих таможенных и нетаможенных ограничений при ввозе их в Тунис должна была начаться в 2001 г., хотя, как сообщалось, тунисская сторона по своей инициативе начала эту отмену еще раньше. Есть опасения, что отмена таможенных ограничений может привести к усилению конкуренции со стороны ввозимых иностранных товаров, к тому же может обостриться проблема безработицы. Сторонники проведения реформ считают, однако, что правительство сможет справиться с возникающими трудностями путем привлечения местных и иностранных инвестиций, поскольку инвестиционный климат в стране должен улучшиться. Инвестиции предполагается привлекать прежде всего в несколько наиболее перспективных по своей эффективности отраслей, способных задействовать значительную часть новых рабочих рук, а также привлечь и часть рабочих с малодоходных предприятий. В качестве основной задачи на переходный период правительство ставит повышение конкурентоспособности промышленных предприятий, что требует осуществления специальных программ повышения производительности промышленных компаний, переподготовки и повышения квалификации рабочей силы, улучшения производственной инфраструктуры, модернизации управления и т.п.[1]

Установление экономического партнерства Марокко с Европой началось с заключения в Риме еще в 1957 г. соглашения с предшественником ЕС – Европейским экономическим сообществом. Затем были подписаны еще три соглашения: о сотрудничестве с ЕЭС в 1969 г., затем соглашение о сотрудничестве в 1976 г. и, наконец, после двух лет переговоров, – соглашение об ассоциации с ЕС 1996 г. Марокко стало третьей средиземноморской страной, подписавшей соглашение о партнерстве с ЕС.

Соглашение об ассоциации 1996 г., помимо торговли и экономики, затрагивает также социальные, культурные и политические аспекты. Соглашение с Марокко считается частью планов ЕС по созданию в Средиземноморье к 2010 г. широкой зоны свободной торговли, что предусматривает восемь направлений: политический диалог, свободный обмен товарами, право на создание предприятий в сфере производства и услуг, осуществление платежей, свободное перемещение капиталов, конкуренцию, экономическую кооперацию, социальное, культурное и финансовое сотрудничество.

В соответствии с соглашением об ассоциации марокканские промышленные изделия имеют свободный доступ на рынки ЕС. Поступающие из европейских стран промышленные товары разделены на четыре категории. На товары первой категории ограничения отменяются немедленно, второй – в течение трех лет, третьей – за девять лет, четвертой – за 12 лет. ЕС гарантировал Марокко предоставление финансовой помощи для повышения конкурентоспособности местных предприятий.

Соглашение не затрагивает продукты промышленной переработки сельскохозяйственного сырья, а также рыбу и морепродукты с учетом наличия сравнительных преимуществ у Марокко в этих отраслях. Однако, на будущее резервируется возможность переговоров и по этим категориям товаров. Предусматривается снижение тарифов для некоторых видов марокканской сельскохозяйственной продукции, включая цитрусовые и томаты, однако проведение переговоров по вопросу о полной либерализации торговли сельскохозяйственными товарами планировалось лишь после 2000 г.

Соглашение о партнерстве с ЕС было подкреплено подписанием в 1995 г., после длительных и сложных переговоров, нового четырехгодичного соглашения между Марокко и ЕС в области рыболовства. Оно установило новый, более высокий уровень компенсаций для марокканской рыбной промышленности и новые квоты вылова рыбы для рыболовных флотов стран ЕС, промышляющих в марокканских территориальных водах.

Марокканское правительство с тревогой ожидает сокращения поступлений от таможенных пошлин и других связанных с внешней торговлей доходов в размере 2,5–3% ВВП в конце переходного периода. Оно надеется возместить эту потерю путем модернизации промышленности с опорой на иностранную техническую и финансовую помощь. Считается, что в настоящее время лишь 1/3 промышленного производства в стране является конкурентоспособной, вторую треть предприятий можно поднять до уровня конкурентоспособных. Третья же, оставшаяся часть, полностью протекционированная и ориентированная на внутренний рынок, считается неконкурентоспособной[1]. Финансовая помощь, столь необходимая стране в трудный переходный период, постепенно поступает. Так, в марте 1997 г. ЕС выделил Марокко финансовую помощь в размере 120 млн. ЭКЮ на цели стабилизации экономики и реорганизацию убыточных предприятий. В целом с момента подписания соглашения о партнерстве ЕС предоставил Марокко финансовую помощь в размере 453 млн. ЭКЮ[7].

Что касается институциональной, т.е. административной и правовой стороны реформы, подготовки кадров, а также расширения частного сектора, то работа в этом направлении уже началась, хотя сделано пока явно недостаточно. Перестройка потребует больших усилий и средств[1].

Мотивы стран МЕНА пойти на соглашение с ЕС в принципе схожи: одной из причин стало ухудшение их экономического положения. По-

сле резкого падения мировых цен на нефть в середине 80-х годов большинство стран МЕНА с середины 90-х годов заметно снизили экономический рост. Снижение цен на нефть, а вследствие этого и доходов от ее экспорта, уменьшение субсидий со стороны нефтеэкспортирующих арабских стран стало одним из важных стимулов стремления стран региона наладить партнерские отношения с ЕС. Если всего за три года, с 1978 по 1980, цены на нефть возросли более чем вдвое – до 45 долл. за баррель, то с 1980 по 1984 гг. они опустились до 40 долл., затем в 1986 г. последовал резкий спад до 20 долл. До конца 90-х годов цены на нефть колебались, редко поднимаясь выше этого уровня[8].

Важным условием партнерства считается реформирование экономики в странах МЕНА, в частности, диверсификация хозяйства со снижением доли нефтяной составляющей и повышение роли частного сектора для достижения более высокой макроэкономической эффективности. По мнению большинства наблюдателей, реформы в этих странах находятся на начальном этапе, и достигнутые результаты весьма скромны. Процесс реформирования начался сравнительно недавно, и странам МЕНА еще предстоит преодолеть немало препятствий на этом пути.

Еще одна причина стремления к партнерству с Западом заключается в широком распространении в странах МЕНА безработицы, где она растет на 2,5–3% в год, что является одним из самых высоких мировых показателей. Создание новых рабочих мест отстает от роста трудоспособного населения. За исключением стран Залива, удельный вес безработицы в конце 90-х годов в странах МЕНА приближался к 25%, а в отдельных странах, таких как Алжир, Сирия, Ливан и Йемен этот показатель достигал 1/3. Особенно сильно страдает от безработицы молодежь. Так, среди трудоспособного населения моложе 25 лет уровень безработицы вдвое выше среднего показателя в Алжире и Тунисе и в 2,5 раза выше в Ливане и Ираке. Между тем молодежная группа включает наиболее активную и образованную часть населения. Безработица, таким образом, оказывается тормозом для получения образования. Вероятная возможность облегчения миграции рабочей силы в страны ЕС является поэтому для арабских стран весьма привлекательной[9].

Среди стран МЕНА лидерами в области реформирования экономики считаются Тунис, Египет и Иордания. Во Всемирном Банке было проведено исследование по производительности труда среди 93 стран мира за период с 1950 г. по 2000 г., включая развитые и развивающиеся. В этом перечне Тунис занял 15-е место, Израиль – 19-е, Египет – 40-е, Сирия – 46-е, Турция – 51-е, Иордания – 62-е, Марокко – 66-е, Алжир – 85-е, Саудовская Аравия – 92-е. Последнее, 93-е место занял Кувейт, что свидетельствует об отрицательном воздействии на макроэкономические показатели низкой диверсифицированности экономики. Из этих данных видно, что чем выше в ВВП нефтяная составляющая, тем ниже рост производительности труда[10].

Несмотря на увеличение доходов в ряде нефтеэкспортирующих арабских стран, совокупный ВВП 22-х стран-членов Лиги арабских государств остается меньшим, чем в одной Испании (около 580 млрд. долл.). Ежегодный рост душевого дохода за последние два года составил 0,5% по сравнению со средним общемировым показателем в 1,3%. Низок образовательный уровень, особенно в отраслях, связанных с высокими технологиями. Численность неграмотных в арабском мире – 60 млн. чел. из 300 млн. чел. совокупного селения. Выход в интернет осуществляет 0,6% населения – самый низкий показатель в мире. Выпуск продукции на одного работника снижается, безработица растет на 15% в год. Внутренний рынок труда не в состоянии поглотить ежегодно 8 млн. новых работников. 20% арабов живут на доход до 2 долларов в день. В регионе МЕНА темпы роста населения составляют в среднем 3,5% в год, что увеличивает нагрузку на природные ресурсы, инфраструктуру, особенно жилье, водоснабжение, энергоснабжение, а также на систему здравоохранения и образования.

Всемирный Банк предсказывает удвоение численности населения региона МЕНА к 2050 г., когда оно может достичь 560 млн. чел. Чтобы компенсировать все эти трудности, арабская экономика должна расти на 5% в год. Сейчас такие темпы по плечу лишь нефтеэкспортирующим странам, да и то лишь в годы хорошей конъюнктуры. Остальные страны далеко не «дотягивают» до этого уровня. Так, в период с 1990 г. по 2002 г. средний рост ВВП в Египте был 3,7%, в Марокко – 3%. В Тунисе, правда, он достиг 4,9% и Иордании – 4,7%, но это могло быть вызвано преходящими обстоятельствами, поскольку даже в Саудовской Аравии рост экономики был зафиксирован в 2,8%, а в Ливии – в 1%[11].

По мнению большинства специалистов, все эти страны нуждаются в либерализации торговли, поскольку таможенные и нетаможенные ограничения торговли в большинстве из них чрезвычайно высоки. Требуются усилия по дальнейшей диверсификации экспорта и по привлечению прямых иностранных капиталовложений в ненефтяной сектор. Наиболее насущной задачей представляется расширение экспорта для увеличения притока иностранной валюты и компенсирования недостаточного потребительского спроса внутри страны. В Египте, например, импорт вдвое превышает экспорт. Президент Египта еще более года назад назвал проблему экспорта «вопросом жизни или смерти». В Тунисе и Марокко торговый баланс также дефицитен, хотя далеко не в такой мере, как в Египте. Но для всех стран региона важен вопрос выхода на новые платежеспособные рынки, такие как европейские. Не случайно, очевидно, рубеж 70-х и 80-х годов ознаменовался заключением ряда соглашений или началом переговоров об экономическом партнерстве между странами ЕС и рядом оказавшихся в трудном

положении арабских стран, прежде всего находящихся напротив Европы на южном побережье Средиземного моря. Хотя стремление к партнерству со странами ЕС захватывает и ряд других арабских и неарабских стран Ближнего Востока, об определенных результатах можно говорить пока лишь в отношении средиземноморских арабских стран, прежде всего таких, как Тунис, Египет, Алжир, Марокко, а также Иордания и Сирия.

Данные МВФ по некоторым экономическим показателям по региону МЕНА (14 стран)[12]

Регионы и страны	Рост ВВП (%)		Рост потребительских цен (%)		Сальдо счета текущих операций % от ВВП)	
	2000	2002	2000	2002	2000	2002
Ближний Восток (МЕНА)*	5,5	4,4	9,4	8,9	11,6	6,1
Нефтеэкспортеры**	5,9	4,5	12,1	11,0	15,9	8,6
в т.ч. Саудовская Аравия	4,5	2,7	-0,6	0,9	9,0	3,6
Иран	5,8	5,0	12,6	13,0	13,0	5,8
Кувейт	3,6	3,0	1,7	2,5	39,9	30,8
Машрик***	4,1	4,2	2,2	3,2	-2,9	-2,3
в т.ч. Египет	5,1	4,8	2,8	3,0	-1,2	-0,7
Иордания	3,9	4,5	0,7	2,1	0,7	-2,5
Магриб	2,4	5,9	1,3	4,8	7,2	2,8
в т.ч. Алжир	2,4	4,9	0,3	6,8	16,8	8,0
Марокко	0,8	4,5	1,9	3,0	-1,7	-1,9
Тунис	5,0	6,1	3,0	2,7	-3,7	-3,1

* Бахрейн, Египет, Иран, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Сирия ,ОАЭ, Йемен.

** Бахрейн, Иран, Ирак, Кувейт, Ливия, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ.

*** Египет, Иордания, Ливан, Сирия.

Анализ данных таблицы показывает, что рост ВВП снизился по всем составным частям региона МЕНА, кроме Магриба, который, кстати, к этому времени сумел наладить связи с ЕС. В целом по Магрибу рост ВВП увеличился более, чем вдвое, а до Марокко – почти в 6 раз.

Показатель роста потребительских цел, что можно интерпретировать как рост инфляции, в целом по региону улучшился, но это следует отнести за счет лишь нефтеэкспортирующих стран. Он ухудшился в странах Машрика и, особенно, Магриба, которые вынуждены были пойти на девальвацию своей валюты и тем самым спровоцировали рост цен. В Алжире рост цен ускорился в 20 раз по сравнению с 2000 г. и вдвое из сравнению с предыдущим 2001 г. Из арабских стран один лишь Тунис продемонстрировал за эти три года устойчивое снижение темпа роста потребительских цен – с 3 до 2,7%.

Что касается удельного веса сальдо счета текущих операций платежного баланса в ВВП, то в целом по региону, включая страны-нефтеэкспортеры, этот показатель ухудшился почти вдвое. По Маш-рику наблюдалось некоторое улучшение, кроме Иордании. Резкое ухудшение показателя по Алжиру определило спад по Магрибу с 7,2 до 2,8%. Только Тунис сумел сократить удельный вес пассива счета текущих операций с -3,7 до -3,1%.

В целом из движения данных таблицы можно сделать вывод, что арабские страны Средиземноморья нуждаются в увеличении доходов, в том числе от экспорта и за счет получения финансовой и технической помощи, что повышает их заинтересованность в партнерстве с ЕС.

В настоящее время в экспорте стран МЕНА в государства ЕС преобладают сельскохозяйственные товары и ископаемое сырье, но не готовые промышленные изделия. Между тем, что увеличение производства промышленных изделий конечного спроса на экспорт не только увеличило бы экспортную выручку, но и расширило бы занятость, повысило технический уровень местной индустрии. Доля готовой промышленной продукции в экспорте по отдельным странам различна, что видно из следующей таблицы.

Доля готовых промышленных изделий в экспорте шести стран МЕНА[13]

Годы	Алжир		Египет		Иран		Иордания		Марокко		Тунис	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
1970–79	3,0	0,6	27,1	3,1	2,9	0,6	25,8	1,9	16,0	2,1	24,5	4,0
1980–89	1,5	0,3	19,2	1,5	4,0	0,3	42,7	5,4	39,4	6,0	49,4	11,7
1990–99	3,3	0,8	36,6	2,4	6,6	1,5	48,9	9,5	52,3	7,5	74,9	21,2

1 – в экспорте (%)

2 – в ВВП (%).

Данные таблицы показывают, что за три последних десятилетия доля промышленных изделий более всего повысилась в экспорте Туниса и Иордании. Эти две страны отличаются также наибольшей долей промышленных изделий как в экспорте, так и в ВВП. Вместе с тем, в преимущественно нефтеэкспортирующих странах, например, в Алжире и Иране, доля готовых промышленных изделий ниже и темпы роста этой доли сравнительно замедлены. Египет, вывозящий нефть, занимает промежуточное положение. Стимулы ненефтяного экспорта там больше, чем в Иране и Алжире, где нефть – основа экспорта, но меньше, чем в странах, из которых нефть не экспортируется или вывозится в незначительных количествах.

После резкого спада нефтяных цен во второй половине 80-х годов, когда они сократились почти наполовину, страны региона начали форсировать экспорт промышленных изделий. Так, с 1990 по 1997 гг. доля последних в экспорте возросла (в %%) в Египте с

11 до 40, или почти в 4 раза, в Тунисе с 36 до 79, или более чем вдвое, в Марокко с 24 до 53 (более чем вдвое), в Сирии с 7 до 17, в Иордании с 34 до 49, в Алжире с 0 до 4[14].

Экспорт готовых промышленных изделий имеет качественное преимущество перед экспортом других товаров. Все страны стараются наращивать их удельный вес в экспорте, и в странах МЕНА он возрос с 8% в 1980 г. до 19% в 1997. Это способствует развитию внутрирегиональной торговли, удельный вес которой в общем экспорте возрос в регионе с 5,5% в 1970 г. до 10,2% в 1997 г.[15]

Экспорт промышленных изделий по сравнению с другими товарами более конкурентен. На повышение экспортной выручки от них влияет более высокая эластичность спроса относительно дохода по сравнению с топливом и сырьем. Другими словами, при экспорте в богатые страны Запада число потребителей и объем спроса на фабричные изделия растут быстрее, чем на сырье. Эластичность спроса и предложения относительно цены также выше. К этому следует добавить выгоды от возрастающей при этом диверсификации экспорта, увеличения экономии на масштабах производства (economy of scale), применения более передовой техники, улучшения организации труда.

Исследования показали, что экспорт промышленных изделий сильно сдерживается завышением обменного курса национальных валют, который для Алжира, Египта, Марокко и Туниса на период с 1970 г. по 1994 г. оценивался в 16%. Проведенные исследования теоретически дают основание предполагать, что, не будь этой переоценки, удельный вес экспорта в ВВП мог бы повыситься за указанный период для текстильных изделий с 12 до 20%, химтоваров с 5 до 9%, продовольственных товаров фабричного изготовления с 3 до 5%[16]. В настоящее время наблюдается снижение обменного курса местной валюты во многих странах региона, особенно в Египте.

Начиная с конца 80-х годов, несмотря на падение цен на нефть, Марокко и Тунис, а затем Иордания и Египет начали осуществлять программы экономической стабилизации и реформирования. В 90-х годах за ними последовали и другие страны региона, в том числе некоторые государства Персидского залива. Годовой рост ВВП стран региона возрос с 2,7% в 80-х годах до 3,2% в 90-е годы. В расчете на душу населения он сменился с отрицательного на положительное значение. Так, если сравнить среднегодовой рост ВВП на душу населения в 80-х и 90-х годах по странам, то по убывающей степени роста в 90-е годы страны региона можно расположить следующим образом (%). Всего по региону в 80-е годы минус 0,7, в 90-е – 1,0. Тунис соответственно 1,1 и 3,1; Сирия -1,1 и 3,0; Египет 2,9 и 2,3; Иран 0,7 и 2,2; Бахрейн -3,3 и 1,0; Оман 4,7 и 0,6; Марокко 1,6 и 0,5; Иордания -1,8 и 0,2; Алжир -0,3 и -0,4; Саудовская Аравия -4,8 и -1,1; Йемен 0,0 и -1,3[17].

Из сравнения этих показателей видно, что большинству стран регион за двадцатилетний период ускорило рост душевого ВВП. Наивысший темп роста и увеличение его в 90-е годы по сравнению с 80-ми отмечался у Туниса и Сирии, наименьший рост и спад в 90-е годы имел место у нефтеэкспортирующих стран, сильно пострадавших от уменьшения цен на нефть в конце 80-х годов.

Любопытно сопоставить эти сравнительно невысокие результаты с душевым ростом ВВП, продолжавшимся с половины 60-х годов до конца 80-х годов, когда цены на нефть были высокими, выросли доходы от ее продажи и валютные переводы рабочих-эмигрантов, увеличивался приток капиталов из-за границы, в том числе из нефтеэкспортирующих арабских стран. Среднегодовой душевой рост ВВП в странах МЕНА в 60-е годы был 4,6% и в 70-х – 5,7%. Со второй половины 80-х годов начался спад, и вернуться к достигнутым ранее результатам не удалось.

В 90-е годы замедлилось накопление капитала, значительно уменьшились инвестиции в предприятия госсектора, в результате чего возросло значение частных инвестиций. Однако даже в наиболее продвинутых странах, с точки зрения реформирования, либерализации и диверсификации экономики, как Тунис, Египет, Иордания и Марокко, средств из частных источников оказалось недостаточно для заполнения инвестиционного вакуума. Излишняя зарегулированность, бюрократические формальности, неразвитая правовая система, коррупция также сдерживали экономический рост.

В отношении стран МЕНА такой важный показатель, как «условия торговли», т.е. соотношение индексов экспортных и импортных цен, является отрицательным. Это значит, что импортные цены растут быстрее экспортных, для сохранения физического объема импорта на том же уровне необходимо более высокими темпами наращивать физический объем экспорта, который в теории должен ежегодно увеличиваться в странах МЕНА на 7–8%, прежде всего в пищевой, текстильной промышленности и в производстве готовой одежды. В случае либерализации торговли непереработанными продуктами сельского хозяйства, в отношении которых позиции сторон пока не ясны, ежегодный прирост экспорта для сохранения торгового баланса на неизменном уровне должен быть 10–16%, чего очень трудно достичь на практике. Применительно к экспортным сельскохозяйственным товарам следует сначала повысить их ценовую конкурентоспособность. Пока же общий показатель «условий торговли» для стран МЕНА оценивается в минус 0,3–0,4, тогда как он имеет положительное значение для стран ЕС (0,1) и США (0,3). Для сохранения устойчивости торгового баланса при сокращении и отмене импортных пошлин арабским странам отводится в соглашениях 10–15 лет, чтобы вывести товары местного

производства на конкурентоспособный уровень. Наиболее быстрое сокращение импортных пошлин предусмотрено для машин и оборудования, наиболее медленные – для промышленных товаров конечного спроса. В качестве компенсации за потери при переходе на рыночные методы хозяйствования, на чем настаивают страны ЕС, их арабские партнеры рассчитывают на увеличение притока финансовой и технической помощи.

Представляется целесообразным сопоставить положительные и отрицательные последствия для стран МЕНА в случае установления зоны свободной торговли со странами ЕС.

Выгоды образуются преимущественно за счет новых рынков сбыта экспортных товаров, притока инвестиций из внешних и внутренних источников, повышения способности конкурировать с иностранными товарами, увеличения ВВП и темпов роста экономики.

Отрицательные последствия связаны в основном со снижением доходов от импортных пошлин, сокращением поступлений от налога на продажи и от других налогов, выведением неспособных к конкуренции предприятий на грань банкротства, особенно, если убыточные предприятия не сумеют уложиться в отведенные соглашениями сроки для реконструкции, что может грозить ростом безработицы.

[1] Economic Trends of the MENA Region, 2000, www.erf.org.eg.chapter3, 04.05.2002.
[2] Ibid.
[3] Ibid, 04.05.2002; 12.11.2002.
[4] Economic Trends of the MENA Region, 2000, 30.03.2002.
[5] Economic Trends of the MENA Region, 2000, 12.11.2002.
[6] The Middle East and North Africa. L. 1996, c. 936.
[7] Ibid., L. 2000, c. 260, 900.
[8] Middle East and North Africa Working Paper Series. The World Bank, Wash. VII.2000, c. 4.
[9] Ibid., VII.2000, c. 1.
[10] Ibid., c. 30, 31.
[11] The Middle East, L. Febr. 2003, c. 43.
[12] Ibid. L. Janv. 2002, c. 39.
[13] Middle East and North Africa Working Paper Series. The World Bank, Wash. VIII.2000, c. 8.
[14] Economic Trends… Table A3. 3.
[15] Economic Trends… 04.05.2002.
[16] Ibid.
[17] Middle East and North Africa Working Paper Series… VII.2002, c. 17.

Г.Г.Косач

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ПОСТСОВЕТСКИЕ «МУСУЛЬМАНСКИЕ» ГОСУДАРСТВА: АСПЕКТЫ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Распад Советского Союза создавал новую геополитическую реальность – в пространстве его бывших границ возникли независимые государства. Для саудовского истеблишмента некоторые из них – государства Центральной Азии и Азербайджан – в цивилизационном отношении были безоговорочно мусульманскими[1]. Если раньше, развивая контакты с советским руководством времени перестройки и восстановив, в конечном итоге, в сентябре 1990 г. дипломатические отношения с тогда еще не ушедшей в прошлое великой державой[2], Саудовская Аравия только стремилась к установлению «прямых контактов» с «мусульманами Кавказа, Поволжья и Центральной Азии»[3], то отныне это стремление обрело черты неоспоримой реальности. Страна, «где расположены святые места[4], к которым обращены сердца всех мусульман»[5], считала своим долгом признать статус субъектов международных отношений прежними советскими союзными республиками потому, что была связана с ними «исповеданием общей религии и основанными на исламе ценностями». Это обстоятельство было для нее более существенно, чем «конъюнктура политического рынка». Саудовские действия находили понимание и у лидеров ставших самостоятельными «мусульманских» государств Центральной Азии и Закавказья, – они в период своего становления остро нуждались в международном признании[6].

Саудовская Аравия: легитимация связей с постсоветскими «мусульманскими» государствами

Возникало новое направление саудовской внешней политики, ставшее возможным в силу того, что потерпела крушение одна из основ биполярного мира. Произошло событие, оценивавшееся королевством как «победа ислама над атеистической коммунистической идеологией и освобождение мусульманских народов Центральной Азии и Кавказа от русской тирании»[7]. Даже если эти государства и оставались «тесно связанными с Россией», их независимость означала, что они «возвращаются к использованию национальных языков, к ценностям мусульманской культуры» и, наконец, «к пробуждению

мусульманского сознания»[8]. В геополитическом отношении мир (а «не только евразийское пространство») подвергался трансформации тектонического характера, касавшейся и региона «мусульманского содружества». Если раньше к его границам «непосредственно примыкал» Советский Союз, то теперь этот источник «угрозы» – «военной (оккупация Афганистана) и идеологической (поддержка коммунистических партий в арабских и мусульманских странах)» – более не существовал. Тем не менее, «победа ислама» могла бы оказаться, по меньшей мере, недостаточной и непрочной без окончательного «возвращения» пяти центральноазиатских стран и Азербайджана во всемирную мусульманскую.

Итак, в основе саудовской легитимации курса королевства, направленной на установление связей с новыми постсоветскими субъектами системы международных отношений лежала религиозная риторика. Но одновременно эта риторика обрамлялась соответствовавшими ее содержанию подробностями и деталями. Они черпались, в первую очередь, из истории, доказывавшей неоспоримость вклада народов этих вновь возникавших государств в мусульманскую цивилизацию. Обращаясь к своим жертвователям, саудовское отделение Всемирного комитета исламского спасения подчеркивало: «Четыре года мы работаем в странах (бывшем Советском Союзе, – *Г.К.*), которые были родиной плеяды великих ученых – блестящих факихов и имамов-обновителей, сохранивших для нас богатства Благородной Сунны и нашего великого мусульманского наследия. Это страна Абу Абдаллы аль-Бухари, Муслима Нишапури, Абу Исы ат-Термези, Абу Дауда ас-Саджастани, Абу Зара ар-Рази, Ас-Сархаси, Аль-Бейхаки и многих других»[9]. Тем не менее, обращенный к истории дискурс возникал всего лишь в связи с потребностями политики – сама возможность вклада нынешних постсоветских «мусульманских» государств в расцвет цивилизации ислама имела принципиально важную первопричину. Они были «открыты мусульманами»[10] на «заре ислама» – в эпоху «первых праведных халифов»[11].

Естественная и логичная, не противоречившая в своей основе исторической фактологии идея, несла в себе важную для саудовских внешнеполитических устремлений первой половины 90-х годов смысловую нагрузку. Королевство, рассматривающее себя в качестве государства, внешняя (а также и внутренняя) политика которого призвана «неустанно подчеркивать значение ислама как основного фактора, влияющего на определение ее принципиальных приоритетов»[12], считало себя ведущим элементом «мусульманского сообщества». А это лишь означало, что его, едва только начинавшиеся созидаться, отношения с центральноазиатскими государствами и Азербайджаном заранее подчинялись схеме «центр – периферия», где «центр» – Саудовская Аравия – вновь «возвращал» постсоветские государства в мусульманскую умму. Саудовский политический дискурс, черпавший собственное обоснование в истории, это лишь доказывал.

Центральная Азия – исторический Туркестан и Азербайджан – становилась «новой родиной» для «открывших» эти территории «арабских племен». Они «принесли ислам, познакомили население региона с новой религией и защищали границы этого региона». Но речь шла не только об этом. Все те же племена поселились «в Самарканде, Бухаре, Ферганской долине и Термезе»[13], создав основу для последующего расцвета местной мусульманской культуры как общего наследия всех народов уммы. Благодаря своим новым арабским соседям, «ислам вошел в сердца жителей Центральной Азии», а «арабский язык в качестве языка религии и науки получил там широкое распространение». Без этих двух принципиальных факторов «не появились бы и не получили бы распространения творения центральноазиатских ученых»[14]. Тем не менее, важнее было другое.

Длительная эпоха «тиранического господства коммунизма», отвергавшего «веру во Всемогущего Господа», радикально меняла ситуацию. Если саудовские граждане и продолжали «испытывать чувство признательности и благодарности» по отношению к родившимся в пределах территории современных постсоветских «мусульманских» государств корифеям цивилизации, к которой принадлежит и их страна, то они одновременно знали, что «эпоха коммунизма надолго отлучила их внуков (корифеев этой цивилизации, – *Г.К.*) от ислама. Их внуки родились, зная об исламе только то, что они мусульмане»[15]. Это было жесткое и бескомпромиссное суждение, означавшее в контексте саудовского дискурса, что центральноазиатские и азербайджанские наследники цивилизации, «доставившие в Европу по шелковому пути (пролегавшего также через Месопотамию, Аравийский полуостров и Египет) величайшие научные и практические достижения цивилизации»[16], вернулись в эпоху «языческой джахилийи»[17].

Вопрос, однако, был связан не только с использованием привычных для саудовского истеблишмента и научного сообщества терминов, с помощью которых в королевстве интерпретируется состояние *невежества* – аналога едва ли не абсолютного отхода от основополагающих норм и ценностей мусульманской жизни, существовавших на Аравийском полуострове до начала проповеди М. Абдель Ваххаба. Вина за возвращение к джахилийе лежала в первую очередь, на элите советского мусульманского общества – законоучителях. Они были послушными исполнителями воли государства, «представляя его на пропагандистских съездах и конгрессах, где они зачитывали заранее подготовленные для них речи». Они же «демонстрировали полную моральную деградацию, став не деятелями религии, а обычными государственными служащими», использовавшими свое положение «в интересах личного обогащения и разврата»[18]. Но все это означало лишь, что саудовский истеблишмент должен активно действовать в интересах укрепления «исламского характера» государств Центральной Азии и Азербайджана.

Доктринальные установки национального «правящего класса» определяли вывод саудовских исследователей о том, что от будущего развития этих государств во многом зависит «безопасность мусульманской нации». Каждый их шаг по пути «восстановления идентичности станет источником силы и подъема всех мусульман в силу того, что позволит умме опереться на находящуюся в их распоряжении демографическую и техническую мощь»[19]. Это предполагало, что ведущая сила «мусульманского содружества» называлась Саудовская Аравия – призвана способствовать реализации начинаний, связанных с «духовным возрождением» новых членов уммы. Речь шла о «финансовой и моральной поддержке вновь возникающих там подлинно мусульманских организаций», об «обмене культурными миссиями» с государствами Центральной Азии и Азербайджаном, а также об «отправке туда экземпляров Благородного Корана и книг (религиозного содержания, – *Г.К.*)». Впрочем, цитируемый саудовский автор подчеркивал, что официальные власти его страны уже действуют в этом направлении. «За счет Служителя Двух Святынь короля Фахда бен Абдель Азиза к святыням ислама совершили хадж паломники из Узбекистана и соседних республик, по его распоряжению в республиках Центральной Азии был распространен миллион экземпляров Корана, а Исламский университет имама Мухаммеда бен Сауда каждое лето организует семинары наставников в некоторых городах Центральной Азии».

С момента «своего создания в 1415 г. Х. (1993 г., – *Г.К.*) и в свете указаний Служителя Двух Святынь короля Фахда бен Абдель Азиза и наследного принца Абдаллы бен Абдель Азиза министерство мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства действовало в том же направлении». Оно содействовало «приему гостей Служителя Двух Святынь, прибывавших для совершения паломничества, за счет Королевства Саудовская Аравия отправляло проповедников и делегации в эти страны, стремясь оказать им помощь в возвращении к Господу, распространило там миллионы экземпляров Священного Корана, принимало участие в реставрации и строительстве мечетей и религиозных институтов». Наконец, все то же министерство «организовывало научные и квалификационные семинары для проповедников из стран Центральной Азии», а также «координировало и поддерживало деятельность комитетов помощи их населению». Речь шла о первой половине 90-х годов, когда была опубликована статья цитируемого саудовского автора. В то время размах саудовской религиозно-благотворительной активности в постсоветских «мусульманских» государствах, наверное, выглядел впечатляюще.

Уже цитировавшийся отчет одного из этих фондов – Всемирного комитета исламского спасения в королевстве содержал сведения о периоде его деятельности с 1993 г. по 1997 г. Из этого отчета вытекало, что распространение исламского вероучения становилось ос-

новным направлением деятельности Комитета и его региональных представительств, в частности, в Баку и Алматы. Формы этой деятельности были многообразны, окрашивая собой те сферы, которые формально, казалось бы, не имели отношения к религии[20].

Речь шла, в первую очередь, о возведении и реконструкции мечетей. В течение анализируемых в отчете четырех лет Комитет оказал помощь в строительстве и восстановлении более 221 мечети в Азербайджане и 110 мечетей в центральноазиатских государствах. Для Комитета важность вопроса определялась главным образом тем, что «мечеть является одной из основ создания мусульманского общества, поскольку в Пресветлой Медине Пророк… прежде всего воздвиг дом молитвы». Цитируемый документ, к сожалению, не приводит данных о финансовых расходах Комитета в этом (как и почти во всех) своем разделе, подчеркивая безвозмездный характер своей помощи. Но, несомненно, на строительство были потрачены значительные суммы. Достаточно сослаться хотя бы на рост его трат в связи с проведением праздника разговения, составивших в течение первого года его деятельности в бывшем Советском Союзе (включая и российские регионы) 95,8 тыс., а четвертого уже 241 тыс. долл. Но речь шла о долговременной политике (в ее рамках сотрудники Комитета предполагали восстановить 26 тыс. мечетей в регионах распространения ислама, «закрытых красным коммунизмом и превращенных в склады и музеи»). Этими регионами были Центральная Азия и Азербайджан.

Рассматривая мусульманское образование как «дух ислама, как источник прозрения человека, благодаря которому он видит путь к спасению», Комитет участвовал в финансировании детских садов и школ в лагерях азербайджанских беженцев из Нагорного Карабаха. Эти учреждения (как и идентичные им в других районах постсоветского «мусульманского» пространства) нуждались в проповедниках. За четыре года деятельности Комитет подготовил 40 проповедников в Баку и 60 – в Алматы. Но в этих региональных центрах его деятельности обучались не только уроженцы Азербайджана и Казахстана. В любом случае, эти проповедники были «готовы нести знание о принципах ислама и столпах веры мусульманам…, начавшим поиск пути к возвращению в лоно своей религии после долгих лет атеистического безверия, насилия и преследований». В свою очередь, министерство мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства проводило для них, в том числе, в Баку и Алматы, семинары, призванные координировать их деятельность[21].

Значение религиозной легитимации нового направления саудовской внешней политики, как и основанной на ней практики действия не должно преуменьшаться. Однако, в равной степени, оно не может и преувеличиваться, но, скорее, эта легитимация требует своего логичного объяснения и интерпретации.

Саудовская Аравия и постсоветские «мусульманские» государства: основные направления двусторонних контактов и реалии экономического взаимодействия

Начало 90-х годов – время провозглашения независимости государств Центральной Азии и Азербайджана – было и временем их дипломатического признания королевством. Тем не менее, это не означало, что в столицах всех этих государств появлялись саудовские представительства. В 2003 г. они были только в Алматы, Ашхабаде, Баку и Ташкенте[22]. В Эр-Рияде находились посольства Азербайджана, Казахстана и Узбекистана[23]. Взаимное открытие посольств происходило сравнительно поздно, спустя лишь несколько лет после саудовского дипломатического признания нового статуса бывших советских республик. Процесс их создания обычно инициировали новые внешнеполитические партнеры Саудовской Аравии. В мае 1995 г. в Эр-Рияде было открыто посольство Узбекистана, а в марте 1997 г. саудовское посольство в Ташкенте. В мае 1996 г. в саудовской столице начало работу посольство Казахстана, а затем – в августе 1996 г. посольство королевства в Алматы. Наконец, дипломатическая миссия Азербайджана в Эр-Рияде появилась в 1994 г., а ее саудовский аналог в Баку лишь в 2000 г.

Обмен дипломатическими миссиями не коснулся Кыргызстана и Таджикистана, хотя обе эти страны, как и три другие центральноазиатские государства и Азербайджан, представлены в патронируемой Саудовской Аравией Организации Исламская конференция (ОИК)[24]. Если в случае Кыргызстана речь шла о казавшемся саудовской стороне «поспешном» признании им Иерусалима в качестве столицы Израиля, то препятствием на пути к обмену дипломатическими представительствами с Таджикистаном стала длившаяся там в течение всего периода 90-х годов гражданская война[25]. Более того, только три постсоветских «мусульманских» государства – Азербайджан, Казахстан и Узбекистан – могли рассматриваться в качестве стран, имеющих наиболее высокий (но лишь на фоне своих соседей по региону) уровень отношений с королевством.

В апреле 1992 г. состоялся официальный визит президента Узбекистана И.Каримова в Саудовскую Аравию. Беспрецедентность этого события была очевидна. Лишь затем последовали официальные визиты, сопровождавшиеся (как и в случае И.Каримова) паломничеством в Мекку и Медину, лидеров других государств – Г.Алиева (июль 1994 г.) и Н.Назарбаева (сентябрь 1994 г.). Стремясь добиться широкого международного признания и обеспечить экономическое развитие своих стран, лидеры трех постсоветских «мусульманских» государств принимали «правила игры», предлагавшиеся им саудовской стороной.

По мнению И.Каримова, его визит в страну, «являющуюся центром мусульманского мира, важен не только с точки зрения двусторонних

отношений, но, в первую очередь, для укрепления нуждающегося в солидарности мира ислама». Далее подчеркивалось: «Законы мирового развития, конечно же, действуют и в границах отдельных регионов, но они требуют создания более широких связей и блоковых объединений, которые призваны отвечать как сегодняшней реальности, так и потребностям будущего. А поскольку мир ислама занимает ныне одно из центральных мест в рамках международного содружества наций, постольку ему жизненно необходимо быть равным по силе и влиянию другим центрам мирового развития»[26]. Сопровождавший президента Узбекистана министр иностранных дел его страны отмечал: «Моя страна никогда не забудет помощь, последовательно оказываемую нам Королевством Саудовская Аравия… в интересах сохранения нашей исламской идентичности, а также нашей мусульманской цивилизации, всегда являвшейся частью общего наследия мира ислама».

Н.Назарбаев был не менее красноречив, подчеркивая, что его «страна гордится тем, что вновь стала членом мусульманской уммы». Комментируя совершенное им паломничество к святыням Мекки и Медины, президент Казахстана заявлял: «Свершилось заветное чаяние наших предков, многие века только мечтавших о посещении святых мест… Теперь же мы счастливы, потому что вернулись в лоно ислама и вновь стали мусульманским государством»[27]. О том же говорил и Г.Алиев: «Республика Азербайджан – мусульманская страна. Нашу мусульманскую веру мы смогли сохранить, передавая ее из поколения в поколение, несмотря на тяжелые условия времени царизма и господства коммунизма. С падением коммунистического режима мы смогли, наконец-то, вернуться к нашим религиозным ценностям… Слава Господу, с сынами мира ислама и, в первую очередь, с сынами Королевства Саудовская Аравия нас связывают узы истории, обычаи и традиции, что свидетельствует лишь о том, что всех нас питает источник единой веры»[28].

Развивая отношения с постсоветскими «мусульманскими» государствами, саудовский истеблишмент решал важные задачи, связанные с курсом, проводимым им в арабо-мусульманском мире. Визиты трех президентов предполагали, что королевство, с одной стороны, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, с другой, должны координировать свою внешнюю политику в сферах, принципиальных, в первую очередь, для Саудовской Аравии. Речь шла о прокламировавшихся всеми участниками двусторонних контактов единых подходах к решению арабо-израильского конфликта и палестино-израильского противостояния. Однако, в равной мере в то время это относилось и к боснийскому вопросу[29]. Но более существенным аспектом двусторонних отношений стало признание странами Центральной Азии и Азербайджана своего «мусульманского» характера (а затем и легитимируемого этим обстоятельством вступление в ОИК) в качестве основы для

дальнейшего развития связей с саудовской стороной. Принятое по итогам визита Г.Алиева совместное саудовско-азербайджанское коммюнике отмечало в этой связи: «Подтверждая желание укреплять узы исламской дружбы и поддерживать исторические и культурные связи между обеими братскими странами, обе стороны выразили стремление содействовать развитию экономических, торговых, инвестиционных, культурных, молодежных и спортивных связей»[30]. Естественно, что в тексте этого коммюнике содержалось осуждение «Армении, оккупирующей часть территории Азербайджана», подчеркивалась необходимость «вывода армянских войск с азербайджанской земли», а также решения всех спорных вопросов «за столом переговоров»[31]. Саудовская Аравия вновь выступала как, «центральное звено» мусульманского «содружества» как признанный поборник прав «мусульманских» народов и стран и последовательный сторонник защиты их интересов.

Визиты глав трех постсоветских республик в королевство открывали перед этими государствами беспрецедентную возможность развития торгово-экономических связей (включая и их инвестиционный аспект) с Саудовской Аравией. Эта задача была основной как для И.Каримова, так и для Н.Назарбаева и Г.Алиева, и ради ее решения они и использовали приветствовавшуюся саудовским истеблишментом мусульманскую риторику. Обращаясь к прибывшей в ноябре 1996 г. в Ташкент делегации саудовских бизнесменов во главе с президентом Ассоциации торгово-промышленных палат королевства А.аль-Джурейси, И.Каримов подчеркивал, что «торговые и финансовые отношения между обеими странами придадут новый импульс уже существующим между ними связям», выражая «готовность создать льготные условия для капиталовложений саудовских предпринимателей»[32]. Но не менее активно мысль о развитии хозяйственных связей с саудовской стороной звучала в заявлениях президентов Казахстана и Азербайджана. В ходе визита в королевство Н.Назарбаев отмечал в интервью газете «Указ»: «Во время состоявшего ранее (в апреле 1994 г., – *Г.К.*) визита министра иностранных дел Казахстана в Королевство Саудовская Аравия он обсуждал со своими коллегами-министрами нефти, торговли и планирования вопросы торгово-экономического сотрудничества между нашими странами. Я надеюсь, что мой визит в Королевство Саудовская Аравия поднимет эти отношения на новый качественный уровень, отвечающий политическим и экономическим возможностям наших братских стран»[33]. В свою очередь, Г.Алиев подчеркивал: «Основной целью моего визита в королевство является установление прямых экономических связей между ним и Азербайджаном… Во время своего визита я предполагаю встретиться с рядом саудовских предпринимателей, чтобы призвать их вкладывать капиталы в азербайджанскую экономику. Я надеюсь, они откликнутся на мой призыв, что и заложит прочную основу для

развития взаимовыгодных торговых и хозяйственных контактов между нашими странами»[34].

Не приходится говорить, что в определенной мере эти ожидания оказались оправданными. Алматы, Ташкент и Баку были связаны линиями прямых воздушных сообщений с саудовской столицей и чартерными линиями с Меккой и Мединой в сезон паломничества. Центральноазиатские государства и Азербайджан, с одной стороны, и Саудовская Аравия, с другой, устанавливали и парламентские контакты (в сентябре 1998 г. Казахстан посетила делегация саудовского Консультативного совета). Но Алматы (в дальнейшем и Астана) и столицы двух других постсоветских «мусульманских» государств лишь постепенно становились объектом внимания саудовских бизнесменов, представленных прежде всего Ассоциацией торгово-промышленных палат[35]. Как и в случае создания дипломатических миссий, инициаторами установления двусторонних хозяйственных контактов обычно выступали государства Центральной Азии и Азербайджан.

Визит Г.Алиева в Саудовскую Аравию стал поводом для подписания саудовско-азербайджанского соглашения о торгово-экономическом, инвестиционном, техническом и культурном сотрудничестве, а также сотрудничестве в области молодежных и спортивных обменов. В июле 1994 г. Баку посетила первая саудовская экономическая делегация во главе с министром торговли У.Дж.Факихом. Итогом ее переговоров с азербайджанской стороной стало создание совместного саудовско-азербайджанского комитета по торгово-экономическому, инвестиционному, техническому и культурному (включающему также вопросы развития «мусульманской культуры») сотрудничеству между двумя странами. Однако, ответный визит азербайджанских бизнесменов в королевство имел место лишь два года спустя, а происходившее в столице Азербайджана первое заседание вновь созданного совместного комитета состоялось только в начале февраля 2001 г.[36] Одним из основных вопросов, обсуждавшихся в ходе его заседаний, стала проблема взаимодействия обеих стран в области нефти. Азербайджанская сторона «призвала саудовских предпринимателей к участию в осуществляемых на территории республики нефтяных и газовых проектах», поскольку по ее мнению, эта сфера деятельности вновь созданного комитета являлась едва ли не его главной задачей[37].

В ноябре 1996 г. первая саудовская экономическая делегация посетила Ташкент. Но годом раньше, в ноябре 1995 г. визит узбекской делегации в Эр-Рияд завершился подписанием идентичного саудовско-азербайджанскому саудовско-узбекского соглашения о торгово-экономическом, инвестиционном, техническом и культурном сотрудничестве, а также сотрудничестве в области молодежных и спортивных обменов[38].

Относительно активные саудовско-казахстанские торгово-экономические и технические контакты[39] стали возможны только после со-

стоявшегося в конце октября – начале ноября 2000 г. по личному приглашению Н.Назарбаева визита министра обороны и авиации саудовского королевства принца Султана бен Абдель Азиза в Астану и Алматы. Саудовская и казахстанская стороны пришли к соглашению о «необходимости увеличения инвестиций и создания совместных предприятий в обеих странах»[40]. Речь шла также и о сотрудничестве обоих государств в сфере гражданской авиации, борьбе с производством и сбытом наркотиков, в области судопроизводства и развитии религиозных и культурных связей. Казахстанская сторона, как вытекало из текста подписанного по итогам визита совместного коммюнике, могла получить дополнительные кредиты от Саудовского фонда развития, необходимые для завершения строительства новой столицы Казахстана и модернизации инфраструктуры этой республики. Но важный успех был достигнут и саудовской стороной. Тот же документ подчеркивал, что обе стороны будут «координировать политику в области производства и торговли углеродными энергоносителями, направленную на сохранение стабильности на мировом нефтяном рынке».

Возникала несколько необычная ситуация. Саудовский истеблишмент, открыто демонстрировавший свою заинтересованность в развитии связей с постсоветскими «мусульманскими» государствами, оказывался медлительным в ходе их налаживания и реализации. Естественно, что отсутствие соответствующих инициатив со стороны саудовского «предпринимательского класса» было следствием пассивности национальной политической элиты. Оценивая в конце 90-х годов состояние отношений между странами Залива в целом (и Саудовской Аравией, в частности) и государствами Центральной Азии и Азербайджаном, саудовский исследователь подчеркивал: «Конечно, шесть мусульманских республик, ставших независимыми после распада Советского Союза, еще молоды. Тем не менее, если сравнить уровень отношений между ними и государствами арабского мира, с одной стороны, с уровнем взаимодействия этих республик с европейскими государствами и некоторыми региональными державами, в частности, Турцией, Ираном и Израилем, с другой, то он, несомненно, окажется ограниченным… Несмотря на географическую близость этих республик к арабским странам Залива (их разделяет только Иран), невзирая на связывающие их и арабский мир культурные, исторические узы и даже торговые контакты, государства Совета сотрудничества все еще далеки от того, чтобы быть их настоящими партнерами»[41].

Цитируемый автор не был одинок в своих далеких от оптимизма выводах. Его точка зрения – всего лишь вариант оценок, предлагаемых и другими представителями саудовского академического мира: «Когда мусульманские республики провозгласили отделение и независимость от Советского Союза, многие арабские страны поспешили

признать их новый статус. Однако, их последующие действия, – после признания независимости этих республик, – были крайне медленными. Турция, Иран и Израиль действовали быстрее арабов, добившись многих выгод в сфере торговли и экономических связей. Арабы же все еще обещают и изучают»[42]. Наконец, говоря о постсоветском геополитическом пространстве, саудовский дипломат и исследователь, специализирующийся на изучении России, отмечал, что саудовское представительство на этом пространстве далеко от осознания королевством собственной роли в его пределах: «Среди «чудес» нашего присутствия, – отмечал он, – то, что, несмотря на солидное дипломатическое представительство (речь идет о Центральной Азии и Азербайджане, – *Г.К.*), – там работает пять посольств, – но в них «нет ни одного пресс-атташе или культурного атташе, представителя по делам образования. Более того, в посольствах отсутствуют торговые и экономические представители. Мы как будто ищем аспекты нашей потребности в регионе, в котором мы отсутствуем. И в то же время регион представляет собой нетронутое торговое пространство, полное прекрасных возможностей, с развитой наукой и культурой. Отсутствие же специализированных представительств остается отличительной чертой нашего присутствия на постсоветском пространстве»[43].

Цитировавшиеся оценки содержали много резонного. Заключавшиеся саудовской стороной соглашения носили, как правило, рамочный характер и далеко не всегда становились предметом практического претворения в жизнь. Визиты парламентских делегаций, а также правительственных чиновников и деятелей культуры (хотя в их случае речь, конечно же, шла о представителях религиозного истеблишмента) были эпизодичны и, в лучшем случае, представляли собой всего лишь поездки ознакомительного характера. В течение всей второй половины 90-х годов саудовская политика в регионе Центральной Азии и Закавказья переживала этап становления. Этот процесс действительно развивался медленно и непоследовательно и, пользуясь словами одного из цитировавшихся авторов, «стихийно», «на скорую руку», при отсутствии «рабочих программ, соответствовавших стратегическим или хотя бы промежуточным планам», вне «понимания особенностей региона, его политических и религиозно-мировоззренческих условий». Нередко, продолжал он далее, «мы несем с собой ошибочные идеологические представления», в том числе и тем, что «некоторые наши люди думают, что регион до сих пор находится под влиянием коммунистической идеологии»[44]. Возникала ситуация, которую другой его коллега назвал «крайне ограниченной степенью информированности» о постсоветских «мусульманских» государствах в том, что касается «экономических аспектов» их эволюции[45]. Более того, как вытекало из его слов, в странах Залива и, прежде всего, в самой Саудовской Аравии, уже сложилась группа

представителей того сегмента «частного капитала» (речь шла о деятельности представителей религиозных благотворительных фондов, – *Г.К.*), которая «уже действует в этих республиках». Представлявшаяся этим сегментом «предпринимательского класса» информация «негативно отражалась на деятельности как государственного, так и частного сектора экономики», дезориентируя тех, кто «выражает интересы его производительной сферы в отношении реальной ситуации в этих республиках». Это были суровые слова, но они могли быть высказаны только в условиях начавшегося в Саудовской Аравии «процесса реформ».

Разумеется, саудовские исследователи объясняли причины сложившегося положения. Эти объяснения были различны. Они зависели не только от сферы профессиональной деятельности того или иного исследователя, но и от их политических пристрастий, связанных с воззрениями, царящими в той или иной страте саудовского политического истеблишмента[46].

Предлагавшаяся некоторыми из них объективистская точка зрения отталкивалась от того, что «во временном отношении распад Советского Союза совпал с событиями, оказавшими отрицательное воздействие на арабский мир в целом и государства Совета сотрудничества, в частности»[47]. В числе этих событий называлась иракская оккупация Кувейта, «последствиями которой государства Совета сотрудничества заняты и сегодня» в силу того, что итоги этого события – «экономические, стратегические и политические» – оказались для них разрушительными. Возвращение же к ситуации, существовавшей до августа 1990 г., по меньшей мере, нелегкий процесс, хотя бы с хозяйственной точки зрения». Но цитируемый саудовский исследователь выделял и еще одно обстоятельство, важное для него в связи с объяснением причин неэффективности отношений с государствами Центральной Азии и Азербайджаном. Период 90-х годов, политически окрашенный для стран Залива, включая, в первую очередь, саудовское королевство, проблемой кувейтского кризиса, а также «мирным процессом и будущим отношений с Израилем», экономически принимал форму завершения эпохи роста мировых цен на нефть и начала процесса избавления от «иллюзий медвяных лет». Собственно, это и было причиной, не позволявшей Саудовской Аравии и государствам Залива заняться «выработкой стратегии отношений с государствами прежнего Советского Союза и, в первую очередь, с шестью мусульманскими республиками».

Отсутствие этой стратегии означало, что то место, которое потенциально могли бы занять страны Залива в экономике постсоветских «мусульманских» государств, оказалось монополизированым внешними по отношению к ним силами – Западом и Израилем, а также ведущими региональными державами-соседями Центральной Азии и Азербайджана – Ираном и Турцией. Конечно, «фактор географии,

истории и культуры связывал постсоветские республики с Турцией и Ираном». Отталкиваясь от него, они и смогли «построить прочные отношения со своими соседями». Отсюда вытекало, что в складывавшихся в 90-х годах обстоятельствах Саудовская Аравия могла апеллировать только к тому, что центральноазиатские государства и Азербайджан являются для нее членами «всемирной мусульманской уммы». Ведь она оказывалась неспособной противостоять «жесткой конкуренции» Запада (включавшего и Израиль) в «инвестиционной сфере, в области производства энергоносителей». Впрочем, в равной мере это относилось и к ненефтяным (а также негазовым) отраслям экономики «мусульманских» государств. Все это вновь подталкивало королевство к акцентированию религиозных основ (как и выдвижения соответствующей им риторики легитимации) своего взаимодействия с новыми факторами системы международных отношений. Тем не менее, эти выводы требовали экономических доказательств, способных убедить саудовский истеблишмент в том, что его политический курс в отношении Центральной Азии и Азербайджана далек от совершенства. Эти доказательства, конечно же, предоставлялись.

Сфера инвестиций в нефтяной и газовый сектор экономики государств Центральной Азии и Азербайджана выступала как наиболее показательная, демонстрируя ограниченность и, по сути дела, эпизодичность присутствия королевства в этом регионе. Это присутствие не охватывало Казахстан с его значительными нефтяными и газовыми месторождениями. Начало саудовской деятельности в Азербайджане было связано с подписанным 20 сентября 1994 г. соглашением о разведке и оборудовании нефтяных месторождений Азери-Чырag-Гюнешли[48] и создании международного консорциума – Азербайджанской международной операционной компании, объединившей американские, английские, норвежские и российские финансово-экономические группы. В консорциуме представлены две саудовские компании – «Дельта» и «Нимр». Однако обе они стали его членами не на основе соглашения с азербайджанским правительством, а в результате покупки части акций американской компании UNICOL – одного из участников международного консорциума. Общая доля обеих саудовских групп в совокупном капитале консорциума составляет только 1,68%[49].

Сотрудничество с UNICOL выступало и в качестве основы для присутствия компании «Дельта» в Туркменистане: в октябре 1995 г. обе финансово-экономические группы подписали с его правительством долгосрочный контракт о проведении разведывательных работ, связанных со строительством газопровода в пакистанскую провинцию Белуджистан через территорию Афганистана. Саудовское участие в этом проекте, предусматривающем не только дальнейшую прокладку газопровода, но и изучение возможностей реализации туркменского газа (объем перекачки которого должен составить не менее 2 млрд. м^3

ежедневно) на рынке Пакистана и соседних стран, составляет 40% общей суммы капиталовложений. Вместе с тем, возможность реализации этого проекта во многом затруднена не только в связи со все еще сохраняющейся нестабильностью на афганской территории, но и конкуренцией располагающих значительными запасами природного газа Ирана и Катара, также стремящихся включить Пакистан в число своих потенциальных экономических партнеров.

В целом, столь же несущественно саудовское присутствие и в тех сферах экономики государств Центральной Азии и Азербайджана, которые не связаны с нефтью или природным газом. Едва ли не единственным (и, скорее всего, относительным) саудовским достижением в этой области стало достигнутое в 1994 г. в ходе визита делегации Ассоциации торгово-промышленных палат королевства в Баку принципиальное соглашение о создании совместной саудовско-азербайджанской инвестиционной компании. Однако сколько-нибудь заметное движение в направлении реализации этого соглашения стало возможно только в 2001 г. после создания совместного саудовско-азербайджанского комитета по торгово-экономическому, инвестиционному, техническому и культурному сотрудничеству. Только тогда саудовская группа «Сабек» (при участии Саудовского фонда развития) выступила инициатором дальнейших переговоров с азербайджанской компанией «Азерхимия» о финансировании некоторых вновь создаваемых в этой республике промышленных объектов, в частности, в области химической промышленности и в энергетике[50]. Стоило бы, тем не менее, отметить, что возможность осуществления этих начинаний все еще лишь потенциальна. Как подчеркивалось в протоколе, саудовская делегация передаст «желание азербайджанской стороны», касавшееся, например, участия Саудовского фонда развития в финансировании намечавшихся проектов, «на рассмотрение заинтересованных сторон в королевстве»[51].

Не менее показательна и ситуация в сфере саудовско-казахстанских отношений (что характеризует и связи королевства с другими государствами Центральной Азии). Разумеется, визит принца Султана бен Абдель Азиза в Астану содействовал оживлению отношений между обоими государствами. Его непосредственным итогом стал состоявшийся в феврале-марте 2001 г. визит казахстанского министра финансов в саудовскую столицу, в ходе которого обе стороны обсуждали вопросы, связанные с возможностью участия «саудовских финансовых структур» (речь шла, в первую очередь, о Саудовском фонде развития) в реализации ряда «инвестиционных проектов», касавшихся модернизации инфраструктуры республики. Тем не менее, описывая двусторонние связи, казахстанская сторона предпочитала подчеркивать всего лишь наличие «обоюдного стремления» в сфере «налаживания сотрудничества в области науки и технологии», в частности, в ее отношениях с Саудовским фондом развития или с объединяющей действующих в Казахстане сау-

довских бизнесменов Центрально-Азиатской инвестиционной компанией «CAI-Kazakhstan»[52]. Впрочем, та же лексика употреблялась и казахстанским исследователем при описании им взаимодействия в иных сферах саудовско-казахстанских связей, включая возможности импорта «казахстанской квалифицированной рабочей силы и технического персонала» в королевство или получения саудовских грантов для реализации социальных проектов на территории Казахстана[53].

Саудовская Аравия в начале нового века: коррекция основ взаимодействия с постсоветскими «мусульманскими» государствами

Проблема развития отношений с государствами Центральной Азии и Азербайджаном постепенно приобретала для Саудовской Аравии характер насущной актуальности – период после распада советского государства открывал перед постсоветскими «мусульманскими» странами (при всех трудностях этого процесса) возможность стать действительными факторами мирового рынка нефти и газа. Для Саудовской Аравии могла возникнуть принципиально новая ситуация, в контексте которой новые члены «мусульманской уммы» могли бы быть не партнерами, а конкурентами королевства (а также возглавляемого им Совета сотрудничества арабских государств Залива), идентифицирующего себя с центром «мира ислама». Реальность возникновения этой ситуации определялась, в том числе, и тем, что Саудовская Аравия, как отмечалось, недостаточно была представлена в сфере их газонефтяного производства. И, напротив, широкое присутствие там Запада (при ведущей роли США) воспринималось в королевстве в качестве потенциальной угрозы его влиянию на мировом рынке энергоносителей.

Оценивая будущие перспективы добычи и транспортировки центральноазиатского и азербайджанского углеводородного сырья, в Саудовской Аравии подчеркивали, что «производство и экспорт нефти и газа» из бывших республик Советского Союза пока еще потенциально возможный феномен. Его эволюция тесно связана с «юридическим определением статуса Каспийского моря, жесткой конкуренцией в сфере строительства трубопроводов» и, наконец, «политической нестабильностью и межнациональным противостоянием, угрожающим проектам газо-нефтяного производства и поставок сырья на мировые рынки»[54]. Из этого, в частности, вытекало, что в обозримом будущем «у мира не будет альтернативы нефти Залива как источника энергии». Тем не менее, оптимизм саудовского исследователя был осторожен: «международная конкуренция за богатства региона (Каспийского моря, – *Г.К.*) продемонстрировала, что политическое руководство расположенных там государств отдает себе отчет в том, что эти богатства могут быть использованы в интересах процветания местных обществ, сохранения независимости и обретения особого поло-

жения в рамках международного сообщества». Его в большей мере интересовало другое: ведь Саудовская Аравия оказывалась перед необходимостью «создания стратегии взаимодействия с мусульманскими республиками». Он считал необходимым подчеркнуть, что эта «стратегия должна опираться на точное и четкое знание их возможностей и потребностей, а также всех деталей разворачивающейся вокруг них международной игры».

Вопрос не касался обязательности отказа от обычной саудовской легитимации и основанной на ней практике действия. «Признавая независимость мусульманских республик», Саудовская Аравия «оказывала им помощь прежде всего в сфере культуры». Но эта легитимация требовала во многом серьезной коррекции. Если центральноазиатские государства и Азербайджан станут когда-либо «одним из двух (второй – государства Залива, – *Г.К.*) основных источников производства энергетического сырья», то королевство должно будет исходить из понимания того, что «почти половина богатств мира находится в недрах мусульманской земли». Будет ли, однако, достаточным в этой связи считать, что постсоветские «мусульманские» государства всего лишь руководимая «центром уммы» – Саудовской Аравией – «периферия содружества стран ислама»? Ответ на этот вопрос оказывался отрицательным. Стратегия отношений королевства с этими государствами предполагала, подчеркивал цитируемый автор, «опору на совместные экономические интересы, определяемые происходящими ныне значительными международными переменами». Лишь так в современном мире мог появиться «стратегический блок, базирующийся на единстве историко-культурных уз, скрепляемых единством интересов».

Цитируемая точка зрения содержала одновременно и другой (хотя по многим своим параметрам подспудный) поворот темы саудовского взаимодействия с централь-ноазиатскими государствами и Азербайджаном. После провозглашения их независимости королевство оказывало им помощь, по сути дела, только «в сфере культуры». Разумеется, саудовское понимание идеи такой помощи означало, что речь шла о том, что в королевстве обычно называли «пробуждением мусульманского сознания». Тем не менее, уже в конце 90-х годов возможности предоставления этой помощи в значительной степени сужались. Взрывы 16 февраля 1999 г. в Ташкенте (вне зависимости от того, как эти события оценивались узбекским истеблишментом или оппозицией) поставили центральноазиатские политические элиты перед необходимостью более четкого определения своего отношения к тому, что их лидеры называли «радикально настроенными представителями религиозного экстремизма и терроризма»[55]. События в столице Узбекистана связывались отныне не только с действиями религиозной оппозиции в Ферганской долине, но и с последствиями гражданской войны в Таджикистане, акциями религиозных моджахедов на

территории Кыргызстана, как и, естественно, с Афганистаном – страной, ставшей «лагерем-полигоном, где готовятся международные террористы и экстремисты всех мастей».

Конечно, руководители государств Центральной Азии не квалифицировали Саудовскую Аравию как государство, оказывающее поддержку действующей в этом регионе под религиозными флагами оппозиции, поскольку их членство в рядах ОИК заранее исключало сколько-нибудь открытую критику в адрес королевства. Однако указание на Афганистан того времени, где у власти находился режим движения Талибан, было достаточно красноречиво. Саудовская Аравия поддерживала с ним дипломатические и гуманитарные отношения. Активизированное событиями в Ташкенте наступление на религиозную оппозицию (речь шла об Узбекистане и о Казахстане) ставило под вопрос возможности широкой деятельности саудовских благотворительных фондов[56], а равно и официальных структур королевства в сфере подготовки кадров проповедников.

В самой Саудовской Аравии (сентябрьские события 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне лишь ускоряли этот процесс) едва ли не открыто стали говорить о том, что «в конце 90-х годов более трети активно действующих на международном уровне террористических организаций руководствуются религиозными мотивами»[57]. Одним из наиболее серьезных проявлений международного терроризма там начинали называть не только «взрывы в феврале 1999 г. в столице Узбекистана», но и в целом «религиозно-террористическую деятельность… на Кавказе и в Центральной Азии». При этом непременно подчеркивалась «недопустимость нанесения террористических ударов по режимам в странах мусульманской уммы». Такими странами были, естественно, государства Центральной Азии и Азербайджан. Иными словами, осуществление ставившейся в повестку дня саудовской внешнеполитической деятельности конца 90-х годов – начала нового века идеи конструирования «мусульманского стратегического блока» было бы немыслимо без политической поддержки королевством режимов в постсоветских «мусульманских» государствах, что, по мнению его истеблишмента, и было гарантией их стабильности. В свою очередь, эта поддержка основывалась на позиции руководства этих государств. Активизируя наступление на оппозицию, их лидеры ни в коей мере не стремились как-то ограничить контакты между официальными мусульманскими структурами своих стран и институционализированной стратой саудовского корпуса улемов[58].

Однако, идея создания «мусульманского стратегического блока» означала, что уже в конце 90-х годов – начале нового века Саудовская Аравия оказывалась перед необходимостью коррекции идеи своих действий в отношении постсоветских «мусульманских» государств. Все тот же незначительный уровень присутствия королевства в сколько-нибудь значимых сферах их экономик подталкивал саудов-

ских исследователей к тому, чтобы делать вывод о необходимости использования уже накопленного Турцией и Ираном опыта двустороннего взаимодействия с государствами Центральной Азии и Азербайджаном. Иными словами, сама возможность развития успешных саудовских контактов с этими государствами оказывалась тесно связанной с перспективами углубления отношений и координации действий между королевством, с одной стороны, и двумя ведущими региональными державами, с другой. Для саудовских исследователей речь должна была идти о большей саудовской поддержке как деятельности Организации экономического сотрудничества (ОЭС), членами которой являются бывшие советские «мусульманские» республики, так и иранских начинаний, в частности, связанных с активным использованием проектов связи центральноазиатских и иранских железных дорог. Во всяком случае, их подчеркнутое внимание к примеру Объединенных Арабских Эмиратов (и, прежде всего, ведущей роли в этом процессе эмирата Дубай), являющихся ныне едва ли не самой успешно действующей страной Совета сотрудничества в области торгово-экономических контактов с центральноазиатскими государствами благодаря ее широким связям с Ираном, выступало тому весомым доказательством[59]. Это доказывают и реальные шаги саудовского «предпринимательского класса». Одной из задач вновь созданного осенью 2003 г. саудовско-турецкого экономическо-инвестиционного совета выступает и «расширение саудовских экспортных возможностей на рынках третьих стран». Государства Центральной Азии и Азербайджан были названы в этом контексте одними из первых[60].

Ситуация складывалась таким образом, что саудовский истеблишмент все более очевидно приходил к выводу о том, что развитие контактов с центральноазиатскими государствами и Азербайджаном требует активного подключения к этому процессу не только специализированных саудовских фондов (в частности, Саудовского фонда развития), но и ОИК и ее финансово-экономических институтов. В их списке ведущим инструментом становился Исламский Банк развития (ИБР). Как и в случае с саудовской поддержкой ОЭС, обращение королевства к возможностям ОИК определялось не только задачей сохранения им ведущей роли в рамках этой организации, но и обстоятельствами, которые во многом должны рассматриваться в качестве определяющих ныне внутриполитическую и внутриэкономическую ситуацию в самой Саудовской Аравии.

Начавшееся в этой стране в январе 2003 г. движение в сторону хозяйственных и социально-политических реформ предполагало, в том числе (как свидетельствовал один из важнейших документов процесса реформ – «Видение настоящего и будущего родины»[61]), «минимизацию одностороннего характера экономики на основе развития дополнительных источников доходов и поощрения национального и иностранного инвестирования». Несколько месяцев спустя,

заместитель главы Ассоциации торгово-промышленных палат королевства подчеркивал, что «условием подъема саудовской экономики должна стать промышленность как альтернатива опоре на нефть»[62].

Одной из причин нынешней убежденности саудовского «предпринимательского класса» как и поддерживающей его политической элиты в необходимости последовательной диверсификации национальной экономики[63] был также газово-нефтяной потенциал государств Центральной Азии и Азербайджана. Подчеркивая это обстоятельство, саудовский автор отмечал: «Хотелось бы, чтобы открытие нефти и газа в районе Каспийского моря стало бы для государств Залива новым стимулом, способным избавить их от… опоры на экспорт нефти и газа в качестве основного источника их доходов. Этот стимул должен заставить эти государства выработать экономическую стратегию, опирающуюся на современное видение вопроса природных и человеческих ресурсов, а также проблемы всестороннего развития стран-членов Совета сотрудничества»[64]. Не приходится говорить, что саудовское обращение к институтам ОИК в качестве орудия развития взаимодействия с постсоветскими «мусульманскими» государствами не только содействовало бы сохранению роли королевства в качестве поборника идеи «мусульманской солидарности», но и могло помочь его собственному более последовательному продвижению по пути социально-экономических реформ.

Казахстан стал, видимо, первым постсоветским «мусульманским» государством, уже осенью 1999 г. начавшим развивать отношения с ИБР. Итогом контактов с этим институтом ОИК стало создание в Алматы регионального (охватывающего своей деятельностью и Азербайджан) представительства Банка, предпринявшего финансирование реабилитации бывшего советского ядерного полигона в Семипалатинске, а также модернизации дорожной инфраструктуры республики[65]. Министр промышленности и торговли Казахстана А.Джаксыбеков стал председателем Совета директоров ИБР. Постепенно деятельность представительства была распространена и на более широкий круг постсоветских «мусульманских» государств, хотя она пока еще только в малой степени затронула Кыргызстан и Туркменистан. Среди проектов, осуществленных ИБР к началу 2003 г., было финансирование оборудования мусульманского университета «Икра»[66] в Алматы и оборудование Института им. имама Аль-Бухари в Самарканде[67].

В конце августа – начале сентября 2003 г. в Алматы состоялось 28-е ежегодное заседание Совета директоров ИБР. Его проведение приветствовал президент Н.Назарбаев, отмечавший в своем выступлении на заседании, что «Исламский Банк развития вносит важный вклад в процесс осуществляемых в Казахстане экономических реформ». Но, по его словам, речь должна также идти и о том, что сотрудничество его страны с ИБР «стало исходной точкой для развития

взаимодействия между Банком и всеми странами Центральной Азии»[68]. В свою очередь, в отчете А.Джаксыбекова подчеркивалась заинтересованность ИБР в расширении деятельности в постсоветских «мусульманских» государствах. Председатель Совета директоров Банка отмечал, что, вступив в ОИК, эти страны получили помощь Банка, составившую 353,2 млн. долл., включая 6,2 млн. в качестве технической помощи и 5 млн. – специальной (в частности, для финансирования своей региональной торгово-инвестиционной деятельности ИБД стал долевым участником капиталов двух казахстанских банков – «Казкоммерцбанка» и банка «Туран Алем»)[69].

26 сентября 2003 г. региональное представительство ИБР впервые организовало специальную инвестиционную конференцию в Душанбе[70]. Для приветствовавшего конференцию президента Э.Рахмонова ее проведение означало, что Таджикистан «получит поддержку со стороны Организации Исламская конференция и ее важнейшего финансового института в деле перехода страны к рыночной экономике». В свою очередь, заместитель председателя Совета директоров Банка отмечал большое значение членства этой республики в ОЭС в силу того, что эта организация «содействует реализации более широкого партнерства между странами ее участницами в сфере торгово-экономических связей и капиталовложений».

Наконец, 28 сентября того же года идентичная конференция была проведена в Ташкенте. В своем послании ее участникам И.Каримов отмечал, что Узбекистан заинтересован в сотрудничестве с ИБР в «нефтегазовой промышленности, добыче цветных металлов и драгоценных камней, химической, автомобилестроительной, текстильной и машиностроительной отраслях». Естественно, не менее существенным для его страны было и возможное участие ИБР в финансировании переработки хлопка. Однако, президент Узбекистана особо выделял желательность для республики сотрудничества с Банком в области «международных транснациональных коммуникаций, которые выходят в порты Персидского залива». Лишь так, по словам И.Каримова, Узбекистан сможет интегрироваться в «мировое сообщество» и расширить «экономические связи» со своими южными соседями, связанными с ним «длительной историей, богатым духовным наследием и едиными ценностями»[71]. Одним из этих соседей была, естественно, Саудовская Аравия.

[1] Критерием такого подхода выступало то, что «большинство населения этих республик являются мусульманами», хотя одновременно саудовские исследователи признавали специфичность демографической ситуации в Казахстане.

См., в частности, точку зрения сотрудника Института дипломатических исследований министерства иностранных дел Саудовской Аравии С.А.Ар-Раджхи: Ар-Раджхи С.А. Аль-Ауда аль-иктисадийя фи джумхурийят Асия аль-Вуста ва асаруха аля аль-джадва аль-истисмарийя ва мустакбаль аль-

илякат ат-тиджарийя маа дувваль маджлис ат-таавун аль-халиджий (Экономическая ситуация в республиках Центральной Азии и ее влияние на эффективность инвестиций и торговые отношения с государствами Совета сотрудничества стран Залива). Ат-Таавун, – Эр-Рияд, № 44, 1996. С. 13.

Салих Абдалла Ар-Раджхи – сотрудник Института дипломатических исследований министерства иностранных дел Саудовской Аравии.

[2] Совместное советско-саудовское коммюнике об установлении дипломатических отношений см. // Известия, – М., 19 сентября 1990.

[3] По сути дела, это и была едва ли не основная причина желания саудовской стороны восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом. См.: Аш-Шахри А.М.А. Аль-Илякат ас-саудийя ас-совьетийя ва ас-саудийя ар-русийя. 1926–1997 (Саудовско-советские и саудовско-российские отношения. 1926–1997 гг.). – Эр-Рияд, 2001. С. 278.

[4] Мекка и Медина.

[5] Здесь и далее см.: Мосаров Ш.Р. Илякат аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя маа аль-джумхурийят аль-ислямийя фи Васат Асия ва Аль-Кавказ (Узбекистан, Казахстан, Азербайджан) фи ахд Хадим аль-Харамейн аш-Шарифейн аль-малик Фахд бен Абдель Азиз Аль Сауд (Отношения Королевства Саудовская Аравия с мусульманскими республиками Центральной Азии и Кавказа (Узбекистан, Казахстан, Азербайджан) в эпоху Хранителя Двух Благородных Святынь короля Фахда бен Абдель Азиза Аль Сауда). – Эр-Рияд, 2002. С. 12.

Шах Рустам Шах Мосаров – доцент факультета языков и перевода Университета короля Сауда.

[6] Вторая половина 80-х – начало 90-х годов становилось временем, когда еще советские политические элиты центральноазиатских республик, как и Азербайджана, считали необходимым, подчеркивая *цивилизационную* специфику своих образований, завязывать связи с государствами региона Персидского залива. Саудовская Аравия в их списке занимала ведущее место. Описывая (подчас иронично) этот процесс, К.Н.Брутенц (в то время заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС) говорил в своих воспоминаниях: «Сейчас (речь шла о конце 80-х годов, – *Г.К.*) наши «мусульманские», особенно среднеазиатские, республики усиленно пробиваются в страны Залива». Речь, по его словам, шла о том, что эти республики «толпятся у порога этих стран и мешают друг другу». – Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. – М., 1984. С. 402.

[7] Аш-Шахри А.М.А., цит. соч., с. 290–291.

Известный (и пока еще единственный) саудовский исследователь советско-саудовских и российско-саудовских отношений отмечал, что цитировавшуюся им точку зрения выражали «некоторые круги» его страны. Она была единственным обоснованием необходимости саудовских связей с постсоветскими центральноазиатскими государствами и Азербайджаном и уже поэтому не могла не вытекать из общей позиции «правящего класса» королевства в отношении «советских мусульман».

[8] Здесь и далее: Аль-Лахайдан А.Ф. Аль-Муслимун ва ан-низам аль-алямий аль-джадид (Мусульмане и новый миропорядок). – Эр-Рияд, 2000. С. 55–56.

Абдалла бен Фахд Аль-Лахайдан – научный сотрудник Центра исламских исследований им. короля Фейсала.

[9] Вакфа маа масират ита арбаа санават фи джумхурийят аль-Иттихад ас-Совьетий ас-сабик. 1412–1416. Хейа аль-игаса аль-ислямийя аль-алямийя би аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя. (Этапы четырехлетнего пути благотворительности в республиках бывшего Советского Союза. 1412–1416 Х. Всемирный комитет исламского спасения в Королевстве Саудовская Аравия). – Джидда, 1417 Х. С. 1.

[10] *Аль-Футухат аль-ислямийя* – термин арабского (в частности, саудовского) историко-политического дискурса, обычно передаваемый по-русски как *исламское завоевание* или *арабо-мусульманские завоевания* территорий, которые в дальнейшем вошли в состав первых халифатов. Значение этого термина не может быть сведено только к военным акциям, поскольку в нем содержится более важный оттенок – *распространение света божественного откровения* на территории, оказавшиеся под властью вышедших с Аравийского полуострова последователей Пророка.

[11] Здесь и далее см.: Там же. С. 1–7.

Первыми «праведными халифами» – наследниками созданного Пророком «арабо-мусульманского» государственного образования были Абу Бакр, Омар, Осман и Али.

[12] Аль-Али Х.б.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя: аль-мустава аль-халиджий, аль-ислямий, ад-дуввалий (Принципы и цели саудовской внешней политики: Залив, исламский мир, международное сообщество). – Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет). – Эр-Рияд, 1419 Х. С. 66.

Халед бен Ибрахим Аль-Али – доцент политологии Института дипломатических исследований министерства иностранных дел Саудовской Аравии.

[13] Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 1.

Стоило бы отметить в этой связи, что саудовская «арабская», а отсюда и «мусульманская» самоидентификация имеет в своей основе «кочевническое» начало. Во многом и сегодня саудовские документы подчеркивают это обстоятельство. Поясняя содержание ст. 1 (гласящей, что «Королевство Саудовская Аравия – арабское, мусульманское полностью суверенное государство. Его религия – ислам, а конституция – Книга Всевышнего Господа и Сунна Его Пророка. Его язык – арабский») Основного закона правления, официальное издание королевства подчеркивает: «Эта статья содержит несколько важных, связанных с арабским характером и мусульманской религией констант королевства… Королевство Саудовская Аравия – арабское государство, его правители и подданные – арабы, принадлежащие к древним арабским племенам,… из которых и состоит саудовский народ…. Религия, которую исповедует Королевство Саудовская Аравия – благородный ислам… Нет ни одного саудовца, который не исповедовал бы ислам. В силу этого, конституция Королевства – это Книга Всевышнего Господа, Благородный Коран,… а также Пресветлая Сунна-книга изречений и деяний

Пророка. Язык Королевства это арабский язык, на котором был ниспослан Благородный Коран». – Лямахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя (Заметки о константах саудовской политики). – Эр-Рияд, 1995. С. 114–115.

[14] Здесь и далее: Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 6–7 и 11.

[15] Вакфа маа масират ита арбаа санават фи джумхурийят Аль-Иттихад Ас-Совьетий ас-сабик.

[16] Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 8–9.

[17] Характеризуя советский/российский ислам, рассматривающийся как доктрина, распространенная также в пределах Центральной Азии и Азербайджана, саудовский исследователь писал: «Это ислам жесткой традиции, полной элементов джахилийи, язычества и бесплодных иллюзий». – Аль-Хаббани М. Аль-Ислям ас-сиясий фи русия (Политический ислам в России). – Эр-Рияд, 1999. С. 48.

Мейсам Аль-Хаббани – научный сотрудник Центра исламских исследований им. короля Фейсала.

[18] Там же. С. 41.

[19] Здесь и далее см.: Аз-Захрани А.-Р.Х. Асар тафаккук аль-Иттихад ас-Совьетий аля амн аль-умма аль-ислямийя (Последствия распада Советского Союза для безопасности мусульманской нации). – Дирасат ис-лямийя, – Эр-Рияд, № 2, 1418 Х. С. 237–239.

Абдель Раззак бен Хаммуд Аз-Захрани – доцент социологии Исламского университета им. имама Мухаммеда бен Сауда.

[20] Здесь и далее: Вакфа маа масират ита арбаа санават фи джумхурийят Аль-Иттихад Ас-Совьетий ас-сабик, с. 19–42

[21] Аль-Манашит ас-сакафийя ли визарат аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-даава ва аль-иршад (Деятельность министерства мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства в сфере культуры). – Эр-Рияд. 2000. С. 82–84.

[22] См.: Аль-Баасат ад-дипломасийя. Мумассилийят аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи аль-харидж (Дипломатические миссии. Представительства Королевства Саудовская Аравия за рубежом). –

http://www.mofa.gov.sa/

[23] Аль-Баасат ад-дипломасийя. Аль-Мумассилийят аль-аджнабийя фи аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя (Дипломатические миссии. Иностранные представительства в Королевстве Саудовская Аравия). –

http://www.mofa.gov.sa/

[24] Вступление всех этих государств в ОИК происходило не всегда сразу после провозглашения их независимости и не одновременно. Первым из них стал Азербайджан, вступивший в ОИК в 1991 г., за ним последовали Кыргызстан и Таджикистан (1992 г.), и лишь только в 1995 г. членами этой организации стали Казахстан и Узбекистан. – См.: The O1C Member States. –

htp://www.oic-un.org/

[25] См. об этом: Ар-Раджхи С.А., цит. соч., с. 14.

[26] Здесь и далее документы визита И.Каримова и сопровождавшей его делегации в Саудовскую Аравию цит. по: Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 39–40.

[27] Там же. С. 63–64

[28] Там же. С. 96–97

[29] Принятое по итогам визита Н.Назарбаева совместное коммюнике подчеркивало, что обе стороны «поддерживают мирный процесс на Ближнем Востоке, который даст палестинскому народу возможность полной реализации его законных национальных прав». Раздел этого же документа, связанный с боснийской проблемой, подчеркивал: «Обе стороны глубоко сочувствуют страданиям мусульманского народа Боснии и Герцеговины. Они считают необходимым безусловное выполнение принятых Советом Безопасности решений, обеспечивающих законные права народа и правительства Боснии и Герцеговины, призывая международное сообщество положить конец трагическим событиям в этой стране». – Цит. по: Там же. С. 64–65.

Идентичные положения были включены и в текст совместного саудовско-азербайджанского коммюнике по итогам визита в королевство Г.Алиева. – См.: Там же. С. 98–99.

[30] Там же. С. 98.

Текст совместного саудовско-казахстанского коммюнике по итогам визита Н.Назарбаева, в частности, гласил: «Обе стороны достигли согласия укреплять и углублять отношения дружбы между странами во всех сферах, что отвечает надеждам и чаяниям обоих братских народов. Обе страны подтвердили необходимость еще больших усилий, направленных на то, чтобы последовательно и искренне содействовать подъему величия исламской нации и ее святынь, а также объединения ее рядов под знаменем исламского братства и солидарности. Обе страны направят свои усилия на то, чтобы поддерживать справедливые чаяния ислама и мусульман». Там же. С. 65.

[31] Там же. С. 98.

[32] Там же. С. 40.

[33] Цит. по: Там же. С. 70.

[34] Там же. С. 96.

[35] Здесь и далее см. сайт министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия –

http://www.mofa.gov.sa/

[36] Протокол первого заседания этого комитета см. в: Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 115–121.

[37] См. текст протокола заседания в: Там же. С. 116–118.

[38] Документы этого визита см. на сайте

http://www.mofa.gov.sa/

[39] В определенной мере представление о развитии этих контактов дает возможность получить изданная в Москве стараниями саудовской стороны работа казахстанского исследователя Б.Тасымова // См.: Тасымов Б. Саудовская Аравия: эпоха созидания короля Фахда ибн Абдуль Азиза Аль-Сауда. – М., 2002. С. 132–141.

[40] Здесь и далее см.: Аль-Баян ас-саудий аль-казакий аль-муштарак аля асар зиярат сахиб ас-сумувва аль-малякий аль-амир Султан бен Абдель Азиз ан-наиб ас-сани ли раис маджлис аль-вузара ва вазир ад-дифаа ва-т-

тайяран ва аль-муфаттиш аль-амм ли Джумхурийят Казахстан (Совместное саудовско-казахское коммюнике по итогам визита Его королевского высочества принца Султана бен Абдель Азиза, второго заместителя премьер-министра, министра обороны и авиации, генерального инспектора Королевства в Республику Казахстан). 2000 г. – http://www.mofa.gov.sa/

[41] См.: Ар-Раджхи С.А., цит. произв. С. 13–14.

[42] Мосаров Ш.Р., цит. произв. С. 11–12.

[43] Ат-Турки М. Очерк российско-саудовских отношений. – Эр-Рияд, 2003. С. 77–78.

К сожалению, автор располагает только непрофессионально сделанным русскоязычным изданием этой саудовской работы. Отсюда и вытекают стилистические погрешности цитировавшего им высказывания.

[44] Там же. С. 75–76

[45] Здесь и далее см.: Ар-Раджхи С.А., цит. соч., с. 14.

[46] Порой эти объяснения могли выглядеть, по меньшей мере, экзотично. Говоря о высоком уровне развития контактов между постсоветскими «мусульманскими» республиками и Азербайджаном, с одной стороны, и Израилем, с другой, А.-Р.Х. Аз-Захрани ссылался, в частности, на «еврейское засилье» в высших эшелонах власти этих республик. Впрочем, это же обстоятельство выдвигалось им в качестве основного и в связи с отношениями между ними и Западом. – Аз-Захрани А.-Р.Х., цит. соч., с. 236.

Однако, следовало бы учитывать, что в случае этого исследователя речь шла о точке зрения страты религиозных деятелей страны.

[47] Здесь и далее см.: Там же. С. 39–40.

[48] См. об этом документы, находящиеся на сайте
http://www.caspenergy.com/

[49] Здесь и далее см.: Ар-Раджхи С.А., цит. произв. С. 43–49.

[50] См. об этом: Протокол первого заседания совместного саудовско-азербайджанского комитета по торгово-экономическому, инвестиционному, техническому и культурному сотрудничеству // Мосаров Ш.Р., цит. произв. С. 116–117.

[51] Там же. С. 117.

[52] См.: Казахстано-саудовские отношения. Пресс-служба министерства обороны Республики Казахстан в связи с визитом в Астану принца Султана бен Абдель Азиза. – http://www.mod.kz/

[53] См.: Тасымов Б., цит. соч., с. 138–140.

[54] Здесь и далее см.: Аль-Хаслян С.М. Ас-Сыраа аля Казвин. Дираса лиль абъад аль-истратиджийя ли ат-танаффус аля сарват ан-нафт ва аль-газ фи минтакат Бахр Аль-Казвин (Борьба за Каспий. Исследование стратегических аспектов конкуренции за запасы нефти и газа в регионе Каспийского моря). – Эр-Рияд, 2000. С. 49–51.

Салих Мухаммед Аль-Хаслян – научный сотрудник Центра исламских исследований им. короля Фейсала.

[55] Здесь и далее см.: Выступление И.Каримова на саммите ОБСЕ в Стамбуле, 18 ноября 1999 г. – сайт пресс-службы Президента Республики Узбекистан
http://www.press-service.uz/

[56] Сокращение сферы деятельности саудовских благотворительных фондов в мире и их переориентация на работу внутри королевства после сентябрьских событий в Соединенных Штатах стало во многом очевидной тенденцией. См., в частности: Такрир муассасат «Аль-Харамейн» аль-хейрийя (Отчет благотворительного фонда «Аль-Харамейн»). Аш-Шарк Аль-Аусат, 19 сентября 2003 – http://www.asharqalawsat.coni/

[57] Здесь и далее см.: Ас-Салих М. Захира аль-ирхаб аль-муасыр: табиатуха ва авамилюха ва иттиджахатуха (Феномен современного терроризма: природа, факторы становления и направления деятельности). – Эр-Рияд, 2002. С. 75–76.

Муслих Ас-Салих – научный сотрудник Центра исламских исследований им. короля Фейсала.

[58] В этой связи достаточно сослаться на то, что после 1999 г. как с официальными визитами в Казахстане, так и в Саудовской Аравии не раз бывали представители государственных религиозных и юридических институтов обеих стран. – См.: Тасымов Б., цит. соч., с. 138–140.

В равной мере это относилось и к Узбекистану, и Азербайджану. – См.: Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 48–49 и 108.

В 1999 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Международным Фондом им. имама Аль-Бухари Узбекистана и Центром исламских исследований им. короля Фейсала Саудовской Аравии, предусматривавшее развитие двусторонних контактов, связанных с пропагандой мусульманской культуры. См. текст соглашения в: Мосаров Ш.Р., цит. соч., с. 114.

[59] См. об этом: Ар-Раджхи С.А., цит. соч., с. 50–54.

[60] Маджлис саудий-туркий муштарак ли зияда ат-тадаффукат аттиджарийя бейн аль-балядейн ва фатх манафиз джадида ли ас-садырат (Совместный саудовско-турецкий совет в интересах повышения объема торговых сделок между двумя странами и открытия новых экспортных возможностей). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 октября 2003. –

http://www.asharqalawsat.com/

[61] *«Руая ли хадыр аль-ватан ва мустакбилихи»*. Автор располагает компьютерной распечаткой этого документа, представленного 22 января 2003 г. группой саудовских интеллектуалов и предпринимателей наследному принцу Абдалле. Здесь и далее документ цит. по этой копии: С. 2.

[62] См. заявление Х.С. Аль-Хумейдана газете «Аш-Шарк Аль-Аусат». – аш-Шарк аль-Аусат, 28 сентября 2003. http://www.asharqalawsat.com/

[63] Наиболее детальное изложение движения в этом направлении содержится в аналитическом материале расположенного в эмирате Дубай Gulf Research Center. Reform in Saudi Arabia: Current Challenges & Feasible Solutions. Policy Analysis. Gulf Research Center, July 2003 – http://www.grc.to/

[64] Аль-Хаслян С.М., цит. соч., с. 51.

[65] См. об этом, в частности, отчет регионального представительства ИБР в Алматы: Islamic Development Bank, Representative Office, Almaty – http://www.isdb.org/

[66] «*Читай»* – слово, обращенное *Джабраилом* (архангелом Гавриилом) к Мухаммаду и побуждавшее будущего Пророка к чтению ниспосланного Господом Корана.

[67] 215th Session of the IDB Board of Executive Directors approves New Financing for more than US$ 538 million. – Jeddah, 16 June 2003. – http://www.isdb.org/

[68] Speech of H.E. Nursultan Nazarbayev, President of the Republic of Kazakhstan, at the Opening of the 28th Annual Meeting of the IDB Groupe. – Almaty, 2 September 2003.

– http://www.isdb.org/

[69] Statement by H.E. Adilbek Dzhaksybekov, Minister of Industry and Trade of the Republic of Kazakhstan and Chairman of IDB Board of Governors. – http://www.isdb.org/

[70] Здесь и далее см.: Муатамар аль-Банк аль-ислямий ли ат-танмия ябхас фурас аль-истисмар фи Таджикистан (Конференция Исламского Банка развития обсуждает возможности инвестирования в Таджикистане). – Аш-Шарк аль-Аусат, 27 сентября 2003. –

http://www.asharqalawsat.com/

[71] President sends greeting to IDB conference. 29 September 2003. – http://www.press-service.uz/

З.А.Соловьева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМИРНОГО БАНКА В ИОРДАНИИ

В современных условиях разворачивающегося процесса глобализации происходит усиление роли международных организаций, в том числе финансовых, в регулировании развития. Одним из наиболее авторитетных международных финансовых учреждений является Всемирный банк, объединяющий 184 государства-члена. Собственно термином «Всемирный банк» принято обозначать Международный банк реконструкции и Международную ассоциацию развития (МАР). Кроме них в группу Всемирного банка входят Международная финансовая корпорация, целью которой является содействие экономическому развитию путем поддержки частного сектора, Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям, работающее в области привлечения иностранных инвестиций в развивающиеся страны, и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров.

Развивающиеся страны, входящие в число наиболее бедных, имеют возможность получать гранты и беспроцентные займы через посредство МАР. Обычно такие средства предоставляются на срок 35–40 лет, включая 10-летний льготный период. Финансовые ресурсы МАР формируются за счет взносов 40 наиболее богатых стран мира.

Развивающиеся государства с более высокими доходами могут воспользоваться займами МБРР, предоставляемыми на срок 15–20 лет с льготным периодом от 3 до 5 лет. Финансовые средства выделяются под конкретные программы. В 2002 г. МБРР предоставил займы на общую сумму 11,5 млрд. долларов на финансирование 96 проектов в 40 странах. Совокупный объем кредитования Банка за все время его деятельности составил 360 млрд. долл.[1] Все свои ресурсы МБРР мобилизует на мировых финансовых рынках путем выпуска облигаций. Помимо предоставления кредитов, Банк занимается аналитической работой и консультирует страны по различным организационно-техническим вопросам.

Основными критериями, которыми руководствуется Банк, принимая решения относительно оказания помощи тем или иным странам, является уровень их бедности и экономического развития. Причем кредиты выдаются прежде всего тем государствам, в которых общая политическая ситуация способствует эффективности деятельности Банка и получению наиболее высоких результатов.

Особое внимание уделяется тому, чтобы программы помощи каждой стране разрабатывались по инициативе самих этих стран и вос-

принимались ими как свои собственные, а не навязанные извне. На этом основном принципе строится **Комплексная стратегия развития** – документ, определяющий характер отношений между Банком и его клиентами. Кроме того, обычно на трехлетний период разрабатывается **Стратегия содействия стране**, в которой определяется объем и характер планируемой помощи в зависимости от потребностей конкретного государства и результатов реализации предыдущих программ.

В 2000 г. на Саммите тысячелетия государства-члены ООН заявили о намерении сотрудничать в области достижения устойчивого развития и решения проблемы бедности. **Цели в области развития на пороге тысячелетия** стали документом, определяющим деятельность всего мирового сообщества в области развития, в том числе и Всемирного банка. Эти цели призваны помочь мировому сообществу достичь существенных, поддающихся измерению успехов, в процессе улучшения условий жизни людей. Сформулированы они были следующим образом:

– решить проблему крайней нищеты и голода

– обеспечить всеобщее начальное образование

– способствовать обеспечению равенства между мужчинами и женщинами, расширению прав и возможностей женщин

– сократить детскую смертность

– улучшить охрану материнства

– бороться с ВИЧ-СПИДом, малярией и другими опасными заболеваниями

– обеспечить экологическую устойчивость

– создать глобальное партнерство во имя развития.

Первые семь положений являются взаимодополняющими и призваны сократить масштабы проблемы бедности во всех ее проявлениях. Последняя цель – создание глобального партнерства во имя развития – определяет средства достижения первых семи целей. В рамках этих целей были разработаны конкретные показатели, на достижение которых должны быть направлены усилия как доноров, так и получателей помощи.

С учетом данной глобальной стратегии, Банком были очерчены две основные сферы приложения усилий: 1) создание благоприятных условий для притока инвестиций, трудоустройства населения и обеспечения устойчивого экономического роста, 2) расширение возможностей бедного населения для активного участия в процессе развития. В понимании экспертов МБРР, осуществление первой цели требует активизации развития частного сектора, а также стимулирование предпринимательской деятельности, создание необходимой инфраструктуры, обеспечение адекватной правовой среды. Вторая цель обусловливает важность развития здравоохранения, образования и всестороннего совершенствования человеческого капитала.

В регионе Ближнего Востока и Северной Африки с учетом его специфики деятельность Всемирного банка осуществляется по следующим основным направлениям: повышение эффективности госсектора, развитие частного сектора и создание новых рабочих мест в нем, совершенствование образования, рациональное использование водных ресурсов в условиях их скудости, а также обеспечение равенства для мужчин и женщин. В 2003 г. запланирован общий объем кредитования в 1,1 млрд. долл. на осуществление 19 проектов в 9 странах региона[2]. Большое внимание уделяется аналитической работе, организационно-технической помощи и «обмену знаниями». Особую статью представляет собой помощь странам, переживающим военные конфликты и постконфликтное восстановление (Ирак, Палестина).

По классификации Всемирного банка, Иордания входит в низшую категорию группы стран со средним подушевым доходом. По данному показателю – 1750 долл. – Иордания отстает от среднего уровня для региона Ближнего Востока и Северной Африки (2 тыс. долл.). Однако, по мнению экспертов Банка, Иордания, наряду с Тунисом и Марокко, относится к числу наиболее успешно развивающихся государств региона. Отсутствие нефтяных ресурсов вынудило эти государства искать другие источники финансирования развития, прилагать усилия для повышения эффективности экономики, ранее других встать на путь проведения реформ. Доля бедного населения, живущего менее, чем на 2 долл. в день, в Иордании в 2001 г. составила 12% (средний показатель для всего региона – 29,9%). Удельный вес неграмотных среди лиц старше 15 лет равен 10% в Иордании против 34% для Ближнего Востока и Северной Африки в целом, детская смертность – соответственно 25 и 43 промилле, ожидаемая продолжительность жизни – 72 и 68 лет, и эти сравнения в пользу Иордании можно продолжить[3].

Показатель фертильности, несмотря на его снижение (с 6,8 промилле в 1980 г. до 3,7 в 2000 г.), остается высоким. И это вызывает быстрый рост населения – 3% в год в период 1995–2001 гг. Еще более высокими темпами растет численность лиц трудоспособного возраста (4%). Это вызывает увеличение безработицы в стране, официально оцениваемой в 12% населения[4]. Некоторые иорданские экономисты полагают, что в реальности доля бедных во всем населении достигает 26%, то есть составляет величину гораздо большую, чем по оценкам МБРР. Во всяком случае, абсолютное количество лиц, живущих в бедности, растет, и в 2001 г. достигло 585 тыс. чел.[5] Другие вопросы, требующие своего решения в процессе успешного развития, – скудость природных ресурсов (топливных, водных, земельных), охрана окружающей среды, а также ряд экономических проблем, в целом типичных для большинства развивающихся государств (неэффективность госсектора, высокий уровень внешней задолженности, дефицит внешней торговли и пр.).

Иордания стала членом Всемирного банка в 1952 г. Всего за время сотрудничества с Банком стране было предоставлено кредитов на

сумму более 2 млрд. долл. Кредиты МБРР подразделяются на два основных типа – инвестиционные займы и займы на реструктуризацию. Первые выдаются на срок 5–10 лет на финансирование программ, нацеленных на создание необходимой инфраструктуры для устойчивого развития и на борьбу с бедностью. Удельный вес подобных кредитов составил 37% в общем объеме финансирования Иордании в 90-е годы, в том числе 10% было выдано на программы развития водоснабжения и водного хозяйства, 7% – на энергетическую инфраструктуру, 14% – на цели образования и социальную сферу. Кредиты на реструктуризацию, предоставляемые на 1–3 года, предназначены на проведение структурных реформ в экономике в целом или в отдельных отраслях, создание адекватной правовой среды. В настоящее время подобные кредиты все больше ориентированы на создание рыночных структур в экономике, проведение реформ в сфере государственного управления, налогообложения, финансов и внешней торговли, а также на преодоление негативных социальных последствий, нередко сопровождающих подобную трансформацию. Такие займы стали предоставляться с начала 90-х годов в координации с Международным валютным фондом. За 1990–2001 гг. их удельный вес в общем объеме финансирования Иордании достиг 63% (750 млн. долл.)[6].

Необходимо отметить, что финансовая помощь Иордании со стороны Всемирного банка в 90-е годы была относительно невелика, ее среднегодовой чистый объем в 1990–1999 гг. не превышал 41 млн. долл., или 7% от всего притока иностранного капитала в страну, включая государственные и частные источники. В первой половине 90-х годов эта доля составила 5%, во второй увеличилась до 8%. В отдельные годы выплата процентов по полученным ранее кредитам превышала приток новых средств. Для сравнения, за тот же период – 1990–1999 гг. – Япония предоставляла в среднем ежегодно Иордании 161 млн. долл., Европейский Союз – 143 млн. долл., США – 135 млн. долл.[7] В 2001 г. доля средств, полученных от МБРР, возросла до 39,7% от всего объема поступлений финансовых ресурсов в страну, равного 399,9 млн. долл. Однако, для страны сотрудничество с Всемирным банком по своему значению выходит за рамки чисто финансовой сферы. Оно заметно повышает рейтинг Иордании в мировом сообществе, открывает широкие возможности для взаимодействия с другими международными финансовыми организациями и странами-донорами, в том числе в решении проблемы внешней задолженности, способствует созданию благоприятного инвестиционного климата и активизации притока иностранного капитала. Долг Иордании Мировому банку на 2001 г. превышал 987,8 млн. долл., или около 15% всего объема внешней задолженности страны[8].

Направления работы Всемирного банка в Иордании тесно увязываются с национальными приоритетами развития. Так, основными целями пятилетнего плана экономического и социального развития

страны на 1993–97 гг. были провозглашены активизация частного сектора, стимулирование экспортной ориентации, а также либерализация внешней торговли и совершенствование финансовой системы. Соответственно, в центр внимания двух последовательно осуществлявшихся в Иордании стратегий содействия 1993 и 1995 гг. было поставлено ускорение экономического роста, базирующееся на развитии частного предпринимательства и экспорториентированных производств. В рамках стратегии 1993 г., осуществлявшейся параллельно со стабилизационной программой Международного валютного фонда, Иордания получала в среднем ежегодно 100 млн. долл. новых кредитов Банка. 55% средств представляли собой займы на структурную перестройку в сфере энергетики и сельского хозяйства, остальной объем был инвестирован в промышленность, транспорт, здравоохранение. Следующая стратегия содействия, принятая в 1996 г. и рассчитанная на 1996–99 г., предусматривала выдачу ежегодно 140 млн. долл. займов[9]. В этот период экспертами Банка проводились аналитические исследования в сфере образования и здравоохранения, а также в плане подготовки вступления Иордании во Всемирную торговую организацию и заключения договора об ассоциации с Европейским союзом.

В стратегии содействия Банка 1999 г. ставились задачи, во многом повторявшие цели принятого в Иордании пятилетнего плана развития на 1999–2003 гг. Основными направлениями в работе Банка на 2000–2002 гг. были названы стабилизация экономического роста путем активизации частного сектора, дальнейшая приватизация госсектора, диверсификация экономики (развитие туризма и новых отраслей обрабатывающей промышленности), тесная интеграция с мировой экономикой (развитие экспорта), совершенствование человеческих ресурсов, защита бедного населения.

По мнению специалистов Банка, основную роль в повышении эффективности экономики Иордании должна играть приватизация, поэтому, начиная с 1995 г., стране предоставлялись целевые займы на реформы госсектора. Процесс приватизации развивается в стране достаточно успешно, доходы от приватизации на конец 2001 г. составили более 850 млн. долл., поступающих в госбюджет и специальный правительственный фонд, средства из которого расходуются на социальные нужды и осуществление крупных инфраструктурных проектов. Из 40 намеченных для приватизации предприятий 34 успешно прошли эту процедуру[10]. Стимулированию частного сектора также способствуют кредиты Банка, направляемые в развитие инфраструктуры и в туризм.

Другая важная сфера деятельности Всемирного банка в Иордании – социальная, включающая здравоохранение, образование, реформу пенсионной системы, различные программы подготовки и переподготовки трудовых ресурсов, защиту и поддержку беднейших групп населения, в

частности, в сельской местности. Это направление в работе Банка отвечает задачам, поставленным правительством Иордании в принятом в 2001 г. и рассчитанном на 4 года плане социальной и экономической трансформации. Помимо экономических целей, таких, как увеличение частных капиталовложений, завершение административной и налоговой реформ, в нем указывается на необходимость обратить особое внимание на развитие человеческих ресурсов. Из всего объема инвестиций плана в размере более 380 млн. долл., или 4% ВВП страны в год намечается направить в социальную сферу – здравоохранение, общее и специальное образование, борьбу с бедностью и безработицей[11].

Всего в рамках стратегии содействия Иордании на 2000–2002 гг. ежегодно предоставлялось 100–150 млн. долл. займов. Кроме того, Банк обеспечил гарантии на получение 200 млн. долл. кредитов на создание инфраструктуры для частного сектора[12].

Проанализировав итоги развития иорданской экономики в 2000–2002 гг., специалисты Банка признали их успешными. Среднегодовые темпы экономического роста за этот период составили 4,7% по сравнению с 3,2% в 1996–1998 гг. Объем экспорта в 2001 г. возрос на 21%, в то время как в 1996–98 гг. он увеличивался в среднем ежегодно на 0,8%. Инфляция была менее 2% в год. Вместе с тем, в стране оставался большой дефицит госбюджета (3,8% ВВП в 2001 г.), а также высокий уровень внешней задолженности – удельный вес внешнего долга снизился с 114% ВВП в 1995 г. до 84,7% в 2001 г., но продолжал серьезно затруднять экономическое развитие Иордании[13]. Кроме того, существующие темпы экономического роста не соответствовали быстрому увеличению численности трудовых ресурсов, что не способствовало решению проблемы безработицы и бедности.

Достаточно активно идет процесс интеграции Иордании в мировую экономику. В 1999 г. заключено соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, в 2000 г. страна вошла в ВТО, в 2001 г. вступил в силу договор о свободной торговле с США.

С учетом всех этих соображений, экспертами МБРР была разработана новая стратегия содействия стране на 2003–2005 гг. Основные ее направления в принципе мало отличаются от предыдущей. Главными задачами являются ускорение экономического роста с целью снижения бедности в широком смысле, развитие человеческих ресурсов, продолжение реформы госсектора, поощрение частных инвесторов, рациональное использование природных ресурсов. За период 2003–2005 гг. Иордании планируется предоставить 305 млн. долл. кредитов, в том числе крупные займы в размере 110 млн. долл. на продолжение реформ госсектора и в объеме 120 млн. долл. на развитие здравоохранения[14].

По состоянию на 2003 г. Банком реализуются в стране 7 программ с общим объемом финансирования 311,7 млн. долл. Кроме того, входящая в группу Всемирного банка Международная финансовая корпорация, основной задачей которой является содействие развитию

частного сектора, обладает активами в 17 иорданских компаниях на сумму 113 млн. долл.[15]

Среди наиболее важных следует назвать программу поддержки реформы образования, охватывающей все ступени – с дошкольного до высшего образования, для чего выделен кредит в размере 120 млн. долл. Она направлена на улучшение качества знаний и их соответствие современному уровню. Особое внимание уделяется экономическому образованию. Займ в 35 млн. долл. будет направлен на реформу здравоохранения, основывающуюся на совместно проведенном в 1997 г. специалистами Банка и правительством Иордании исследовании состояния этой сферы. Программа развития инфраструктуры в сельской местности представляет собой начальную фазу долговременного проекта улучшения условий жизни наиболее бедного населения. Сравнительно большой кредит выделен на совершенствование водоснабжения Аммана, причем предусматривается активное участие частного сектора в этих работах. Начата программа по диверсификации растениеводства и развитию экспорта нетрадиционных видов растительного сырья, что позволит повысить конкурентоспособность Иордании на рынках Европейского Союза и государств Персидского залива. Кредит в 80 млн. долл. выделен на продолжение реформ в госсекторе, в частности, на мероприятия по повышению эффективности управления. Банк также проводит программу по сохранению культурно-исторического наследия и развитию туризма, на эти цели Иордании предоставляется 45 млн. долл.[16]

Таким образом, основной упор в работе Всемирного банка в Иордании делается на развитие человеческих ресурсов. В 1990–2001 гг. собственно в социальную сферу было направлено 30% кредитов Банка Иордании. Даже программы, осуществляемые в экономической сфере, в первую очередь нацелены на ускорение экономического роста и создание новых рабочих мест, что в конечном итоге должно способствовать улучшению качества жизни населения. По мнению специалистов Банка, страна делает заметные успехи в социальной сфере. С начала 90-х годов на три года увеличилась средняя продолжительность жизни, с 30 до 26 промилле сократилась младенческая смертность, удельный вес детей, получающих начальное образование, возрос с 67,5% до 96,5%. Расходы на здравоохранение в Иордании составляют 9,1% ВВП по сравнению с 4,3% ВВП в среднем для стран Ближнего Востока и Северной Африки, а расходы на образование – 5,6% ВВП при среднем показателе для региона 4,5%[17]. Предполагается, что к 2015 г. в стране будут в основном достигнуты показатели, намеченные в **Целях развития на пороге тысячелетия**.

В ближайшие годы Всемирный банк собирается сосредоточить свои усилия на нескольких основных направлениях. Прежде всего, продолжится работа в области макроэкономической стабилизации Иордании. Большое внимание по-прежнему будет уделяться борьбе с

бедностью, для чего необходимо проведение аналитических исследований причин бедности, распределения доходов среди различных групп населения, рынка труда в стране. При этом особое значений придается улучшению положения женщин в обществе: в настоящее время безработица среди женского населения в два раза выше, чем среди мужского, а уровень зарплат среди работающих женщин в Иордании составляет всего 80% от заработной платы мужчин. В госсекторе страны занято около 40% трудовых ресурсов, поэтому борьба с бедностью одновременно подразумевает повышение эффективности работы государственных предприятий. Другое важнейшее направление деятельности Всемирного банка в Иордании – программы по рационализации использования водных ресурсов. В настоящее время потребление воды в стране составляет 170 куб. м в год на 1 человека, что в 6 раз меньше соответствующего показателя для Египта и в 10 раз – для Сирии, государств со сходными природными условиями. Основная масса воды в Иордании – до 66% – расходуется в сельском хозяйстве преимущественно на нужды орошения, причем потери воды при этом составляют до 45%. Специалистами Банка поставлена задача снизить потери до 15% водопотребления.

Деятельность Банка в стране не ограничивается предоставлением финансовых средств, аналитической работой и технической помощью. По программам Банка привлекается большой дополнительный объем средств от других доноров. Так, за 1990–2001 гг. на каждый доллар выданных МБРР Иордании кредитов было дополнительно привлечено 1,02 доллара. Всемирный банк играет также важную роль координатора всей иностранной помощи Иордании, являясь организатором Консультативных совещаний государств и организаций-доноров.

[1] //www.worldbank.org/wBSITE/EXTERNAL/
[2] //www.worldbank.org/annualreport/2003/middle_east.html
[3] //genderstats.worldbank.org/
[4] Там же.
[5] //web.worldbank.org/
[6] //www.worldbank.org/mna/mena.nsf/
[7] //www.worldbank.org/jo
[8] //www.cbj.gov.jo/docs
[9] //www. worldbank.org/jo
[10] //www. worldbank.org/mna/mena.nsf
[11] //www.imf.org/external
[12] //lnwebl S.worldbank/
[13] //www.worldbank.jo
[14] Там же.
[15] //www.menareport.com/story
[16] //www.worldbank.org/e_library/
[17] //lmweb18.worldbank

Д.Ю.Шадрин

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ (на примере Союза Арабского Магриба)

В арабских странах на протяжении последних десятилетий углубились те структурные диспропорции в сфере продовольственного обеспечения, которые органически связаны со всей динамикой развития многоукладной экономики. В то время, как количественные и качественные параметры общественных потребностей в продовольствии все интенсивнее формируются под воздействием современного общественного разделения труда, становления и укрепления современных форм экономической деятельности, демонстрационного эффекта потребления, распространяемого из экономически развитых стран, продовольственный сектор сельского хозяйства, призванный удовлетворить продовольственные потребности, пока в значительной части своих подразделений представлен традиционным производством.

Резкое повышение социально- экономической динамики арабского мира и, в частности, стран Союза Арабского Магриба (САМ)* в последние время, сопровождавшееся мощными демографическими проявлениями, массовыми миграциями и активными урабанизационными процессами, обострило несоответствие между общественными потребностями и уровнем развития сельского хозяйства, а, следовательно, и продовольственным обеспечением.

Хотя арабский регион никогда не относился к числу стран, хронически нуждающихся в продовольственной помощи, ими было осознано, что только последовательная работа на широком фронте, включающая не только модернизацию производительных сил и средств производства, но и полное обновление социальной сферы в агросекторе, может обеспечить наращивание сельскохозяйственного производства в целом как предпосылки увеличения товарной массы продовольствия. Учитывая при этом, что частный капитал более способен, как правило, функционировать в текущих производственных сельскохозяйственных операциях и не заинтересован в долгосрочных инвестициях, основная тяжесть в реализации задач, связанных с обеспечением условий для подъема аграрного сектора, возлагается на государство. Но государство осуществляет недостаточное финансирование сельскохозяйственного производства, и пока модернизация осу-

* В САМ входят Алжир, Ливия, Марокко, Мавритания, Тунис.

ществляется за счет обновления отдельных элементов материально-технической базы преимущественно очагами, что позволяет в определенной степени компенсировать естественный прирост населения и выбывание из хозяйственного оборота земельных массивов, но не дает возможностей к росту продовольственного фонда в масштабах, опережающих количественный рост населения в арабском мире.

Ныне ситуация с продовольственной обеспеченностью воспринимается по ряду параметров как достаточно спокойная, и сбои в обеспечении питанием регистрируются преимущественно в результате стихийных явлений, вызванных, как правило, засухами, периодически поражающими аграрное производство в арабском мире. В целом же обеспеченность питанием в арабском регионе неоднородна, и эта неоднородность проявляется тем больше, чем больше финансовые фонды государств, выделяемые на местное производство и импорт продовольствия. В наиболее выгодном положении находятся нефтеэкспортирующие государства, к показателям которых, по отдельным направлениям продовольственного обеспечения, подтягиваются страны со средним уровнем развития. Ситуация заметно ухудшается в странах с низким уровнем развития, население которых часто сталкивается с недостатком питательных элементов в своем рационе.

Исследования, проведенные ФАО (Международная продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций) и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), показывают, что минимальное количество энергии, необходимое для жителей ближневосточного региона, должно составлять не менее 2456 калорий в день. Для сравнения можно указать, что, например, минимальный пищевой рацион жителей Туниса должен составлять 2390 калорий, Марокко – 2420, Алжира – 2400[1].

Важно отметить, что, если эталонный показатель в начале 70-х годов был достигнут только Марокко, то уже к середине 80-х годов его достигли все страны САМ.

Динамика количества калорий в день на 1 чел.

страны	Годы						
	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Алжир	1794	2164	2662	2724	2902	2962	2928
Ливия	2440	3279	3456	3230	3280	3256	3324
Мавритания	1910	1977	2117	2496	2564	2671	2762
Марокко	2469	2662	2723	2871	3089	2911	2966
Тунис	2323	2640	2887	3003	3153	3190	3310

Составлено по: Food Balance Sheet, FAO, www. fao.org

Если проанализировать динамику потребления пищи по калорийности в странах Магриба, то выяснится, что за период с 70-го до начала 2000-го гг. рост потребления калорий в Алжире на душу насе-

ления увеличился с 1794 до 2928 калорий в день. В Ливии с 2440 до 3324 калорий, в Марокко с 2469 до 2066 калорий, в Тунисе с 2323 до 3310 калорий и в Мавритании с 1910 до 2762 калорий.

В целом можно сказать, что с точки зрения калорийности, питание этих стран (имеются ввиду усредненные показатели) в количественном плане соответствуют установленным стандартам, хотя еще весьма далеки от совершенства в силу преобладания в нем калорий, поступающих от растительных источников. В 2000 г. в Алжире, Тунисе и Ливии калорийный состав формировался за счет растительных источников на 90%, в Марокко на 93% и в Мавритании на 84%.

Доля растительных и животных компонентов в питании населения и уровень потребления

(% от рекомендуемого ФАО, по состоянию на 2000 г.)

Страны	Количество калорий в день На 1 чел.	За счет растительных источников, (%)	За счет животных источников, (%)	От рекомендуемого ФАО минимального уровня потребления, (%)
Алжир	2928	90	10	122
Ливия	3324	90	10	140
Мавритания	2762	84	16	119
Марокко	2966	93	7	123
Тунис	3310	90	10	139

Составлено и рассчитано по: Food Balance Sheet, FAO, www.fao.org

Если исходить из приведенных сведений, то можно отметить, что во всех приведенных странах, кроме Алжира, Ливии и Марокко, отмечается устойчивый рост калорийного обеспечения на всем протяжении исследуемого периода.

Динамика потребления белков в день на 1 чел.

(граммы)

страны	Годы						
	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Алжир	47,1	58,1	68,3	72,6	77,7	80,1	79,3
Ливия	60,4	80,8	91,1	82,6	83,1	83,5	89,2
Мавритания	75,4	71	72,8	81	79,3	77,3	75,3
Марокко	64,4	69,8	71,4	77	86,6	76,5	79,7
Тунис	58,4	70,1	79,7	83,7	83,7	86,8	90,7

Составлено по: Food Balance Sheet, FAO, www. fao.org

Расчеты ФАО для Ближнего Востока показывают, что потребление белков в день должно составлять 80 г. Тем не менее, лишь в Алжире,

Тунисе и Ливии отмечается устойчивый рост потребления белков. Кроме того, в 2000 г. Марокко, Мавритания и Алжир не соответствовали установленному критерию. Причем, лишь в Мавритании и Марокко наблюдаются резки перепады в количестве потребления белковых соединений.

Однако, при этом следует указать, что даже при улучшении стандартов питания за счет увеличения содержание белка в диете, все же ни одна из пяти стран за рассматриваемый период не добилась к 2000 г. доведения содержания животного белка (по стандарту ФАО он составляет 45,5 г в день) до положенной нормы. Так Тунис и Ливия отставали от стандарта в 1,9 раза, Мавритания в 1,7 раза, Марокко в 3 раза, Алжир в 2,3 раза.

Сходная ситуация может быть прослежена и в случае с потреблением жиров на душу населения. Безусловным лидером в потреблении этого продукта является Ливия и Тунис. Резко отстает от них Марокко, Алжир и Мавритания.

Динамика потребления жиров в день на 1 чел. (граммы).

страны	Годы						
	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Алжир	35,8	39,3	59,3	64,7	72,8	74,5	67,1
Ливия	70,6	89,2	110,1	96,8	109,6	103,5	107,9
Мавритания	52,6	50,5	57,6	59,9	65,6	68,6	64,8
Марокко	43,8	47,7	49,7	54,6	57,6	59,6	58,5
Тунис	64	73,9	71,6	78,4	87,5	85,9	99,8

Составлено по: Food Balance Sheet, FAO, www. fao.org

При рассмотрении ситуации с потреблением жиров можно увидеть, что совокупное их потребление достигло в Ливии к 2000 г. – 107,9 г., в Тунисе – 99,8 г., в Алжире, Марокко и Мавритании соответственно – 67,1, 58,5 и 64,8 г. При этом сохраняется тенденция, в соответствии с которой в жировом компоненте наибольшая доля образуется за счет жиров из растительных источников (в Алжире – 50,2 г, Ливии – 83,8 г, Мавритании – 38,3 г, Марокко – 43,7 г, Тунисе – 78,1 г).

Из сказанного выше следует, что продовольственная ситуация в странах САМ не требует значительного увеличения количества продовольствия. При этом часть жителей этих стран получают продукты питания в больших количествах, чем необходимо; другая же испытывает в них острую нужду. И здесь остро проявляется проблема душевого дохода, которая лишает человека возможности удовлетворять свои потребности даже в основных продуктах питания. Например, с экономической точки зрения на международном рынке нет недостатка продовольствия, но количество голодающих и недоедающих оценивается в 800 млн. человек.

Динамика дохода на душу населения является одним из важнейших показателей изменчивости и уровня обеспеченности населения основными средствами существования. Размер доходов непосредственно определяет состояние семейных бюджетов и возможности удовлетворения насущных потребностей физических лиц.

Динамика среднего душевого дохода
(долл. США)

Страны	Годы						
	1970	1975	1980	1985	1990*	1995**	2002**
Алжир	376	973	2268	2650	2106	1590	1720
Ливия	1874	5219	11693	7966	8965	-	-
Мавритания	-	-	-	-	520	460	410
Марокко	264	759	1182	1038	1006	1120	1190
Тунис	281	772	1369	1139	1553	1820	2000

Составлено по: Джано Джомаа, Продовольственная ситуация в арабском мире, М., 1996; с. 197;

* Азия и Африка сегодня, – М. № 4, 1997; с. 24;

** 2003 World Development Indicators 2003, World Bank.

Различия в материальном положении разных арабских стран обусловливаются диаметрально противоположные стандарты удовлетворения жизненных потребностей людей. В первую очередь, это касается нефтеэкспортирующих арабских государств, которые резко выделяются на общем фоне в арабском мире своей способностью поддерживать высокий душевой доход и, соответственно, потребительские расходы.

Статистически данные показывают, что в Алжире 52,3%, в Ливии 37,2%, в Тунисе 39% дохода семьи тратится на удовлетворение потребностей в пище, в Марокко – 45,2%, а в Мавритании – 73,1%. Очевидно, что в структуре расходов в бедных странах расходы на продовольствие становятся основным каналом изъятия средств из семейных бюджетов, тогда как в зажиточных обществах эта статья расходов почти вдвое меньше.

Динамика потребительских расходов
по основным статьям семейного бюджета (%)

Показатель	Алжир	Ливия	Марокко	Мавритания	Тунис
	1988	1977	1994	1990	1985
1. Продукты питания	52,3	37,2	45,2	73,1	39,0
2. Одежда	8,6	6,9	-	8,1	6,0
3. Жилье	6,7	32,2	12,5	-	10,7
4. Прочие расходы	32,4	23,7	-	-	44,3

Составлено по: Encyclopedia e Britannica, 2001.

Положение осложняется не только из-за низкого дохода, но и из-за тенденции к его дальнейшему относительному снижению. Это становится особенно наглядным, если принять во внимание высокие темпы естественного прироста населения в арабских странах, вызванные, с одной стороны, снижением смертности, а с другой, – сохранением высокой рождаемости.

Высокие темпы прироста населения означают большие трудности в странах САМ для обеспечения населения продовольствием в необходимых объемах. Если учесть, что, например, в Алжире численность населения в 1970 г. составляла около 13,7 млн. человек, а к 1990 г. она практически удвоилась, составив 25 млн. человек, а к 2000 г. достигла 30,2 млн. человек, то становится ясным, насколько остро стоит в этой стране продовольственная проблема в силу одного только демографического фактора.

Численность населения (тыс. чел.)

Страны	Годы								
	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005*	2010*
Алжир	13746	16018	18740	21887	25017	27878	30245	32877	35549
Ливия	1986	2446	3043	3786	4306	4751	5237	5768	6332
Мавритания	1262	1423	1609	1812	2030	2300	2645	3069	3520
Марокко	15310	17305	19382	21995	24564	26839	29108	31564	34066
Тунис	5127	5668	6469	7357	8207	8950	9519	10042	10581

Составлено по: World Population Prospects: The 2002 Revision, UN, www.un.org

* Прогноз.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в арабских странах не происходит заметного снижения рождаемости. В связи с этим, в странах Ближнего Востока и Северной Африки имеет место заметное увеличение числа бедных с доходом менее двух долларов США в день, которые составили к 2002 г. около 69 млн. чел., или 23% от общей численности населения[2]. Такая ситуация обусловлена целым рядом факторов, в том числе влиянием религиозных традиций. «Средний возраст вступления в брак в мусульманских странах значительно ниже, чем в христианских. Основная часть девушек в арабских странах выходит замуж до 19 лет… Доля замужних женщин в возрасте 15-19 лет в Ираке, Тунисе и Египте колеблется от 31 до 40%,… 49% в Марокко. В европейских странах этот показатель равняется примерно 5%»[3].

Английский демограф Х.Сингера автор статьи «Распределение дохода и рост населения», на основании своих исследований приходит к выводу, что бедность и плохое питание, следствием которых является ухудшение здоровья и повышение смертности, ведут к увеличению рождаемости. Неграмотность, которая идет бок о бок с бед-

ностью и недоеданием, лишает людей доступа к необходимой информации, к государственной системе здравоохранения, к программам по планированию семьи[4].

Демографы отмечают, что занятость женщин вместе с экономической основой прежнего семейного уклада и соответствующего ему семейного труда разрушает и прежние семейные отношения. Массовое вовлечение женщин в общественную деятельность увеличивает время их участия в производстве и сокращает время занятости семьей, что прямо ведет к сокращению рождаемости[5]. Но если учесть, опираясь на данные начала 90-х годов, что в арабских странах процент женщин, участвующих в общественном труде, очень низок (в Алжире и Ливии около 4,5%, в Марокко, Мавритании около 13%, а в Тунисе 15,8%), то нетрудно понять одну из причин сохранения в арабских странах высоких темпов прироста населения.

Остается нерешенной проблема увязки заработной платы с ценами. Государство субсидирует цены на некоторые основные виды продовольствия – рис, муку, чай, сахар. Эта мера обеспечивает минимум потребления для малоимущих слоев населения. Неэффективность данной политики может привести к разрастанию черного рынка продуктов, обострению недовольства народных масс, что может потребовать от правительств чрезвычайных акций. Здесь достаточно упомянуть в качестве примера «хлебные бунты» в Египте в 1978 г. и 1985 г., события в 80-х годах в Сирии и Тунисе или волнения в Иордании в середине 90-х годов, когда сбои в продовольственном обеспечении и заметное ухудшение материальных условий существования населения привели к резким выступлениям против власти.

Примечательно, что в Алжире цены растут быстрее, чем в ряде других странах Магриба. Так, с 1990 г. по 1995 г. в Алжире рост цен составил 347%, в Тунисе – 132% и в Марокко – 143%. Однако, следует учесть, что душевой доход в некоторых из стран САМ снизился по сравнению с прошлыми годами.

Очевидно, что в подобных обстоятельствах, в условиях ограниченного притока финансовых ресурсов извне и узости внутренней базы накопления единственным выходом из создавшейся ситуации остается «опора на собственные силы» – призыв, ставший лозунгом стратегии развития в ряде арабских стран в последнее десятилетие. Для исполнения этой задачи в арабском мире стали широко практиковать переход к импортзамещению и экспорториентации как возможности мобилизовать внутренние ресурсы в целях ускорения экономического подъема и социального прогресса, как залога повышения благосостояния населения. Одно из направлений перестройки экономики – обеспечение ускоренного развития производства продовольственных культур, интенсификация отраслей сельского хозяйства, создание агропромышленных комплексов, что в совокупности должно привести к решению проблем продовольственного обеспечения стран Магриба.

Индекс потребительских цен на продукты питания
(1980=100; 1990=100)

Страны	Годы							
	1980	1985	1986	1987	1988	1990*	1993*	1995*
Алжир	100	128	149	161	167	100	188	347
Марокко	100	166	181	182	183	100	123	143
Тунис	100	160	169	180	194	100	117	132

Составлено по: Statistical Yearbook 1987, New-York, 1990, с. 119–123; Statistical Yearbook 1996, New-York, 1999, с. 162–166.

* За базовый год взят 1990 г.

Многое в продовольственной ситуации определяется экономической политикой правительств. Государство в арабском мире, как и в странах развитого капитализма, оказывает существенное воздействие на сельское хозяйство, а также на потребительский продовольственный рынок. Политика правительств стран САМ в отношении сельского хозяйства и продовольственного рынка охватывает установление закупочных цен на сельхозпродукцию, субсидирование некоторых элементов производственных затрат крестьянских хозяйств, предоставление малоимущим горожанам субсидий на покупку продуктов питания, помощь в организации кооперативов и другие меры. Устанавливая гарантированные закупочные цепы на основные продукты сельского хозяйства, власти хотят добиться увеличения их производства. Однако, в условиях чрезвычайной технической отсталости сельского хозяйства многих стран, попытки их правительств стимулировать рост сельскохозяйственного производства с помощью политики цен приносят мало успеха.

Наиболее показательна ситуация с производством продовольствия из расчета на 1 человека в год. Если в Алжире и Ливии имеется повышательная тенденция производства продовольствия, то в Марокко, Мавритании и Тунисе наблюдается его значительное снижение, начиная с 90-х годов. Это свидетельствует о нарастании отрицательной динамики в балансе производства сельскохозяйственной продукцией продовольственного назначения. И эта тенденция приводит к растущему дефициту продуктов местного производства.

Индекс производства продовольствия
в расчете на 1 чел. (базовый год 1989–1991)

Страны	Годы							
	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2002
Алжир	122,5	74,7	94,4	101,9	93,5	109,1	105,3	109,9
Ливия	77,9	67,2	116,1	101,6	100,4	109	109,5	105,2
Мавритания	133,9	65,6	111,6	98	100,3	88,9	82,4	75,3
Марокко	77,3	48,3	73,5	73,7	93,4	66,5	79,7	87,9
Тунис	71,2	74,2	92,5	96	97	74,8	114,7	82,2

Составлено по: Agricultural Production Indices FAO, www.fao.org

По причине своих природно-климатических условий и зависимости от мировых центров хозяйствования арабские страны вынуждены прибегать, в той или иной мере, к импорту продовольствия, чтобы создать приемлемые условия для жизни населения. Они не способны отказаться от ввоза продуктов, потому что имеются серьезные ограничители для дальнейшего наращивания темпов развития продовольственного сектора в национальных сельских хозяйствах. Природно-климатический фактор активно воздействует на воспроизводственные процессы в продовольственном секторе арабского сельского хозяйства через хроническую нехватку воды, периодические засухи и суховеи, провоцируемые ими болезни растений и низкий уровень плодородия. Крайне неравномерно распределение в регионе земельных ресурсов, пригодных для ведения сельского хозяйства. Из них 30% расположены в Судане, 20% – в Алжире, 18% – в Марокко, 6% – в Ираке, а на все остальные арабские страны приходится всего 26%[6].

Разработка путей и методов решения продовольственной проблемы каждой страной за счет развития собственного сельского хозяйства и пищевой промышленности является наиболее важным и реальным способом удовлетворения потребностей населения в продовольствии. Вместе с тем продовольственная проблема в этих странах не может быть решена лишь за счет мобилизации их внутренних ресурсов. При растущей взаимозависимости мировой экономики и вовлеченности этих стран в мирохозяйственные связи острота социально-экономических проблем в них и возможности их решения во все большей мере будут определяться внешнеэкономическими и внешнеполитическими аспектами.

Экспорт и импорт продуктов питания в странах САМ (исключая рыбу и рыбопродукты) (млн. долл.)

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Экспорт	305,237	500,129	736,801	497,653	916,161	1226,387	1076,977
Импорт	425,770	2660,386	4080,739	3736,659	4199,230	6120,642	4803,796
Дефицит	120,533	2160,257	3343,938	3239,006	3283,069	4894,255	3726,819
Доля покрытия (%)	71,7	18,8	18,1	13,3	21,8	20,0	22,4

Составлено по: Agricultural Trade, FAO, http://apps.fao.org

Поэтому в поисках выхода из сложившейся ситуации арабские государства опираются на внешние источники пополнения внутреннего рынка продовольствия. Однако, торговый дефицит стран Магриба с каждым годом растет из-за увеличения импорта продовольственной продукции. Он особенно возрос в 1995 г., достигнув 4,894 млрд. долл. К 2000 г. дефицит снизился до 3,726 млрд. долл. Вместе с тем, продолжающийся

рост затрат на импорт продовольственных товаров поглощает значительную часть национального дохода и усиливает давление на платежный баланс и препятствует развитию других отраслей экономики.

Если исходить из сказанного выше, то продовольственный дефицит растет, став объективным явлением. Большую роль в этом сыграло то, что в данном регионе в целом, а равно и в отдельных его странах наблюдаются определенный рост доходов населения наряду с быстрым количественным ростом этого последнего, с одной стороны, и неспособность совокупного арабского сельского хозяйства обеспечить адекватные явлению темпы прироста продовольствия, соответствующие нарастающему спросу на продукты питания, с другой стороны.

Причины недостаточной готовности сельского хозяйства удовлетворять продовольственный рынок порождаются комплексом разных обстоятельств, в том числе низким уровнем развития производительных сил аграрного сектора, незавершенностью преобразовательных процессов в деревне, недостаточностью инвестиционного обеспечения развития, наличием докапиталистических пережитков и другими факторами. Одну из ведущих ролей в сохранении ограниченного сельскохозяйственного потенциала стран САМ играет сильное отставание материально-технической базы производства продовольствия от растущих потребностей рынка, несоответствие темпов ее развития темпам прироста населения. В результате, ширится разрыв между скромными воспроизводственными возможностями аграрного сектора в арабском мире и растущими потребностями населения.

Международная торговля, как и деятельность ТНК, или экономическая помощь также может иметь неоднозначные результаты. Уровни цен мирового рынка подвержены резким колебанием, на западных рынках товары, экспортируемые этими государствами, наталкиваются на протекционистские барьеры, условия торговли для них ухудшаются, а торговые балансы сводятся с дефицитом.

Узкая, часто сырьевая специализация экспорта многих арабских стран, полная зависимость от импорта широчайшего ассортимента инвестиционных и потребительских промышленных изделий делают их особенно чуткими ко всякой текущей нестабильности мировых цен, не говоря уже о продолжительных негативных тенденциях.

Вялость аграрной и продовольственной политики ряда североафриканских стран вызывается также докапиталистическими пережитками в социально-экономической структуре деревни, бюрократизмом в государственном аппарате. Во многих арабских государствах при разработке программ экономического развития недооценивается значение сельского хозяйства. При этом делаются ссылки на весьма поверхностно усвоенный опыт стран Запада, для которых характерен невысокий удельный вес сельского хозяйства в экономике. При этом игнорируется то, что в западных странах это технически передовая, высокоэффективная отрасль.

Нехватка отечественного продовольствия и возрастающий спрос на продукты питания в перенаселенных городах, у большинства жителей которых крайне низка платежеспособность, и вынуждает власти ряда стран САМ расширять импорт продовольствия и субсидировать его розничную продажу, сохраняя внутренние закупочные цены на низком уровне. Все это подрывает и без того низкую эффективность крестьянского хозяйства, еще более способствует бегству обнищавших крестьян в города и серьезно тормозит рост производства продовольствия. Особенно ощутимы масштабы этих негативных последствий были в Алжире. Здесь среднегодовые темпы прироста населения в 70-х и начале 80-х годов достигали 3,25%, тогда как прирост производства продовольствия не превышал 1% в год. Собственное продовольственное хозяйство покрывает лишь 30% потребности населения в пищевых продуктах, а на их импорт тратится более 1/6 всех поступлений от экспорта нефти и газа[7].

В политике развития сельского хозяйства, проводимой правительствами стран САМ, различаются меры по перераспределению национального дохода в интересах деревни и аграрные преобразования. Перераспределение национального дохода осуществляется посредством развития сельской инфраструктуры, внедрения новой технологии в сельскохозяйственное производство, кредита и т. п. Но одновременно происходит перераспределение дохода и в обратном направлении в условиях сложившейся системы регулирования цен на продовольствие: поддержание государством низких розничных цен на продукты, как отмечено, консервирует и закупочные цены на невысоком уровне. И это лишает крестьян стимулов к расширению производства.

Таким образом, на ближайшие десятилетия продовольственную ситуацию в странах САМ следует считать неопределенной и малообнадеживающей. При сложившемся объеме и структуре импорта продовольствия продовольственное обеспечение стран ставится в прямую зависимость от состояния и тенденций развития мирового рынка продовольствия.

[1] Зудина Л.П. Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства с странах Магриба. – М., 1983, с.158.

[2] Annual Report 2003, World Bank, с. 116.

[3] Сиверцева Т.Ф. Страны Востока: модель рождаемости, М., 1997, с. 37.

[4] Осколкова О.Б. Мировая продовольственная проблема и население, – М.,1982,с. 59.

[5] Сиверцева Т.Ф. Страны Востока: модель рождаемости, – М., 1997, с. 18.

[6] Филоник А.О. Естественные ресурсы в сельском хозяйстве и продовольственное обеспечение в арабских странах // Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития, – М.,1995, с. 118.

[7] Фактор Г.Л. В петле голода: трагедия развивающихся стран, – М., 1989, с. 91.

Н.Г.Киреев

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ТУРЦИИ: РАСКОЛ ДВИЖЕНИЯ *МИЛЛИ ГЁРЮШ*

Основные движения политического ислама Турции представлены на рубеже XX и XXI вв. как «мягким» («умеренным»), так и «жестким» исламом. В стратегическом плане и те, и другие едины, провозглашая (или подразумевая) конечной целью своей политической деятельности реализацию идеи религиозного («шариатского») государства. Их различие носит в основном тактический характер, а в целом сводится к главному: какими методами и способами будет реализована указанная цель – насильственными (даже террористическими), либо мирными в результате постепенного перерождения государства и общества под активным и терпеливым воздействием «мягких» исламистов.

До недавнего времени единственным влиятельным представителем умеренного, «мягкого» ислама являлась община Ф.Гюлена. Эта тема, касающаяся политического ислама в стране, была рассмотрена нами в других работах[1]. Здесь же уместно лишь кратко напомнить, что упомянутый глава религиозной общины приобрел известность с 70-х годов. Он и его движение тогда же стали преследоваться правоохранительными органами Турции как пропагандисты шариатского режима, что нарушало законодательство страны, в частности, конституцию и уголовный кодекс. Сторонники Фетхуллаха-ходжи не стремились участвовать в публичной политической деятельности, создавать свою партию, а накопленные в виде фонда крупные средства вкладывали в издательскую и просветительскую сферы, школьное образование в самой Турции и за рубежом, причем особенно активно и настойчиво, с размахом на территориях бывшего СССР, включая Россию. Общине и ее лидерам удается годами уклоняться от судебного преследования, тщательно формулируя свои мирные лозунги и призывы. Считается, что это хорошо организованное и умело направляемое движение представляет собой одно из течений *нурджизма,* исповедуемого последователями исламского проповедника курда Саид-и Нурси (1873–1960). Призывая турок и курдов к исламскому братству, этот последний провел немало лет в турецких тюрьмах и ссылке, предлагая заменить светский (тогда – кемалистский) режим Турции на режим шариата. Как считают его последователи, он был убежден, что «не может быть сильной страна, у которой власть не основана на законах шариата»[2].

В 90-е годы многим стало очевидно: поведение и риторика «умеренного» исламиста Ф.Гюлена и его окружения выигрывали на фоне откровенных экстремистов от ислама и всерьез беспокоили лишь турецких военных и последователей кемализма, – не более того. Запад спокоен в отношении «умеренного» ислама, да и в самой Турции немало политиков, которые считают, что Гюлен не опасен для Турции и весьма полезен для расширения ее влияния в странах СНГ. К таким турецким концепциям «мягкого» ислама благосклонно относятся и США. М.Балабай писал в «Джумхуриет», что большая часть прибывающих в 90-е годы миссий из США при посещении Анкары положительно трактовали Ф.Гюлена: «Позитивное движение. Следим с одобрением. Его шаги в центральноазиатских республиках чрезвычайно полезны». Аналогичные оценки высказывались во время визитов в Генштаб[3].

Не соглашаясь с благорасположением США к этому «мягкому» варианту исламизма в Турции, военная и часть гражданской элиты убеждены, что различия, которые имеют место при реализации идей «шариатского государства» (с помощью «мягкого», «жесткого» ислама и т.п.), касаются лишь тактики, об этом свидетельствует и практика. Так, обозреватель А.Ильхан подверг критике следующий довод американского политолога Г.Фуллера: «В османский период политическая сила ислама, религиозных авторитетов, вакуфов и других организаций воздействовала на ислам чрезвычайно сильно. Чтобы создать современное турецкое государство, М.Кемаль решил положить этому конец, названные институты были распущены, и таким образом политическая, социальная и экономическая сила ислама была разрушена. Тогда это имело смысл, однако армия продолжает сохранять эту традицию и старается постоянно возвращать страну к тем дням. По-моему, уже не существует опасности возврата к такому жесткому периоду, как Османское государство». Не соглашаясь с этими утверждениями, Ильхан приводит свидетельства того, как в 1996/1997. гг. происламское правительство, возглавляемое Н.Эрбаканом, «открывало все новые двери в пользу исламского капитала, вскармливающего шариат…»[4]

Критическая оценка деятельности общины дана и на сайте оппонентов Ф.Гюлена в интернете. Община обвиняется в тесных связях с американскими спецслужбами: провозглашая лозунги «служения тюркскому миру от Адриатики до Китайской стены», школы Гюлена «служат не турецкой республике, а Соединенным Штатам». «В школах общины за рубежом, особенно в тюркских республиках, работают агенты ЦРУ в качестве преподавателей английского языка». Американские дипломатические паспорта «имеют преподаватели школ Гюлена в Узбекистане, Киргизии… Расширение связей Турции с другими тюркскими республиками чрезвычайно важно, отвечает интересам Турции. Однако связи, учреждаемые под контролем Америки, ухуд-

шают отношения Турции с соседями, способствуют конфликтам и вооруженным столкновениям в регионе. Америка стремится к этому и использует в своих планах Ф.Гюлена»[5].

Эту краткую оценку деятельности «мягкого» ислама в варианте названной выше религиозной общины можно завершить напоминанием, что судебное преследование Ф.Гюлена ведется заочно, поскольку сам обвиняемый уже несколько лет проживает в США в связи с необходимостью лечения.

Путь насильственной замены светского режима Турции на шариатский предлагается, а правильнее сказать, навязывается нынешнему турецкому обществу различными террористическими организациями исламистов. Наиболее распознаваема и официально квалифицируется судебными властями как терроризм деятельность тех относительно небольших законспирированных исламистских групп, которые сосредоточивают свою подрывную в отношении государства и светской элиты активность на подпольной, вооруженной борьбе. Терактов на счету всех этих групп немало, их жертвы – активные сторонники демократии, светскости, а также крупные турецкие предприниматели еврейского происхождения. По этому поводу и после очередного убийства весной 2001 г. известный турецкий публицист О.Акбал писал: «нераскрытые убийства уважаемых патриотов продолжаются, неделю назад в Стамбуле убит Узеир Гарих. Еще одно преступление, а преступники неизвестны. Кто убил Угура Мумджу? Кто устроил взрыв против профессора Кышлалы у дверей его дома? Профессоров Аксоя и Тютенгиля, Учока, Абди Ипекчи, Кемаля Тюрклера, Догана Ёза, Бедреттина Джёмерта? Все попытки найти преступников оказались напрасными, убийцы не найдены, правительства Демиреля, Эджевита, Чиллер, Йылмаза не сделали ничего. На некоторое время задерживают подозреваемых, но затем, на судебных заседаниях, их освобождают. У.Гарих был влиятельным бизнесменом, турецким гражданином еврейского происхождения. Его убийство не было делом презренных подростков. За преступлением стоит организация, преследующая определенные цели. Так и останутся пылиться досье по кровавым преступлениям, совершенным в течение последних 25 лет? Никто не может чувствовать себя в безопасности в обществе, где щедро проливается кровь»[6].

И все-таки, если говорить об исламском экстремизме в Турции, то наиболее распространенным является не вооруженный, а не менее воинственный идеологический, подстрекательский экстремизм и терроризм. Он сопровождается соответствующими лозунгами и призывами на конференциях, митингах, в интервью для печати, выступлениях на каналах ТВ, особенно, если место подобных действий не сама Турция, а турецкая мусульманская среда в Западной Европе, прежде всего в Германии. Мало кто в Турции сомневается, что обе формы экстремизма связаны между собой множеством невидимых нитей – и идейных, и

финансовых. Именно деятельность такого «жесткого» ислама в последние два десятилетия – из-за своего размаха и воздействия на верующих – воспринималась турецкой светской властью как главная опасность для светского режима, причем наиболее заметно она была представлена движением *Милли гёрюш* – МГ (Национальный взгляд), которое десятилетия возглавляется Н.Эрбаканом.

Согласно опубликованным биографическим данным, родившийся в 1926 г. Эрбакан (как раз в год принятия нового светского Гражданского кодекса по типу швейцарского) не был выходцем из религиозного окружения. Его отец, глава многодетной семьи, занимал в 20-е 30-е годы прошлого века – в период кемалистской реорганизации судейской системы – судейские посты в различных городах Анатолии, был «в числе тех, кто в первые годы республики вводил в действие многие радикальные реформы, такие как отмена арабского алфавита, чтение эзана на турецком языке, закрытие тюрбе, текке и завийе. Тогда, ради того, чтобы утвердить республиканский режим, религия была отстранена от политической жизни, от системы образования… Н.Эрбакан проходил обучение в начальной и средней школе, лицее и университете, где обрел знания, строившиеся на светских, современных принципах, в то время курсов Корана просто не было…». В годы второй мировой войны Н.Эрбакан учился в МТУ – Техническом университете Стамбула (на одном курсе с С.Демирелем), окончил его в 1948 г. Отмечается, что молодой Неджметтин и учившиеся с ним испытали в те годы сильное влияние расистско-туранистских писателей, правда, не в такой степени, как Т.Озал, будущий президент страны, и его брат Коркут, принявшие участие в разгроме в декабре 1945 г. редакции социалистической газеты «Тан». Они «были столь активны, что носили на лацканах значки с изображением волка» – самый распространенный в Турции символ пантюркизма. С большой вероятностью биографы допускают, что в этой акции участвовал и Н.Эрбакан, поскольку издавна был известен как активный участник политических споров, «однако Неджметтин и Сулейман дальше чувства симпатий не шли». В 1948–1951 гг. Н.Эрбакан – ассистент при механическом факультете ИТУ. Как один из лучших выпускников, он получил возможность полтора года поработать в техническом университете в Аахене (Германия) в исследовательском центре DVL при западногерманской армии, получил звание доктора. Затем был приглашен на заводы Deutz, где участвовал в разработке двигателей для танков «Леопард». С тех времен устанавливаются постоянные связи Эрбакана с Германией.

В 1953 г. молодой инженер вернулся в Турцию, получил звание доцента, после чего вновь отправился в Германию и проработал там 6 месяцев инженером на фирме Deutz. В ноябре 1953 г. началась было его преподавательская деятельность в ИТУ, прерванная в мае

1954 г. призывом в армию, причем военную службу Эрбакан проходил в Стамбуле и закончил ее в октябре 1955 г.[7]

Ускорившийся в 50-е годы, в период пребывания у власти лидеров Демократической партии Дж.Баяра и А.Мендереса, процесс интеграции Турции в мировую капиталистическую систему сопровождался возникновением многих мелких и средних частных предприятий, владельцем одного из них оказалась фирма «Гюмюш мотор», учрежденная в 1956 г. на средства примерно 200 акционеров и наладившая сборку небольших водяных насосов, нашедших спрос особенно в свекловодческих хозяйствах турецкой деревни. На ней было занято 500 рабочих, а большинство акционеров оказались мюридами шейха ордена накшбенди М.З.Котку, их обитель находилась в Стамбуле на улице Гюмюшханели. Обитель долгие годы действовала тайно, причем ее приверженцами в упомянутые годы стали Эрбакан и несколько преподавателей-ходжей и студентов технического университета.

Именно эта группа впоследствии стала ядром движения Милли гёрюш. Один из мюридов, Э.Гюрдоган, писал в своей книге «Невидимый университет» о предпринимательской инициативе Котку: «Ходжаэфенди был убежден, что сохранению нашей культуры, спасению ее от поглощения западным рынком будет способствовать индустриализация и политическая независимость.., поэтому им и было поддержано создание фабрики «Гюмюш мотор». Этот важный проект был обсужден во время бесед с ходжаэфенди и реализован». Генеральным директором фирмы по протекции М.З.Котку был назначен Эрбакан, владевший небольшим количеством акций «Гюмюш мотор». Приверженцы упомянутой обители, многие из которых составляли предпринимательский актив «Гюмюш мотор», оказались ядром созданной позже, в 1969 г., Партии национального порядка. Не только акционеры фирмы, но и ее работники, розничные торговцы, некоторые депутаты и сенаторы, будучи одновременно мюридами упомянутой общины накшбенди, сыграли важную роль в организации этой происламской политической партии, которой в то время симпатизировали не только сторонники ордена накшбенди, но и последователи орденов нурджистов и кадири. Так возник некий подпольный «фронт» части исламистов.

Фабрика работала успешно до 1958 г. потом «начались трудности из-за импортных закупок оборудования»; несмотря на все усилия, фабрика оказалась под контролем государственной компании сахарных заводов, и Эрбакан был вынужден уйти в отставку, поскольку выяснилось, что, якобы, не велся финансовый учет, фирма погрязла в долгах, руководство было непрофессиональным и т.п.[8] В 1965 г. Эрбакан получил профессорское звание, в 1966 г. был избран председателем Промышленного департамента Союза палат Турции, в 1967 г. – его генеральным секретарем. На этих постах получил известность как защитник интересов торговцев и мелких промышленников Анатолии перед крупными промышленниками и торговцами.

На примере Эрбакана можно видеть, как мелкий предприниматель в Турции ищет различные способы утвердиться в бизнесе; не получая помощи от светской власти и соответствующих предпринимательских организаций, он апеллирует к религии, морали, справедливости, ищет поддержку в религиозных общинах, формулируя свои политические претензии и амбиции, и, в конечном счете, в этой среде приходит к исламизму. Ведь Эрбакан начинал как мелкий предприниматель на анатолийском рынке, пытался в таком качестве сделать карьеру, используя знания, полученные в университете и на немецких предприятиях. Биограф подчеркивает, что процесс обращения к религии как политическому инструменту происходил буквально на глазах – свое бракосочетание Эрбакан оформил в мечети, но отметил в ресторане, где жених в качестве секретаря Союза палат Турции был в смокинге; невеста (тогда – служащая этого же учреждения) не помышляет о платке – она «с открытой головой и в мини-юбке.., в первые годы семейной жизни она также вне дома – с непокрытой головой и лишь позже обращается к покрывалу, оставляет работу, становится домохозяйкой».

Попытка Эрбакана сделать карьеру в светской Партии справедливости, выдвинув от этой партии свою кандидатуру на выборах в 1968 г. в сенат, была отвергнута ПС, которую возглавлял его однокашник по университету С. Демирель. В 1969 г. Эрбакан пытается реализовать свои амбиции на другом многообещающем поприще – на заседании Административного совета Союза торговых и промышленных палат Турции при активной поддержке представителей провинциальных палат в Союзе палат он добивается своего избрания генеральным председателем этой влиятельной организации, представлявшей частный сектор страны. Правительство ПС отменяет эти выборы, но Эрбакан не желает покидать кабинет руководителя Союза палат, окружает себя телохранителями, запирается в кабинете. Генеральный председатель ПС и он же – премьер-министр страны – С.Демирель направляет губернатору Анкары требование – «любой ценой уберите оттуда этого человека!». Посланным полицейским не сразу удалось воспрепятствовать Эрбакану появляться в кабинете председателя Союза палат Турции, скандал привлек огромное внимание турецких СМИ.

Котку, шейх общины, к которой принадлежал Эрбакан, первоначально не собирался ставить его во главе создаваемой происламской партии, однако внимание к Эрбакану во время конфликта в Союзе палат повлияло на пересмотр такого решения. Партия не успела оформиться к парламентским выборам 1969 г, кандидаты от «тарикатской коалиции» решили баллотироваться как независимые, однако пройти в депутаты от них смог лишь Эрбакан, он был избран депутатом от Коньи. В конце концов, 26 января 1970 г. партия была создана, и, как уже отмечалось, получила название Партии национального порядка – ПНП (Milli Nizam Partisi). Учреждение партии сопровождалось торжественным меморандумом, оповещающем о «великом историче-

ском событии в истории Турции» – создании единственной партии, которая призвана защищать национальные интересы «перед угрозой чужеродной культуры, представленной коммунистической либо космополитической идеологиями». В программе имелось положение о том, что партия намерена защищать религию и верующих от недоброжелателей, в дни учреждения местных бюро партии Эрбакан сообщал, что подлинными создателями партии являются победоносные вожди и султаны в истории Турции – Кылыч Арслан, Алпарслан, султан Фатих, Йылдырым и другие, даже Абдулгамид. Он утверждал, что перед Турцией – три пути: первый, левый, путь коммунизма; второй – космополитического масонства; третий – «путь национального порядка, праведности и веры». После успеха партии, как он считал, на выборах 1973 г., все смогут прийти на молитву в мечеть Святой Софии. «Завершится, наконец, полувековая история прозападного государства, вновь возродится тысячелетняя справедливость». Партийной эмблемой стало изображение левого кулака с поднятым вверх указательным пальцем. В списке 18 учредителей от Анкары, Коньи, Измира, Кайсери, Трабзона, Текирдага, Газиантеба, Урфы и др., помимо ставшего депутатом Эрбакана, значатся бывшие депутаты и чиновники, адвокаты, торговцы, врачи. Сразу же после создания партии в нее перешли два депутата от ПС и число ее депутатов увеличилось до трех. Первый учредительный конгресс состоялся 8 февраля 1970 г. Партию поддержали от анатолийского капитала по большей части круги традиционалистов-исламистов[9].

События, произошедшие после военного переворота 12 марта 1971 г., Эрбакан пережил за границей. Сразу после переворота против партии было возбуждено уголовное дело, она была закрыта Конституционным судом со ссылкой на то, что ее программа противоречила конституционному принципу светскости. Однако уже в октябре 1972 г. она как Партия национального спасения (Milli Selamet Partisi) была воссоздана и участвовала в выборах 1973 г. По итогам этих выборов МСП провела в ВНСТ 48 депутатов (11,8% голосов), включая Эрбакана, и оказалась на третьем месте. На проведенном после выборов Чрезвычайном конгрессе партии Эрбакан был избран ее генеральным председателем. Принятая партийная программа партии провозглашала основные лозунги – представительство исламского консерватизма в сфере общественных целей, защита интересов мелкого промышленника, торговца и ремесленника в экономике[10].

Затем ее сменяли одна за другой последующие исламистские партии, сохраняя практически неизменным ту же идеологию Милли гёрюш и то же руководство во главе с Н.Эрбаканом, получая нередко на выборах поддержку, позволявшую участвовать в качестве младшего партнера в коалиционных правительствах.

Созданная в этом ряду в 1983 г. Партия Рефах («благополучие») под неизменным руководством Эрбакана смогла стать в избранном в

1995 г. парламенте ведущей, причем избирателей не остановили некоторые радикальные предвыборные лозунги Рефах. Одна из предвыборных брошюр ПБ крупными буквами была озаглавлена: «ДИАГНОЗ. Причины истинного положения Турции.» Обвинения в адрес «счастливого меньшинства» Турции в брошюре сопровождались постоянными напоминаниями о том, что одним из главных виновников бедственного положения турецкого народа является, якобы, Израиль и «сионистские банки в Америке», которые «выкачивают из Турции» миллиарды долларов, отправляют их в США а затем передают Израилю, часто в виде вооружений. Последний же мечтает о захвате Ливана, а затем – Кенийского и Эрзурумского вилайетов. В брошюре на примитивных рисунках и схемах простому народу было «доходчиво» объяснено, как с помощью «режима соглашателей, подражателей и имитаторов» Турцию грабят Израиль, «коллаборационистские холдинги», «дармоеды» и верховная власть. Стрелками даже показаны направления ударов израильских самолетов и танков по Турции. Призыв к избирателям был очень доходчив – голосуйте за партию Рефах, которая выражает идеологию Милли гёрюш, и тогда простой народ будет иметь вместо одной – три булки хлеба[11].

Из-за противодействия своего постоянного и сильного противника – военных – партия долго не могла сформировать коалиционное правительство. Затем, возглавляя такое правительство в течение многих месяцев 1996–1997 гг. и опираясь на своих сторонников в государственных структурах, меджлисе, Эрбакан и его соратники стали все более открыто и настойчиво призывать к шариату, перешли к организации митингов в его поддержку, тайным встречам исламистов. Сообщалось тогда и о неофициальных инициативах турецкого премьера по расширению договоренностей с исламистами в других странах. Секретной службой отмечено, что Эрбакан в период своего премьерства встречался в августе 1996 г. во время официального визита в Пакистан с М.Ф.Рахманом, лидером пакистанской партии, связанной с движением Талибан, – Джемаат-и улемаи ислам. Помимо встречи с Рахманом, Эрбакан встретился и с лидером Джемаат-и ислам-и Г.Х.Ахмедом. В 1997 г. в Анкаре Эрбакан встречался с Т.Йолдашем, шариатским террористом, подозреваемым в организации покушения на президента Узбекистана И.Каримова[12]. Были и другие подобного рода встречи, не всегда удачные. Ливийский лидер М.Кадаффи, например, на одной из встреч обвинил Эрбакана в беспомощности – «за время правления Рефах Израиль добился от Турции большего, нежели при предшественниках Эрбакана на посту премьера».

Исламисты, находясь во власти, вступили в почти открытую конфронтацию с военной верхушкой: основываясь на итогах выборов, Эрбакан был готов поверить в то, что ему удастся свести к минимуму влияние военных и продолжить попытки исламизации исполнительной власти. Это было роковым заблуждением. Достаточно напомнить,

что именно при премьере Эрбакане военные смогли без особых трудностей, при поддержке светских кругов и с согласия США, не только продолжить, но и развить военное сотрудничество с Израилем. Запахло реакционным, антиконституционным заговором, и военные не стали медлить – приступили к действиям, вскоре названным в СМИ как «процесс 28 февраля 1997 года». Основными контрмерами светской элиты во власти стали запрет в феврале 1998 г. Конституционным судом партии Рефах (и возникновение вскоре на ее месте партии Фазилет – «добродетель»), фактическое лишение Эрбакана и его ближайших сподвижников прав на политическую деятельность; попытки (не всегда успешные) изгнать сторонников Милли гёрюш и других течений исламистов из государственных органов, армии, системы образования; ревизия деятельности религиозных фондов и др.

В одном из пунктов обвинительного документа, подготовленного генеральным прокурором Кассационного суда В.Савашем и растиражированного в августе 1997 г. в виде отдельной брошюры, отмечалось очевидное несоответствие требований по поводу шариата положениям конституции: «Согласно шариату, высшим законом является закон шариата. Согласно конституции Турецкой Республики, высшим законом являются положения конституции. В соответствии с принципами шариата, не следует поощрять национализм. В соответствии с конституцией Турецкая Республика опирается на принципы кемалистского национализма. Положения шариата обязывают всех мусульман в частной и в общественной жизни следовать положениям Корана. Конституция же определяет, что ни одна идеология и ни одно положение…не могут противоречить кемалистскому национализму, его принципам и реформам, цивилизованности; согласно требованиям светскости священные религиозные чувства категорически не должны смешиваться с государственными делами и с политикой»[13].

Преемница Рефах, партия Фазилет (во главе с давним соратником Эрбакана Р.Кутаном) по итогам парламентских выборов 1999 г. оказалась уже не на первом, а на третьем месте в меджлисе. Устами Р.Кутана она продолжала провозглашать «отлученного» Эрбакана своим духовным лидером, Судебные власти сосредоточились на организации судебного преследования уже кадров этой партии.

Демократические режимы западных стран позволили активистам МГ, как гонимым в собственной стране, начиная с 70-х годов легально укоренится в европейской среде, стать в ней самой многочисленной, самой влиятельной и самой богатой исламистской общиной. В то же время именно лидерам МГ турецкие суды чаще всего предъявляют обвинения в уголовной, террористической деятельности. Впечатляющую информацию о размахе деятельности Милли гёрюш в Европе привела осведомленная по данной теме газета «Джумхуриет»: лагери и школы созданы МГ в 252 городах Европы, главным образом в Германии, в них 14 тыс. учащихся «преподается шариат». Газета приводит отзывы некоторых

недовольных верующих: «с того момента, как возникло течение МГ, проповедуемый им ислам подлинным исламом не является; они эксплуатируют чувства людей, гребут деньги из их карманов, манипулируют детскими мозгами, говорят о религии, а сеют неверие; молятся на Эрбакана, говорят о мире, а готовят детей воевать»[14].

С.Ялчин приводит в своей книге длинный список фирм, контролируемых руководством МГ и действующих в Европе в издательском деле, производстве кассет и дисков, пищевых товаров, строительстве, организации хаджа, называет их миллиардные (в марках) обороты, перечисляет многочисленные религиозные курсы при мечетях и помимо них, сообщает о тесном сотрудничестве их с арабскими строительными фирмами в Англии, Бельгии, Голландии, об ассигнованиях крупных сумм на выборные кампании[15]. Позже, уже после трагедии 11 сентября 2001 г., другой турецкий автор Я.Байер писал, что Германия превратилась в центр скопления религиозных террористов. Он приводит выдержки из письма в газету из Кёльна прожившего в Германии 25 лет некоего турка: «самая крупная в Германии религиозная организация турецкого происхождения – Милли гёрюш. Они по три – четыре раза в год собирают с турок деньги на зекят, курбан и даже для джихада. Тех, кто отказывается, заносят в черные списки. Если это мелкий торговец, ему препятствуют заниматься торговлей, прогоняют, объявляют врагом религии, вероотступником. В Германии очень много мечетей. В них сообщают прихожанам, что ислам придет с джихадом, что неверные (мюшриклер) без джихада не склонят голову. Ислам в сочетании с джихадом более эффективно избавляет от неверных…Ежегодно многих приверженцев Милли гёрюш отправляют в Пакистан, Саудовскую Аравию, Чечню и даже в Афганистан»…Из Турции в Германию часто приезжают такие политики и журналисты, которые утверждают, что «Турция вступила в процесс распада, что религиозное движение в Турции поддерживается материально, победа близка…»[16].

В связи с упоминанием Чечни уместно обратиться к книге российского генерала Трошева. В ней он отмечает, что среди благотворителей чеченских террористов была и Рефах. Перечисляя многочисленных спонсоров чеченских боевиков во всем мире, автор пишет: «Сбор средств для чеченских боевиков вела также турецкая Рефах»[17]. Можно добавить, что не только последователи МГ покровительствуют чеченским террористам – продолжается давно начатая их поддержка и укрывательство в стране официальными властями Турции. На это уже не первый раз указывают представители российского МИД, отмечая политику двойных стандартов[18].

Одной из первых мер, предпринятых властями Германии сразу после терактов 11 сентября, стала проверка деятельности турецких экстремистских политических групп в стране. Так в Кёльне была закрыта турецкая телестанция – за подрывную деятельность в отношении Турции, за призывы к джихаду[19]. Министр внутренних дел земли

Северный Рейн – Вестфалия, отмечая, что большинство мусульман его земли уважает законы, признавал, что некоторые турецкие общества могут быть закрыты, причем «опасной организацией» была названа и Милли гёрюш. Он признал, что некоторые мусульмане «не отрицают, что прибегнут к крайностям в тех странах, откуда они прибыли, в его земле насчитывается примерно 10 тыс. радикальных исламистов, их постоянно контролирует ведомство по охране конституции. Число членов İslam Toplumu Milli Görüş (İGMG), центр которой располагается в Керпене, – 7,5 тыс.». Он подтвердил, что эта организация опасна, ее члены, особенно молодежь, рассматривают германское общество как врага[20].

В турецких СМИ стала появляться информация том, что к деятельности О.бен Ладена и его Аль-Каиды причастны и граждане Турции. В то же время в некоторых происламских газетах – «Милли газете», «Ени шафак» появились статьи, фактически оправдывающие террористический акт в США.

Возвращаясь к партийной деятельности Милли гёрюш в самой Турции, следует сказать, что исламистская партия Фазилет, созданная на месте закрытой Рефах, вскоре оказалась под угрозой исчезновения не только из-за преследования военных и прокуратуры, но и по внутренним причинам. Обозреватели писали тогда, что еще в закрытой Рефах образовалось два течения – традиционалисты (gelenekçiler) и обновленцы (yenilikçiler). Сторонники Т.Эрдогана говорили о необходимости демократического обновления партии, расширения внепартийных связей, усилении сотрудничества с теми, кто близок к партии, но не разделял полностью ее программу. Традиционалисты же были убеждены, что обновление означает раскол, «такая гимнастика ума доведет дело до столкновениям внутри партии». Тогда традиционалисты победили – было решено объединиться вокруг идей Эрбакана, а Тайип Эрдоган заявил, что не хочет стать раскольником[21]. Однако было очевидно: депутаты-сторонники в ФП Р.Т.Эрдогана, председателя муниципалитета Большого Стамбула, подняли в партии знамя борьбы против консервативного руководства. Оно обвинялось в беспомощности перед атаками светских властей на демократию, на права человека, на «реакционеров»[22].

В столь неблагоприятной для Фазилет обстановке 18 апреля 1999 г. состоялись досрочные выборы в парламент. Партия Фазилет оказалась по числу голосов (15,4%) на третьем месте, после ДЛП Б.Эджевита (22,1%) и ПНД Д.Бахчели (17,9%). Было создано 57-е по счету правительство, в котором места для Фазилет не нашлось. Угроза закрытия, начавшееся над ней судебное расследование продолжалось многие месяцы и проводилось все под теми же обвинениями в прошариатской деятельности; в том, что все депутаты от запрещенной Рефах перешли в Фазилет при ее создании; что Н.Эрбакан, которому запрещено заниматься политической деятельностью, закулисно руководит новой партией. Приводились и такие примеры: избранная в

меджлис депутат партии от Стамбула М.Кавакчы явилась на церемонию клятвы в головной повязке под аплодисменты коллег по партии и с молчаливого одобрения руководства партии во главе с Р.Кутаном; эта женщина, инженер-компьютерщик, несколько лет прожила в США, связана с тамошними исламистскими кругами (например, Islamic Society of North America – ISNA), которые пользуются поддержкой *Хамас,* выступала на конференциях этих организаций с исламистскими призывами, утверждая, что с победой в 1995 г. на выборах в Турции партии Рефах народ страны отдает предпочтение в политике исламистам, и эту реальность всем надо принять[23].

Находясь на полулегальном положении, Н.Эрбакан обращался в Европейский суд по правам человека по поводу нарушения его прав, доказывая, что осуждение находящегося в преклонном возрасте видного политика, занимавшего пост премьер-министра, вызывает беспокойство в общественном мнении Турции и Европы[24]. В конце концов, исполнение приговора Суда госбезопасности Диярбакыра о тюремном заключении Эрбакана на год было отложено в соответствии с законом об условном освобождении[25]. Фактически, лидером исламистов на политической сцене Эрбакан оставался и в 2001 г. Выступая полулегально в апреле в качестве первого докладчика на организованной стамбульским муниципалитетом международной конференции, посвященной началу нового тысячелетия, Н.Эрбакан, именуемый журналистами «запрещенным лидером», в присутствии многих своих сторонников утверждал, что, если бы Рефах была у власти, она не допустила бы экономического кризиса конца 2000-го – начала 2001 г., не стала бы в поисках финансовых средств обращаться к США, Германии, Франции. Такие средства следует искать и находить в самой Турции[26].

Сохраняя критический настрой в отношении Европейского Сообщества и европейских политических институтов в целом, происламские политики в то же время, защищая Фазилет от судебного преследования как «главную оппозиционную партию», откровенно себе противоречили, апеллируя к осуждаемой ими же западной демократии и напоминая, что будущий прием Турции в ЕС обусловлен демократизацией общественной и политической жизни общества, а это невозможно, когда закрывается партия, выполняющая трудную миссию оппозиции власти. Перестройка экономики, которую требует ЕС, невозможна без выявления коррупции, и это тоже – миссия Фазилет[27]. Со своей стороны, активисты Фазилет, ее официальный лидер Р.Кутан убеждали общественность, что они не покушаются на светский режим в стране, что секуляризм не должен означать преследования верующих под предлогом защиты государства. Опять-таки противореча своей позиции неприятия европеизации, они заявляли, что необходимо срочно внести такие изменения в уголовное законодательство Турции, которые отвечают требованиям Европы о демократизации правовой системы Турции, облегчают защиту прав человека в этой стране и приближают время принятия ее в ЕС.

23 июня 2001 г. было оглашено принятое, наконец, днем ранее постановление Конституционного суда. Оно предусматривало очередной запрет в Турции происламской партии – на этот раз пришла очередь Фазилет. В семи пунктах постановления были изложены причины такого решения, причем некоторые из пунктов, как отмечено в документе, были приняты единогласно всеми членами КС. Прежде всего указывалось, что уже запрещенная ранее партия (т.е. Рефах) не может создаваться и действовать под другим, новым именем. Подтверждалось таким образом, что Фазилет и в своей практической деятельности, и в идеологии была преемницей запрещенной Рефах. Далее, в решении утверждалось, что деятельность Фазилет противоречит принципу светской республики и не соответствует положениям статей 68 и 69 Конституции, которые регулируют деятельность политических партий, а также статьям 101 и 103 закона о политических партиях. В документе приведены имена тех депутатов от Фазилет, которые из-за свой радикальной активности лишаются, согласно одному из пунктов статьи 84 Конституции, звания депутатов ВНСТ; нескольким другим, согласно одному из положений статьи 69 Конституции, запрещено в течение 5 лет заниматься любым видом партийной деятельности. В числе последних упомянута и М.Кавакчи, прославившаяся не только своим интересом к электронной технологии, но и, как уже сказано, демонстрационными попытками прийти на заседание парламента с исламистским символом – повязкой на голове. Предусмотрена также, согласно закону о партиях, конфискация в пользу казны всего имущества Фазилет, лишение ее статуса юридического лица[28].

Спустя немного времени, политические структуры исламистов в Турции получили еще один ощутимый удар, на этот раз из Европы. 31 июля 2001 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге рассмотрел, наконец, жалобу руководства Рефах, поданную 22 мая 1998 г. на турецкий Конституционный Суд, запретивший, как уже ранее указывалось, эту партию. В некоторых СМИ Турции отмечается, что Эрбакан и его сторонники были уверены в том, что они выиграют процесс в Страсбурге, но просчитались. Так, Г.Менги в газете «*Сабах*» считает, что Страсбургский суд принял решение, памятуя о высказывании Эрбакана о том, что его партия – «исламская партия джихада, и не может считать себя мусульманином тот, кто не дает на джихад деньги». Сторонники Рефах, продолжает Менги, не смогут отвергнуть этот факт и утверждать: «этого не было сказано», как не могут отрицать, что готовили джихад под девизом правового плюрализма (т.е. узаконив, наряду со светским, и шариатское право). Убежденность Европы, продолжает автор, в том, что Турция – ее враг, спровоцировала Эрбакана на глубочайшую ошибку. Ходжа считал, что в любом случае, в Страсбурге Турция подвергнется осуждению. Просчитался». В том же номере З.Ливанэли напоминает, что страна, признав по итогам выборов 1995 г. право Эрбакана на власть, могла бы вместе с

ним возродить мораль на принципах исламской этики. «С такой моралью, которая одновременно не отвергала бы современность, демократию, права человека, равенство мужчины и женщины, западную цивилизацию, Турция создала бы единственный в мире неповторимый режим, засияла бы как звезда. Страна предоставила Эрбакану возможность создать мусульманскую, демократическую и европейскую Турцию, но он не смог ее реализовать, прибегая к фразеологии типа *кровавая* или *бескровная,* оскорбляя память Ататюрка, угрожая нации кровью, превращением здания правительства в талибанский конгресс[29].

Партия раскололась, как потом оказалось, с далеко идущими последствиями. 47-летний Р.Т.Эрдоган, по мнению многих обозревателей и в Турции, и в Европе – реальный претендент на лидерство в исламистском политическом движении в Турции начала XXI в. О.Л.Мете позже напоминал, что еще десять лет назад вырисовывалась кандидатура Эрдогана как наследника Эрбакана. В тогдашней борьбе ходжа с помощью всяческих маневров отодвинул решение этого вопроса. Помог Эрдогану «процесс 28 февраля», и его команда «совершила революцию»[30]. После официального заявления сторонников Эрдогана в Афьоне в начале августа 2001 г. о создании новой исламистской партии АКП (*Адалет ве Калкынма партией* – Партии справедливости и развития) Лондонская «Экономист» предрекала, что ее лидер может рассчитывать на поддержку большинства избирателей, если выборы в меджлис состоятся в ближайшее время. Эта газета признает, что Эрдоган добился заметных успехов во время пребывания на посту мэра Стамбула, и вынужден был потом уйти с этого поста как активист Фазилет.

Однако самому Эрдогану попасть в меджлис было нелегко, по крайней мере, при сохранявшихся тогда законодательных ограничениях, касавшихся его непосредственно. В информации под заголовком «Эрдогану перекрыт путь» в меджлис газета «Дюнья» сообщала, что меджлис при повторном голосовании не принял поправку к статье 76 конституции, которая дала бы возможность Эрдогану быть избранным в ВНСТ. Сохраненная прежняя редакция статьи перечисляет причины, по которым граждане страны не могут быть избраны в депутаты. Среди них названа судимость за идеологические и анархические преступления[31]. Напомним, что в конце сентября 1998 г. он был осужден на 10 месяцев тюремного заключения. В обвинении указывалось, что в своем выступлении 6 декабря 1997 г. он нарушил статью 312 УК, которая, как уже отмечалось, запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности[32]. «Экономист» же напоминала произнесенные в недавнем прошлом и такие слова Эрдогана: «нельзя одновременно считать себя и секуляристом, и мусульманином, 1,5 миллиарда мусульман ждут от турецкого народа, когда он поднимется, и мы обязательно поднимемся. По воле Аллаха бунт

начнется». Теперь же, продолжает газета, «он поет по другому – мир изменился после событий 11 сентября, и я вместе с ним»[33]. Судя по этому новому и неожиданному тогда заявлению, Эрдоган соглашался учесть совет, высказанный в одной из газет после того, как Европейский суд по правам человека счел правильным решение о закрытии Рефах: «все взоры направлены на нового последователя Рефах и Фазилет – на партию Саадет, а также на еще до конца не оформившихся «обновителей». Теперь очевидны пределы, за которые не могут заходить исламские партии, а именно: призывать к шариату и джихаду, а также к некоему правовому плюрализму, к которому прибегал Эрбакан в рамках пропаганды лозунга *Справедливый порядок,* означающего приверженность к такой правовой системе, которая позволяет каждому придерживаться своей веры. Европейский суд определил, что невозможно принять плюрализм в праве, поскольку это означает применение отличных друг от друга правовых решений – согласно каждой вере. Также такие партии в любом виде не могут пользоваться фразеологией, побуждающей к крайним действиям[34].

Создание на развалинах Фазилет, наряду с Саадет, другой новой партии – АКП поддержали некоторые деятели искусства, ученые, спортсмены, активисты мусульманских общин и орденов, два бывших председателя Управления по делам религии. Вместе с тем, в СМИ отмечалось, что 50–70% состава новой партии – выходцы из Фазилет, и о кардинальных переменах в исламском политическом движении говорить преждевременно, несмотря на обещания Эрдогана добиться перемещения партии с правого крыла на правый центр. Подчеркивалось также, что он «упорно избегает ответа на вопрос – отказался ли он от идеологии *Национального взгляда* (Милли гёрюш). «Смысл такого поведения ясен: он продолжает исповедывать эту идеологию, однако открыто заявить об этом – значит повредить делу; раскрыв карты, он ослабит шансы на большую игру на поле правого центра»[35].

Что же касается другого крыла запрещенной Фазилет, возглавленного Р.Кутаном, то на базе его возникла партия Саадет, т.е. партия счастья, благополучия. Считается, что ее платформа будет поддерживаться в исламских кругах сторонниками более традиционных, консервативных взглядов. Эмблема Саадет – красный фон, на котором расположены белые полумесяц и пять звезд, символизирующие милосердие, а также национальные и моральные ценности. Р.Кутан объяснил, что каждая из звезд имеет свое значение – любовь, терпимость, братство, мир; права и свободы человека; справедливость и истинные права; благополучие и экономическое развитие; уважение, доверие и достоинство[36]. О стратегической линии партии можно судить по одному из первых заявлений Кутана от ее имени – он убежден, что страна нуждается в правительстве, подобном правительству Эрбакана (периода 1996/1997 гг.). «Если будут досрочные выборы, народ изберет именно такую альтернативу.

Нынешняя власть не выполнила своих обещаний. Чтобы не повышались налоги и смогли свободно вздохнуть низкооплачиваемые слои, чтобы возросло уважение к Турции, требуется именно такого рода правительство»[37].

Какими оказались позиции новых исламских партий в меджлисе по состоянию на осень 2001 г.? Теперь оба наследника Фазилет обладали в сумме 100 местами (АКП – 52 места, Саадет – 48). По числу мест в этом парламенте (550 депутатских мест) на первом месте оставалась партия Эджевита (число мест сократилось с 136 до 131), на втором-Партия националистического действия (127–126), на третьем – Партия отечества (87–86), на четвертом – Партия верного пути (85–80), на пятом – АКП (52), на шестом – Саадет (48)[38].

Средства массовой информации Турции в своем большинстве предрекали победу Эрдогана, правда, речь об абсолютной победе не шла. Напоминалось при этом, что молодой и энергичный лидер АКП родился в 1954 г. в бедной многодетной семье, перебравшейся из провинции в Стамбул. Выпускник школы имамов-хатибов, затем Мраморноморского университета, Эрдоган не был новичком в исламистском движении Турции. Как отмечалось, он имел в этом движении известность как новатор и оппонент Эрбакана, но, очевидно, не в вопросах защиты шариата: он был упомянут как один из активистов партии Рефах, участвовавших во главе с Эрбаканом в работе VI-го конгресса Милли гёрюш в Кёльне (Германия) в мае 1990 г. Кстати, его участников призвали произнести клятву шариату. Среди гостей были гости из Ливии, Саудовской Аравии, представители Хизб-и Ислам в ряде стран и др. Тогда у участников конгресса не было сомнений в лидерстве Эрбакана в движении – выступавшие на конгрессе говорили о нем как о моджахиде, о «командующем» движения[39]. В 1994 г. Эрдоган был избран мэром Стамбула, получил славу хорошего хозяйственника, борца с коррупцией, защитника исламских ценностей. В 1997 г. он зашел слишком далеко в своей воинственности на ниве ислама – зачитал стихи, в которых были такие строки: *мечети – наши казармы, их купола – наши каски, минареты – наши штыки и вера – наши солдаты.* Это стало причиной его осуждения на 10 месяцев тюрьмы за разжигание религиозной ненависти, причем в тюрьме, несмотря на заслуги на посту мэра крупнейшего города страны, его продержали 4 месяца.

Как отмечалось, по мере приближения выборов западные СМИ все явственнее замечали, что лидер АКП стремится дезавуировать свои прошлые жесткие исламистские высказывания и пытается перестроиться в прозападного консерватора: не настаивает на выходе Турции из НАТО, говорит о пользе и даже необходимости членства Турции в ЕС. Он не стремится превратить в проблему исламскую одежду женщин и не берет свою жену – она носит повязку – на официальные мероприятия. Секуляристские круги и, конечно, генералы

смотрят на такую сдержанность с подозрением. По мнению БиБиСи, давшей такую оценку, Эрдоган к тому же не знает иностранных языков и мало что знает о внешнем мире. Дипломаты считают, что в отношении Эрдогана генералы придерживаются одной позиции – ждать и наблюдать. Он же понимает, что произойдет, если он переступит опасную черту.

Намерение сторонников Эрдогана все чаще заявлять о себе как о приверженцах «мягкого» ислама, несомненно, было ускорено трагическими событиями в мире, организованными от имени ислама. Готовились они и к выборам. По инициативе участницы правительственной коалиции Партии националистического действия, которая надеялась добиться ведущего положения в этой коалиции, а заодно, сорвать принятие ряда поправок к конституции, предложенных ЕС, было решено провести досрочные выборы 3 ноября 2002 г. Однако многие политики и журналисты не были уверены в победе ПНД. На политической арене стремительно завоевывала популярность новая партия Генч («Молодая партия») щедро финансируемая семьей миллионеров Узан и претендующая на большинство мест в будущем парламенте. Но, как выше отмечено, наиболее высоко оценивались шансы на выборах у партии Эрдогана – АКП, причем победу ей предрекали прежде всего как протестную, указывая, что «коалиционное правительство, созданное после выборов 1999 г. с целью победить нищету и коррупцию, не преуспело ни в том, ни другом; самый тяжелый в истории республики экономический кризис страна пережила именно в этот период, миллионы людей обнищали в результате снижения национального дохода, сравнимого с его падением во времена второй мировой воины»[40].

На предвыборных митингах лидер АКП часто напоминал, что он – выходец из бедной семьи, начал свой путь к своему нынешнему положению с улиц Стамбула, где продавал бублики, воду и лимоны. «Другие же партийные лидеры спустились с неба с полной мошной, это – люди салонов, высшего общества». Часто повторявшийся тезис – нищета будет ликвидирована, если будет ликвидирована коррупция[41]. Вторил лидеру и второй человек в партии – А.Гюль. Он утверждал, что «за три с половиной года пребывания у власти правительства Эджевита и рабочие, и крестьяне, и промышленники оказались в бедственном положении, закрылись тысячи фабрик, миллионы людей остались без работы»[42].

И до, и после выборов 3 ноября 2002 г. для турецких политиков и журналистов главным оставался (и сейчас еще остается) вопрос – отказалось ли руководство АКП от идеологии Национального взгляда, которую трудно увязать с «мягким» исламом. Перед выборами отмечалось, что Эрдоган умело уклоняется от ответа на этот вопрос, и смысл такого поведения ясен – «он продолжает поддерживать Милли гёрюш, но открыто заявить об этом – значит навредить делу»[43]. О

том, что АКП является партией с традициями Милли гёрюш, писала перед выборами газета «Заман»: «примерно 70% нынешних голосов АКП идут от Рефах... Какие бы обстоятельства ни вынуждали АКП, она будет выбирать путь с участием традиционных актеров Милли гёрюш»[44]. И после выборов газета «Джумхуриет» утверждала, что «большинство общества не может доверять АКП, которая использовала шариат в качестве знамени в своей политической борьбе». Ее обозреватель О.Чалышлар писал, что Т.Эрдоган «освободился от консерватизма Эрбакана, прибег к более мягкому тону и сократил исламскую риторику. Но итоги выборов свидетельствуют, что процесс модернизации сопровождается, пусть в мягком варианте, активным присутствием политического ислама»[45].

Как известно, на выборах партия АКП добилась небывалого для исламистской партии успеха. Она получила в меджлисе абсолютное большинство – 363 места из 550 – и сформировала (тоже редчайший случай после учреждения многопартийной системы) однопартийное правительство. Лишь Народно-республиканская партия во главе с Д.Байкалом, ранее вообще не представленная в ВНСТ, получила немногим более 19% голосов и стала единственной оппозиционной партией в новом парламенте, в котором отныне господствует АКП.

Сам Эрдоган не смог сразу должным образом воспользоваться этим успехом и возглавить правительство – сохранявшаяся за ним судимость, о чем выше сказано, не давала возможности (статья 76 Конституции) избираться в парламент, премьер-министром стал А.Гюль (р. 1950 г.), его близкий соратник, выпускник экономического факультета Стамбульского университета, совершенствовавший в течение двух лет свое образование в Лондоне и поработавший некоторое время как представитель Турции в Исламском банке развития. Ранее он входил, как и Эрдоган, в высшее руководство и Рефах, и Фазилет, был представлен и в парламенте, и в коалиционном правительстве Эрбакана в 1996/97 гг. Надо сказать, что несколько человек из окружения Эрдогана в руководстве партии в правительстве, не в пример своему лидеру, обладают дипломами престижных западных либо турецких вузов[46].

Партийная программа АКП содержит немало положений, свидетельствующих о намерении ее лидеров, в отличие от своих предшественников, действовать в политике под «мирными» знаменами, обеспечить «соединение ислама с демократией», не покушаться на светский режим, лишь должным образом корректируя его. В программе подчеркивается, что «религиозный фактор – это сила, призванная не разделять общество, а объединять его», что партия выступает за «демократическое, светское и социально-правовое государство», за перестройку в этом направлении «всех государственных структур», причем государство «остается нейтральным в отношении религиозных верований и философских взглядов». Партия понимает светскость как «фун-

дамент религиозной свободы и свободы совести». Религиозное обучение избирается самим гражданином, а для детей – их родителями (опекунами). Запрет политических партий регулируется международным правом – прежде всего решениями Европейского суда по правам человека. В тексте программы неоднократно повторяется намерение пересмотреть конституцию, закон о выборах и другие акты во имя демократизации государства и создания гражданского общества[47].

Как видно, выполнение такой программы, даже неполное, предвещает глубокую реорганизацию государственных и общественных структур на основе пересмотра прежних принципов секуляризма, управляемой демократии, формирует представление о турецком варианте политического, «партийного», претендующего на государственную власть, умеренного ислама – в отличие от различных вариантов ислама, предлагаемого тарикатами.

Законодательные ограничения, действовавшие в отношении Эрдогана на момент выборов и затем формирования правительства АКП, не помешали ему сохранить имидж самого популярного политика страны и после победы его партии добиваться, с присущей этому политику энергией, кресла премьера, а для этого получить, прежде всего, согласно законодательству, мандат депутата на дополнительных выборах в одном из округов. Новый парламент, контролируемый АКП, вскоре принял поправку к Конституции, снимавшую ограничения на право Эрдогана избираться в парламент и, соответственно, на право возглавить правительство. После этого Эрдоган уже весной 2003 г. смог заменить своего верного соратника на посту премьера.

Что же касается движения МГ, которое, несомненно, поддержало АКП и помогло ей выиграть выборы, то дискуссии о том, какова дальнейшая судьба этого движения, сводились главным образом к вопросу: сохраняются ли в прежнем виде связи АКП и самого Эрдогана с МГ, т.е. будет ли консервативное руководство в лице партии Саадет выступать от имени МГ и воздействовать на новаторское руководство АКП, соотнося деятельность АКП с прежними нормами и принципами Милли гёрюш. Либо наоборот, само движение МГ под воздействием новаторских шагов АКП и Эрдогана, приведших к большому политическому успеху, согласится с соответствующей реорганизацией самого движения и откажется в начале XXI в. от прежних категорических, жестких лозунгов и установок, предусматривавших смену светского режима на шариатский и, в конечном счете, полностью исключающих возможность вступления Турции в ЕС.

Развитие событий позволяет предполагать, что пока 77-летнему Эрбакану удается представить АКП как явление, отходящее от всех прежних концепций МГ. Вопрос в том, как воспримут такой отход рядовые сторонники Милли гёрюш, не одобрят ли многие из них новую линию АКП, которая пока не заявляет публично о разрыве с движением. В самом конце ноября 2002 г., т.е. сразу же после выборов, по

одному из каналов турецкого ТВ выступил от имени Милли гёрюш «запрещенный» Н.Эрбакан. Поздравив победившую партию АКП, он одновременно напомнил, что в своей победе АКП обязана поддержавшему ее движению Милли гёрюш за счет голосов, предназначавшихся партии Саадет, которая набрала поэтому на выборах всего 2,5% голосов. Исходя из этого, он огласил целый список советов и рекомендаций партии и ее руководству, причем некоторые советы явно были обращены в прошлое, но выглядели весьма настойчивыми. Напоминалось, что АКП должна учитывать цели движения МГ, в противном случае, новое правительство ожидает судьба предшествующего кабинета: Эджевит пришел к власти при массовой поддержке народа и лишился ее, когда забыл о своих обещаниях избирателям[48].

Привлекает внимание еще одно наставление для Эрдогана от недавних политических соратников. Постоянный обозреватель упоминаемого органа этого движения М.Ш.Эйги писал, что после победы на выборах АКП Р.Тайип, не став еще даже депутатом, был доброжелательно встречен на Западе. В Греции «перед ним расстелили красный ковер», президент Франции «в нарушение протокола встретил его на ступеньках президентского дворца», президент мировой супердержавы долго беседовал с ним за закрытыми дверями… Все это «не ради его красивых глаз»: лидеры Запада, прежде всего американцы, ожидают от Турции уступок. Ведь не прошло и месяца после выборного триумфа, как партия оказалась в тяжелейшей и опаснейшей ситуации… Речь идет о поддержке «войны против Ирака», «передаче Кипра тамошним грекам», «сохранении конфронтации с арабским миром и одновременно союза с Израилем» и т.п. Западный мир, по мнению автора, воспринимает мягкий ислам как средство использования мусульманского мира в собственных интересах.

Автор напоминает, что основным экзаменом для АКП стала ситуация с Ираком. Эта страна – «наш сосед и брат по религии, с ним у нас нет никаких противоречий, торговать с Ираком, сохранять тесную дружбу и сотрудничество – все это благо для нашего государства, народа, страны». США же, писал автор, готовятся напасть на Ирак и свергнуть режим Саддама, «во-первых, чтобы обеспечить безопасность Израилю, во-вторых – установить контроль над ближневосточной нефтью. Режим Саддама обвиняется в том, что он обладает средствами массового уничтожения, прежде всего ядерным оружием. Но такое же оружие есть у Израиля, причем в большом количестве. Наличие такого оружия в руках арабов – это опасность, однако, если оно в руках евреев, разве оно не опасно!» Если Турция вмешается в войну, «кровь турецких парней падет на голову анкарских политиков, помимо этого война принесет Турции расходы и потери, наверное, на сто миллиардов долларов».

Автора статьи тревожит и развитие кипрской проблемы в связи решением ЕС принять в свой состав Кипр в условиях, когда «греки-

киприоты и Греция не принимают систему федерального государства». В этом случае «Кипр полностью окажется под контролем греков-киприотов, т.е. Греции, Турция же с юга окажется беззащитной. Проблема осложнена дурным управлением на севере острова, и отсюда – очень плохим состоянием там экономики. Часть населения, руководствуясь неясными надеждами поддерживает политику греков-киприотов».

Автор убежден, что западный мир намерен использовать «мягкий» ислам прежде всего для того чтобы «навязать миру ислама такую модель, которая была бы замешана на светскости, модернизме, умеренности и оказалась лишенной религиозного содержания, превращенной в некий гуманизм». Речь идет о «реформированном, новаторском, очищенном от шариата и фикха исламе». По мнению Эйги, такие опасения не лишены основания. Далее, Запад намерен использовать мусульман, озаботить их набором таких дел, которыми им вообще не следует заниматься. «Турция в последние пять-шесть лет включилась в очень тесный союз с Израилем, огорчив такой политикой мир ислама и арабов. Америка после сведения счетов с Ираком нападет на Иран. А сильная исламская страна Турция будет контролироваться изнутри американской пятой колонной»[49].

С наставлениями и критикой в адрес АКП Эрбакан и обозреватели указанной газеты выступали и позже. Например, сам Эрбакан требовал немедленного решения такой (казалось бы, не первой важности в условиях сложившейся для новой власти ситуации) проблемы, как отмена запрета на тюрбан в «присутственных местах», называя ее «одной из наиважнейших для народа». В марте 2003 г. на церемонии официального приема Эрбакана в партию Саадет (после прекращения пятилетнего запрета для него участвовать в политике), Н.Эрбакан по совершении намаза в старинной анкарской мечети Хаджибайрам заявил: «Они не знают, что делать. Народ понял, что ему показали не воду, а миражи, в действительности вокруг – пустыня»[50].

Совсем по иному оценил победу АКП журнал «Аксьон», входящий в издательскую систему общины Ф.Гюлена. Открыто приветствуя АКП с ее умеренным исламом, журнал писал: «Легендарный лидер Милли гёрюш Неджметтин Эрбакан, будучи под политическим запретом, но участвуя во всех митингах партии Саадет, призывал отдать за нее голоса, однако СП получила всего 2,5%, все голоса вычистила у нее АКП. А ведь в прошлом Эрбакан получал 45% голосов»[51].

[1] Последняя из них – публикация в книге «От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф.Миллера». – М., Муравей, 2003, с. 252–256.

[2] Şeriat ve demokrasi. İstanbul, Yeni Asya neşriyat, 1995, c. 14.

[3] Cumhuriyet, 22.06.1998.

[4] Cumhuriyet, 19.06.1998.

[5] www.geocities.com/fettosh/index

[6] Cumhuriyet, 1.09.2001.
[7] Yalçın, Söner. Hangi Erbakan. – Ankara, 1995, c. 20–23.
[8] Там же, с. 30–35, 60–64.
[9] Там же, с. 35–38, 60–69.
[10] Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Cilt 4. İstanbul, (1985), c. 1995–1996. См.также Almanac Turkey 1978. c. 413.
[11] Teşhis. Türkiye' nin gerçek durumu. Ankara, Refah Partisi, (1995), c. 18–22, 24–28, 33, 34, 37, 45, 46, 48.
[12] Hürriyet 22.09.2001.
[13] Refah Partisi İddianamesi ve mütalaası. İstanbul, 1997. C. 33.
[14] Cumhuriyet, 3.09. 2000.
[15] Yalçın, Söner. Hangi Erbakan, c. 387.
[16] Hürriyet, 22.09.2001.
[17] Трошев, Г. Чеченский рецидив. Записки командующего. – М., Вагриус, 2003, с. 145.
[18] Радио России. 11.10.2003.
[19] http://www.sabah.com.tr/sabah/2001/09/28/
[20] Hürriyet, 22.09. 2001.
[21] Radikal, 23.02.1998.
[22] Sabah, 13.06.1998.
[23] Sabah, 7.05.1999.
[24] Milliyet, 31.08.2000.
[25] Zaman, 31.12.2000.
[26] Milliyet, 28.04.2001.
[27] Yeni Şafak, 30.12.2000.
[28] http://www.fp.org.tr/
[29] Sabah, 2.08.2001.
[30] Hürriyet, 22.08.2003.
[31] Dünya, 4.10.2001
[32] Sabah, 24.09.1998.
[33] http://www.economist.com/displavstory.cfm7storv id=788318 29.09.2001.
[34] Sabah 2.08.2001.
[35] Sabah, 2.08.2001; Sabah, 7.08.2001.
[36] Sabah, 2.08.2001.
[37] Zaman, 8.10.2001.
[38] http://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekili.dagilim
[39] Gür, Metin. Şeriat ve Refah, – İstanbul, 1997. c. 24–26.
[40] Milliyet, 4.08.2002.
[41] Milliyet, 29.10.2002
[42] Zaman, 1.11.2002
[43] Sabah, 7.08.2001.
[44] Zaman, 24. 07.2002
[45] Cumhuriyet, 6.11.2002
[46] www.basbakanlik.gov.tr/
[47] http://www.akparti.org/ilkeler/index.php

[48] Milli Gazete, 30.11.2002.
[49] Milli Gazete, 26.12.2002.
[50] Milliyet, 20.03.2003.
[51] www.aksiyon.com.tr/ Aksiyon. Sayı: 414.

В.Г.Коргун

АФГАНИСТАН: ПОИСКИ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ

По прошествии двух лет после свержения режима талибов, Афганистан довольно далеко продвинулся в направлении ликвидации остатков терроризма и возвращения к мирной жизни. Речь уже идет о создании демократических институтов и становлении правового общества, торжестве законов и скорейшей интеграции страны в мировое сообщество. Однако практически эти идеи пока все еще остаются уделом мечтаний небольшого слоя возвратившихся с Запада на родину афганских эмигрантов, ощутимо не влияющих на формирование общественного мнения. В своей толще афганское общество продолжает оставаться глубоко консервативным, не избавившимся от тяжелого наследия исламистского, теократического режима.

Сегодня Афганистан втягивается в новую фазу социально-политического развития, характеризующуюся двумя противоречивыми тенденциями – становлением новой политической системы и осложнением внутриполитической ситуации. Они взаимосвязаны и взаимозависимы. В рамках первой из них идет острая борьба вокруг проекта новой конституции, основные положения которой вызывают бурные дискуссии не только среди политической элиты, но и рядовых афганцев. Непростая обстановка в стране вынудила главу Афганистана Х.Карзая в начале сентября 2003 г. издать указ о переносе Лоя джирги (всеафганской ассамблеи представителей народностей, племен и духовенства), которая должна была принять новую конституцию, с октября на декабрь 2003 г. – крайний срок, определенный Боннским соглашением от 5 декабря 2001 г. Формальным предлогом для переноса послужила просьба министра высшего образования включить студентов в процесс обсуждения проекта конституции. Однако, по существу, это решение мотивировалось серьезными причинами – глубоким национальным и политическим расколом в афганском обществе, явно не готовом выработать приемлемую для основных политических сил, не говоря уже обо всем народе, формулу, или модель будущего социального и политического развития страны на основе современных ценностей демократии.

Все политические силы, представленные многочисленными партиями, движениями, группировками, фракциями и даже отдельными региональными и локальными лидерами, едины в одном – будущее Афганистана должно базироваться на принципах демократии. Однако

это все же не более, чем риторика. На практике, у всех различный подход к трактовке этого понятия. И проявляется он в отношениях к базовым элементам новой государственности: государственно-административному устройству (унитарное или федеративное), системе власти (республика или монархия), форме правления (президентская или парламентская), месту и роли ислама в политической и государственной системах.

Тем временем, в обстановке поиска консенсуса, или хотя бы компромисса, по этим вопросам идет становление новой политической системы Афганистана, формирование всех элементов которой все еще находится в динамике. Речь идет о структуре государственного управления, судебной системе, идеологии, армии, правоохранительных органах, религии и духовенстве, политических и общественных организациях. Все эти институты сегодня весьма подвижны и пока не имеют достаточной легитимности.

Наиболее заметным явлением сегодняшней политической жизни является формирование и деятельность политических партий. В этой области в какой-то мере повторяется ситуация 1965 г., когда законопроект о политических партиях, пройдя все инстанции рассмотрения и утверждения, не был подписан королем Захир Шахом, опасавшимся появления легальной оппозиции. Тогда партии и движения создавались де-факто со ссылкой на соответствующее положение конституции 1964 г. – статью 32-ю, провозгласившую право на создание и деятельность партий. Ныне, в условиях подготовки новой конституции, она принята за основу политического развития страны. В августе 2003 г. новый законопроект о политических партиях также был одобрен правительством и представлен на утверждение президенту страны Х.Карзаю. Между тем на базе сложившегося в обществе консенсуса относительно многопартийности процесс партийного строительства идет довольно бурно. При этом большинство политических партий, движений, обществ и группировок (а их около 60) имеют преимущественно виртуальный характер и многие из них более ассоциируются в обществе с именем и авторитетом их лидеров, нежели с их целями, лозунгами и программами.

В настоящее время на поверхность общественно-политической жизни вновь вышли некоторые политические группировки моджахедов, созданные в 1976–1982 гг. и спекулирующие на своих заслугах в борьбе против советских войск и марионеточного кабульского режима.

Наиболее влиятельная и многочисленная из них – Исламское общество Афганистана, созданное в 1976 г. и возглавляемое бывшим в 1992–2001 гг. президентом страны профессором Б.Раббани. Печатный орган партии – газета «Моджахед». Она провозглашает своей целью создание в Афганистане исламской республики с парламентской формой правления. Официально позиционируя себя как сторонника президента Х.Карзая, Б.Раббани в неформальной обстановке

высказывает недовольство деятельностью президента. При этом дает понять, что рассматривает возможность выдвижения своей кандидатуры на пост главы государства на предстоящих в июне 2004 г. всеобщих выборах.

Его партия имеет достаточно широкую поддержку, особенно в районах проживания национальных меньшинств. Из политических сил его поддерживает Партия исламской независимости Афганистана во главе с С.А.Фердоуси, выдвинувшая лидера «Исламского общества» на пост главы государства[1]. Большая часть членов партии Б.Раббани представлена таджиками, но есть в ней и узбеки, хазарейцы и даже пуштуны. Однако позиции самого Б.Раббани в его притязаниях на пост главы государства достаточно уязвимы. Во-первых, он таджик, в то время как традиционно, за редким исключением, этот пост занимали пуштуны – представители самой крупной, к тому же государствообразующей этнической группы. Во-вторых, против него работает его неудачный опыт главы государства, особенно после захвата талибами Кабула, когда Б.Раббани был вытеснен из столицы и оставался президентом скорее де-юре, в основном благодаря международной поддержке. В годы его правления в стране происходила фрагментация власти, господствовало беззаконие, всевластие полевых командиров, царил экономический хаос. В-третьих, у него немало довольно сильных и влиятельных соперников, преимущественно из новой политической элиты. Тем не менее, Б.Раббани не следует сбрасывать со счетов: он продолжает оставаться влиятельной политической фигурой, выражающей интересы значительного сегмента афганского общества.

Частью Исламского общества является созданный в 1982 г. А.Ш.Масудом Наблюдательный совет севера Афганистана, который ныне возглавляет министр обороны маршал М.К.Фахим. Этот Совет вряд ли можно рассматривать как политическую организацию, тем более партию. Это чисто формальная структура, объединяющая бывших соратников А.Ш.Масуда. Однако она служит политической опорой власти «панджширцев», занимающих ключевые посты в правительстве, – М.К.Фахима и его двух ближайших сподвижников – министра иностранных дел А.Абдуллы и советника президента по вопросам безопасности, министра просвещения Ю.Кануни.

Отношения между этим триумвиратом и Б.Раббани весьма непростые. Они признают его заслуги как основателя партии, лидера джихада и вообще старейшину исламского движения, однако держатся самостоятельно при осуществлении властных полномочий и принятии политических решений.

Менее влиятельной и малочисленной остается партия профессора А.Р.Саяфа – Исламский союз освобождения Афганистана, созданный им в 1982 г. при поддержке Саудовской Аравии. Формально партия числится в списке существующих в стране политических организаций,

однако ее деятельность в общественно-политической жизни страны никак не проявляется. То же можно сказать и о Национальном фронте спасения Афганистана, созданном в 1979 г. и возглавляемом главой самого известного религиозного клана хазратов С.Моджаддиди.

Все три руководителя этих партий не занимают государственных постов, но пользуются известным уважением, носят официальные титулы «лидеров джихада» и входят в верхушку политической элиты страны.

Среди партий моджахедов весьма активна политическая организация афганских шиитов-хазарейцев – Партия исламского единства («Вахдат»), созданная во второй половине 80-х годов прошлого века и возглавляемая одним из ее основателей А.К.Халили, ныне занимающим пост вице-президента страны. Она издает свою газету «Мисаке вахдат» («Верность единству»). В годы гражданской войны в Афганистане резко выросло национальное самосознание хазарейцев, в прошлом самой угнетенной народности Афганистана. Ее политические организации при поддержке иранских религиозных кругов активно участвовали в политической и вооруженной борьбе за национальные права хазарейцев и являлись составной частью Северного альянса. Ныне хазарейские лидеры представляют довольно влиятельную политическую силу, занимая два поста в правительстве.

Особняком стоит одна из сравнительно новых партий (создана в 1992 г.) – Национальное исламское движение Афганистана (НИДА). Ее возглавляет основатель партии, лидер афганских узбеков генерал А.Дустум. Ее штаб-квартира находится на севере Афганистана, в г.Шибергане. В отличие от других политических организаций, НИДА имеет региональный характер и состоит из представителей национальных меньшинств – узбеков, таджиков, туркмен, хазарейцев. В годы гражданской войны А.Дустум фактически контролировал четыре северные провинции, создав на этих территориях собственную, независимую от Кабула, администрацию.

Формально поддерживая правительство Х.Карзая (сам А.Дустум занимает пост советника президента по военным вопросам и безопасности), лидер НИДА в стремлении сохранить политический контроль над прежними владениями выступает с идеями создания в Афганистане федерации, что и было зафиксировано в программе его партии, принятой на ее втором съезде, прошедшем в октябре 2002 г.

С этой же целью Дустум использует военные и экономические рычаги. У него есть собственные вооруженные формирования, и вот уже на протяжении последних двух лет происходят постоянные столкновения между его отрядами и воинскими подразделениями его соперника на севере, соратника министра обороны таджика генерала А.Мухаммада за контроль над северными территориями. Экономической опорой Дустума служат газопромыслы на севере страны, которые также находятся под его контролем. Дустум получает многосто-

роннюю помощь от президента Узбекистана И.Каримова. Генерал пользуется также негласной поддержкой США, стремящихся ослабить позиции «панджширцев», хотя именно министру обороны США Д.Рамсфелду удалось в декабре 2001 г. при содействии узбекского президента И.Каримова «укротить» строптивого лидера афганских узбеков, взбунтовавшегося против Временного правительства Х.Карзая, который в настоящее время не имеет достаточных средств воздействия на Дустума и вынужден считаться с его влиянием.

Остальные партии моджахедов, в основном по политическим причинам, пребывают в политическом небытии, кроме Национального исламского фронта Афганистана, лидер которого С.А.Гилани продолжает оставаться в эмиграции в Пешаваре: все они так или иначе поддерживали талибов и, естественно, не могут найти места в новой политической системе страны. К тому же крупнейшая из них – Исламская партия Афганистана во главе с бывшим премьер-министром Г.Хекматьяром ныне выступает *в* одних рядах с талибами, ее вооруженные отряды участвуют в боевых действиях против американцев и правительства Х.Карзая. В 2002 г. она была официально запрещена.

Многочисленные новые партии, возникшие после разгрома талибов, объединяют их лозунги – все они «национальные», «прогрессивные», все выступают за демократию, но их партийные программы никому не известны. Некоторых из них различают лишь по именам лидеров. Большинство этих партий вскоре после своего создания обычно приобретает виртуальный характер, и их деятельность проявляется лишь через редкие газетные публикации.

Так, двоюродный брат бывшего короля Захир Шаха С.М.Гази в августе 2003 г. сформировал партию афганских монархистов – Движение национального единства Афганистана. Основными целями под сенью конституционной монархии[2] он провозгласил национальное единство, демократические принципы, уважение прав человека, обеспечение мира в регионе, борьбу с терроризмом и наркотиками, достижение мира и безопасности в Афганистане, социальной справедливости и торжества закона. Однако король отказался поддержать партию, и она практически распалась.

Малозаметной является и Партия демократии Афганистана, созданная в мае 2002 г. братом покойного А.Ш.Масуда, афганским послом в Лондоне А.В.Масудом, который вместе с лидерами Национального совета за мир и демократию в Афганистане и Партии сторонников национального прогресса издает газету «Факел демократии».

В августе 2003 г. на политическую арену вышла партия афганских коммунистов – «Единая национальная партия Афганистана», объединившая в своих рядах бывших активистов Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), с 1990 г. – партии «Ватан» («Родина»). Ее возглавил один из соратников бывшего президента Наджибуллы генерал Н.Х.Олуми. Появление этой партии встретило резкую реак-

цию со стороны бывшего президента Б.Раббани, ряда периодических изданий, а также министра юстиции Р.Карими и Верховного судьи Ф.Х.Шинвари, которые буквально через день после основания партии объявили ее незаконной, обвинив членов партии в совершении преступлений во время пребывания НДПА у власти, и потребовали суда над ними. Однако лидер партии заявил о том, что она создана на законном основании в соответствии с действующей конституцией 1964 г. и выступает за демократию в Афганистане[3].

О возможности создания собственной партии говорил недавно и президент Х.Карзай, выдвинувший свою кандидатуру на пост президента страны на предстоящих в июне 2004 г. всеобщих выборах. Именно накануне выборов и во время их проведения в Афганистане развернется острая политическая борьба, в рамках которой партии смогут продемонстрировать себя как реальные политические силы.

В целом, сегодня политические организации Афганистана пока играют второстепенную роль в политическом процессе, его основной движущей силой по-прежнему остаются отдельные политические фигуры и общественные деятели, кланы, структуры и связи. При этом в последние годы политическая элита страна претерпела значительные изменения: крупные землевладельцы, предприниматели, влиятельные в прошлом духовные лица, бывшие министры, депутаты парламента, крупные религиозные деятели, остатки старой аристократии уступили место новому поколению политиков, выдвинувшихся в годы гражданской войны и сразу после нее, – крупнейшим полевым командирам, связанным к тому же с крупным бизнесом, в том числе и с наркоторговлей, вернувшимся из эмиграции известным представителям интеллигенции и технократам, обладающим международными связями и поддержкой зарубежных спонсоров Афганистана. Впрочем, сохранили влияние и некоторые представители ханской верхушки племен и ортодоксального духовенства, нажившие в годы войны немалый политический капитал и крупные состояния.

Бывший король М.Захир Шах, имеющий официальный титул «отца нации» и выполняющий церемониальные функции, пока остается в тени. Отвергая возможность реставрации монархии в Афганистане, он публично не выдвигает свою кандидатуру на пост президента страны, однако определенно дает понять, что готов занять любой пост в государстве, если к этому его призовет народ[4].

Несмотря на эти потенциально позитивные сдвиги в характере политических процессов, происходящих сегодня в Афганистане, обстановка в стране в целом продолжает оставаться неспокойной и даже тревожной. Основными источниками беспокойства служат три фактора: терроризм, наркобизнес и политическая нестабильность.

Угроза терроризма в Афганистане исходит от продолжающегося вооруженного сопротивления остатков отрядов талибов, боевиков Аль-Каиды и сотрудничающих с ними отрядов лидера Исламской пар-

тии Афганистана Г.Хекматьяра. США, при поддержке сил Северного альянса в октябре-декабре 2001 г., не до конца выполнили основную задачу операции «Нерушимая свобода» – полную ликвидацию очага международного терроризма, нанеся лишь поражение войскам талибов и разрушив их структуру власти.

Однако талибы, выйдя из-под ударов американской авиации, сохранили главное – людской потенциал. Небольшая часть талибов попросту дезертировала, другая растворилась среди местного населения, не отказавшись от намерения при наступлении благоприятных условий продолжить борьбу, какая-то часть рассеялась в виде небольших групп в горной местности на востоке и юго-востоке Афганистана. Однако большинство талибов перешло границу и укрылось среди «независимых племен» в пакистанских Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан. Этот район традиционно де-факто не находится под юрисдикцией пакистанских властей, управляется местной администрацией при поддержке своей племенной милиции.

К осени 2002 г. талибы оправились от шока и развернули планомерную партизанскую войну против режима Х.Карзая и сил международной антитеррористической коалиции. В основу их тактических действий был положен метод «hit-and-run», т.е. нанесение внезапного удара и быстрый отход. Большинство вооруженных групп талибов формировались на пакистанской территории, пересекали афганскую границу и совершали нападения на военные базы США и их союзников, на военные объекты правительства Х.Карзая и расположение международных миротворческих сил (ISAF) в Кабуле.

Но уже весной 2003 г., особенно в связи с войной в Ираке, в надежде, что американцы ослабят военный нажим на них, талибы поменяли тактику и перешли к более крупномасштабным действиям. В этот период они произвели перегруппировку своих сил. Центральные, южные, юго-западные и юго-восточные районы Афганистана поделены на военные зоны, во главе которых поставлены близкие к лидеру талибов мулле Омару полевые командиры либо лица из его ближайшего окружения, в прошлом занимавшие крупные государственные и военные посты.

Меняется и тактика боевых действий талибов. Не отказываясь от продолжения партизанских действий, в качестве основных объектов своих нападений они выбирают «soft targets», т.е. людей, будь то американцы, представители власти или простые граждане. Соответственно изменились и формы борьбы: теперь преобладают диверсионные акты откровенно террористического характера – взрывы, засады, убийства, запугивание. Среди жертв нападений есть и иностранцы, выполнявшие невоенные функции – эквадорский ирригатор, итальянский инженер и два иностранных специалиста по разминированию.

Весной талибы провели крупномасштабные операции наступательного характера. В начале апреля 2003 г. они захватили здания

местной администрации в районах Наубахар и Шинкай провинции Заболь и водрузили над ними свой флаг[5]. Впрочем, это была скорее демонстрация силы, нежели установление альтернативной власти в провинции. Тогда же, в апреле большие силы талибов вторглись в пограничные с Пакистаном провинции Гильменд и Урузган. Этому вторжению предшествовали массовые митинги, организованные ими в Пешаваре и Кветте – центрах пакистанских Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан. 15 августа около 200 талибов при поддержке подразделений племенной милиции из полосы «независимых племен» вторглись в район Бармаль провинции Пактика и взяли его под свой контроль.

Одновременно талибы предприняли новое широкомасштабное вторжение в пограничную провинцию Заболь. Численность наладивших превышала 600 человек. Через неделю к ним пришло подкрепление из Пакистана в составе более, чем 300 человек. Правительство Х.Карзая было вынуждено бросить против них около 1 тыс. солдат, часть из которых (около 150 человек) является подразделением новой, Национальной армии Афганистана, подготовленным американскими и французскими инструкторами. Правительство также использовало американскую воздушную и наземную (около 120 солдат) поддержку. По масштабам и интенсивности боевых действий это была крупнейшая операция со времени падения режима талибов. В течение первых двух недель боев погибли 124 талиба и около 100 солдат правительственных войск. Операция завершилась, и то не полностью, лишь в конце октября.

В целом, по мнению афганских и зарубежных экспертов, талибы и их союзники Аль-Каида и Г.Хекматьяр наращивают масштабы и интенсивность боевых действий. В сентябре 2003 г. их лидер мулла Омар созвал на юге Афганистана совещание крупнейших полевых командиров, на котором была сформирована Шура – военный совет, или центральный штаб командования вооруженными отрядами талибов, состоящий из 10 человек, перед которым поставлена задача расширить и активизировать военные действия.

Об усилении военной активности исламистов свидетельствует и тот факт, что их действия выходят за пределы традиционной зоны своего влияния – районов, населенных пуштунскими племенами. Так, в июле 2003 г. отряды талибов появились на севере Афганистана, в провинции Фарьяб, граничащей с Туркменистаном, и столкнулись с отрядами генерала А.Р.Дустума. Нападавших возглавил, по указанию муллы Омара, бывший министр информации в правительстве талибов М.А.Муттаки. Руководство талибов заявило о том, что вскоре борьба против сторонников Х.Карзая охватит весь север Афганистана[6].

В последние месяцы талибы усилили подготовку новых отрядов боевиков, в том числе из пакистанской молодежи, в лагерях и на базах как в Афганистане, так и в Пакистане, многие из которых сохранились со времени американских бомбардировок 2001 г., в частности,

в пакистанских населенных пунктах Баджаур, Мансера, Кветта. Есть и лагеря по подготовке смертников, в которых инструкторами работают арабы. Талибы хорошо оснащены современными средствами связи – спутниковыми телефонами, используют приборы ночного видения, группы вооруженных мотоциклистов.

В Афганистане остались и небольшие группы иностранных наемников и добровольцев – чеченцев, узбеков, таджиков, уйгуров, которые вместе с остатками талибов воюют против правительства Х.Карзая. Их численность, вероятно, не превышает 600–700 человек.

Талибы пользуются определенной поддержкой населения внутри Афганистана. Это, в частности, подтвердил руководитель разведывательной службы провинции Заболь Х.Хоттак, который подчеркивает, что «талибы перегруппировались и проводят митинги в провинциях». «В Заболе, – утверждает он, – 80% населения лояльны талибам. Талибы проповедуют свои идеи среди населения, убеждая людей в том, что американцы – неверные, а афганское правительство поддерживает их (в борьбе) против ислама»[7].

Талибы имеют серьезную поддержку и в Пакистане. Они пользуются не только покровительством со стороны консервативной части ханской верхушки пуштунских племен на пакистанской территории, но и симпатиями определенного сегмента пакистанского политического истеблишмента. Прямые союзники талибов в Пакистане – правящий в Северо-Западной провинции блок шести правоклерикальных партий, две из которых возглавили оппозицию в Законодательном собрании провинции Белуджистан.

На территории Пакистана нашли убежище многие лидеры талибов во главе с муллой Омаром, а также, по мнению афганских официальных властей, бен Ладен со своим окружением[8]. Президент Х.Карзай на встрече с генералом П.Мушаррафом в мае 2003 г. в Исламабаде высказывал недовольство фактом пребывания афганских экстремистов на пакистанской территории и даже представил список этих лидеров пакистанской стороне, настаивая на их выдаче. «Правительства должны прекратить использовать экстремизм как инструмент политики, – заявил он, – и пока терроризм существует в этой части мира, ни Афганистан, ни его соседи, ни, разумеется, остальная часть мира не могут чувствовать себя в безопасности»[9].

Официально правительство Пакистана под нажимом США ведет борьбу против террористов на собственной территории. Впервые за всю историю страны Исламабад ввел регулярные войска численностью 25 тыс. человек на территорию полосы «независимых племен», декларируя стремление предотвратить проникновение отрядов талибов через границу на территорию Афганистана[10].

В июле 2003 г. на отдельных участках границы пакистанские войска, по данным афганской прессы, вторглись на афганскую территорию на глубину до 45 км. На границе отмечались случаи вооруженных

столкновений. И хотя официальный Исламабад опроверг эти сведения, общественное мнение Афганистана крайне болезненно реагировало на активность пакистанских военных в приграничных районах. Вероятно, при негласном попустительстве афганских властей, 8 июля 2003 г. в Кабуле был организован погром посольства Пакистана. Исламабад выразил официальный протест и закрыл посольство. Президент Х.Карзай и министр иностранных дел Афганистана д-р Абдулла были вынуждены извиниться перед Пакистаном и обещали наказать виновных и возместить ущерб. Через неделю посольство было вновь открыто.

Так исламский экстремизм и терроризм в Афганистане воздействуют не только на внутриполитическую ситуацию, но и на отношения между двумя государствами, которые вот уже несколько десятилетий остаются напряженными, подрывая региональную безопасность и ставя под угрозу хрупкую политическую стабильность.

В целом же, можно с высокой степенью уверенности предполагать, что талибы как политическая сила в обозримом будущем не сумеют вернуться к власти в Афганистане. Гарантией служит не только американское военное присутствие в стране, которое в связи с событиями в Ираке нисколько не сократилось, но и появление некоторых позитивных необратимых перемен в общественно-политической жизни Афганистана.

Однако угроза миру и безопасности, исходящая от афганских экстремистов, причем не только для самого Афганистана и региона Центральной и Южной Азии, но и для мирового сообщества в целом, остается вполне реальной. Крайне тревожная обстановка в стране может помешать проведению как уже отсроченного заседания конституционной Лоя джирги, так и предстоящим в июне 2004 г. всеобщим выборам в Афганистане, что способно дестабилизировать внутриполитическую ситуацию и поставить под сомнение дальнейший путь возвращения страны к миру. Это может привести к рецидиву гражданской войны и более широкому вовлечению в события иностранных участников афганской драмы. Последствия трудно предсказать.

Дестабилизация в Афганистане, безусловно, повлечет открытое вмешательство Ирана и Пакистана в афганские события, которые будут стремиться, как минимум, занять доминирующие позиции в стране и даже пытаться привести к власти дружественные им правительства. Не останутся в стороне США и Саудовская Аравия: первые как союзник Пакистана, вторая как соперник Ирана.

Что касается России, то афганские события, при любом варианте их развития, не станут прямой угрозой ее национальным интересам: у нас нет общей границы и тесных двусторонних отношений. Однако их возможное косвенное влияние нельзя игнорировать. Здесь важны три фактора – общая нестабильность в соседнем с Россией регионе Центральной Азии, пропаганда идей исламского экстремизма и терро-

ризма в «мусульманских» регионах России, связь Аль-Каиды и талибов с чеченскими сепаратистами, лидер которых Ш.Басаев, по некоторым данным, имел личные контакты с бен Ладеном.

Нынешнее развитие событий в Афганистане никак не может устраивать США. Традиционная ксенофобия афганцев приобретает все более отчетливую антиамериканскую направленность, что можно объяснить не только присутствием американских войск в стране, но и неспособностью США покончить с талибами, обеспечить в стране безопасность. Большинство простых афганцев воспринимают присутствие американцев чисто прагматически и даже утилитарно: американцы ничего не делают, они не могут накормить народ, дать ему работу. Финансовые средства, которые тратят США в Афганистане, идут в основном на мелкие, хотя и важные объекты (образование, транспортная инфраструктура, создание Национальной армии, зарплата госслужащих и т.д.). Американцы не имеют прямых контактов с населением. Политическая анархия в стране, массовое беззаконие, произвол полевых командиров (и сотрудничество с ними американцев), бандитизм, безработица вызывают растущее раздражение у афганцев, которое умело канализируется в антиамериканское русло, особенно в зоне пуштунских племен. Большую лепту в растущий антиамериканизм вносят пропагандисты талибов и Аль-Каиды путем прямых видео- и аудиообращений бен Ладена и муллы Омара к афганцам, прокламаций, листовок, памфлетов, распространяемых среди населения. Соответственно, тает и международный престиж США как страны-освободительницы, поборника прав человека, носителя демократии.

Серьезную угрозу миру несет и наркобизнес в Афганистане. После небольшой паузы, связанной с антитеррористической операцией, Афганистан вновь стал крупнейшим производителем и поставщиком героина (более 70% его мирового объема) на международный рынок.

Среди авторитетных экспертов распространено ошибочное мнение о том, что, якобы, в результате решительных действий талибов на исходе их правления (указ муллы Омара от 27 июля 2000 г. о запрете на выращивание опийного мака) производство опия-сырца и героина в стране практически прекратилось. На самом деле, оно только сократилось, причем и вследствие жесточайшей засухи. Однако лишь на 25% в 2000 г., когда было собрано 3276 т опия-сырца[11] против 4300 т в 1999 г. В условиях боевых действий 2001 г. произведенный в стране опий-сырец и героин были складированы до лучших времен, и в 2002 г. вновь пущены в оборот. В том же 2002 г., по данным ООН, примерно с 60 тыс. га было собрано 3400 т опия-сырца[12], а после прошедших дождей под мак засеяно еще 23 тыс. га[13].

После разгрома талибов Временное правительство Афганистана объявило борьбу с наркотиками одной из приоритетных задач. В январе 2002 г. глава Временной администрации Х.Карзай подписал указ

о запрете культивирования опийного мака, в феврале было создано Национальное агентство по борьбе с наркотиками, в апреле издан декрет о денежной компенсации крестьянам, уничтожавшим посевы опийного мака. Тогда же Кабул объявил о начале кампании по ликвидации опийных плантаций.

Однако эти меры не дали практических результатов. Более того, в провинции Гильменд отмечались факты вооруженных столкновений между крестьянами-производителями опия и подразделениями полиции, прибывшими в провинцию для уничтожения посевов опия. Не менее сложная ситуация сложилась в восточной провинции Нангархар, где попытка оказать нажим на наркопроизводителей едва не стоила жизни министру обороны генералу М.К.Фахиму, на которого в Джалалабаде, центре провинции, в мае 2002 г. было совершено покушение.

В 2003 г. отмечается дальнейший рост производства наркотиков в Афганистане, в котором занято около полумиллиона человек. В настоящее время потребителями афганских наркотиков являются 9 млн. человек в разных странах мира (2/3 всех потребителей героина)[14]. Стоимость произведенных в Афганистане наркотиков в 2002 г. составила 20–25 млрд. долларов по мировым ценам[15], из них 1,2 млрд. долларов осели в карманах афганской наркомафии.

В то же время ситуация с наркобизнесом в Афганистане серьезно изменилась. Впервые зафиксировано перепроизводство наркотических веществ, в результате цена на него в стране упала вдвое – с 700 долл. за килограмм героина до 350 долл. Во-вторых, видоизменяется расположение мест производства наркотиков: в условиях, когда на юге и востоке страны идут боевые действия, вперед по объему производства наркосредств выходит северо-восточная провинция Бадахшан (под посевами опия находятся 26 тыс. га), где власть президента Х.Карзая весьма номинальна и которую фактически контролируют лидеры Северного альянса (маршал Фахим). В-третьих, сейчас меняются объемы «грузопотоков» наркотиков на разных маршрутах их транспортировки за пределы Афганистана.

При том, что большая часть из них по-прежнему идет через Таджикистан и, далее, через Казахстан в Россию, а оттуда определенная часть в Европу, все более увеличивается поток афганских наркотиков через Туркмению, далее, через Баку, одна часть направляется в Россию, другая – через Турцию на Запад. Увеличивается наркопоток и в Пакистан. Около 15% афганского героина в 2001 г. поступило в США, в то время как в 1999 г. его объем составлял 6%[16]. Афганский героин составляет 95% всего объема героина, потребляемого в Великобритании.

Производство наркотиков в Афганистане превращается в целую отрасль экономики, конкурирующую с остальной частью национального хозяйства. Недавно МВФ предупредил мировое сообщество о том, что вскоре производство опиума в Афганистане будет доминировать

в национальной экономике, и стране угрожает опасность превратиться в «наркогосударство», в котором наркобизнес составляет от 40% до 60% ВВП Афганистана[17].

Производство и продажа наркотиков оказывает определенное влияние и на военно-политическую ситуацию в стране. В Афганистане сформировался солидный слой наркобаронов, среди которых доминируют полевые командиры. Деньги от наркобизнеса идут на финансирование их вооруженных отрядов и личное обогащение. Многие командиры связаны не только с представителями местной администрации, но и с некоторыми чиновниками центральных государственных структур, порождая невиданную коррупцию. Определенную долю в наркобизнесе имеют и лидеры талибов, а также бен Ладен, которые таким способом финансируют действия своих вооруженных отрядов. С большой долей уверенности можно предположить, что афганские наркодельцы прочно связаны с международной сетью наркомафии.

Особую опасность афганские наркотики представляют для России. По данным заместителя председателя Госкомитета по борьбе с незаконным оборотом наркотиков А.Михайлова, в стране насчитывается от 3 до 4 млн. наркоманов, 70% процентов всего потребляемого в России героина производится в Афганистане., с 1998 по 2002 гг. потребление наркотиков в стране выросло в 23 раза[18].

Поставка афганских наркотиков влияет и на социально-политическую ситуацию в странах Центральной Азии, где в оборот наркосредств и их потребление втягивается значительная часть населения. Особенно тревожная обстановка складывается в Таджикистане, где, по мнению председателя Комитета по охране государственной границы С.Камолова, практически все слои населения вовлечены в наркобизнес[19]. Наркобизнес финансирует и деятельность экстремистских сил в Центральной Азии, в частности, Исламское движение Узбекистана.

Проблема борьбы с наркотиками в Афганистане пока не имеет решения. В своем бессилии решить ее расписались даже США, в чем признался недавно министр обороны Д.Рамсфелд. На вопрос о том, какой путь видит правительство США в борьбе с наркобизнесом в Афганистане, он ответил, что не знает, как с ним бороться[20].

В самом Афганистане и даже за его пределами американцев упрекают в том, что они игнорируют борьбу с наркотиками в этой стране, заявляя, что они прибыли в Афганистан воевать против талибов, но наркобизнес объявили проблемой международных организаций. США действительно сократили финансирование борьбы с наркотиками в Афганистане в 2003 г. с 75 млн. до 40 млн. долларов[21].

Пессимизм в отношении эффективности борьбы с наркобизнесом в Афганистане характерен не только для американцев. Некоторые эксперты считают, что эта борьба принесет успех только

тогда, когда цены на наркотики в стране упадут до такого уровня, что для всех вовлеченных в наркобизнес станет невыгодным заниматься им.

Нет сомнения, что этот путь неприемлем для Афганистана, где исключительно низкий прожиточный уровень будет вынуждать крестьян выращивать опиум даже при минимальных ценах, превышающих стоимость других сельскохозяйственных культур. Требуется комплекс мер карательного, экономического, воспитательного характера, и, в первую очередь, необходимо поднять жизненный уровень афганцев. Нужна политическая воля всех стран-доноров, не только прямо заинтересованных в искоренении наркобизнеса в Афганистане. Об этом недавно говорил президент Х.Карзай, подчеркивая связь между терроризмом и наркобизнесом: «Мы у себя в регионе и мировое сообщество должны принять политическое решение в духе истинного партнерства бороться против обеих угроз (терроризма и наркобизнеса, – В.К.)»[22].

Сложна в стране и этническая ситуация, которая усугубляется интересами и политикой участников антитеррористической коалиции, каждый из которых стремится усилить свою роль в делах Афганистана и расширить сферу влияния, поддерживая ту или иную этническую группу или коалицию. На практике, усилия разных стран в этом направлении зачастую находятся на грани вмешательства во внутренние дела Афганистана.

И хотя в декабре 2002 г. Афганистан подписал Пакт о невмешательстве во внутренние дела со своими соседями, ряд внешних игроков на афганском поле поспешили заполнить образовавшийся здесь вакуум международного влияния и занять свою нишу, проявив в этом немалую активность.

Впрочем, намерения афганского президента не допустить внешнего деструктивного воздействия на страну не так-то просто реализовать, учитывая, что многие из этих же самых соседей, поддерживавших в начале 90-х годов полевых командиров моджахедов, а затем помогавших талибам придти к власти, сейчас вновь стремятся восстановить свое влияние в Афганистане.

Это, в первую очередь, касается Ирана, который, находясь в конфронтации с США и региональном соперничестве с Саудовской Аравией, стремится установить здесь свое доминирующее влияние, спекулируя на защите интересов афганских шиитов-хазарейцев, прямым патроном которых он выступал и ранее. Используя свои давние связи с фактическим правителем Гератского региона генералом Исмаил-ханом, получившим в свое время убежище в Иране (хотя его вряд ли можно назвать прямой креатурой Тегерана), иранцы активно включились в процесс политико-экономического возрождения западных областей Афганистана, в первую очередь, пресле-

дуя свои геополитические цели – полностью контролировать этот регион, не допуская сюда соперников.

Вкладывая немалые финансовые средства и иные ресурсы, Ирану во многом удалось достичь своих целей. Герат их усилиями превращен в крупнейший в стране центр международной торговли, значительные дивиденды от которой достаются Тегерану. Однако более важными для Ирана выглядят его военные и политические успехи. Тегеран оказывает военную помощь гератскому губернатору Исмаил-хану в его негласном противостоянии с центральным правительством.

Россия, в свою очередь, поддерживает «панджширскую фракцию» маршала Фахима и, по некоторым данным, поставляет военное оборудование его личным вооруженным формированиям, дислоцированным в Панджширском ущелье, хотя одновременно осуществляет подготовку младших офицеров для новой, национальной армии Афганистана. Многостороннюю помощь оказывает «панджширцам» и Таджикистан, координирующий свои действия в Афганистане с Россией. В целом, Северный альянс пользуется поддержкой России, Ирана, Индии и стран Центральной Азии, кроме Туркменистана.

Весьма двусмысленной выглядит и позиция Пакистана. Исламабад под давлением США публично поддерживает правительство Х.Карзая, выискивая на своей территории и передавая американцам боевиков Аль-Каиды (после падения режима талибов в Пакистане было арестовано более 500 талибов и боевиков Аль-Каиды). В то же время Межведомственная разведка Пакистана (ISI), как уже упоминалось, и представители некоторых военных кругов по-прежнему негласно опекают окопавшихся в стране лидеров талибов.

Такого рода действия «друзей Афганистана» не только серьезно осложняют этническую ситуацию, но и в целом подрывают внутриполитическую стабильность, ставя под угрозу весь процесс восстановления страны. Превращая Афганистан в шахматную доску, внешние игроки, ориентирующиеся на те или иные политические и этнические силы, раскалывают и без того разобщенную нацию и объективно действуют в ущерб не только интересам и чаяниям афганцев, но и собственным национальным интересам, адекватная реализация которых в нестабильной, расколотой стране становится невозможной.

[1] Истиклал-е ислами («Исламская независимость»), 04.09.03.
[2] Маш'ал-е демократи («Факел демократии»), 24.08.03.
[3] Кабул, 03.09.03, 10.09.03.
[4] Арман-е мелли («Национальные чаяния»), 11.09.03.
[5] Jang (Pakistan), April 07, 2003.
[6] Reuters – Islamabad, 10.08.03.
[7] Associated Press – Islamabad, 02.09.03.
[8] Афганистан (на языке дари), 13.09.03.
[9] Afghan Free Press, 24.09.03.

[10] News International – Pakistan, 28.08.03.
[11] Afghan Free Press, 15.10.2000.
[12] Iran.Ru.28.11.02.
[13] Независимая газета, 25.09.02.
[14] UPI, 12.08.03.
[15] Ibid.
[16] News International – Pakistan, 31.08.03.
[17] Afghan Free Press, 24.09.03.
[18] Associated Press – Moscow, 27.08.03.
[19] Комиссина И., Куртов А. Наркотики в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2001, № 1, с. 59.
[20] Associated Press – Washington, 14.08.03.
[21] News International – Pakistan, 31.08.03.
[22] Afghan Free Press, 24.09.03.

Р.Р.Сикоев

АФГАНИСТАН: НА ПОРОГЕ СУДЬБОНОСНЫХ РЕШЕНИЙ

Наступило время, когда афганскому народу необходимо принять исторические решения, которые определят судьбу страны, по крайней мере, на ближайшую перспективу. В декабре 2003 г. в Кабуле намечено заседание Лойя джирги – всеафганского собрания народных представителей, на котором должен быть принят новый Основной Закон страны. Указом главы Переходного правительства Х.Карзая уже определена процедура выдвижения и регистрации депутатов на Лойя джиргу. Однако вместе с тем, различные политические силы продолжают выражать скептицизм в отношении самого принципа формирования состава Лойя джирги и эффективности ее работы.

В одной из статей столичной газеты «Ислах» подчеркнуто, что это собрание организуется под контролем «Наблюдательного совета» («Шурайи назар»), где, якобы, исключительно всем заправляют таджики. Автор сетовал, что при этом не учитываются права других этносов (пуштунов, узбеков, туркмен). «На Лойя джиргу попадут те, – заключалось в статье, – кто обладает военной и политической властью и кого поддерживают американцы». Здесь же предлагался иной путь созыва всеафганского собрания, когда количество делегатов должно избираться пропорционально численности той или иной административной единицы (уезда, провинции и т.д.), независимо от их этнорелигиозной принадлежности и социального положения[1].

Что касается проекта нового Основного Закона, то над ним долго работали две комиссии. Одна, возглавлявшаяся Н.Шахрани – одним из заместителей Х.Карзая, подготовила предварительный текст проекта, который затем передала на рассмотрение экспертной комиссии, куда входили специалисты в области права, социологии, экономики, а также мусульманские богословы. Было обещано, что работа над проектом закончится к 15 сентября текущего года, однако к этому времени проект обнародован не был.

Следует отметить, что в ходе обсуждения основных направлений будущей конституции в афганской прессе выражались разнообразные точки зрения, отражавшие позицию различных религиозно-политических сил. Часть выступавших высказывалась за то, чтобы в основу Закона были положены принципы Всемирной декларации прав человека; другая часть предлагала взять за основу королевскую Конституцию 1964 г., которой, кстати, и сейчас руководствуется прави-

тельство Х.Карзая, лишь добавив в нее ряд положений из Основных Законов таких мусульманских стран, как Ирак, Малайзия, Бангладеш[2]. А Совет улемов («Шурайе улама») принял на своем заседании резолюцию, в которой содержалось требование – до принятия нового Основного закона передать его текст на изучение улемам и факихам, чтобы исключать из него все, что не соответствует положениям ислама. «Основной закон государства, – говорилось в резолюции, – должен полностью базироваться на принципах ислама»[3]. Следует помнить, что при талибах считалось, что никакой необходимости в подготовке Конституции нет, поскольку у мусульман есть священный Коран, который и является для них главным законом жизни.

Чтобы понять, что происходит в Афганистане в канун принятия новой конституции, следует, на наш взгляд, учитывать три основных фактора, определяющих внутриполитическую ситуацию, каждый из которых по-своему способен ее дестабилизировать. Речь идет о продолжающемся этническом противостоянии, о борьбе консервативных и прогрессивных сил, наконец, об иностранном военном присутствии на территории Афганистана.

После свержения власти талибов и создания нового Переходного правительства Х.Карзая, составленного, казалось бы, с учетом интересов основных социально-политических и этнорелигиозных сил, вовлеченных в межафганский конфликт, складывалось представление, что правительству удастся консолидировать общество, обеспечить порядок и безопасность, приступить к восстановлению разрушенной войной экономики. Оптимизм вселяло и то, что международное сообщество обещало Афганистану солидную финансовую помощь, а безопасность в стране должны были обеспечить так называемые стабилизационные силы.

К сожалению, временной администрации Х.Карзая так и не удалось справиться с главным – межэтническими противоречиями. Тенденция к распаду страны по этническому признаку, столь отчетливо проявившаяся в годы войны, сегодня обрела реальные черты. Примерами этому часть северных провинций с узбекоязычным населением, где фактическим хозяином является генерал А.Дустум, или Герат и Гератская провинция, находящиеся под контролем эмира Исмаил-хана.

Более того, кровопролитные столкновения время от времени происходят между узбекскими отрядами А.Дустума и таджикскими военными частями во главе с М.Атта. Причина непрекращающегося конфликта – стремление каждой из сторон установить свою власть и контроль над бóльшим числом северных районов страны. Особенно жестокие бои с применением танков и артиллерий происходили в начале октября 2003 г.

А сколько бывших полевых командиров муджахедов, вернувшихся в свои улусы после разгрома талибов, правят там, подобно П.Дзадранхану, который, практически не подчиняясь центральной власти в Кабуле, пытался установить свою власть силой оружия в Пактии. Пользуясь слабостью этой власти, вооруженные муджахеды, как и в годы войны,

творят произвол. В еженедельнике «Кабул» сообщалось о том, что в Мазари-Шарифе «вооруженные люди, угрожая применить оружие, похищают девушек, силой отдают замуж». Подобная ситуация, указывалось в газете, вынуждает население бежать из этих мест[4].

В довершение ко всему заметно активизировались талибы, костяк которых составляют пуштуны. Оправившиеся от разгрома своих главных сил, они развернули диверсионно-партизанскую борьбу, в которой их союзником стал Г.Хекматьяр – лидер Исламской партии Афганистана и несостоявшийся премьер-министр в правительстве Б.Раббани, который не может простить того, что не был приглашен в новое правительство.

Особенно ожесточенные столкновения происходили в Заболе, Урузгане, Пактии, Кандагаре, Хосте и Газни, где местное пуштуязычное население, симпатизирующее талибам, оказывает им помощь. Подобная ситуация вынуждает Х.Карзая обращаться с настойчивыми призывами к руководству миротворческих сил расширить зону их контроля и действий, помимо Кабульской провинции, на другие районы страны (судя по всему, его призывы услышаны, и командование НАТО приняло решение разместить отряды миротворцев на севере Афганистана).

О серьезности этнических противоречий, особенно между пуштунами, считающими, что их обделили властью, и таджиками, свидетельствует и тот факт, что Х.Карзай был вынужден реформировать руководство министерства обороны и назначить первым заместителем министра обороны маршала Фахима (таджика по национальности), пуштуна М.Касема.

Опасность межэтнического противостояния, приобретшая ныне особую остроту, чревата расколом пока что формально унитарного Афганистана на ряд автономных уделов. Напомним, что еще в 1992 г. в резолюции I съезда партии «Национального исламского движения Афганистана» (лидер А.Дустум) было заявлено, что, поскольку Афганистан – многонациональное государство, то следует установить в стране «федеральную систему управления»[5]. А вариант Конституции, подготовленной в 1992 г. шиитско-хазарейской партией «Вахдате ислами» («Исламское единство» во главе с тогдашним лидером А.А.Мазари) так и назывался «Основной Закон Федеративной Исламской Республики Афганистан»[6].

Так что предпосылки для распада страны на отдельные образования по этническому признаку зрели давно. Напомним, что тенденция к децентрализации, свойственная афганскому многонациональному государству, была замечена еще англичанами, пытавшимися установить свое господство над этой страной, и в конце XIX в. такой план был выдвинут тогдашним премьер-министром Великобритании лордом Биконсфилдом (Дизраэли). В годы междоусобной войны (1979–2002) это идея также была озвучена некоторыми политиками, предполагавшими разделить страну на пуштунский Юг и таджико-узбекский Север.

Еще одной особенностью нынешней ситуации является активизация деятельности клерикальных сил, блокирующихся с частью лидеров муджахедов. Разумеется, использование религии в качестве политического оружия – дело далеко не новое, особенно в Афганистане, где ислам по-прежнему остается государственной религией. Служители культа, сумевшие сохранить свое влияние при любых режимах (при власти НДПА и, особенно, при талибах), противятся любым реформам, которые могут поколебать их положение в обществе. Речь даже не идет о том, что в Афганистане по-прежнему сохраняются дискриминационные положения в отношении женщин (даже снятие чадры объявлено делом добровольным, хотя все понимают, что за исключением, может быть, нескольких десятков женщин в Кабуле, никто чадру не снимет, опасаясь подвергнуться остракизму или, того хуже, публичному оскорблению и насилию). Ведь в уголовной практике остались установки шариата, широко применявшиеся талибами, как-то: отрубание конечностей ворам, побивание камнями, уличенных в прелюбодеянии и т.п.

Речь идет о том, останется ли духовенство силой, способной серьезно влиять на социально-политическую жизнь страны, или в результате принятия новой Конституции его позиции будут, если не подорваны, то значительно ослаблены. Поэтому борьба развернулась между консервативными кругами, где тон задает ортодоксальное духовенство, и интеллектуально-политической элитой, особенно той ее частью, которая возвратилась на родину из эмиграции и выступает за демократические преобразования. «Местные» весьма негативно относятся к «пришельцам». Весьма показательно в этом выступление А.Ахмадзая – бывшего и.о. заместителя премьер-министра на совещании, посвященном обсуждению вопроса о создании кабульского городского совета: «Те, кто с одним чемоданом прибыли из Европы, – говорил он, – пусть не выставляют себя представителями (букв, наследниками, – Р.С.) народа, потому что его настоящие представители те, кто понес многочисленные жертвы. И об этой истине мы должны сказать прямо: если не будет ислама, то никакой разницы между Кабулом и Москвой не будет»[7].

В другой публикации, принадлежащей перу профессора М.И.Рустамаля, выражалась озабоченность тем, как бы в новой Конституции не были ущемлены права духовенства, и они не были бы исключены из участия в политической жизни страны. «Следует искать пути и средства, – заявил М.И.Рустамаль, – чтобы значение религиозного духовенства (руханийате мазхаб) в деле мировых («политических» – так в тексте, Р.С.) дел никоим образом не уменьшилось»[8].

Вообще, анализируя местную прессу последних месяцев, нельзя не заметить активизации пропаганды фундаменталистского ислама. В качестве примера можно назвать такие материалы, как «Исламское правление и обязанности мусульман», «Изучение истории – священный долг мусульманина», «Причины ослабления благословенной религии ислама» и т.п.

Красной нитью во всех этих материалах проходит напоминание о былом величии исламского мира, когда другие народы склонялись перед мощью и силой мусульман. Отсюда делается вывод о том, что нет ничего удивительного в том, что сегодня мусульмане хотят вернуть себе свое прежнее, высокое положение во вселенной и поэтому ведут борьбу в Пакистане, Кашмире и Чечне, где они сражаются и гибнут за «честь и достоинство». При этом, в публикациях подобного рода раздаются призывы к мусульманам, отбросить прежние распри, объединиться и единым фронтом выступить против «общего врага»[9].

Весьма показательна реакция исламистов на решение правительства разрешить деятельность политических партий (проект закона представлен на утверждение Х.Карзаю). Так, стоило бывшим членам НДПА заявить о создании «Национальной объединенной партии», чтобы принять участие в будущих выборах, как исламисты отреагировали на этот шаг «коммунистов» крайне негативно.

По информации «Кабул Уикли», инициатива «коммунистов» «повергла в ужас» исламские партии, а министр юстиции К.Рахими был вынужден выступить с разъяснением: «Только афганцы, верующие в Аллаха, – сказал министр, – могут создавать партии. Поскольку коммунисты не верят в Бога, они не могут быть рассматриваемы в качестве политической партии»[10].

Однако, как представляется, в ближайшее время основная борьба развернется между силами, поддерживающими главу Переходного правительства Х.Карзая, желающими видеть его на посту президента, и лидерами муджахедов, которых теперь называют «вожди джихада» (рахбаране джихад) и которые сохранили влияние на значительную часть населения. В последние месяцы летом и осенью 2003 г., события в этом направлении разворачивались следующим образом.

3 сентября 2003 г. газета «Муджахед» – орган «Исламской партии Афганистана», возглавляемой Б.Раббани, опубликовала ряд материалов. В этих материалах сообщалось, что «вождь джихада и сопротивления (рахбаре джихад ва могавамат)», так теперь официально называют Б.Раббани, в беседах с послом США в Афганистане З.Халильзадом и представителем ЕС Ф.Виндрелой, касаясь вопроса о будущем политическом устройстве Афганистана, заявил, что «лучшей формой государственного управления для Афганистана является парламентская». По мнению Б.Раббани, только парламенту надлежит быть единственным органом, отражающим интересы народа, обеспечивающим национальное единство и принимающим важные решения. Премьер-министру следует обладать всей полнотой исполнительной власти, а президенту быть символом национального единства. «Что касается времени проведения всеобщих выборов, – подчеркнул далее Б.Раббани, – то они должны состояться тогда, когда будет определена сильная политическая система государства», то есть после Лойя джирги[11].

Эти высказывания Б.Раббани поддержал «Совет улемов» и часть бывших полевых командиров муджахедов, которые в уже упоминавшейся резолюции, также выступив за то, чтобы будущий Афганистан был парламентской республикой, конкретизировали это положение следующим образом: «Президент республики должен избираться парламентом»[12].

Подоплека подобных заявлений достаточно прозрачна. Известно, что согласно решениям Боннской конференции в июне 2003 г. в Афганистане должны были пройти президентские и парламентские выборы. Однако, вопрос о форме государственного устройства прежде должен быть решен на Лойя джирге. Лидеры «Северного альянса», понимая, что шансов на успех на президентских выборах (учитывая печальный опыт правления Б.Раббани) у них практически нет, сосредоточили свое внимание на выборах в Лойя джиргу. Не случайно, лидеры «Северного альянса» заявили, что на предстоящих выборах будут поддерживать не Х.Карзая, а Б.Раббани. Если его сторонникам удастся завоевать большинство мест в парламенте (что не следует полностью исключать), то, выбрав из своей среды премьер-министра и передав ему всю полноту исполнительной власти, они тем самым превратят президента в фигуру «царствующую, но не правящую», полностью подконтрольную парламенту. Таким образом, после многих лет монархии, президентской формы правления, унитарное афганское государство может превратиться в парламентскую республику и, более того, в определенной мере, в федерацию. В свою очередь, противники «федералистов», пуштунские националисты, отстаивающие принцип унитарного государства, крайне резко реагируют на подобные выступления. Так, известные идеологи панпуштунизма Х.Хашемиан, М.Рустар Тараки, М.Хасан Какар в своих интервью, помещенных в газете «Даават», подчеркивали, что Афганистан, в силу этнических, социально-культурных и других традиций, не готов к восприятию федеральной системы, и расценили попытки закрепить в будущей конституции принцип федеративного устройства страны как «заговор, направленный на раздел страны»[15].

Видимо, вся эта борьба переполнила чашу терпения Х.Карзая, который, выступая в Верховном Суде, заявил, что, если ситуация не переменится, и те, кто сеют смуту и продолжают войну, не успокоятся, то он, спустя 3 месяца после проведения Лойя джирги, обнародует свои планы и назовет имена тех, кто мешал ему выполнять свою работу[13].

И последнее. Иностранное военное присутствие в Афганистане, призванное стабилизировать обстановку при определенных условиях может, учитывая традиции, обернуться фактором, разрушащим ее равновесие. Хотя до сих пор каких-либо массовых выступлений афганцев против иностранного военного присутствия не отмечалось, тем не менее, акции недовольства, в том числе и вооруженные, существуют и усиливаются. Этому содействуют случаи гибели мирных жителей от

ударов американской авиации, открытые призывы сторонников талибов к джихаду – «священной войне» против иностранных войск.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что традиционное афганское общество весьма консервативно и религиозно и не готово воспринимать западные ценности, разрушающие их национальные и духовные ценности. Показательно, что одна из кабульских газет советовала американцам, согласно афганской пословице, «не протягивать ноги за пределы ковра» и не пытаться подогнать Восток под западные мерки[14]. Нельзя сбрасывать со счетов извечную ксенофобию афганцев. Слишком много примеров в афганской истории, когда чужеземное военное присутствие приводило к активному движению сопротивления. Так было в период трех англо-афганских войн, так было в период пребывания в Афганистане советского военного контингента. Более того, как правило, ненависть к иностранцам переносилась на те правительства, которые допускали пребывание в стране чужеземных войск. Так было, например, с шахом Ш.уль-Мульком, посаженным на трон англичанами 8 мая 1839 г. и свергнутым народом; так случилось с режимом НДПА, лидеров которого (начиная от Н.М.Тараки и кончая президентом Наджибуллой) считали «советскими марионетками, и который после 14 лет войны пал под ударами муджахедов в 1992 г. Да и теперь политические противники небезосновательно упрекают Х.Карзая в его «проамериканских настроениях» и ставят ему в вину присутствие иностранных войск в стране.

Ближайшее будущее покажет, откроет ли новая Конституция, которая должна учесть исторические, этнические, конфессиональные и племенные особенности всех народов, населяющих Афганистан, путь к миру, взаимопониманию, безопасности и прогрессу, или афганское общество по-прежнему останется в оковах средневековья.

[1] Ислах, 01.09.03.
[2] Кабул, 07.11.02.
[3] Муджахед, 03.09.03.
[4] Кабул, 10.09.03.
[5] Документы НИДА. // Приложение в брошюре Х.Хашимбекова «Узбеки северного Афганистана», – М., 1994.
[6] Сирадж, № 9–10, 1997, с. 63.
[7] Ислах, 06.09.03.
[8] Ислах, 01.09.03.
[9] Ислах, 06.09.03.
[10] Кабул, 10.09.03
[11] Муджахед, 03.09.03.
[12] Там же.
[13] Джарс, 25.09.03.
[14] Сабат, 10.09.03.
[15] Даават, № 144–145, декабрь 2002 г.

Г.Д.Демоян

ИСЛАМСКИЕ НАЕМНИКИ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

События 11 сентября в США наглядным образом показали уязвимость мирового сообщества перед вызовом, бросаемым радикальными религиозными группировками и сетью международного терроризма. Для досконального понимания процесса становления и координации действий современных экстремистских и террористических группировок, действующих во многих регионах евразийского пространства, очень важно проследить историю их возникновения, а также их вовлечение в события, происходящие в конфликтных зонах. Несомненно, налаживанию тесных связей между радикальными исламскими группировками, действующими в разных странах, определенным образом способствовали «горячие точки», появившиеся на территории бывшего СССР и Югославии. Среди них конфликты в Нагорном Карабахе, Таджикистане, Чечне и Боснии представляются ареалами взаимодействия и сотрудничества как между радикальными исламистскими группировками, так и между ними и властными структурами стран, им покровительствующими или же направляющими их действия.

В этой связи затяжной конфликт вокруг Нагорного Карабаха заслуживает внимания с точки зрения изучения предпосылок для возникновения взаимодействующей сети международных террористических группировок на Кавказе, в частности, в Азербайджане, где в лице властных структур эти силы находили надежную опору для разворачивания своей деятельности.

Даже сегодня, когда в зонах недавних кровопролитных конфликтов соблюдается хрупкое перемирие, все чаще дает о себе знать одна из разновидностей военного компонента исламистской идеологии, или *моджахедский фактор.* Это явно просматривается на примере послевоенной Боснии. Часть арабских волонтеров – «воинов Аллаха», пришедших сюда воевать против сербов и хорватов в 1992–1995 гг., осела в стране, легитимизировав свое присутствие смешанными браками. Другая часть приняла участие в чеченской войне, а третья присоединилась к формирующимся структурам Аль-Каиды в Афганистане[1].

Аналогичные процессы протекали в Азербайджане после установления перемирия в Карабахе. На территории бывшего СССР именно в Азербайджане появились первые ячейки Аль-Каиды, когда эта организация основала свое представительство в Баку и начала оказывать

поддержку азербайджанским силам в их войне за контроль над Нагорным Карабахом[2].

В первой половине 90-х годов бывшие арабские моджахеды, или, как их еще называют, «арабские афганцы», воевавшие в свое время против советских войск в Афганистане, совершили «конфликт-круизы» по горячим точкам евразийского континента – Таджикистан, Карабах, Чечня, Босния и т.д. Причем все это время Турция была и до сих пор остается страной, способствующей перемещению арабских и других исламских моджахедов из одной конфликтной зоны в другую. В первой половине 90-х годов эта поддержка, в первую очередь, базировалась на стремлении Анкары «вернутся» на Балканы и «восстановить былое величие оттоманов». Заинтересованность турецких спецслужб и военных в сотрудничестве с разными радикальными исламистскими группировками, действующими в странах Ближнего Востока, Боснии и Герцеговине, исходила именно из желания Турции закрепиться на Балканах и завербовать исламских наемников, в качестве проводников турецких внешнеполитических интересов как на Балканах, так и на Кавказе[3].

В начале 90-х годов прошлого столетия президент Чеченской Республики Ичкерия Дж.Дудаев совершил визиты в Турцию, в непризнанную Турецкую Республику Северного Кипра, а также ряд мусульманских стран Ближнего Востока. В ходе этих визитов ему удалось договорится о налаживании поставок оружия в Чечню. Уже к осени 1994 г. транспортные самолеты национальной чеченской авиакомпании выполняли челночные рейсы по маршруту Хартум-Баку с необозначенным грузом. Оружие советского производства, закупленное Турцией в Восточной Германии, переправлялось авиатранспортом через турецкий город Битлис на азербайджанский военный аэродром «Насосная», расположенный недалеко от Баку[4]. Одновременно активизировали свои действия в Чечне боевики турецкого и азербайджанского филиалов ультранационалистической организации «Серые волки», часть которых проходили обучение в лагерях подготовки турецких спецслужб.

Главные геополитические цели чеченских лидеров в кавказском регионе были обрисованы Дж.Дудаевым в интервью турецкой газете «Заман» в марте 1994 г. Они сводились к следующему: «Мой план предполагает создание союза кавказских стран, знаменующий объединенный Кавказ, направленный против русского империализма. Нашей главной целью было достижение независимости и свободы, действуя вместе с кавказскими республиками, которые в течении 300 лет были под гнетом России. После этого мы предложили вместе эксплуатировать богатые природные ресурсы и нефть Кавказа и транспортировать их через Турцию на мировые рынки»[5].

Так, к концу 1995 г. на территории непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра, где разместились базы турецкой «Нацио-

нальной разведывательной организации» (MIT), несколько сот арабских наемников, участвовавших в военных действиях на Балканах, а также боснийские исламисты проходили обучение для последующей их переброски в Чечню, Афганистан и Восточную Турцию. На территории Турции они использовались в карательных операциях против курдских повстанцев. Часть этого контингента была задействована также на территории Северного Ирака[6].

В свою очередь, в развязанной войне против армянского населения Нагорного-Карабахской Республики, Азербайджан предпринял попытки к привлечению наемников из исламских стран для участия в военных действиях.

Надо сказать, что террористические группировки и радикальные исламистские течения обосновались в Азербайджане еще до провозглашения страной независимости. Однако принято считать, что благодатная почва для деятельности таких организаций в Азербайджане возникла с приходом к власти Г.Алиева, который начал привлекать наемников из Афганистана, Пакистана, Турции и других стран для борьбы против карабахских армян[7]. В этом вопросе Г.Алиев продолжил традицию своих предшественников, которая заключалась в использовании иностранной военной силы для решения карабахского конфликта. Президенты Азербайджана пытались разрешить карабахскую проблему и повысить боеспособность республики путем использования советских вооруженных сил или же иностранных наемников и военных инструкторов. Так, А.Муталибов удачно использовал советские войска для проведения политики этнической чистки в армянонаселенных северных районах Карабаха. В период правления президента А.Эльчибея азербайджанскую армию инструктировали военные советники из Турции, России и США.

Азербайджан также стремился использовать свои связи с исламскими странами, а также с радикальными исламскими организациями для дипломатической изоляции Армении и получения финансовой и военной помощи ради продолжения военной кампании в Нагорном Карабахе.

Одним из удобных средств для азербайджанских властей было привлечение чеченских боевиков и афганских моджахедов для военных действий на карабахских фронтах в период с 1992 г. по 1994 г.

Чеченцы в Карабахе

В политике отделения от России, проводимой чеченскими сепаратистами, большое значение придавалось действиям, направленным на приобретение союзников, особенно, в кавказском регионе. В этом отношении Грозный рассматривал Азербайджан как одну из основных опор на Южном Кавказе. Учитывалось и то обстоятельство, что официальный Баку, вплоть до конца 1993 г., не входил в состав СНГ. Эта солидарность зиждилась также и на идее всеобщего Кавказского до-

ма, которая была призвана консолидировать народы и страны Кавказа против влияния России.

Уже в начале 90-х годов лидер «Народного фронта» Азербайджана А.Эльчибей посетил Грозный и наладил дружественные отношения с генералом Дж.Дудаевым[8].

В середине весны 1992 г. Чечню посетила делегация лидеров мусульман Азербайджана, которая встретилась с генералом Дж.Дудаевым. По утверждению некоторых источников, в составе этой делегации инкогнито присутствовали также и представители министерства обороны Азербайджана. Кроме обсуждения вопросов протокольного характера (налаживание связей между двумя странами и народами, объединение усилий по возрождению ислама и т.д.) во время двусторонних встреч обсуждался и вопрос военного сотрудничества. В частности, была обсуждена возможность участия солдат вооруженных сил Чечни в боевых действиях в Нагорном Карабахе, причем оснащение последних бронетехникой и боеприпасами азербайджанская сторона брала на себя[9].

Однако Дж.Дудаев, по всей видимости, не был заинтересован в открытом вовлечении Чечни в армяно-азербайджанский конфликт, и было принято решение вовлекать в боевые действия только чеченских добровольцев – за соответствующую плату. По разным источникам, размеры гонораров чеченских наемников составляли от 600 до 1 тыс. руб. в день[10].

Вербовка чеченских наемников происходила на территории бывшей воинской части на улице Бутырина в Грозном. Чеченские боевики прибывали в Азербайджан, подогреваемые идеями исламской и кавказской солидарности, под предводительством небезызвестного полевого командира Шамиля Басаева. Бакинское руководство надеялось с помощью чеченских отрядов окончательно сбить боевой напор карабахских армян. В начале июля 1992 г. в Карабахе уже насчитывалось около 300 чеченских наемников. Во время первых же столкновений с армянскими подразделениями чеченцы понесли серьезные потери, и среди убитых азербайджанских солдат армяне нередко находили граждан России из Чечни[11].

По признанию самих чеченских наемников, основным фактором, повлиявшим на решение участвовать в боевых действиях в Карабахе, стала идея кавказской и исламской солидарности, а также близость района конфликта к Чечне[12]. Учитывая дисциплинированность и отвагу чеченцев, азербайджанское армейское руководство назначало их командирами взводов и рот, а нередко с их участием формировались заградительные отряды для расстрела дезертиров и отступающих азербайджанских солдат.

В отличие от участия в боевых действиях против грузинских войск в Абхазии, на этот раз дела у Ш.Басаева шли не столь благополучно и, понеся ощутимые потери, чеченские отряды скоро оставили карабахский театр военных действий, что в немалой степени было связа-

но и с внутричеченскими и российско-чеченскими проблемами. В ходе боевых действий армянскими силами самообороны было взято в плен несколько чеченцев. Для их освобождения в Степанакерт прибыл представитель официальных чеченских властей, и выдача пленных была согласована в ходе переговоров с армянскими властями НКР. Были отозваны также и чеченцы, состоящие в личной охране азербайджанского президента. По странному стечению обстоятельств, это случилось накануне вооруженного выступления мятежного азербайджанского полковника С.Гусейнова в Гяндже и последующего марша мятежников на Баку в июне 1993 г. Следует отметить, что среди солдат С.Гусейнова тоже были солдаты-чеченцы[13].

Не будет преувеличением сказать, что чеченские наемники сыграли определенную роль во внутриполитических перестановках в Азербайджане.

После подписания Бишкекского протокола о перемирии[14] в мае 1994 г., чеченские лидеры не раз выступали с обещаниями придти на помощь единоверцам-азербайджанцам и «освободить» Карабах от армян после того, как разберутся с «домашними делами»[15].

Участие чеченцев в боевых действиях в Карабахе мотивировалось желанием приобрести военные навыки для их использования в ожидаемом военном конфликте у себя на родине. Кроме того, привлечение чеченцев к боевым действиям в Азербайджане было вызвано желанием преодолеть слабость азербайджанской армии.

Неэффективность же чеченских отрядов в боевых действиях в Карабахе была обусловлена характером ведения военных действий в этом районе, по многим параметрам отличавшихся от войны в Абхазии. «Чеченский опыт», в частности, не мог пригодиться в боевых действиях на открытой местности, где имелся оперативный простор для наступления и контрнаступления при наличии более или менее четких фронтовых линий и коммуникаций. Сущность и преимущество «чеченского опыта» ведения боевых действий заключались в овладении тактикой уличных боев и сражений в гористой местности[16].

Тут уместно задаться вопросом: а что именно привлекало чеченцев в пекло карабахской войны? Материальная заинтересованность или же религиозная солидарность? Скорее всего, ни то, ни другое. По утверждению газеты «Ичкерия», по договоренности с азербайджанской стороной на широкую ногу была поставлена переправка оружия из Азербайджана в Чечню. По всей видимости, это было хорошим стимулом для азербайджано-чеченского сотрудничества. Именно таким образом Грозный хотел пополнить свой арсенал вооружений.

В начале июля 1992 г. началась переброска в Чечню большого количества боеприпасов и оружия, ранее использованного в боевых действиях в Нагорном Карабахе. Переправка оружия в Чечню происходила по маршруту Самур (Азербайджан) – Касумкент – Дулбуг – Хаджалмахи – Глох – перевал Харами (Дагестан). Учитывая привлечение нацио-

нальной гвардии Чечни к вербовке наемников, а это происходило на территории расположения ее части, официальные круги в Грозном были задействованы, или, по крайней мере, были осведомлены о проводимых операциях по вербовке наемников и переброске оружия[17].

Надо полагать, что приобретенное чеченцами в ходе краткосрочной карабахской кампании оружие было использовано в боевых действиях против федеральных сил в первые же дни чеченской войны. Российские военные источники не раз сообщали об использовании вышеуказанного маршрута снабжения чеченских сил оружием из Азербайджана и Турции в ходе первой чеченской кампании. Более того, в период первой войны была зафиксирована также и воздушная переброска оружия из Азербайджана в Чечню[18]. Была также налажена переброска оружия через территорию Дагестана морским путем. Активную роль в снабжении чеченских сил оружием и привлечения добровольцев из Азербайджана сыграло азербайджанское крыло турецкой ультранационалистической организации «Серые Волки» и ее лидер И.Гамидов[19].

Поддержка чеченских сил с территории Азербайджана велась также и в период второй чеченской кампании. Как и в случае с первой кампанией, через азербайджанскую территорию пролегал один из основных маршрутов переброски оружия, боеприпасов и наемников в Чечню из Турции и из других стран Ближнего Востока.

Афганские моджахеды в Карабахе

Одним из факторов, повлиявших на усиление деятельности радикально-террористических организаций в сегодняшнем Азербайджане, является сотрудничество официального Баку с афганскими моджахедами в период карабахской войны. Именно с этого момента в Азербайджане обосновались представительства различных радикальных исламских организаций, располагавших широкими связями с международными террористическими организациями, а позднее наладившими контакты и с бенладеновской Аль-Каидой. Для последней Азербайджан стал одним из опорных пунктов в ведении террористической деятельности.

Летом 1993 г., когда азербайджанские войска терпели неудачи на карабахских фронтах, официальный Баку обратился за помощью к руководству Афганистана для привлечения афганских моджахедов к боевым действиям против армянских сил самообороны Нагорного Карабаха.

В июле 1993 г. в Кабул прибыл заместитель министра внутренних дел Азербайджана Р.Джавадов, который встретился с премьер-министром Афганистана, лидером афганской партии «Хезб и-Ислами» (Исламская партия) Г.Хекматиаром для переговоров об отправке афганских боевиков в Азербайджан[20]. А в середине декабря Баку посетили зять премьер-министра Афганистана вместе с представителем союзника Хекматиара – генерала Р.Дустума.

«Хезб и-Ислами» являлась «одним из стержней «афганского филиала», осуществлявшего организацию тренировок алжирских и еги-

петских моджахедов» в Афганистане[21]. Г.Хекматиар, будучи прежде основным получателем иностранной помощи, к середине 90-х столкнулся с финансовыми трудностями в связи с уходом советских войск из Афганистана и значительным сокращением финансирования со стороны зарубежных доноров, которые стали искать новых, более действенных проводников своих интересов в Афганистане[22]. Скорее всего, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в согласии афганских лидеров на сотрудничество с официальными кругами Азербайджана в деле поставки живой силы для потерпевшей полное фиаско азербайджанской армии. Следует полагать, все это делалось отнюдь не из духа исламской солидарности, а имело под собой определенную финансовую заинтересованность. Однако в вербовке афганцев религиозный фактор, точнее, клише о борьбе «между христианской Арменией, которой помогает Россия и мусульманским Азербайджаном», был все же использован[23].

По справедливому замечанию некоторых аналитиков, привлечение Азербайджаном афганских моджахедов в зону карабахского конфликта могло стать импульсом для нового витка напряженности в Карабахе. Собственно говоря, ничего существенного в последующем развитии ситуации афганцы не смогли предпринять, разве что своим присутствием лишь засвидетельствовали безысходность положения официального Баку, который «был поставлен на колени и цеплялся за все, что можно»[24].

Афганские моджахеды, прибывшие в Карабах, в основном, были из хекматиаровской группировки «Хезб и-Ислами». В роли посредника между азербайджанской стороной и моджахедами выступал некий Вайдаллах, который организовал и координировал работу по привлечению и размещению наемников в Азербайджане[25]. По словам американского журналиста Т.Гольтца, в процессе переброски афганских наемников в Азербайджан участвовали американские военные, в прошлом состоявшие в спецвойсках США и вовлеченные в известную сделку Иран-Контрас. В то же время азербайджанские летчики проходили обучение в Техасе, а некоторые американские военные инструкторы принимали действенное участие в обучении азербайджанских армейских подразделений[26].

Надо сказать, что, фактически, афганские наемники были первыми иностранными вооруженными группировками, очутившимися в зонах межнациональных и внутригосударственных конфликтов на территории бывшего СССР. Афганские боевики воевали в Таджикистане и в Нагорном Карабахе. Стоит отметить, что, если в первом случае моджахеды солидаризировались с таджикской оппозицией на этнической и идеологической основе, то в Карабахе на первом месте была материальная заинтересованность. Одним из первых, кто откликнулся на призыв воевать против армян в Карабахе, был тогда еще малоизвестный арабский моджахед Хаттаб. Он попал в Афганистан в середине 80-х годов в числе

множества арабов, прибывших сюда для участия в сопротивлении советским войскам. Их стали называть *арабскими моджахедами*[27].

Арабских ветеранов афганской войны насчитывается около 15 тыс. Их роль была значительной в кровавой гражданской войне в Алжире. Присутствие арабских религиозных фанатиков в Боснии в некоторых случаях служило причиной недовольства и разногласия со светскими боснийцами[28]. Только арабских афганцев в хекматиаровкой «Хезб и-Ислами» насчитывалось около 3,5 тыс. чел.[29] Нет сомнений в том, что определенные группы «арабских ветеранов» афганской войны попали в ряды моджахедов, прибывших в Азербайджан, тем более, что в тот период большинство из них собиралось покинуть Афганистан в надежде найти новые места для реализации своего боевого опыта «во имя исламской солидарности».

Азербайджанская сторона как следует подготовилась к принятию афганских моджахедов. В действующую армию были призваны переводчики, знатоки дари и пушту. Из попавших в руки армянских сил документов и донесений азербайджанских офицеров становится ясно, что афганцы со временем превратились в обузу для азербайджанцев, поскольку большинство из них было очень требовательно к пище и медицинскому обслуживанию. Любопытен один из азербайджанских военных документов, содержащий слова азербайджанского подполковника Д.Лятифова о том, что сложилось такое ощущение, будто «они (моджахеды, – *Г.Д.*) пришли к нам лечиться, а не воевать»[30]. Кроме всего прочего, в руки армянской стороны попали документы, свидетельствующие об «афганском присутствии» в Азербайджане: исламская литература, изданная в Афганистане и Пакистане, записи и неотправленные письма на дари и пушту, а также военные карты и инструкции для артиллерийских расчетов. По фотографиям, сделанным в городе Гянджа, удалось установить, что часть афганских моджахедов, была дислоцирована на территории учебного центра 104-й гянджинской воздушно-десантной дивизии бывшей советской армии[31].

Уже к концу августа 1993 г. на физулинском и зангеланском направлениях карабахского фронта на поле боя были обнаружены трупы афганских моджахедов в традиционных национальных костюмах. В справках-докладах азербайджанских командиров афганские подразделения обозначались названием «спецконтингент». Любопытно, что армейское руководство Азербайджана следило за действиями моджахедов для пресечения попыток агитации против руководства республики[32].

По признанию карабахцев, моджахеды воевали упорно, но ничем существенным не могли помочь отступающим азербайджанским частям. Несмотря на попытки официального Баку опровергнуть пребывание афганцев в республике, информированные источники указывали на присутствие от 1,5 до 2-х тыс. моджахедов. Причем, на фронте одновременно находилось не более двух-трех сотен моджахедов. Воевали афганцы по установленному расписанию: один день в неде-

лю находились на позициях, а в остальные дни отдыхали. Во время отдыха им было разрешено уезжать в Баку, Мингечаур и другие города Азербайджана, а некоторых даже специальными рейсами самолеты увозили в Афганистан[33].

Основная масса афганских моджахедов была дислоцирована на южном направлении карабахского фронта, близко к иранской границе. Один из афганских военнопленных Б.В.Баберзаи из города Мазари-Шариф принимал участие в военных действиях на физулинском направлении карабахского фронта. По его словам, азербайджанское командование обещало по окончании контракта каждому из афганских наемников вознаграждение до пяти тыс. долл. В первые месяцы пребывания в Азербайджане наемники получали гонорар в размере 1 тыс. манатов (чуть больше 1 долл.). В зависимости от того, как в дальнейшем они себя зарекомендовывали и общих успехов на фронтах, афганцы получали право на оплату в валюте[34].

В основном, афганские наемники служили в пехоте, используя в штурмовых отрядах свои навыки ведения военных действий в горных условиях. Владение различными видами стрелкового оружия, в основном советского производства, а также боевой опыт ведения борьбы против советских танков, приобретенные еще в период афганской войны, на начальном этапе их вступление в боевые действия застало армянские силы врасплох, особенно на южном участке фронта. «Афганский опыт» борьбы против танков заключался в следующем: если с помощью одного гранатомета невозможно вывести из строя боевую машину пехоты (БМП) или же обычный танк, то одновременный залп из нескольких гранатометов приводил к детонированию боекомплекта танка, и машина после этого взрывалась[35].

Как отмечалось, содержание афганских наемников, по сравнению с азербайджанскими частями было намного лучше. Афганцы жили в отдельных местах и редко контактировали с азербайджанскими солдатами. На то было несколько причин.

Во-первых, азербайджанские солдаты не соблюдали требований шариата относительно воздержания от потребления спиртных напитков. Афганцы же следовали предписанным Кораном бытовым ритуалам. По этой причине, питались они отдельно и пищу готовили самостоятельно[36]. Интересно, что винный завод недалеко от азербайджанского города Агдама был взорван афганцами из-за чрезмерного употребления вина азербайджанскими солдатами. В результате были потери среди азербайджанских сил. Стычки между афганцами и местным азербайджанским населением из-за несоблюдения исламских ритуалов и традиций были довольно частым явлением. Так, например, имели место несколько случаев избиения азербайджанок афганцами из-за того, что женщины ходили с непокрытой головой.

Во-вторых, в составе азербайджанских сил воевали также наемники-славяне, которых афганцы называли «шурави», с которыми неред-

кими были стычки с жертвами для обеих сторон на почве взаимной неприязни. Были также и случаи, когда этнические русские призывники или же азербайджанцы со светлыми волосами выводились из секторов, где доминировали афганцы, дабы не спровоцировать столкновения между ними[37]. Нередкими были и внутриафганские стычки, в частности, между группировками наемников, принадлежавших к различным политическим течениям и партиям.

И наконец, в-третьих азербайджанское военное руководство избегало чрезмерного афиширования присутствия афганцев на фронте и старалось изолировать их от основных контингентов азербайджанской армии. Во избежание скандалов и из-за нежелания навлечь на себя возмущение родственников убитых моджахедов, азербайджанские власти тщательно скрывали реальное количество потерь среди «афганского контингента», и по этой причине не все погибшие афганцы были отправлены на родину[38].

Вместе с тем, некоторые азербайджанцы все же входили в контакт с афганцами. В основном, это были лица, заинтересованные в налаживании связей ради приобретения наркотиков из Афганистана и дальнейшего их распространения[39]. Заметим, что только за период с 1992 по 1995 гг. в Афганистане производилось от 2,2 тыс. до 2,4 тыс. т наркотиков ежегодно. Начиная с 1991 г., группировка Хекматиара в поисках новых источников и средств стала специализироваться на производстве героина. Хекматиар контролировал более 86 полевых лабораторий[40]. Торговля наркотиками была весьма прибыльным делом, и порой сумма, полученная за военные услуги, не выдерживала никакого сравнения с суммой от реализации наркотиков.

Хотя до сих пор Баку отрицает факт участия афганских боевиков в карабахской войне, официальный Степанакерт не раз заявлял, что располагает достаточным материалом для того, чтобы рассеять всякие сомнения на этот счет.

Исходя из сложившихся реалий, президент Республики Армения Л.Тер-Петросян был вынужден направить письмо президенту Исламской республики Афганистан Б.Раббани и премьер министру страны Г.Хекматиару, в котором выразил озабоченность участием афганских моджахедов в карабахском конфликте в рядах азербайджанской армии.

В ответном письме, адресованном президенту Тер-Петросяну, президент Б.Раббани осудил участие афганских граждан в вооруженных действиях в Нагорном Карабахе и выступил за разрешение конфликта мирным путем. В своем послании Раббани писал: «… Афганская сторона осознает переживания армянского руководства. Я хочу с большим сожалением сообщить, что вам и, в вашем лице, народу Армении, что, действительно некоторые группы авантюристов, подрывающие общественную и политическую стабильность в Афганистане, для финансового обеспечения своих целей… ухудшают отношения между Арменией и Азербайджаном… Участие некоторых наемников

под именем моджахедов не может ухудшить отношения между Афганистаном и Арменией. Афганская сторона всячески стремится препятствовать такому бесчеловечному бизнесу, который ведут экстремисты, использующие свои доходы от него для усиления нестабильности в Афганистане. В ближайшее время Афганистан постарается прекратить этот бизнес…»[41].

Это письмо, несомненно, можно считать наглядным примером дипломатического лавирования. Вовлечение афганского руководства в экспорт наемников за тысячи километров от собственной страны получило огласку в западных СМИ. Как видно, афганское руководство предпринимало дипломатические ходы для того, чтобы откреститься от этих фактов.

Вовлечение афганских наемников в карабахскую войну в некоторых случаях было неоднозначно воспринято в мусульманском мире. Так, например, мусульмане Канады в письме, направленном в адрес руководства Афганистана, выражали свое возмущение и призывали приостановить вербовку моджахедов[42].

В боевых операциях на стороне азербайджанских сил в Нагорном Карабахе афганские наемники принимали участие вплоть до 1994 г. После подписания трехстороннего соглашения о перемирии в мае 1994 г. определенная их часть осела в Азербайджане[43], создав почву для развертывания широкой деятельности различных мусульманских религиозных и благотворительных организаций. Их роль была более, чем значимой во время военной компании федеральных сил РФ в Чечне, особенно в организации военных и финансовых поставок из Турции в Азербайджан, а оттуда в Чечню. Интересно, что в период карабахской кампании чартерными рейсами из Кабула в Баку летели афганские наемники, а обратно в Афганистан на базы военной подготовки вблизи Кундуза и Толукана – чеченские боевики. Здесь располагались базы таджикской оппозиции, отряды которой к этому времени были вытеснены в Афганистан. Тут и произошло знакомство чеченцев с Хаттабом. Хаттаб, вернувшийся к этому времени из Нагорного Карабаха, влился в ряды таджикской оппозиции, а весной 1994 г. с группой «афганских арабов» в составе афгано-таджикского отряда (20 человек) участвовал в нападении на российскую 12-ю заставу Пянджского погранотряда[44].

Позднее Хаттаб, используя чеченские связи, налаженные еще в Нагорном Карабахе, пробрался в Чечню, где возглавлял чеченские отряды в противостоянии с федеральными силами вплоть до своей кончины.

Связи азербайджанских и других исламских радикально-экстремистских организаций действующих в Азербайджане вместе с бенладеновской Аль-Каидой уже не вызывают никаких сомнений. Более того, еще до событий 11 сентября в американских СМИ муссировалась версия об «азербайджанском следе» взрывов американских посольств в Кении и Танзании. После террористических атак на американ-

ские посольства в Кении и Танзании в 1998 г. ФБР зафиксировало около 60 звонков Бен Ладена своим единомышленникам из азербайджанского отделения «Исламского джихада» в Баку, а также звонков из Баку другим его единомышленникам, действующим в Африке. В августе 1998 г. азербайджанское отделение организации «Исламский джихад», которая была связана с бенладеновской Аль-Каидой, координировала взрывы американских посольств в Африке, в результате которых погибло 224 человека, и 4,6 тыс. получили ранения.

Через месяц после сентябрьских событий 2001 г. азербайджанские власти начали настоящую облаву на исламские миссионерские организации, действующие в республике, по подозрению их в связях с бенладеновской Аль-Каидой. Сразу после этого, в Баку были арестованы несколько граждан Иордании, Катара и Саудовской Аравии, у которых были выявлены крупные суммы денег, незаконно ввезенных в республику. Облавы на исламских радикалов в Азербайджане начались с сентября 1998 г., когда из страны был выслан А.С.Мабрук, помощник доктора А.аз-Завахири, руководителя военной организации «Джихад» и соратника Бен Ладена[45].

Со временем, Азербайджан превратился в опорный пункт не только для чеченских боевиков, но и для различных исламских экстремистских групп, действующих на территории России и других стран СНГ.[46]

В основном из-за присутствия «арабов-афганцев» и других радикальных исламских группировок и организаций, Азербайджан, подобно послевоенной Боснии, превратился в «новый центр» исламских радикалов, которые основали здесь разветвленные сети тренировочных лагерей и прикрепленных к мечетям благотворительных организаций и подпольных ячеек. Достаточно сказать, что арестованный ФБР по обвинению в организации взрывов американских посольств в 1998 г. И.Эйдарус в 1995–1997 гг. руководил азербайджанским отделением «Египетского исламского джихада»[47]. Кроме того, под эгидой Всемирной лиги исламской молодежи в микрорайоне Гянджлик в Баку был открыт учебный лагерь «ваххабитов». Преподававшие там саудовец М.С.Абд аль-Хамид, сомалиец М.А.Хороко, йеменцы А.Абдалла и Х.Абд ар-Рахман осуществляли подготовку исламистов и распространение религиозной литературы и видеокассет на Северном Кавказе, включая Чечню[48].

Любопытно, что местные исламские радикалы также готовили террористическую атаку против американского посольства в Баку, но в последний момент отказались от этого намерения, «не желая портить хорошие отношения в Азербайджане»[49]. Для легитимации своего присутствия на территории Азербайджана, эти организации, как правило, выступали в поддержку официальной позиции Баку в карабахском вопросе[50].

Разрешение карабахского конфликта азербайджанская сторона видела либо в полном изгнании армянского населения из Карабаха,

либо в ограничении их культурно-административных прав с последующем их выдавливанием с исторический родины. Для реализации этой политической линии азербайджанские власти прибегали к силовым методам, рассчитывая с помощью иностранной военной силы сломить сопротивление карабахских армян.

Фактически, это была попытка «импорта» военизированного религиозного экстремизма, последствия которого в Азербайджане прослеживаются и в наши дни. Однако, большое количество потерь среди афганцев основательно подорвало их решительность и боевой напор, ослабив тем самым их позиции и лишив надежды на укрепление в самом Карабахе и, отчасти, в Азербайджане. Непризнанная НКР, можно сказать, стала первым государством, вставшим на пути распространения по всему миру международного терроризма. Не будет преувеличением сказать, что военный успех карабахцев во многом способствовал ослаблению масштабов экспорта и распространения религиозного экстремизма и террористических организаций. В этой связи нетрудно предугадать, к каким последствиям могло привести устранение «карабахского заслона» в случае иного развития событий.

[1] Trofimov Yaroslav. Mujaheen Factor: Militant Islam Gains in Postwar Bosnia. // The Wall Street Journal Europe, 19.03.2002; См.: также Bodansky Yossef. Chechnia. The Mujahedin Factor, Online edition, Web Address: http://www.freeman.org/iTi online/bodanskv/chechnya.htm

[2] Полковников П. «Аль-Каида» на Кавказе. Сотни ее боевиков сражались в Карабахе, Чечне и Средней Азии. // Независимое военное обозрение, № 2 (317), 24.01.2003.

[3] Bodansky Yossef. Some Call It Peace Waiting For in the Balkans. http://members.tripod.com/Balkania/resources/geostrategy/bodansky_peace/index.html

[4] См. Авьюцкий В. Северный Кавказ как «Внутреннее зарубежье» России. // «Центральная Азия и Кавказ», № 5 (23), 2002, с. 75.

[5] См.: Dunlop B. John. Russia Confronts Chechnia. Roots of a Separatist Conflict, Cambridge University Press, 1998, с. 140.

[6] Там же, с. 140.

[7] Congressional Research Service (CRS, 9/10/2001).

[8] Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит. // «Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри», под. ред. А.Малашенко и Марты Брилл Олкотт. – М., 2002, с. 221.

[9] Экспресс-хроника, № 28. 1992.

[10] См.: Справедливость, № 16, 1992; Ичкерия, № 8, 25 июня, 1992; Республика Армения, 01.08.1992.

[11] Экспресс-Хроника, № 28. 1992; см. также Журналисты на войне в Карабахе. – М., 2002, с. 63.

[12] Республика Армения, 01.08.1992.

[13] Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит, с. 221.

[14] Бишкекский протокол был подписан 5 мая 1994 года министрами обороны Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении при посредничестве полномочного представителя президента РФ В.Казимирова и руководителя миротворческой группы Межпарламентской Ассамблеи по Нагорному Карабаху М.Шеримкулова. Первоначально протокол подписали представители Армении и НКР. Азербайджан присоединился к протоколу через 3 дня.

[15] См.: Общая газета, 28. 10. 1999.

[16] Из беседы с проректором Кавказского института СМИ, политологом Александром Искандаряном.

[17] Экспресс-Хроника, № 28. 1992; Республика Армения, 01.08.1992.

[18] Smith Sebastian. Allah's Mountains. Politics and War in Russian Caucasus. – London-New York I. B. Tauris Publishers, 1998, с. 186.

[19] Тодуа Зураб. Азербайджанский пасьянс. – М., 2000, с. 45.

[20] Azerbaijan Enlists Afghan Mercenaries, *RFE/RL Records*, November 8, 1993, SB&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300–80–6–3; Kechichian A. Joseph and Karasik W. Theodore. The Crisis in Azerbaijan: How the Clans Influence the Politics of an Emerging Republic, «Middle East Policy», vol. IV, 1995, № 1–2, с. 63.

[21] Жакар Р. Именем Усамы бен Ладена. – М., 2002, с. 196.

[22] Босин Ю.В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте. // «Афганистан: проблема войны и мира». – М., 2000, с. 71–72.

[23] Filipov David. For Afghan Everyman, War is in his Body, Soul, The Boston Globe, 19.12.2001.

[24] Rowell Alexis. US Army Veterans «Drill» Azeris Under Cover of Oil Firm, The Observer, October 28, 1993; Auerbach John. Azerbaijan Hires Afghan Troops to Bolster Army, The Boston Globe, 08.11.1993.

[25] Up To 2500 Afghan May Be Fighting in Azeri Army, *RFE/RL Records*, April 27, 1994, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.

[26] Thomas Goltz, 'Azerbaijan Diary: A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic'. – New York, 1998, с. 270–279.

[27] Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит, с. 221.

[28] Bruce James. Arab Veterans of the Afghan War, «Jane's Intelligence Review», April 1, 1995, Vol. 7, № 4, с. 175.

[29] Shay Shaul and Schweitzer Yoram, The 'Afghan Alumni' Terrorism. // Islamic Militants against the Rest of the World, The International Policy Institute For Counter Terrorism, November 6, 2000, www.ict.org.il

[30] Текст доклада подполковника Д.Лятифова начальнику штаба вооруженных сил Азербайджанской республики, см.: Азг, 13.01.1994.

[31] Shneider Daniel. Afghan Fighters Join Azeri-Armenian War. // The Christian Science Monitor, 13.11.1993; Независимая газета, 29.01.1994.

[32] Независимая газета, 15.01.1994; Conflict International, April 1994, Shay Shaul and Schweitzer Yoram, указ. работа.

[33] По показаниям афганского военнопленного Бахтиора Вербаллаха Баберзаи, см.: Голос Армении, 26.05.1994.

[34] Afghan Mujahid Ready To Fight For Nagorno-Karabakh, RFE/RL Records, May 4, 1994, Slavic, Baltic&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.

[35] За предоставление этой информации автор благодарит Левона Мелик-Шахназаряна.

[36] Ковальская Г. Война. И при Муталибове, и при Эльчибее и при Алиеве. // «Новое время», № 11, 1994, с. 20.

[37] Goltz Thomas, указ. соч., с. 276.

[38] Голос Армении, 26.05.1994.

[39] Московские новости, № 23, 5–12 июня, 1994.

[40] Rashid Ahmed. Taliban. Militant Islam, Oil and Fundamentalism. – New Haven and London, Yale University Press, 2000, с. 119; Жакар Р. указ. соч., с. 263.

[41] Республика Армения, 31.05.1994; Московские новости, № 23, 5–12 июня, 1994; Afghan Mujahideen Said To Be Involved in Karabakh Fighting, RFE/RL Records, December 23, 1993, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.

[42] Азг, 18.01.1994.

[43] По данным азербайджанских СМИ, в республике проживали 6 тыс. афганцев, из коих 2–3 тыс. обосновались здесь в 1993–1999 гг., см. Зеркало, 07.09.2002.

[44] Шерматова С. указ, соч., с. 221; Shermatova Sanobar. Khatab and Central Asia. // Moscow News, 13.09.2000.

[45] Жакар Р. указ. соч, с. 242, 302.

[46] Bodansky Yossef. The New Azerbaijan Hub: How Islamist operations are targeting Russia, Armenia and Nagorno-Karabagh, Defense and Foreign Affairs' Strategic Policy, October, 1999, see APPENDIX I, see also at
http://www.anca.org/anca/action_docs.asp?docsid=38

[47] Жакар Р. указ, соч., с. 196; Голос Армении, 28.11.2002.

[48] Независимое военное обозрение, 5–21 октября, 1999.

[49] Зеркало, – Баку, 22.07.2000; Эхо, – Баку, 28.08.2001; Washington Post, 03.05.2001.

[50] Эхо, 01.09.2001; Congressional Research Service (CRS, 9/10/2001).

А.А.Ткаченко

ИРАК ПРИ С.ХУСЕЙНЕ: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГРЕСС

Исторически состояние экономики Ирака последних десятилетий условно можно разделить на три основных периода – до ирано-иракской войны, после ее начала в 1980 г. (закончился в 1988 г.) и период, начало которому положил кувейтский кризис, завершившийся падением режима Саддама Хусейна.

До начала ирано-иракской войны экономика страны развивалась под влиянием следующей суммы факторов. Ирак располагал значительными природными и людскими ресурсами, использование которых могло превратить его в течение жизни одного поколения в одну из наиболее развитых и процветающих стран ближневосточного региона. По объему разведанных запасов нефти и газа Ирак занимал (и продолжает занимать в настоящее время) второе место в регионе после Саудовской Аравии (по некоторым оценкам, иракские запасы даже выше саудовских), владея примерно 100 млрд. баррелей нефти, что соответствует 14,2% всех запасов Ближнего Востока и Северной Африки или 10% мировых запасов. Для сравнения: Саудовская Аравия располагает 261 млрд. баррелей или 37,2% запасов региона, Кувейт — соответственно 96,5 млрд. или 13,7%, Иран – 89,3 млрд. или 12,6%[1]. Страна также обеспечена внушительными агроклиматическими ресурсами, значительным массивом плодородных земель (из которых обрабатывается только 3,2–3,7 млн. га, или примерно треть сельскохозяйственных угодий, пригодных для использования под пашню)[2]. Большая часть обрабатываемых сельскохозяйственных земель – поливные (орошаемые), причем Ирак располагает водными ресурсами, необходимыми для удвоения возделываемых площадей. Значителен потенциал трудовых ресурсов. В Ираке население по численности в 1987 г. составляло 16,3 млн., в 1997 г. – свыше 22 млн. человек, к 2003 г. – около 25 млн. В стране достаточно высок процент квалифицированной рабочей силы, на подготовку которой в последние десятилетия выделялись крупные финансовые и материальные ресурсы. В Ираке имеются значительные, во многом уникальные, возможности и предпосылки для развития международного туризма – мирового значения памятники древних цивилизаций, благоприятные климатические условия, значительное разнообразие природных зон – естественной основы для отдыха и лечения, богатая флора и фауна,

многие представители которых – уникальны и встречаются только в Ираке. Благоприятно и географическое расположение страны, особенно в свете динамично развертывающихся процессов глобализации мировой экономики: Ирак находится на стыке пересечения международных торговых и транспортных путей и коммуникаций. В целом, экономический потенциал страны, определяемый, прежде всего, природными условиями, географическим положением и историко-культурным наследием, следует определить как значительный, а по ряду позиций, как уникальный, имеющий мировое измерение. Но иракского экономического чуда, для которого появились веские предпосылки вследствие «революции цен» на нефть 1973–74 гг., не произошло.

После бума середины-второй половины 70-х годов XX в. в течение 80–90-х годов экономика Ирака претерпела глубокие изменения, вызванные главным образом продолжительной войной с Ираном (1980–1988 гг.) и агрессией против Кувейта, за которой последовали сокрушительное поражение от сил коалиции и жесткие международные санкции. Особо следует отметить огромный ущерб экономике страны, который был нанесен в начале 1991 г. в результате боевых действий и бомбардировок, разрушивших многие хозяйственные объекты. Значительная часть системы снабжения питьевой водой также была выведена из строя, в том числе на юге страны. Разрушения, в основном косвенно, затронули многие объекты социального назначения и были частично связаны с прекращением электро- и водоснабжения.

Крайне отрицательно сказались на хозяйственной жизни внутренние конфликты: периодически вспыхивавшие с новой силой на протяжении 80–90-х годов боевые действия в Курдистане, а также длившиеся на протяжении 90-х годов столкновения между правительственными войсками и оппозиционно настроенными силами в южных провинциях страны, в том числе тех, которые нашли убежище в районах проживания «озерных» арабов.

Тяжелым бременем для национальной экономики стали ее сверхмилитаризация и сверхэтатизация. Из отраслей гражданской экономики на непроизводительные цели в военную индустрию была отвлечена значительная доля рабочей силы – свыше 13% в 1980 г., военные расходы возросли за период с 1975 по 1980 г. (год начала ирано-иракской войны) с 3,1 млрд. до 20 млрд. долл. (39% ВВП страны)[3]. Низкая отдача от реализации приватизационных программ, гиперинфляция и многократное обесценение национальной валюты – динара (курс динара на «черном» рынке за 90-е годы упал с USD 1=ID 0.31 до USD 1=1600 ID в конце 1998 г.), бегство капиталов за рубеж также крайне отрицательно сказались на всем дальнейшем развитии национальной экономики.

Глубокий кризис, поразивший иракскую экономику в 90-е годы, усугубился в результате разрастания «черного рынка» и принявшего широкие масштабы взяточничества. В условиях сверхэтатизации и ми-

литаризации хозяйственной жизни, длительного правления авторитарного режима в стране расцветали коррупция и протекционизм, разъедавшие экономику и общество, блокировавшие процесс формирования и без того слабого национального предпринимательства.

Экономические трудности усугубил беспрецедентный рост внешней задолженности: имея в предвоенный период внушительные резервы свободноконвертируемой валюты в размере 37 млрд. долл. (1980 г.), Ирак к концу 90-х годов превратился в крупнейшего мирового должника, обязательства которого, по некоторым оценкам, составляют не менее 120 млрд. долл. Имеются и другие оценки, согласно которым, в целом, внешние обязательства страны к концу 90-х годов достигли 340 млрд.долл., из которых – 220 млрд. – репарации, 40 млрд. – долг странам Персидского залива и 80 млрд. – долги прочим заемщикам, включая Россию и страны Европы[4]. С учетом накопленных процентов по внешнему долгу и репарациям, эта сумма может быть существенно выше.

В результате, иракская экономика уже в начале текущего десятилетия, по оценкам некоторых международных экспертов, оказалась отброшенной к доиндустриальному состоянию. По данным Арабской корпорации инвестиционных гарантий, к 1995 г. ущерб экономике Ирака во время ирано-иракской войны составил около 150 млрд. долл., во время кувейтского кризиса он возрос до 200 млрд. Значительная часть производственных мощностей в нефтяной промышленности, объектов инфраструктуры, энергетики и других базовых отраслей оказалась разрушенной. В частности, по оценке международных экспертов, примерно 50% иракских нефтяных скважин нуждались во второй половине 90-х годов в ремонте (при этом следует отметить, что их быстрое восстановление вполне возможно – уже через год после отмены эмбарго, отмечали эксперты, возможно достижение прежнего объема экспорта в 3 млн. барр. в день, причем в течение 5 лет реально удвоение экспорта – до 6 млн. барр. в день, хотя на это необходимо будет затратить около 30 млрд. долл.; в 1999 – начале 2000 г. дневная добыча нефти в стране составляла примерно 2 млн. барр. – и предполагалось к середине 2000 г. довести ее до 3 млн., а к сентябрю – до 3,4 млн.)[5]. В начале 2001 г., по оценкам, она реально составила 2,6 млн. барр. в день. Резкий спад в 90-е годы в свою очередь, негативно отразился на деятельности практически всех других отраслей иракской экономики, включая сельское хозяйство. Почти полное прекращение экспорта нефти в результате введения санкций ООН, которое давало Ираку до 98% всех поступлений иностранной валюты, подорвало финансовую основу экономики страны. Вызванный этим финансово-экономический кризис усилился в результате исчерпания валютных резервов и беспрецедентного роста внешней задолженности, прекращения притока иностранных инвестиций. О глубине экономического спада свидетельствует резкое сокращение

объема валового внутреннего продукта страны в 1995 г. до 14,2 млрд. долл. против 48,3 млрд. в 1989 г. К началу XXI в. в экономическом положении в условиях сохранения международных санкций принципиальных изменений не произошло.

Глубокий экономический кризис привел к широкомасштабной эрозии социальной сферы – резкому падению национального дохода в расчете на душу населения, деградации базовых услуг, в особенности медицинской помощи, обеспечения населения продовольствием и т.д. Особенно негативно это сказалось на наиболее уязвимых слоях иракского общества – инвалидах, число которых возросло в результате широкомасштабных и продолжительных боевых действий и войн, детях и людях пожилых возрастов, а также на этнических меньшинствах, относящихся в значительной своей массе к маргинальным социальным группам.

До введения ООН эмбарго на торговлю с Ираком последний закупал за границей 2/3 необходимого ему продовольствия (по одним оценкам, – примерно на 2 млрд. долл., по другим, – на 3–4 млрд.). Эмбарго (до принятия программы «нефть в обмен на продовольствие») лишило страну значительной части необходимых для населения продуктов питания, причем образовавшийся дефицит не смогла восполнить быстро разросшаяся контрабандная торговля продовольствием (ее объем оценивался в 1 млрд. долл. в год) между Ираком и соседними странами.

При этом, по оценке Всемирной продовольственной организации (ФАО), из-за частичного разрушения ирригационных систем, роста дефицита удобрений, гербицидов и пестицидов, семян, нехватки импортируемых Ираком запасных частей к сельскохозяйственной технике урожай зерновых в 1994-95 гг. составил лишь 2,5 млн. т, что существенно ниже уровня 1989-90 гг. (3,5 млн.т). Введенная правительством система рационирования распределения продовольствия среди населения обеспечивала в середине 90-х годов лишь 34% потребностей в нем по субсидируемым ценам. По данным международных организаций, особенно трагично было положение населения центральных и южных районов страны, включая районы проживания «озерных» арабов, от недоедания, отсутствия медицинской помощи и лекарств в 90-е годы страдало, по меньшей мере, 4 млн. человек. Это констатировала миссия ООН, посетившая Ирак в июле–августе 1995 г.

Экономический курс прежнего режима, наряду с ирако-иранской войной и войной в Заливе начала 90-х годов, сыграл определяющую роль в последующем развитии экономической ситуации в Ираке. Она характеризовалась следующими основными тенденциями:

– укреплением доминирующей роли государства в большинстве сфер экономики, которая сохранилась на протяжении 80-90-х годов, несмотря на (ограниченную и не давшую ожидаемых результатов) приватизацию части госсобственности. Полностью сохранилось до-

статочно жесткое регулирование государством частного и кооперативного секторов в сельском хозяйстве, централизованное, административными методами управление экономикой;

– почти полным отсутствием иностранной собственности и иностранных частных инвестиций в иракскую экономику, хотя с конца 80-х годов началась либерализация инвестиционного кодекса с целью привлечения иностранных инвесторов, прежде всего из других арабских стран;

– сверхмилитаризацией национальной экономики, особенно промышленности. Ее военные отрасли значительно превышали по масштабам производства отрасли гражданские (разумеется, исключая нефтедобычу). По объему финансирования из средств госбюджета военная сфера прочно занимала ведущее место, ее доля в импорте Ирака была также непропорционально велика – около 40% всего его объема. Война с Ираном лишь подхлестнула расходы на военные цели. Естественно, в условиях роста и без того чрезмерных военных расходов и обострения проблемы внешней задолженности, а также углубления экономического кризиса развитие гражданских отраслей экономики значительно недофинансировалось.

Ирано-иракская война, кувейтский кризис и последовавшие за ним международные санкции, а также вооруженные действия в иракском Курдистане и южных районах страны, где проживают «озерные» арабы, оказывали на отдельные направления внутреннего экономического курса депрессирующее влияние на маргинальные (имеющие натуральный и полунатуральный характер) сферы экономики. К ним с полным основанием можно отнести все традиционные виды хозяйственной деятельности курдов и населения южных районов, особенно «озерного края» Ирака. В частности, для «озерных» арабов это – рыболовство и охота, производство кустарных изделий из камыша, а также разведение буйволов и содержание мелких домашних животных, выращивание на мелких и мельчайших участках некоторых полевых сельскохозяйственных культур, в том числе пшеницы, риса и некоторых других для потребления в домашнем хозяйстве.

Иракское руководство, рассматривавшее шиитское население южных районов страны, – в том числе «озерных» арабов, через призму его отношений с шиитским Ираном, т.е. как диссидентствующую социально-политическую и этническую группу, связанную с шиитским Ираном, стремилось, наряду с переселением значительного числа местных жителей, мерами экономической политики укрепить свой контроль над ними. По мнению экспертов, именно с этой целью проводились широкомасштабные программы осушения болот и озер в результате сооружения дренажных систем, поощрения миграции сельского населения в города и т.д. Такая политика соответствовала и реализуемым планам индустриализации страны, развития военной промышленности, что осуществлялось главным образом на основе трудоинтенсивных технологий, и некоторым другим направлениям и

целям экономического курса. Своим следствием она имела массовую миграцию и эмиграцию местного населения, почти полное прекращение какой-либо экономической деятельности на большей части «озерного края» Ирака, значительный ущерб его складывавшейся на протяжении веков уникальной экологии[6].

Среди экономических аргументов в пользу осушения болот и озер, вероятно, наиболее важным являлось ожидаемое (в перспективе) освоение крупных месторождений жидких и газообразных углеводородов в этом районе, которые, по имеющимся оценкам, можно отнести к наиболее крупным, как по меркам Ирака, так и региона в целом[7].

Орошение значительных сельскохозяйственных площадей и ожидаемое заметное увеличение производства сельскохозяйственной продукции также, несомненно, являлись важными аргументами в пользу осуществления подобных крупномасштабных ирригационных проектов.

При всех трудно оспоримых положительных экономических достоинствах ирригационных проектов осушения части озер, их реализация в условиях гуманитарной катастрофы в стране в целом и в районах проживания «озерных» арабов, в частности, ведущая к осушению болотистых земель и исчезновению естественной основы для традиционных форм жизнедеятельности коренного населения, усиливает негативную сторону итогов такой политики. Это конкретно проявилось в 90-е годы в следующем:

– росте массовой миграции и эмиграции «озерных» арабов; число покинувших родные очаги составило примерно 200 тыс. человек;

– частичной пауперизации той части населения, которое оказалось неспособным приспособиться к новым условиям;

– упадке традиционных видов производств и ремесел, как об этом свидетельствуют показания очевидцев, приводимые различными международными гуманитарными организациями, в частности, Комиссий ООН по беженцам, Международным благотворительным фондом «Амар» и другими.

Во время боевых действий с участием многонациональных сил в 1991 г., в ходе которых были разрушены некоторые плотины (дамбы), а также электростанции, питающие ирригационные сооружения и насосные станции, пострадали как ирригационные системы южного Ирака, так и системы снабжения южных провинций питьевой водой. Это нарушило всю систему жизнеобеспечения в данном районе и также явилось одной из причин массовой миграции и эмиграции «озерных» арабов.

Однако не меньший, если не больший урон всему укладу жизни, в том числе экономике южных районов, был нанесен в результате военных действий в течение 80-х – начала 90-х годов во время иракоиранской войны, подавления восстания шиитов. Применение артиллерии и авиации, отравляющих газов, напалма и т.д. не только привело к массовому бегству местного населения, в том числе в соседний

Иран, другие страны, как это отмечалось выше, но и к прекращению нормальной хозяйственной деятельности, а также беспрецедентному росту числа физически пострадавших людей. В конце 90-х годов системы водоснабжения так и не были полностью восстановлены, несмотря на финансирование правительством соответствующих мер, а также выделение средств на эти цели международными донорами.

Факторы, приведшие к глубокому экономическому кризису, затронули и сельское хозяйство, хотя и в меньшей степени, – вторую по значению отрасль после нефтегазодобычи, чем другие сферы национальной экономики (промышленность, транспорт, энергетику). Тем не менее, это оказало заметное сдерживающее влияние на все его развитие. Разрушительные последствия для отрасли удалось лишь частично купировать реализацией программ государственной поддержки сельскохозяйственных производителей и развития сельскохозяйственного производства, включавших такие традиционные методы, как предоставление удобрений и химикатов, кредитов и т.д.. В результате, к концу 90-х годов по ряду важных видов сельскохозяйственных культур объем собранного урожая удалось приблизить к уровню конца предыдущего десятилетия. Однако вряд ли такую тенденцию в сложившихся в стране условиях можно считать стабильной, в основном она – результат благоприятных погодных условий. Так, в 1997 г. (один из наиболее благоприятных годов десятилетия, когда пролились обильные дожди) пшеницы было собрано 1,1 млн. т., риса – 244 тыс. т, маиса – 121 тыс. т по сравнению с 1,2 млн. т пшеницы в 1990 г., 196 тыс. т риса и 61 тыс. т маиса в 1987 г. Был собран также неплохой урожай ячменя – 778 тыс. т., хотя он был ниже уровня урожая 1990 г. – 1,8 млн.т. Урожай овощей, являющихся важной частью рациона питания населения страны, составил в 1997 г. 2,9 млн. т и был близок к уровню 1982–1983 гг. (3 млн. т). Однако, в такой важной сфере сельского хозяйства, как животноводство, уровень производства резко упал: в 1993–1996 гг. производство мяса, молока и яиц сократилось по сравнению с 1990 г. почти на 50%[8]. Заметно упали и сборы одной из важнейших культур – фиников, выращиваемых на юге страны, плантациям которых в 90-е годы был нанесен сильный урон. В 1997 г. урожай составил 350 тыс. т по сравнению с 650 тыс. в 1987 г. При этом следует учесть, что финики являются не только важной экспортной культурой, но и входят в число основных продуктов питания значительной части жителей страны наряду с рисом и рыбой.

Другая традиционно важная отрасль – рыболовство – также оказалось затронуто кризисом. Согласно данным ФАО, улов рыбы во внутренних водах Ирака в 90-е годы характеризовался тенденцией к падению его объемов. Так, если в 1989 г. он составлял 13,2 тыс. т, в 1994 г. – 12,6 тыс. т, то в 1995 и 1996 гг. соответственно – лишь 9,9 и 7,0 тыс. т[9]. Почти двукратное падение улова за столь короткий период не может не отражать серьезных изменений, которые произошли в 90-е годы в самой производственной базе отрасли. Они связаны,

главным образом, со значительными мелиоративными работами в центральных и южных провинциях страны, приведшими к осушению значительных частей ареала проживания «озерных» арабов, и негативными социально-экономическими последствиями периода войн и военного противостояния 80–90-х годов, прежде всего, массовым исходом местного населения. Боевые действия и осушение озер повлияли и на богатейшие нерестилища на юге Ирака, имеющие не только страновое, но и региональное значение.

Реализация программ расширения орошаемых площадей, также затронутых в ходе военных действий и экономического кризиса, не смогли ослабить тесную зависимость сельского хозяйства Ирака и его южных регионов от резких колебаний климатических условий. Положение представляется еще более угрожающим, если учесть существенное увеличение численности населения страны за рассматриваемый период.

Суммируя последствия происшедших изменений в 80–90-е годы в Ираке в общенациональном масштабе, нельзя не отметить их глубокое и, в то же время, противоречивое влияние на жизненный уклад и хозяйственную деятельность иракцев. Отдельные из этих изменений привели к гуманитарной катастрофе (массовой миграции и эмиграции, пауперизации, распространению болезней и голода, распаду семей и утрате домашнего очага, массовой гибели местных жителей и т.д.), другие, – заметно ограничивая или ликвидируя основы для традиционных видов деятельности, – рыболовства, охоты, производства ремесленных изделий, формировали вместе с тем экономические предпосылки для расширения современных видов хозяйственной деятельности и перелива труда в современные сектора экономики Ирака – в промышленность, строительство, орошаемое земледелие, неформальный сектор городской экономики и т.д. Однако гуманитарная катастрофа, затронувшая миллионы жителей, особенно эмиграция и принудительное переселение в другие районы страны в 90-е годы во многом перечеркнули возможности воспользоваться результатами экономического развития.

Уровень жизни иракцев на протяжении последних двух десятилетий, но особенно в 90-е годы, когда сильно сказались боевые действия, постоянно и существенно снижался. Это выразилось в ухудшении питания, медицинской помощи, падении доходов и т.д. В результате боевых действий в течение длительного периода времени, т.е. на протяжении почти целого десятилетия, и негативного воздействия широкомасштабных программ осушения болот и озер, среди иракцев, как отмечают очевидцы, очень сильны настроения эмигрировать, что оказывает депрессивное воздействие на весь уклад жизни, включая хозяйственную деятельность. Это негативным образом сказывается на уровне жизни населения. Очевидцы, стремящиеся передать степень деградации условий жизни в 90-е годы, отмечают, что условия

жизни в Ираке ухудшились в результате введения экономических санкций ООН, но они еще более нетерпимы из-за того, что власти наложили дополнительное бремя санкций на население. Гиперинфляция 90-х годов обесценила фиксированные доходы простых иракцев. О падении уровня жизни красноречиво свидетельствуют масштабы гиперинфляции, нехватка даже жестко нормированных продуктов питания.

Кризис наиболее сильно ударил по уровню жизни беднейших слоев. Рост цен на продовольствие и лекарства, наряду с ограничением их импорта в результате санкций, сделали недоступными для многих важнейшие продукты питания и товары домашнего обихода, простейшие формы медицинской помощи.

Особенно тяжелыми были условия жизни беженцев, среди которых большое число детей. В частности, в лагере Шатт Али (Иран) беженцы жили в палатках, не приспособленных к зимним условиям. Не хватало одежды. Ощущался острый дефицит питьевой воды, крайне ограничена была и медицинская помощь. Взрослое население не имело работы. Помощь от международных благотворительных организаций, в частности от международного фонда «Амар» (Великобритания), была в состоянии лишь частично удовлетворить ограниченный круг самых необходимых потребностей[10].

Положение беженцев, их уровень жизни несут на себе сильнейшую печать того трудного положения, в котором находится сам Иран – в этой стране насчитывается свыше 4 млн. беженцев. Тем не менее, он стал одним из самых крупных мировых приютов для беженцев из Ирака. Но с их потоком в начале XXI в. Иран уже не справляется.

[1] Middle East Economic Digest. – L. 17.1.1997. Vol. 41, № 3, с. 17.

[2] The Middle East and North Africa 2000. – L., 2000, с. 578.

[3] UNCTAD. Reprint series, № 79. Sinan Al-Shabibi. Prospects for Iraq's Economy: Facing the New Reality. 1997, с. 55.

[4] World Bank. Summary Tables Sevieraly Indebted Middle-Income Countries. Global Development Finance, 1997, Vol. 1, с. 206-207.

[5] Аргус. Нефтепанорама. Обзор мирового нефтебизнеса. 18.4.2000. вып. 3, № 8.

[6] TED Case Studies. Marsh Arabs.

http://www.american.edU/ted//MARSH.HTM; The Middle East and North Africa. 2000, с. 581.

[7] Arab Oil and Gas Directory. 1999. Iraq, с. 162.

[8] The Middle East and North Africa. 2000., с. 579.

[9] FAO. Yearbook of Fishery Statistics; The Middle East and North Africa. 1993–2000.

[10] Iran News. 2.19.1995; The Iraqi Marshlands. A human and environmental study. Ed. by Emma Nicholson and Peter Clark. – L., Politico's, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Р.Бузмаков

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Развитие стран региона после обретения независимости проходило под воздействием разноречивых, часто неблагоприятных факторов как политического, так и экономического характера, что не могло не сказаться на темпах развития вообще и на состоянии современных систем телекоммуникаций, в частности. Тем не менее, в этой области был достигнут заметный прогресс, особенно в последнее десятилетие в условиях либеральных экономических реформ, глобализации хозяйственных процессов.

Египет

До конца 90-х годов вся телефонная сеть Египта контролировалась государственной компанией «National Telecommunications Organization», что ограничивало темпы развития и предложения новых услуг связи и внедрения новейших технологий. В конце же 90-х годов сектор телекоммуникаций стал рассматриваться как одна важнейших отраслей экономики и как потенциальный объект для привлечения инвестиций. В 1998 г. компании «Vodafone» была выдана первая частная GSM (Global Standart for Mobiles) лицензия на оказание услуг мобильной связи стоимостью 516 млн. долларов[2]. Обладателем второй лицензии стала «ECMS» (Egyptian Company for Mobile Services) по аналогичной цене.

В октябре 1999 г. было образовано министерство телекоммуникаций и информационных технологий, основной задачей которого стала модернизация египетской телекоммуникационной инфраструктуры. В августе 2000 г. новое министерство объявило о трехлетней программе модернизации общей стоимостью 1 млрд. долл.[3] Национальная компания «Egypt Telecom» была подготовлена к приватизации, однако вследствие неблагоприятных рыночных условий приватизация была приостановлена, и вместо этого компании была предоставлена лицензия на запуск собственной сети GSM.

Что касается использования преимуществ спутниковой связи, в частности, спутникового телевещания, то Египет является одним из пионеров спутникового телевидения в арабском мире. Именно в этой стране был создан первый арабский государственный канал ESC-1 (Egyptian Space Channel-1), ведущий постоянные телепередачи. В сен-

тябре 1990 г. Госкомитет по радиовещанию и телевидению Египта подписал соглашение с Организацией арабской спутниковой связи «Arabsat» о трехлетней аренде канала связи на коммуникационном спутнике «Arabsat P-1», предусматривающей его использование для трансляции передач египетского канала космического ТВ.

Новый шаг к значительному усилению коммуникационного потенциала ESC-1 был сделан в 1996 г., когда началось использование арабского спутника связи нового поколения – «Arabsat-2A». После этого возможность смотреть передачи египетского космического ТВ получили зрители в 20 арабских государствах, 27 странах Африки, 11 – Азии, 23 – Европы. Прием передач ESC-1 стал возможен на 80 процентах территории земного шара круглосуточно[4].

В 1991 г. на базе спутниковой системы «Orbit» был создан второй египетский спутниковый канал, ведущий передачи в течение 19 часов в сутки на арабском, английском и французском языках. Он получил название «Египетский космический канал-2» (Egyptian Space Channel-2), или ESC-2. Передачи канала ведутся в цифровом формате. Сетка вещания ESC-2 содержит культурно-просветительские и развлекательные программы, в числе которых «Египетская опера», «Кухня народов мира» и др. Популярная программа «Арабская вечеринка» имеет сугубо развлекательный характер.

Третий спутниковый канал Египта – «Nile International» – ведет регулярные передачи с 31 мая 1994 г., используя спутники «Eutelsat» и «Arabsat-2A». Передачи осуществляются 4 часа в день и адресованы зарубежной аудитории, включая. Три часа ежедневного вещания отводятся англоязычным передачам, один час посвящен трансляциям на французском языке.

В апреле 1998 г. Египет в сотрудничестве с Францией произвел запуск на удаленную орбиту (36 тыс. км.) первого собственного коммуникационного спутника «NileSat-2».

Примечательным фактом, характеризующим роль Египта в международном сотрудничестве по развитию спутникового телевещания, является его участие в создании многонациональной космической службы теленовостей «Euronews», начавшей передачи 1 января 1993 г.

Интернет начинался в Египте в октябре 1993 г. – именно в те дни была установлена связь (9.6К) между Египетской университетской сетью и Францией посредством «Bitnet». Число пользователей на тот момент было примерно 2 тысяч человек[5].

В 1994 г. Государственный информационный центр египетского кабинета министров (IDSC) в сотрудничестве с Региональным центром программных разработок и информационных технологий (RITSEC) начали внедрение в жизнь плана по распространению Интернета в Египте, опираясь на финансовую поддержку египетского правительства.

С первых дней запуска проекта интернетизации Египта свободный доступ предоставлялся корпорациям, государственным агентствам, неправительственным организациям и другим компаниям, работающим в сфере новых технологий (и сегодня в египетском Интернете преобладают корпоративные пользователи). Египет начал развитие своей интернет-инфраструктуры с обеспечения первоочередного доступа тем, кто эту отрасль должен будет продвигать в будущем. В результате такого подхода удалось поднять уровень знакомства с Интернетом, до того распространенного исключительно в университетских кругах.

Это положило начало более широкому использованию Интернета в Египте, увеличив число его пользователей на конец 1995 г. до 10 тыс. В 1996 г. правительство и египетский «Telecom» взяли на себя инициативу по регулированию тарифов и открытию шлюза для частных провайдеров. Далее представители IDSC/RITSEC начали лицензирование провайдеров в крупных нестоличных городах. Это повлекло за собой увеличение числа пользователей с 25 тыс. в начале 1997 г. до 100 тыс. к лету 1998. За этот же период резко возросло и число лицензированных провайдеров, достигнув 40[6].

Число пользователей в Египте колеблется, по разным источникам, от 400 тыс. (по данным газеты Al-Sharq Al-Awsat) до 600 тыс., по последним исследованиям «Telecom». При этом, большинство из них ориентированы на частных провайдеров, причем одним подписным номером могут пользоваться большие группы пользователей: в отличие от развитых стран, почти 100% подписчиков в Египте, как отмечалось, являются юридическими лицами (около 15% – госструктуры, 35% – наука и образование, 50% – частный бизнес)[7]. Такое положение объясняется рядом объективных причин:

– высокие пошлины на ввозимое компьютерное оборудование при почти полном отсутствии местного производства.

– низкая покупательная способность большинства населения;

– невысокий образовательный уровень;

– недостаточная развитость телекоммуникаций в целом по стране, особенно в отдаленных от столицы регионах.

К причинам такого перекоса можно отнести и наличие контроля за трафиком. Каждый частный провайдер находится под наблюдением специального государственного информационного центра (IDSC), с помощью которого обеспечивается спутниковая связь. Этот центр может закрыть доступ к определенным страницам, но, в отличие от некоторых других арабских стран, в Египте практикуется более либеральный подход к отбору информации (цензура в области Интернета фактически отсутствует).

На сегодня Египет имеет три шлюза в Интернет. Первый находится в ведении в IDSC/RITSEC. Он имеет двух партнеров – «MCI» и «Global One» и обслуживает правительственные структуры и поддерживает 15 из 16 основных провайдеров в стране, будучи ориентиро-

ванным на предоставление услуг коммерческим организациям и индивидуальным лицам.

Второй шлюз «EUN» (Египетская Университетская Сеть) обслуживает все 12 египетских университетов, а также научно-исследовательские институты, подключенные к ENSTINET. Шлюз имеет волоконную связь с Францией (256К), модернизация которой уже идет полным ходом.

Дополнительный шлюз предоставляет связь частным провайдерам (128К, волокно с Францией). Это направление (открытие собственных шлюзов) сегодня рассматривают как перспективное многие коммерческие поставщики интернет-услуг.

Египетский Интернет состоит из более чем 80 региональных субдоменов, зарегистрированных в «EUN». Одновременно с этим растет и количество доменов третьего уровня, регистрируемых провайдерами. По последним данным www.domainstats.com, всего в египетской доменной зоне сегодня находится примерно 5 тысяч ресурсов[8].

Основную же часть среди ресурсов составляют проекты коммерческой направленности (52% всех египетских сайтов). Это, скорее, не представители электронной коммерции, а сайты банков, корпораций и других финансовых компаний. Среди них есть ресурсы общеегипетского значения, такие как Egypt Business Centre и Egypt Technology Development & High-tech Directory. Помимо них, в Египте очень популярны каталоги коммерческих ресурсов: Egypt Yellow Pages, Egypt.com Business Directories и Egypt Trade Pages.

Еще одним подходом к развитию ресурсов в сети стал проект Egypt's Information Highway Project. IDSC/RITSEC анонсировало создание нескольких подсетей в египетском Интернете: туристической, статистической, культурной и сети медицинских учреждений. Туризм стоит на первом месте.

Именно разрешение внутриегипетских экономических проблем является сегодня главным препятствием к нормальному развитию египетского сетевого сегмента. Их преодоление не полная утопия, если учесть, что в стране преобладает понимание необходимости развития новых технологий.

Египет часто объявляют страной, которая вот-вот должна «разродиться» настоящим интернет-бумом. В первую очередь, к этому его обязывает положение в регионе. На сегодня Египет является главным центром телевидения, кино и Интернета на арабском информационном поле.

Алжир

В августе 2000 г. парламент Алжира ратифицировал закон «О почте и телекоммуникациях», снявший государственную монополию в этой области и оставивший у государства только контролирующую функцию. Новое законодательство открыло как обычные, так и мобильные секторы связи для иностранных инвесторов.

Вскоре почтовое министерство (The Ministry of Posts and Telecommunications) выбрало немецкий «Detcom», канадский «Optec» и английский «Arthur Andersen» в качестве консультантов по выработке условий контракта о реорганизации телекоммуникационного сектора и французскую компанию «Gide Loyrette Nouel» для разработки законодательной базы. Заем на 9 млн. долларов[9] для финансирования реформы был одобрен Всемирным Банком, а американская компания «Cisco systems» была приглашена открыть учебный центр в Алжире специально для подготовки специалистов в области разработки инфраструктуры Интернет и телекоммуникаций.

В феврале 2001 г. итальянская компания «Pirelli Submarine Telecoms» выиграла тендер стоимостью 15 млн. долл.[10] на установку 320-ти километровой оптоволоконной линии между Алжиром и испанским Пальма де Майорка как части объединенного проекта между алжирским министерством телекоммуникаций и «France Telecom», испанской «Telefonica» и итальянским «Telecom». Законченный в 2002 г. проект обеспечил высокоскоростную и надежную связь через Испанию между Алжиром и всей европейской Интернет-сетью.

В марте 2001 г. правительство объявило о создании новой акционерной компании «Algerie Telecoms», призванной развивать и поддерживать обычную телефонную сеть и существующую мобильную GSM – функции, ранее возлагавшиеся на министерство связи. Вторую лицензию, стоимостью 737 млн. долл.[2], на предоставление мобильной GSM связи получила египетская компания «Orascom Telecom», подрядившая в свою очередь за 372 млн. долл.[2] французскую «Alcatel» непосредственно для монтажа GSM сети в г. Алжир и еще 11 городах страны. Эта сеть, получившая название «Djezzy GSM», официально была запущена в феврале 2002 г. и рассчитывала привлечь уже в 2003 г. до 1 млн. абонентов[11].

Алжирское спутниковое телевидение появилось в 1994 г., когда были начаты регулярные трансляции через спутник «Eutelsat2-F3» на Африку, Европу, Ближний Восток, часть Азии, Северной и Южной Америки. Созданный тогда государственный спутниковый канал Algerian TV передает информационную программу «Время» на арабском языке и языке одной из народностей Алжира, транслирует культурные, религиозные программы, драматические передачи и французские художественные фильмы. Много внимания уделяется демонстрации туристского потенциала Алжира.

В апреле же 2002 г. министерство высшего образования Алжира объявило о скором запуске своего первого собственного спутника «Alsat 1».

Ливия

В последнее время здесь стало уделяться повышенное внимание развитию телекоммуникационной инфраструктуры. Количество обыч-

ных телефонных линий возросло с 59 на 1 тыс. чел. в 1995 г., до 109 в 2001 г., то есть практически они удвоились за 6 лет. Первые услуги в области мобильной GSM связи появились в 1996 г., и количество абонентов постоянно растет, достигнув в 2001 г. 9 на 1 тыс. чел.[12]

Приобщение ливийской аудитории к спутниковому ТВ началось задолго до того, как приемные «тарелки» стали привычной деталью пейзажа в большинстве стран мира. Уже во второй половине восьмидесятых – начале девяностых годов многие ливийцы имели возможность принимать передачи космических каналов на индивидуальные антенны. До 1994 г. Ливия занимала первое место в мире по количеству спутниковых антенн на 1 тыс. человек. Однако вплоть до 1996 г. ливийцы могли принимать передачи только иностранных сателлитных каналов.

Ситуация изменилась после того, как 30 августа 1996 г. был основан ливийский государственный спутниковый канал «Libya», ведущий трансляции через спутник «Intelsat-2». В июле 1998 г. для нужд ливийского космического ТВ был арендован еще один коммуникационный канал – на египетском спутнике «NileSat». Передачи ливийского сателлитного ТВ, вещающего 9 часов в сутки, можно принимать на территории Африки, Европы, значительной части Азии (вплоть до Пакистана).

В январе 1997 г. в Ливии был создан второй спутниковый канал – научно-просветительский, который в течение 6 часов в сутки ведет трансляцию научно-популярных и образовательных программ.

Чтобы сделать ресурсы спутникового ТВ доступными для тех ливийцев, которые не имеют собственных приемных антенн, была образована государственно-частная корпорация по приему и передаче сигналов космических телепередач. Она призвана обеспечить развитие кабельного вещания, благодаря которому спутниковые телепрограммы станут доступны всем подключенным к кабелю пользователям. Создаваемая кабельная сеть будет соединена со станциями приема спутниковых передач, созданными во всех городах Ливии.

Помимо пользователей спутникового телевидения и мобильной связи, в Ливии насчитывалось в 2001 г. до 20.000 пользователей Интернет[13].

Тунис

В середине 90-х годов правительство Туниса одобрило план развития на 1997–2001 гг., которым предусматривались инвестиции в размере 1,3 млн. долл. в телекоммуникационную инфраструктуру страны. Конечной целью плана было создание 1 млн. телефонных линий[2].

В начале 1998 г. начала свою работу первая тунисская GSM система мобильной связи стоимостью 20 млн. долл., разработанная французской «Alcatel» для государственной компании «Tunisie Telecom». Эта система охватывает территорию Тунис-Набул-Хаммамат и рассчитана на 50 тыс. абонентов. К июлю 2001 г. возможности были расширены компаниями «Alcatel» и «Ericcson» до 300 тыс. абонентов[14].

В марте 2001 г. министерство телекоммуникаций объявило тендер на первую частную GSM лицензию. Однако из-за немногочисленного количества заявленных участников тендер был перенесен. После облегчения требований тендер был повторен в октябре и, несмотря на жесткую конкуренцию со стороны испанской «Telefonica» и «Kuwaiti Telecom», контракт стоимостью 454 млн. долл. был выигран египетской компанией «Orascom Telecom».

Также, после объявления о продаже 40,6% акций государственной компании «Sototel» (Societe tunisienne d'enterprise de telecommunications) в июне 1998, немецкая компания «Siemens» заявила о приобретении 12% акций компании на сумму 1,2 млн. долл.[15]

Основной государственный спутниковый канал начал работать 7 ноября 1992 г. Ежедневно передачи общей продолжительностью 13 часов транслируются через спутник «Eutelsat2-F3» на страны арабского мира, Африки, Европы и на азиатскую часть Средиземноморья. В Европе дополнительное распространение передач канала TV7 поддерживается партнером – французской корпорацией кабельного телевидения, которая обеспечивает доставку его программ своим абонентам по кабелю. С февраля 1993 г. осуществлялись еженедельные пробные передачи информационных, пропагандистских и литературных программ телевидения Туниса общим объемом 50 часов в неделю через коммуникационный спутник, используемый совместно телеорганизациями Канады, Франции, Бельгии, Марокко и Туниса.

В 1995 г. парламент Туниса высказался за то, чтобы тунисцам было разрешено принимать передачи спутниковых каналов любой страны. Правительство Туниса в январе 1998 г. разрешило свободное использование устройств для приема передач со спутников. Был введен налог на каждую приемную антенну, эквивалентный 19 долл. В результате отмены ранее существовавших ограничений, в стране за короткий срок появилось более 30 тыс. приемных антенн[16].

Марокко

В июне 1997 г. Палата представителей приняла новый закон о либерализации телекоммуникационной сферы (обычные и мобильные линии связи). В феврале 1998 г. была разделена национальная компания «ONPT», и на ее основе возникло новое предприятие – «Itissalat al-Maghrib» (Marrocan Telecom), обладающее монополией в сфере телекоммуникаций – так началась подготовка к приватизации компании. С приближением сроков приватизации, оцененной в 5 млрд. долл.[17], компания предприняла различные меры к улучшению конкурентоспособности. В частности, в результате предпринятых мер, количество ее абонентов резко возросло с 400 тыс. в январе 2000 года до 2 млн. к концу года[18]. Помимо абонентов мобильной связи, компания также имела около 1,4 млн. абонентов обычной телефонной связи[19].

Марокко – первая арабская страна, начавшая космическое телевещание. Однако необходимо отметить, что начальный проект спутникового ТВ Марокко был осуществлен при решающем участии иностранных партнеров. Первые передачи в космическом эфире начались 4 марта 1989 г. Их организовал второй коммерческий канал телевидения Марокко (2М) под руководством франко-канадской корпорации «Soread» и при содействии государственного обеспечивает регулярное пополнение половины бюджета канала 2М. Передачи 2М ведутся ежедневно с 10 часов утра до часа ночи на арабском и французском языках. Значительную долю эфирного времени канала занимает трансляция программ, полученных от партнеров телекомпаний других арабских стран, а также Первого канала телевидения Франции и франкофонных телекомпаний Канады. В марте 1993 г. началась спутниковая трансляция передач государственного канала телевидения Марокко – RTM. Сигналы этого канала через спутники «Eutelsat2-F3» и «Arabsat», охватывают весь арабский мир, почти всю Европу, восточную часть Северной и Южной Америки, южный, восточный и центральный регионы Азии. RTM выпускает в эфир разнообразные программы, наиболее известной из которых является информационная программа «Время», передаваемая на арабском, английском, французском, испанском языках и на наречиях народностей, проживающих на территории Марокко.

Становление общеарабского информационного поля

Одной из первых таких систем стал «Arabsat» – организация арабского спутникового телевидения, идея создания которой была поддержана в 1967 г. совещанием министров культуры арабских стран в Тунисе. В апреле 1976 г. министры коммуникаций арабских стран подписали в Каире соглашение о создании под эгидой ЛАГ Арабской системы спутниковых коммуникаций «Arabsat» как межгосударственной организации, обеспечивающей телевизионные трансляции, телефонные переговоры через спутники связи и стимулирующей развитие коммуникации и информационных обменов между странами-членами ЛАГ. Главными учредителями и основными акционерами «Arabsat» стали пять арабских стран: Саудовская Аравия, Ливия, Египет, Кувейт, ОАЭ.

С 1979 г. начала действовать система обмена телевизионными программами между девятью арабскими странами – «Arabvision», функционирующая по схеме, применяемой «Eurovision», с использованием арендуемых каналов на иностранных спутниках связи. Благодаря этому, начал преодолеваться западный монополизм в международных телевизионных обменах.

В августе 1985 г. вступила в действие система, состоящая из четырех коммуникационных спутников, принадлежащих «Arabsat». При их создании и запуске в космос были использованы в основном

французские технологии. В том же месяце через систему спутников «Arabsat» был начат широкий межарабский обмен телевизионными программами. «Arabsat» создавался как передовая коммуникационная система, обеспечивающая непосредственное телевизионное вещание, не требующая постройки дорогостоящих наземных приемных комплексов и позволяющее принимать сигнал на небольшие (и недорогие) индивидуальные приемные устройства, оснащенные параболическими антеннами. Сигнал со спутников «Arabsat» распространяется на огромные территории в Средиземноморье, Азии, Европе, Африке и за пределами этих континентов.

Вещание большинства арабских спутниковых каналов ведется не только на внутреннюю аудиторию, но и на зарубежные страны. Передачи арабских спутниковых каналов можно принимать во многих странах Европы, Азии, Африки, они транслируются через спутники связи и на страны Западного полушария. Техническая возможность охватить передачами аудиторию за пределами страны, организовавшей вещание, способствовала выработке принципиально новых представлений о целях деятельности и программной политике национального телевидения.

Курс на взаимное информационное сотрудничество арабских стран, на создание собственных коммуникационных систем, на быстрое внедрение новейших технологий связи и обработки информации позволил арабам в кратчайшие сроки добиться впечатляющих успехов в области развития спутникового телевещания.

* * *

Арабские страны вступили в XXI в., имея в своем распоряжении большое количество каналов спутникового телевидения, передачи которого адресованы не только арабам, но и телезрителям многих других государств, включая Россию. В настоящее время только две страны арабского мира – Сомали и Джибути – не имеют собственного спутникового телевидения. В распоряжении остальных государств находится от одного до нескольких спутниковых каналов. Становление систем спутникового телевещания стало результатом постепенных и во многом скоординированных действий арабских государств по выработке собственной информационной политики, по развитию регионального сотрудничества в сфере коммуникаций и обмена информацией. Во многом эти действия были связаны с поддержкой арабскими странами концепции нового международного информационного порядка, предусматривающей трансформацию европоцентристских коммуникационных моделей, унаследованных от колониальной эпохи, создание самостоятельно функционирующих национальных информационных систем, изменение направленности и содержания международных потоков информации.

Арабское космическое ТВ пережило в 90-е годы период стремительного подъема. Его развитие противоречиво и требует дальнейшего осмысления: в нем причудливо сочетаются попытки противодействия тотальной глобализации, осуществляемой гигантскими медиа-конгломератами Запада, со стремлением освоить наиболее передовой мировой опыт технологии спутникового телевидения, практики трансграничной вещательной деятельности. Тем не менее, это развитие привело к формированию единого для всего арабского мира коммуникационного пространства, способствующего значительной активизации межарабских информационных и культурных обменов, укреплению духовного единения арабов, в какой бы части мира они ни проживали.

[1] Данные сайта http://www.arab.net/libya/index.html
[2] The Middle East and North Africa, 49th edition; – Europe publications 2003, с. 325.
[3] Махмуд Нехад, Арабское спутниковое телевидение в 1990-е годы. // Ростовская электронная газета № 19, 2000 г.
[4] Там же.
[5] The Middle East and North Africa, 49th edition; – Europe publications 2003, с. 325.
[6] Махмуд Нехад, Арабское спутниковое телевидение в 1990-е годы. // Ростовская электронная газета № 19, 2000 г.
[7] The Middle East and North Africa, 49th edition; – Europe publications 2003, с. 193.
[8] Ibid, с. 785.
[9] Ibid, с. 325.
[10] Махмуд Нехад, Арабское спутниковое телевидение в 1990-е годы. // Ростовская электронная газета № 19, 2000 г.
[11] Данные сайта http://www.arab.net/algeria/index.html
[12] Данные с сайта http://www.arab.net/libya/index.html
[13] The Middle East and North Africa, 49th edition; – Europe publications 2003, с. 1087.
[14] Ibid.
[15] Махмуд Нехад, «Арабское спутниковое телевидение в 1990-е годы. // Ростовская электронная газета № 19, 2000 г.
[16] The Middle East and North Africa, 49th edition; – Europe publications 2003, с. 844.
[17] Ibid, с. 325.
[18] Данные сайта http://www.arab.net/morocco/index.html

Ф.А.Тринич

РОССИЯ – ИЗРАИЛЬ: СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Израиль – сравнительно новый торговый партнер России. Советский Союз одним из первых признал государство Израиль, установил с ним дипломатические отношения и завязал торговый обмен, который, правда, носил ограниченный характер. В середине 50-х годов СССР поставлял в Израиль в сравнительно небольших размерах нефть, мазут, асбест, а покупал там апельсины, лимоны, бананы, эфирные масла. В дальнейшем, однако, СССР в обострившемся арабо-израильском конфликте занял проарабскую позицию, что привело к ухудшению политического отношений и прекращению в 1967 г. дипломатических отношений с Израилем а это, естественно, положило конец прямым торговым связям.

Улучшение советско-израильских отношений началось лишь в конце 80-х годов. В июле 1990 г. было подписано соглашение об установлении торгово-экономических отношений между СССР и Израилем, за которым в октябре последовало восстановление отношений на уровне консульств, а в ноябре – соглашение о научном сотрудничестве.

В ходе переговоров стороны подчеркивали особую заинтересованность в развитии торговли алмазами, налаживании сотрудничества в авиастроении, агропромышленном комплексе, легкой промышленности, ядерной энергетике производстве точных измерительных приборов, оптических инструментов. Согласно амбициозным прогнозам уже в ближайшие четыре года объем торговли между двумя странами мог достигнуть 1 млрд. долл. Однако до распада Советского Союза партнеры не успели реализовать даже первые наметки и тем более накопить полезный практический опыт развития торгово-экономического сотрудничества. По этой причине наследства от СССР в виде серьезного задела экспортных и импортных сделок практически не осталось, и независимой России пришлось строить отношения с Израилем по существу с азов, создавать правовую основу, определять товарную и фирменную структуру торговли, ибо место государственных внешнеэкономических объединений все больше занимали частные компании.

В апреле 1994 г. было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, вступившее в силу в октябре того же года. Одновременно с соглашением было утверждено положение о совместной российско-израильской комиссии о торгово-экономическом сотрудничестве, первая сессия которой состоялась в июне 1995 г. в Москве.

Наряду с объективно сложившейся взаимодополняемостью экономических потенциалов партнеров и политически более взвешенной позицией России в арабо-израильском конфликте благоприятной предпосылкой к развитию взаимовыгодных торгово-экономических связей между двумя государствами стало наличие в Израиле многочисленной и экономически весьма активной русскоязычной общины, хорошо знакомой с российскими товарами и технологиями, возможностями и потребностями российского народного хозяйства и даже сохранившей на бывшей родине деловые связи.

Подтверждением сказанному стал достаточно быстрый рост стоимостных объемов торгового оборота. Если в 1991 г. он составил всего 70 млн. долл., в 1992 г. – чуть больше 100 млн., в 1993 г. – 280 млн. долл., то уже в 1994 г. достиг почти 580 млн. долл., а в 1995 г. – приблизился к 870 млн. долл.

Как видно из данных приводимой ниже таблицы, во второй половине 90-х годов ушедшего века наступил некоторый спад, преодоленный лишь в 2000 г. Особенно сильно уменьшился российский импорт, который в 1999 г. по сравнению с рекордным 1996 г. сократился на 74%. В дальнейшем, несмотря на некоторое увеличение, импорт так и не достиг рекордных размеров и в 2002 г. все еще оставался на 42% ниже.

Таблица 1

Общие итоги торговли России с Израилем

(млн. долл.)

Годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Оборот	867,1	837,1	610,6	631,5	627,5	1154,2	1076,5	1254,2
Экспорт	624,4	564,6	426,8	487,0	556,5	1045,0	945,2	1095,2
Импорт	242,7	272,5	183,8	144,5	71,0	109,2	131,3	159,0
Сальдо	381,7	292,1	243,0	342,5	485,5	935,8	813,9	936,2

Источник: ГТК РФ.

В экспорте в указанный период самый низкий показатель был отмечен в 1997 г. Однако, в дальнейшем он начал возрастать и в заключительном году XX в. достиг небывалых размеров. После небольшого сбоя в 2001 г. в следующем году экспорт России в Израиль вырос на 15% и достиг новой рекордной отметки. В первом полугодии текущего 2003 г. экспорт вновь увеличился почти на 54% и составил

697,5 млн. долл., а импорт вырос почти на 29% до 197,6 млн. долл. В результате, торговый оборот между двумя странами превысил 805 млн. долл., то есть увеличился почти на 50% по сравнению с соответствующе периодом 2002 г.

Достигнутый уровень торгового обмена поставил Израиль на вполне весомое шестое место среди азиатских торговых партнеров России. За последние пять лет ушедшего века на его долю пришлось 0,6% российского внешнеторгового оборота, 0,7% экспорта и 0,4% импорта. В 2002 г. удельный вес Израиля в экспорте России увеличился до 1%, а в обороте – до 0,8%. Однако, в импорте он снизился до 0,3%.

Одна из важных особенностей торговли между двумя странами – постоянное и весьма существенное положительное сальдо торгового баланса в пользу России. За 1994–2002 гг., то есть за 9 лет оно составило внушительную сумму в 4,7 млрд. долл., а отношение экспорта к импорту – 4,2:1.

Такой дисбаланс следует признать явно неблагоприятным явлением на фоне приведенной выше, вроде бы, достаточно позитивной картины развития торговых связей между Россией и Израилем. Однако, при оценке перспектив развития этих связей еще более негативным фактором можно считать узость товарной номенклатуры российского экспорта, которая, несомненно, ограничивает возможности его дальнейшего устойчивого роста.

Анализ товарной структуры торгового обмена между двумя странами показывает, что за 10 лет произошли вполне определенные изменения, особенно в последние годы, когда она приобрела достаточную устойчивость. Но, к сожалению, экспорт продолжает опираться на весьма ограниченный перечень товаров. Основу российского вывоза в Израиль в течение всего десятилетия активного торгового взаимодействия составляют необработанные алмазы. По данным таможенной статистики внешней торговли РФ, экспорт в Израиль драгоценных камней и металлов в 1994 г. составил 371,4 млн. долл. (87,5% всего экспорта), в 1995 г. – 515,6 млн. (82,5%), в 1996 г. – 467,7 млн. (82,8%), в 1997 г. – 253,8 млн. (59,5%) и в 1998 г. – 302,7 млн. (62,2%). В последовавшие годы статистика прекратила публикацию данных по этой статье. Совершенно очевидно, однако, что алмазы остались главным товаром экспорта России, (по данным израильской статистики, импорт из России этой группы товаров, в основном алмазов в 2000 г. составил 281,7 млн., а в 2001 г. – 324,2 млн. долл.).

С 1997 г., по данным ГТК РФ, в качестве важнейших статей вывоза к алмазам прибавились нефть и нефтепродукты, на долю которых в последние три года пришлось 29% экспорта.

В 2001 г. поставки нефти составили 1375 тыс. т, а в 2002 г. достигли 1650 тыс. т. Нефтепродуктов (в основном мазута) продано соответственно 355 тыс. т и 129 тыс. т.

Таблица 2

Товарная структура экспорта России в Израиль

	1995 г.		2000 г.		2001 г.		2002 г.	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Экспорт, всего	624363	100,0	1045019	100,0	945246	100,0	1095187	100,0
Продтовары и с/х сырье	12949	2,1	31856	3,0	33487	3,5	48179	4,4
Хлебные злаки	6773	1,1	20566	2,0	23614	2,5	35654	3,3
Готовые продукты из мяса и рыбы	35	0	2139	0,2	1966	0,2	1718	0,2
Алкогольные и безалкогольные напитки	1446	0,2	632	0,1	1366	0,1	5918	0,5
Минеральные продукты	1	0	337244	32,3	258301	27,3	309312	28,2
Соль, сера, камень, известняк	1	0	1568	0,2	2415	0,2	3500	0,3
Топливо минеральное	-	-	335676	32,1	255886	27,1	305812	27,9
Продукты химической промышленности	12121	1,9	4967	0,5	6283	0,7	2820	0,3
Продукты неорганической химии	9072	1,5	2342	0,2	3302	0,3	602	0,1
Удобрения	-	-	999	0,1	1689	0,2	1089	0,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	15067	2,4	14962	1,4	18451	2,0	21597	2,0
Древесина и изделия из нее	7760	12	5496	0,5	3782	0,4	4582	0,4
Бумага и картон	6692	1,1	7270	0,7	12491	1,3	11924	1,1
Книги, газеты и др. полиграфические изделия	615	0,1	1743	0,2	2176	0,2	5091	0,5
Текстиль	-	-	13	0	63	0	187	0
Драгоценные камни	515590	82,5						
Металлы и метизы	54656	8,8	57696	5,5	57620	6,1	70859	6,5
Черные металлы	44400	7,1	42746	4,0	42767	4,5	42578	3,9
Изделия из черных металлов	2966	0,5	5106	0,5	3653	0,4	4204	0,4
Алюминий	106	0	8763	0,8	9455	1,0	18819	1,7
Прочие недрагоценные металлы	2	0	1020	0,1	1677	0,2	5024	0,5
Машины, оборудование, транспортные средства	12788	2,0	6266	0,6	4983	0,5	3367	0,3
Механическое оборудование	2612	0,4	1147	0,1	1098	0,1	729	0
Электротехническое оборудование	954	02	2007	0,2	2163	0,2	1653	0,2
Инструменты и аппараты	1186	02	3093	0,3	1662	0,2	878	0,1

Источник: ПК РФ.

Сравнительно видное место сохраняют черные и цветные металлы и изделия из них (за те же 2000–2002 гг. – 6%) и в меньшей мере –

продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (3,7%) и, прежде всего, ячмень и пшеница (2,6%), а также водка. Удельный вес каждой из остальных групп товаров не превышает 2%, в том числе древесины и целлюлозно-бумажных изделий – 1,8%, химической продукции – около 0,5% и, наконец, машин, оборудования и средств транспорта – менее 0,5%.

Приведенные данные свидетельствуют о ярко выраженном сырьевом характере экспорта России. Ожидаемое в 2004 г. падение мировых цен на нефть и алмазы немедленно отразится на стоимости российского вывоза, ибо значительного увеличения его физического объема не ожидают.

Товарная структура импорта России из Израиля также претерпела изменения, отразившие расширяющиеся возможности израильской экономики.

Таблица 3

Товарная структура импорта России из Израиля

	1995 г.		2000 г.		2001 г.		2002 г.	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Импорт, всего	242655	100,0	109214	100,0	131328	100,0	159031	100,0
Продтовары и с/х сырье	62587	25,8	5815	7,8	14183	10,8	23433	14,7
Цветы	1545	0,6	173	0,2	1158	0,9	4591	2,9
Цитрусовые	17999	7,4	1538	1,4	3728	2,8	3858	2,4
Овощные продукты	2686	0,7	2134	2,0	2768	2,1	5287	3,3
Разные пищевые продукты	16960	7,0	3138	2,9	4155	3,2	6997	4,4
Минеральные продукты	1841	0,8	3657	3,3	4925	3,8	3735	2,3
Соль, сера, камень, известняк	1741	0,7	3651	3,3	4873	3,7	3720	2,3
Продукты химической промышленности	18394	7,5	26509	24,3	33571	25,6	38142	24,0
Органические химические соединения	425	0,2	4005	3,7	2876	2,2	1334	0,8
Фармацевтическая продукция	8397	3,4	8343	7,6	13940	10,6	9392	5,9
Парфюмерия и косметика	1154	0,5	744	0,7	1261	1,0	2107	1,3
Прочие химические продукты	2393	1,0	8576	7,9	8063	6,1	8643	5,4
Пластмассы	4409	1,8	3955	3,6	6515	5,0	8641	5,4
Древесина и целлюлозно-бумаж-ные изделия	9251	3,8	5266	4,8	2555	1,9	2401	1,5
Бумага и картон	8786	3,6	4915	4,5	2442	1,8	2302	1,4
Текстиль	946	0,4	753	0,7	440	0,3	555	0,3
Металлы и метизы	3351	1,4	1884	1,7	2646	2,0	2404	1,5
Изделия из черных металлов	415	02	655	0,6	1020	0,8	551	0,3
Инструменты	303	0,1	709	0,6	1034	0,8	1031	0,6
Машины, оборудование, транспортные средства	57119	23,5	61349	56,2	71113	54,1	86695	54,5
Механическое оборудование	21898	9,0	11010	10,1	12727	9,7	11684	7,3
Электротехническое оборудование	15784	6,5	41806	38,3	49041	37,3	61818	38,9
Инструменты и аппараты	18963	7,8	8533	7,8	9345	7,1	13193	8,3

Источник: ГТК РФ.

Если в начале 90-х годов закупались в основном продовольственные товары и прежде всего цитрусовые, то ныне главной статьей российского импорта выступают машины и оборудование (за 2000–2001 гг. – 54,8%) и, в первую очередь, – электротехническое оборудование (38,2%), за которыми следуют продукция химической промышленности (24,5%) и, прежде всего, лекарственные средства и другие фармацевтические товары (7,9%) и пластмассы (4,8%). Важную роль сохранили продовольственные товары (9,0%). Однако наряду с цитрусовыми (2,3%) существенное место в импорте заняли овощные продукты (2,6%), а в 2002 г. и цветы, закупки которых выросли в 4 раза.

Прогрессивный характер товарной структуры импорта несколько умаляется в целом небольшими стоимостными объемами закупок. В этом, как и в номенклатуре ввозимых машин и оборудования, отражается и недостаточное, по сравнению с первоначальными наметками, развитие научно-технического сотрудничества.

Следует также обратить внимание на крайне ограниченный торговый обмен продукцией легкой промышленности. Текстиль, обувь, кожевенные изделия занимают незначительное место как в экспорте, так и в импорте.

Для завершения картины состояния торговых связей между двумя странами целесообразно привести показатели внешнеторговой статистики Израиля.

Таблица 4

Общие итоги торговли Израиля с Россией

(млн. долл.)

Годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Оборот	471	443	415	411	408	619	678	1143
Экспорт	256	261	256	185	106	146	171	157
Импорт	215	182	159	226	302	473	507	986
Сальдо	41	79	97	-41	-196	-327	-165	-829

Источник: The Israeli Economy at a Glance 2001. Direction of Trade statistics Yearbook 2002.

Уже первое сравнение с подсчетами ГТК РФ выявляет чрезмерно большие различия между российскими данными по экспорту в Израиль и израильскими данными по импорту из России. Первые вплоть до 2001 г. из года в год превышали вторые в 1,8–3,1 раза и в целом за 1995–2001 гг. оказались на 2585 млн. долл., или в 2,3 раза больше. Правда, в 2002 г. превышение сократилось до 11%, но все же осталось необычным для принятой практики.

Обычно расхождения между показателями стран-партнеров объясняют различиями данных по экспорту на условиях ФОБ и импорту на условиях СИФ. В международных статистических организациях принято

считать, что за счет расходов по страхованию и фрахту стоимость товаров СИФ в среднем больше стоимости товаров ФОБ на 10%. Иногда эта разница достигает 20%. Но в данном случае выявляется обратная ситуация, когда экспорт существенно превышает импорт. Различия показателей, подчас, возникают из-за разрыва в сроках отгрузки и поступления товаров. Однако, при сравнении данных за несколько лет они нивелируются. Наконец, важную роль играют существующие в таможенной службе отдельных государств серьезные несовпадения в определении и регистрации страны происхождения и страны назначения товара.

Сравнение статистических данных обеих стран по торговле товарами выявляет тот факт, что израильские службы не регистрируют если не все, то большую часть российских поставок нефти и нефтепродуктов. Так, по данным ГТК РФ, стоимость их экспорта в 2000 г. превысила 335 млн. долл., а по израильским сведениям, импорт всех видов минеральных продуктов составил лишь 14 млн. долл. Это объясняется тем, что нефть и нефтепродукты израильские компании покупают в России через посредников из третьих стран. Заметные несоответствия имеются и по другим статьям российского вывоза.

Расхождения между показателями по импорту России и экспорту Израиля менее разительны, но тоже противоречат сложившейся практике. За те же 1995–2001 гг., по сведениям ГТК РФ, ввоз составил 1155 млн. долл., а по данным внешнеторговой статистики Израиля, экспорт в Россию достиг 1381 млн. долл.

Таблица 5

Товарная структура экспорта Израиля в Россию

	2000 г.		2001 г.	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Экспорт, всего	145659	100,0	169189	100,0
Животные продукты	458	0,3	843	0,5
Растительные продукты	6253	4,3	10562	6,2
Готовые пищевые продукты	7661	5,3	11459	6,8
Химические продукты	22472	15,4	28488	6,8
Резина, пластмассы	8573	5,9	14779	8,7
Бумага и картон	6482	4,4	2881	1,7
Текстиль	3382	2,3	3751	2,2
Драгоценные камни и металлы	11574	7,9	10204	6,0
Металлы	5901	4,1	5057	3,0
Машины и оборудование	61572	42,3	70170	41,5
Средства транспорта	2179	1,5	4872	2,9
Оптическая, медицинская и другая аппаратура	8059	5,5	5282	3,1

Источник: The Israeli Economy at a Glance 2001 г.

В связи с изложенным, торговый оборот между двумя странами по израильским сведениям за 1995–2001 гг. оказывается на 2359 млн. долл. меньше, а отрицательное сальдо для Израиля торгового баланса – на 2982 млн. долл. ниже, чем по данным российской таможенной статистики. К сказанному можно добавить, что в 2002 г. статистические данные обеих стран сблизились, хотя и не стали адекватными.

Товарная структура торговли, приводимая израильской статистикой, отличаясь и по абсолютным и по относительным показателям от российской статистики, в целом, подтверждает сырьевой характер импорта из России и главенствующую роль алмазов и промышленный характер экспорта, в котором ведущее место занимают машины и оборудование. За 2000–2001 гг. на их долю пришлось свыше 48% стоимости вывоза. Еще 24% составил экспорт продукции химической промышленности и 7% – драгоценных камней и металлов в основном, видимо, бриллиантов.

В импорте за те же два года удельный вес драгоценных камней и металлов, а фактически необработанных алмазов составил 65%, черных и цветных металлов – 19,7%, а машин, оборудования, средств транспорта и различной аппаратуры – лишь 1,9%,

Таблица 6

Товарная структура импорта Израиля из России

	2000 г.		2001 г.	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Импорт, всего	449724	100,0	480250	100,0
Животные продукты	667	0,1	960	0,2
Растительные продукты	12933	2,9	11422	2,4
Животные и растительные жиры и масла	141	0	224	0
Готовые пищевые продукты	4059	0,9	5968	1,2
Минеральные продукты	14312	3,2	16449	3,4
Химические продукты	7716	1,7	12247	2,5
Резина, пластмассы	682	0,1	1005	0,2
Древесина и изделия из нее	8463	1,9	7604	1,6
Бумага и картон	5575	1,2	9912	2,1
Текстиль	549	0,1	286	0,1
Драгоценные камни и металлы	281680	62,3	324202	67,5
Металлы	103486	23,0	79591	16,6
Машины и оборудование	5636	1,3	7124	1,5
Средства транспорта	315	0,1	188	0
Оптическая, медицинская и другая аппаратура	2403	0,5	2165	0,5

На долю минеральных продуктов пришлось всего 3,3%, но эта статья, видимо, включает лишь малую толику закупаемой нефти и нефтепродуктов, либо по невыясненным нами причинам не включает их вообще.

В ближайшем будущем вряд ли можно ожидать существенного изменения товарной структуры торгового обмена между двумя странами, а это будет сдерживать увеличение стоимостных объемов торговли.

Для более полной реализации объективно существующих обширных возможностей развития взаимовыгодных торгово-экономических связей партнерам предстоит найти новые перспективные направления удовлетворения потребностей сторон, прежде всего, в области новых технологий, научно-технического и военно-технического сотрудничества, взаимных капиталовложений и создания совместных предприятий в производственной сфере. Совершенно очевидно, что ровные, насыщенные полноценным и разносторонним содержанием отношения находятся в поле стратегических интересов как России, так и Израиля.

А.А.Трофимов

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

До сих пор администрация Дж.Буша четко не определилась какой тип политики выбрать по отношению к Ирану, что стимулирует определенные силы оказывать влияние на выработку данного курса. Позиция американских неоконсерваторов, сводящаяся к оказанию дипломатического давления на иранский режим с целью склонить его к демократическим переменам, по мнению некоторых наблюдателей, пока одерживает верх в администрации Буша.

В то же время «существует некий договор между ястребами в администрации, еврейскими группами и сторонниками Р.Пехлеви (сына последнего иранского шаха)», – отмечает П.Даяним, президент ирано-еврейского общественного комитета в Лос-Анджелесе. «В США формируется коалиция из ястребов-консерваторов, еврейских лоббистских организаций и иранских монархистов, понуждающая Белый Дом к ликвидации нынешнего режима в Иране»[1].

Формирующийся альянс вызывает иракские аналогии с отводимой Р.Пехлеви роли, подобной А.Чалаби – лидеру Иракского национального конгресса, фавориту американских консерваторов. У Пехлеви сложились неплохие отношения с некоторыми еврейскими лоббистскими организациями, он также за последние два года встречался с израильскими политиками: премьер-министром Шароном, Б.Нетаньяху, президентом М.Кацавом.

Как отмечает ряд наблюдателей, между Госдепом и министерством обороны США идут жесткие дебаты о характере политики по отношению к Ирану. Пентагон по традиции выступает за более жесткий подход к Тегерану. Ему оппонирует Госдеп. В целом, администрация Буша заинтересована в изменении режима в Иране, но речь идет лишь о деталях, т.е. выработке конкретных механизмов по смене неугодного режима.

В частности, одним из наиболее непримиримых и известных «ястребов» является У.Кристол, редактор республиканского журнала Weekly Standard, ратующий в своих статьях за более агрессивную политику в отношении Тегерана.

Как говорит Г.Сик, директор Ближневосточного института Колумбийского университета, «некоторые люди в Пентагоне пришли к вы-

[1] Forward, 16.05.03.

воду, что реформисты (в Иране) всего лишь муллы с улыбающимися лицами, поэтому единственным путем является смена режима».

Американским сенатором от партии республиканцев С.Браунбэком подготовлен законопроект («Акт о демократии в Иране») о выделении 50 млн. долл. иранским оппозиционным СМИ, базирующимся в Лос-Анджелесе, преимущественно промонархически настроенным, а также правозащитникам и демократическим группам.

Одним из влиятельных покровителей Пехлеви выступает бывший сотрудник администрации Рейгана М.Лидин – член республиканского American Enterprise Institute. В своих многочисленных статьях он пишет о том, что «режим мулл» – на грани краха и поэтому для Вашингтона пришло время подтолкнуть его к краю. Он совместно с бывшим главой ЦРУ Дж.Вулси, Ф.Гафни, бывшим сенатором П.Симоном и нефтяным консультантом Р.Собхани, образовал группу, названную «Коалицией за демократию в Иране».

Некоторые из членов этот группы впоследствии приняли участие в организованной American Enterprise Institute 6 мая 2003 г. конференции «За будущее Ирана», выступая на которой М.Лидин заявил, что внешняя помощь Ирану должна заключаться в стимулировании революционных перемен в этой стране. Напрямую к военной операции он не призывал, но некоторые суждения докладчика свидетельствовали о том, что силовая операция может быть вполне уместной.

Новый взгляд на стратегию национальной обороны Ирана

Специалист по вопросам оборонной политики и безопасности, сотрудник Центра перспективных исследований А.Эфтехари в интервью агентству «Мехр»[2] заявил, что целый ряд факторов делает очевидной необходимость внесения изменений в оборонную стратегию Ирана. К числу этих факторов, в первую очередь, следует отнести присутствие американских войск в регионе, определенную пассивность региональных субъектов, укрепление позиций Израиля, причисление Ирана к странам «оси зла», а также получение доступа к ядерному оружию Пакистаном и Индией.

По словам А.Эфтехари, стратегия любого политического субъекта находится под влиянием многочисленных факторов, каждый из которых может быть отнесен к одной из четырех основных категорий, и эти категории определяются ситуацией в регионе и на международной арене, целями и интересами названного субъекта, его возможностями и, наконец, угрозами, которые нацелены против него. Вслед за масштабными событиями в мире и регионе для Ирана претерпели изменения факторы, относящиеся, по крайней мере, к двум из перечисленных четырех категорий.

[2] Forward, 30.07.03.

Исходя из этого, стратегия Ирана включает такие элементы, как повышение обороноспособности в целях сдерживания противника (с соблюдением принципа отказа от ядерного оружия); повышение уровня безопасности для всех политических субъектов одновременно с принятием ими обязательств проводить политику освобождения региона от оружия массового поражения; мобилизации людских ресурсов; улучшения технического оснащения и совершенствования руководства с целью отражения любой угрозы, направленной против страны. При проведении такой стратегии прилагаются усилия к тому, чтобы соблюдались два основных принципа: повышение боеготовности в условиях применения обычных видов вооружений и отказ от использования оружия массового поражения. Однако, при повышении военной мощи страны с использованием обычных видов вооружений Иран не стремится лишь к нескончаемым закупкам вооружения и военной техники с тем, чтобы не давать своим оппонентам в лице Вашингтона и Тель-Авива повода для нападок.

Наилучшей сферой деятельности в этой связи для повышения уровня безопасности можно считать развитие высоких технологий и создание ракетного потенциала. Сегодня именно эти проблемы стоят на повестке дня. Принципиально новым моментом в реформировании военно-промышленного комплекса ИРИ стала ориентация на приоритетное развитие лицензионного производства технологически сложных образцов вооружений. При этом основной упор делается на получение новых технологий, налаживание полномасштабного производства современных систем вооружений и снижение зависимости страны от поставок готового оружия из-за рубежа.

В настоящее время вполне очевидно, что Иран оказался в сложной и парадоксальной ситуации, с точки зрения обеспечения своей безопасности. В качестве политического субъекта, который исполняет одну из стратегически важных ролей, по крайней мере, в регионе, Иран нуждается в укреплении своего военного потенциала пропорционально росту напряженности вокруг ИРИ. В то же время нестабильная обстановка в регионе, которая провоцируется Соединенными Штатами Америки и их союзниками в регионе, становится препятствием, не позволяющим Ирану двигаться в этом направлении.

Иран, исходя из определения национальных интересов, озабоченный исходящими извне угрозами, в условиях наличия таких соседей, как Индия и Пакистан, и, что серьезнее любых угроз, таких противников, как США (на Ближнем Востоке, в Афганистане, Ираке и Центральной Азии) и Израиль, должен иметь такие вооруженные силы и степень их боевой готовности, которые дают возможность противодействия агрессору в условиях применения против Ирана ядерного оружия. Однако в настоящее время это невозможно, принимая во внимание обострение напряженность и, особенно, учетывая озабо-

ченность региональных субъектов по поводу того, какой будет оборонная стратегия Ирана.

По некоторым оценкам, то, что происходит сегодня в иранском военно-промышленном комплексе, – это минимум возможного для укрепления стратегического положения страны на региональном уровне. Предпринимаемые шаги позволяют лишь проводить политику сдерживания[3].

Вполне логично отметить, что нынешняя стратегия национальной обороны ИРИ наилучшим образом соответствует сложившейся обстановке. С этой точки зрения, она не вызывает никаких опасений. Кроме того, страна не оказалась втянутой в бесконечную гонку вооружений. Это способствует укреплению стратегического положения Ирана, и он имеет относительное превосходство в тех сферах, в которых им предпринимаются практические шаги. Наконец, проводимая Ираном политика требует значительно меньших расходов по сравнению с другими предлагаемыми вариантами и в большей степени соответствует требованиям целесообразности.

По поводу слабых сторон иранской стратегии можно отметить, что она не в полной мере отвечает потребностям страны. Ее курсом приходится следовать только ради того, чтобы у страны оставался в распоряжении оптимальный выход из создавшегося положения. К сожалению, в регионе нарушен баланс сил.

В этом отношении Иран еще далек от того, чтобы занять подобающее ему место. Именно поэтому Тегеран стремится предпринимать активные действия в области внешней политики, стремясь компенсировать те ролевые потери, которые ему приходится нести.

В настоящее время актуальность решения задачи обусловлена особым статусом Ирана на международной арене, продолжающимся жестким нажимом на него со стороны США и Израиля, вплоть до угрозы силового вмешательства во внутренние дела государства, а также наличием кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов непосредственно у иранских границ. В этих условиях вопросы боеготовности вооруженных сил и развития национального военно-промышленного комплекса рассматривается руководством республики в качестве одной из приоритетных задач, успешное решение которой должно позволить Ирану в дальнейшем обеспечивать высокую степень боеготовности и технической оснащенности национальных вооруженных сил.

Затрагивая вопрос о развязанной американским и израильским руководством кампании в связи с иранскими программами в области во-

[3] До победы исламской революции 1979 г. ВС Ирана были ориентированы на приобретение основных видов ВВТ западного производства, отдавая при этом предпочтение американским образцам. В послереволюционный период сложившиеся военно-технические связи были нарушены, что потребовало переориентации на других поставщиков ВВТ, с одной стороны, и ускоренного развития собственной оборонной промышленности, с другой.

оружений, необходимо отметить, что Израиль, пользуясь зарубежной поддержкой, в первую очередь, американской, изменил расстановку сил в регионе, с точки зрения наступательного и оборонительного потенциалов, в свою пользу, и он ни под каким видом не хочет, чтобы ситуация менялась. Некоторые достижения Ирана в военной сфере (частично представленные на военном параде в Тегеране 22 сентября 2003 г.) расцениваются как шаги, направленные на достижение количественного и качественного паритета в ближневосточном регионе, а это в принципе не может быть приемлемым для США и Израиля.

Официальный Тель-Авив нарочито преувеличивает значимость стратегических целей Ирана и тем самым стремится вызвать у государств региона, прежде всего арабских, опасения за свою безопасность. Успех Израиля в этом деле будет означать ослабление политических позиций Ирана в регионе, а именно такую цель израильтяне всегда ставили перед собой.

Администрация Буша в качестве предлога для антииранской политики использует проблемы ядерного оружия, терроризма и фундаментализма, а израильтяне поднимают более частные вопросы, например, такие, как рост ракетного потенциала Ирана. Исходя из этого, пропагандистскую кампанию Израиля следует рассматривать как усилия, направленные на развязывание психологической войны, с помощью которой можно было бы придать ирано-американскому противостоянию более острый характер.

Вполне очевидно, что, в любом случае, США и Израиль (через Россию и Китай) стремятся к тому, чтобы либо заставить Иран отказаться от проводимой им стратегии национальной обороны (а навязанная политическая пассивность будет способствовать ослаблению военного потенциала Исламской Республики Иран), либо сделать иранскую стратегию причиной кризиса, который приведет к ухудшению отношений Ирана с соседними странами и обострит противостояние между Америкой и Ираном.

* * *

Государственное, политическое, религиозное и военное руководство Ирана уделяет постоянное внимание вопросам обеспечения национальной безопасности путем развития и совершенствования вооруженных сил, а также повышения их боевой мощи и технической оснащенности. Наиболее серьезные преобразования в сфере военного производства прошли в 90-е годы, что было во многом продиктовано необходимостью восстановления боевой мощи вооруженных сил страны после завершения ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В течение последних десяти лет в Иране была проведена структурная реорганизация системы военного производства, свернут выпуск некоторых устаревших видов вооруженной и военной техники (ВВТ).

Кроме того, максимальное использование внутренних резервов военного производства позволит существенно сократить расходование валютных средств на закупку ВВТ у иностранных партнеров, что немаловажно в условиях сложного экономического положения ИРИ.

Реализация программ строительства ВС ИРИ, в том числе оснащение их современными образцами ВВТ, осуществлялась на основании планов экономического и социального развития страны. Кроме того, начиная с 1997 г., ведется работа по конкретизации концептуальных планов строительства ВС ИРИ на среднесрочную (5 лет) и долгосрочную (до 25 лет) перспективу в рамках общегосударственной программы «Иран-1400» (1400-й год по иранскому летоисчислению соответствует 2021 г.).

В последнее время в Иране был достигнут определенный прогресс в реализации следующих крупномасштабных программ:

– создание баллистической ракеты средней дальности, а также крылатых ракет в рамках проекта «Шехаб»;

– освоение лицензионного производства в Иране танков Т-72С, боевых машин пехоты БМП-2 и боеприпасов к ним, а также, на базе моделей российского происхождения, танков и БМП национальной разработки («Зольфакар», «Кобра» и «Борах»);

– освоение сборочного производства в Иране самолетов украинского КБ им. Антонова ИрАн-140 (ИрАн-142);

– строительство серии эсминцев (3 единицы), фрегатов (3 единицы) и сверхмалых подводных лодок (типа «Ас-Сабехат»-15) на судоверфи в г.Бендер-Аббасе.

В целях реализации намеченных программ производства ВВТ в Иране создана и функционирует система государственных и ведомственных органов и структур, вовлеченных в процесс в той или иной степени на различных его стадиях – от этапа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) до серийного выпуска. Главным координирующим органом, осуществляющим подготовку и представление в правительство согласованных предложений по основным направлениям развития военной промышленности, а также по отдельным, наиболее значимым программам, является Комиссия по научно-техническим исследованиям при президенте ИРИ.

Практическая реализация правительственных решений, валютно-финансовое обеспечение и назначение конкретного подрядчика входит в компетенцию министерства обороны и поддержки вооруженных сил (МОПВС). Кроме того, на этом же уровне происходит необходимое согласование с Планово-бюджетной организацией, министерством экономики и финансов, Центральным банком Ирана и другими организациями и ведомствами.

Собственно задача организации производства конкретных образцов или систем вооружений возложена на исполнительные структуры, которые схематично представлены в приложении 1.

Наиболее мощной и эффективно действующей структурой среди субъектов, осуществляющих производство военной продукции, является Организация оборонной промышленности (ООП), подчиняющаяся МОПВС ИРИ. Это ведомство, в свою очередь, имеет ряд промышленных групп (ПГ) и компаний, специализирующихся на производстве определенной номенклатуры военного имущества.

Министр обороны и поддержки ВС ИРИ вице-адмирал А.Шамхани в одном из своих докладов по результатам работы подчиненного ему ведомства выделил следующие приоритетные направления работы министерства:

– продолжение работ в рамках долгосрочной программы «Шехаб», в частности, по доработке баллистической ракеты «Шехаб-4» и дальнейшей разработки крылатой ракеты «Шехаб»-5;

– создание в Иране современной комплексной системы ПВО страны на базе зенитно-ракетных систем (ЗРС) российского производства типа С-ЗООПМУ-2 и Тор-МГ;

– создание новых производственных мощностей по разработке различных типов головных частей и боеголовок оперативно-тактических и тактических ракет на предприятии «Парчин-6»;

– приобретение и модернизация боевых и военно-транспортных вертолетов (на Улан-Удинском вертолетном заводе приобретена первая партия многоцелевых вертолетов Ми-8 (Ми-17) в целях создания соединений армейской авиации в структуре КСИР);

– проведение на собственной базе капитального ремонта боевых самолетов российского производства типа МиГ-29 и Су-24;

– освоение серийного производства орудийных стволов, в т.ч. калибра 122, 125, 155 мм;

– создание новых линий по выпуску оптики для бронетанковой техники;

– модернизация и освоение различных видов ремонта ВВТ.

С целью координации работ в области ракетных технологий указом Рахбара (руководителя ИРИ) в МОПВС была создана принципиально новая структура – Организация аэрокосмической промышленности (ОАКП). В марте 2003 г. после утверждения парламентом ИРИ предложенного МОПВС соответствующего законопроекта, она получила юридический статус.

В настоящее время ОАКП является одним из важнейших подразделений военно-промышленного комплекса Ирана.

По замыслу иранского руководства, она должна объединить все государственные институты и научно-промышленные предприятия, занятые разработкой и производством ракетного оружия, а также способствовать реализации иранской программы по разработке и запуску иранского низкоорбитального спутника.

Организация управляется советом директоров, во главе которого стоит председатель – исполнительный директор ОАКП.

Структурно научно-промышленные предприятия, входящие в ОАКП по решаемым задачам, сведены в группы: противотанковых средств, средств ПВО, морских и противокорабельных систем, тактических и оперативно-тактических ракет, спутниковых средств, телеметрии и радиолокации, высокоточного машиностроения.

Организация объединяет свыше четырех десятков компаний и промышленных групп. К числу ведущих компаний относятся:

– промышленная группа «Шахид Хеммат» (производство оперативно-тактических ракет типа «Шехаб-3» и «Шехаб-4» и тактических ракет типа «Зельзал» и «Назиат»);

– институт оборонных систем (разработка систем телеметрии оперативно-тактических (ОТР) и тактических ракет (ТР);

– промышленная группа высокоточного машиностроения (производство гироскопов и другого ракетного оборудования);

– компания «Пардис»;

– промышленная группа «Шахид Багери» (производство всех типов пусковых установок реактивных систем залпового огня (РСЗО), все виды ремонта зенитной ракетной системы (ЗРС) С-200 «Вега») и С-300;

– промышленная группа «Шахид Бабаи» (уполномочена с марта 2001 г. проводить технические и контрактные переговоры, обсуждать вопросы покупки и передачи технологий по созданию в смешанной системы ПВО страны и включению в нее ЗРС «Тор-МГ и ЗРС С-300);

– промышленная группа «Шахид Шахабади» (производство ПТУР «РААД» модифицированные и усовершенствованные советские противотанковые ракетные комплексы типа «Малютка»);

– промышленная группа «Шахид Шафизаде» (производство ПТУР «Тоусан-1» и «Саик-1» собственной разработки);

– промышленная группа «Я-Мехди» (производство танковых управляемых снарядов российского производства «Январь», ПТУР «ТОФАН» (аналог американского ПТРК «ТОУ» и «ТОУ-2»), «Дракон»);

– промышленная группа «Парчин-6» (производство порохов для твердотопливных ракетных двигателей и головных частей ракет).

К числу основных своих достижений на данном направлении иранцы относят создание и постановку на боевое дежурство ракетного комплекса средней дальности «Шехаб-3» с дальностью пуска баллистической ракеты до 1,3 тыс. км.

В настоящее время разработчики и специалисты проекта «Шехаб-4» устраняют недостатки этой системы, выявленные в ходе предыдущих испытаний, и доводят ТТХ ракеты до проектных параметров. По данным иранских средств массовой информации, очередное испытание «Шехаб-4» может быть проведено в ближайшее время, поскольку к этому сроку возрастают шансы успешного завершения ее модернизации. На базе мощностей ОАКП была смонтирована аэродинамическая труба с использованием как отечественных, так и им-

портных комплектующих, закупленных в Италии. Большим достижением Ирана является также пуск нового Центра дистанционного зондирования (ЦДЗ) в г.Иезде. Этот центр обеспечит иранский генеральный штаб точными топографическими, метео- и другими материалами и информацией.

Из всего перечисленного следует, что концентрация усилий различных организаций по ракетным разработкам в рамках единой структуры позволит Ирану в сжатые сроки добиться определенного технического прорыва и превратиться в обладателя современных систем ракетного оружия.

Помимо этого, иранское руководство проявляет особый интерес к разработке и реализации проектов по освоению космического пространства, рассматривая эту отрасль, в качестве ключевого звена для укрепления международного и регионального авторитета страны. С этой целью в Иране сформирована принципиально новая концепция развития национальных аэрокосмических программ. Суть ее заключается в следующем: поступательно совершенствуя аэрокосмические проекты, иранцы основной приоритет отдают наращиванию ракетного потенциала с максимальным повышением боевых возможностей ракет.

Для реализации новой доктрины руководство ИРИ планирует привлечь весь национальный научно-технический и производственный потенциал, включая государственные и частные организации, не отказываясь при этом от участия в указанных проектах иностранных государств.

Развитию аэрокосмических программ и, особенно, их ракетного компонента отдается полный приоритет в финансировании, которое будет осуществляться за счет доходов от продажи нефти.

Являясь сравнительно новым подразделением военно-промышленного комплекса страны, организация смогла собрать вокруг себя все передовые предприятия и институты, работающие в области электроники, инженерии, материаловедения, взрывчатых веществ и порохов.

Продолжают успешно функционировать некоторые другие подразделения МОПВС. По линии Организации авиационной промышленности ВС ИРИ, а также компании «Авиационная промышленность Ирана» осваиваются технологии технической эксплуатации и ремонта авиационной техники.

В последние годы с особой остротой обозначилась проблема обслуживания и ремонта техники иностранного производства: российских боевых самолетов МиГ-29, Су-24МК, перелетевших из Ирака Ил-76, Су-22 и Су-25, украинских Ан-74, китайских F-6 и F-7, американских F-4, F-5, F-14.

Основным направлением деятельности компании «Авиастроительная промышленность Ирана» стало, как отмечалось, освоение сборочного производства в г.Исфагане пассажирского самолета

ИрАн-140 (Украина), а также его модификации для ВС ИРЙ ИрАн-142 в транспортном и медицинском варианте. Самолет успешно прошел летно-технические испытания и в конце мая 2003 г. был осуществлен его первый полет на местных авиалиниях. По последним заявлениям руководства компании, планируется собрать около 100 машин данного типа. В целом программа рассчитана на 10–12 лет.

Особое место в структуре оборонной промышленности занимает Организация электронной промышленности (ОЭП), – одно из важнейших подразделений военно-промышленного комплекса Ирана, подчиненное министерству обороны и поддержки вооруженных сил (МОПВС). Она управляется советом директоров, во главе которого стоит председатель – исполнительный директор ОЭП.

В настоящее время ОЭП объединяет свыше двух десятков компаний и промышленных групп. К числу ведущих производственных компаний можно отнести компанию «Электронная промышленность», промышленную группу средств связи, компанию «Производство средств информатизации», промышленную группу «Электронные микроэлементы», промышленную группу «Оптические приборы».

Эти производственные объединения наладили выпуск широкого спектра продукции военного назначения, а именно проводных, радио- и радиорелейных станций для тактического и оперативно-тактического управления соединениями, частями и подразделениями; радиоуправляемых взрывателей, авиационных боеприпасов для постановки пассивных помех средствам ПВО и РЭБ; средств оптической разведки, включая приборы ночного видения, лазерные дальномеры, прицелы к стрелковому оружию.

В рамках государственной программы расширения конверсионного производства ОЭП производит целый ряд наименований гражданской продукции, включая телефонные аппараты, домофоны, электротрансформаторы, бытовые весы, электролампы и др.

В последнее время отмечается более активное участие управлений НИОКР и самообеспечения видов вооруженных сил ИРИ в системе производства ВВТ. Если ранее упомянутые управления и подчиненные им предприятия занимались, в основном, ремонтом и модернизацией различных образцов вооружений, то в настоящее время в развитии концепции ВС ИРИ эти подразделения целенаправленно работают над созданием новых опытных образцов основной номенклатуры специмущества.

По заявлениям руководства ВС ИРИ, на предприятиях этого вида вооруженных сил достигнуты следующие результаты: развернуты работы по проектированию вертолетов армейской авиации; освоено производство более 500 наименований запчастей к бронетанковой технике и 600 наименований запчастей к артиллерийскому вооружению.

Необходимо отметить, что подобные заявления, как правило, носят пропагандистский характер, призваны «выпятить» успехи различных структур военного производства и видов ВС и, на поверку, нередко оказываются лишенными какого-либо технического обоснования и достоверности.

К числу других направлений работы военной промышленности за последнее время можно отнести, как указывалось, продолжающееся строительство на судоверфи в г.Бендер-Аббасе серии из трех эсминцев. Программа рассчитана на пять лет.

Специалистами ВВС создан тренажер для обучения летчиков самолета F-14A-GR, а также аэродинамическая труба для испытаний малоскоростных образцов авиационной и ракетной техники.

Но отсутствие на сегодня в Иране необходимой научно-технической и производственной базы, а также высококлассных специалистов делает маловероятным создание в ближайшие годы принципиально новых, оригинальных образцов ВВТ без иностранной помощи.

Производственная кооперация в рамках военной промышленности ИРИ развита пока недостаточно, что определяется значительной разобщенностью управленческих и иных структур, наличием конкуренции, отсутствием согласованных программ и планов, недостаточным уровнем технической подготовки руководящего звена и т.д.

В качестве одного из немногих положительных примеров на данном направлении можно рассматривать сформированную структуру лицензионного производства танков Т-72G и боевых машин пехоты БМП-2 в рамках ООП. В настоящее время достаточно планомерно (по иранским оценкам) идет создание ряда новых и реконструкция имеющихся предприятий:

– сборочное производство танков Т-72С (г.Доруд);

– сборочное производство танков «Зольфакар» и Т-72Z в Тегеране. Развернуто в качестве резервного варианта на базе производственных мощностей ПГ «Шахид Колахдуз» на западной окраине Тегерана;

– сборочное производство БМП-2 и БМП «Борах» в Тегеране;

– кузнечно-прессовое производство ходовой части Т-72С и БМП-2 в г.Исфагане;

– производство стабилизаторов для Т-72С и БМП-2 по кооперации на предприятиях ПГ «Аль-Кадир» в г.Тегеран и в г.Парчин;

– производство оптико-электронных средств для Т-72С и БМП-2 в г.Исфагане и Ширазе на предприятиях ПГ электронной промышленности.

Военная промышленность Ирана уверенно обеспечивает потребности ВС в артиллерийско-стрелковом вооружении, боеприпасах, средствах проводной и радиосвязи тактического звена, взрывчатых веществ, некоторых типах катеров, средств химической защиты, продукции материально-технического назначения.

Однако на данном этапе состояние экономики Ирана в целом, а также уровень развития ВПК страны не позволяют говорить об обес-

печении ВС необходимыми видами ВВТ исключительно за счет внутреннего производства, освоенных технологий и имеющихся материально-технических ресурсов. В первую очередь, это касается современных высокотехнологичных систем вооружений, которыми в настоящее время хотел бы обладать Иран (баллистические ракеты средней дальности, авиационная и бронетанковая техника, системы ПВО, вооружение ВМС и т.д.).

С учетом поступления дополнительных доходов в бюджет ИРИ, связанных с колебанием мировых цен на нефть и некоторого увеличения ассигнований в рамках военного бюджета, иранцами были пересмотрены планы в области военно-технического сотрудничества (ВТС) в сторону развертывания ряда проектов и перераспределения имеющихся валютных средств на реализацию наиболее приоритетных военных программ. Такими программами являются:

1. Создание в Иране комплексной системы ПВО страны на основе зенитно-ракетных систем (ЗРС) российского производства.

2. Продолжение реализации комплексной ракетной программы «Шехаб».

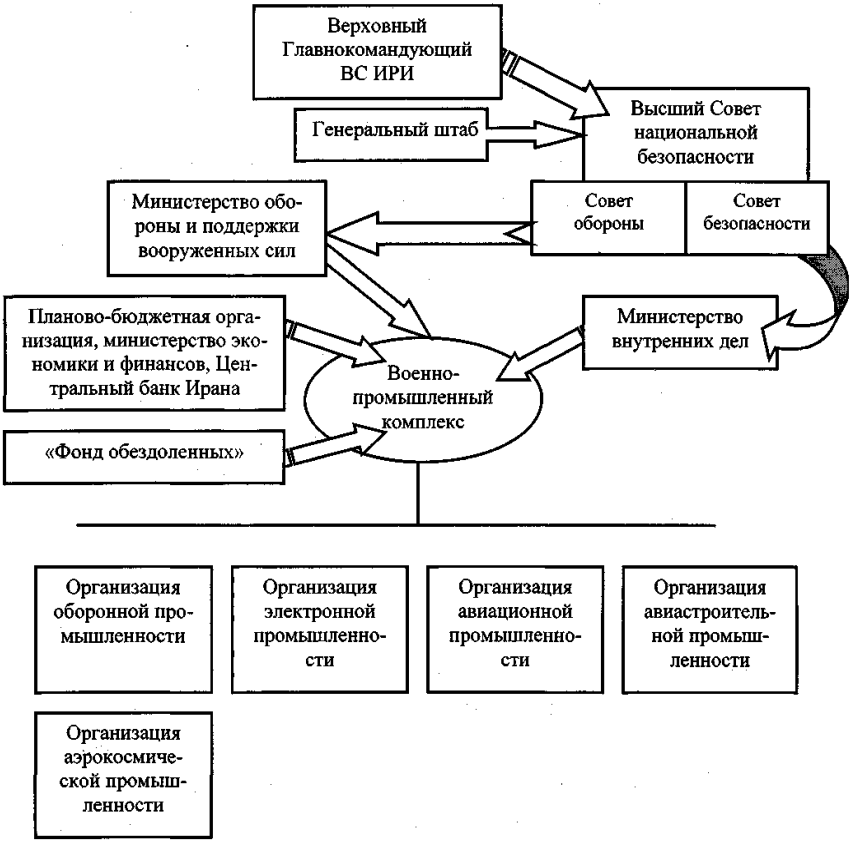
3. Освоение околоземного космического пространства и вывод на орбиту спутника связи.

4. Завершение дооборудования системы береговой обороны и строительства судоремонтного завода в г.Бендер-Аббасе.

5. Приобретение и производство современных образцов ВВТ для всех видов ВС ИРИ.

Приложение 1.

Схема военно-промышленного комплекса ИРИ

В.П.Юрченко

ВОЙСКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

В вооруженных силах, а также в органах безопасности и охраны правопорядка практически всех арабских стран имеются подразделения, части и даже соединения сил специального назначения. И если в составе армий подобные формирования появились еще в 50-е годы прошлого столетия, то в системе правоохранительных органов они стали создаваться значительно позже, а отдельные их структуры продолжают находиться в стадии становления.

Формирования специального назначения правоохранительных структур, как правило, не очень многочисленные, предназначены, главным образом, для проведения операций по предотвращению и пресечению терактов, освобождению заложников, охране видных государственных деятелей, отдельных важных объектов. Кроме того, они привлекаются для борьбы с различного рода бандформированиями, а в отдельных случаях могут быть задействованы в мероприятиях по восстановлению общественного порядка.

Анализ опыта боевого применения арабского войскового спецназа в войнах и вооруженных конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке в Северной Африке, а также его действий в ходе учений показывает, что на формирования спецвойск возлагается выполнение комплекса задач, имеющих целью получение информации о противнике, нанесение внезапных ударов по его войскам и объектам, осуществление подрывных акций различного характера. При этом спецназ может действовать как в тактической (ближней) зоне, так и в глубоком тылу противника, выполняя разведывательные, боевые и диверсионные задачи.

К разведывательным задачам войскового спецназа относятся: добывание информации о группировках войск противника (в первую очередь, бронетанковых, авиационных, воздушно-десантных), позиционных районах ракетных частей и стартовых позициях ракет, местонахождении и возможности применения противником химического и бактериологического оружия (а в случае войны с Израилем – и ядерного), о дислокации пунктов управления и узлов связи, складов вооружения и материальных средств, предприятий по ремонту и производству вооружения и военной техники. Подразделения военно-морского спецназа ведут разведку ВМС противника: корабельных группировок, военно-морских баз (ВМБ), сил береговой обороны.

Боевые задачи заключаются прежде всего в устройстве засад и постановке минных заграждений на путях выдвижения резервов противника, особенно танковых частей, а также в захвате и удержании до подхода главных сил важных участков местности и объектов в тылу противника. Опыт арабо-израильских войск показывает, что в ряде случаев арабское командование использовало спецназ для действий в качестве обычных общевойсковых частей. Порой это было вызвано оперативной необходимостью (срочно прикрыть разрывы в обороне), но в целом ряде случаев – недостаточным знанием специфики применения данного рода войск.

К диверсионным задачам относятся вывод из строя пунктов управления войсками и оружием, уничтожение стартовых позиций и пусковых установок ракет, самолетов, вертолетов, боевых кораблей и вспомогательных судов, источников водоснабжения, нападения на войсковые колонны в тылу противника, вывод из строя средств и линий связи, нападения на склады, вывод из строя важных экономических объектов и т.д.

Арабский спецназ в целом хорошо зарекомендовал себя в боевых условиях, успешно выполняя во многих случаях поставленные командованием задачи, и наносил противнику чувствительный урон. Вместе с тем в мирное время арабский войсковой спецназ зачастую решает задачи не столько по линии военного ведомства, сколько по помощи структурам, связанным с обеспечением безопасности правящих режимов. Части и подразделения спецназа активно привлекаются к борьбе с незаконными вооруженными формированиями, террористическими и бандитскими группами, участвуют в подавлении массовых беспорядков, а также в ликвидации последствий стихийных бедствий и различного рода техногенных катастроф.

Войска специального назначения представляют собой элиту вооруженных сил арабских государств, а их личный состав комплектуется путем тщательного отбора. Основу командных кадров составляют офицеры разведывательных частей и учреждений, прошедшие соответствующую подготовку в своей стране или за рубежом. Рядовые и сержанты спецназа в большинстве случаев набираются из добровольцев на контрактной основе. Одно из основных требований, предъявляемых к военнослужащим войск спецназа, – «чистая» биография и безусловная преданность существующему в стране режиму и его лидеру. Более того, в некоторых государствах эти войска комплектуются только выходцами из определенных племен или религиозных общин. Даже по своему внешнему виду военнослужащие спецназа выгодно отличаются от своих коллег из других родов войск: редко можно встретить арабского коммандос или рейнджера, который имел бы неопрятный внешний вид. Более высок в спецвойсках и уровень воинской дисциплины. Для них характерны такие громкие названия как «Саика» («Молния»), «Магавир» («Бесстрашные») и т.п. Все

вышесказанное в полной, если не в большей, мере относится к формированиям спецназа других силовых структур.

Подразделения арабского спецназа имеют на вооружении личное (ручные гранатометы, в т.ч. противотанковые РПГ, автоматы, автоматические и снайперские винтовки, пистолеты-пулеметы, пистолеты) и групповое оружие (пулеметы, легкие минометы и реактивные установки залпового огня (переносные или смонтированные на легких автомобилях повышенной проходимости), мобильные пусковые установки противотанковых управляемых ракет (ПТУР), безоткатные орудия). Спецназовцы оснащены также разнообразными образцами холодного оружия, приборами ориентирования, подрывными устройствами, различного рода разведывательной аппаратурой, компактными радиостанциями, средствами маскировки и индивидуальной защиты. В некоторых странах спецназ имеет на вооружении боевые машины пехоты, бронетранспортеры и боевые разведывательные машины различных типов. Многие виды оружия и снаряжения сконструированы исключительно для войск спецназа.

В распоряжении спецподразделений имеются различные виды транспортных средств: наземные, воздушные, морские. В частности, войска спецназначения широко применяют разнообразного типа автомобили повышенной проходимости, вертолеты, самолеты военно-транспортной авиации, легкие катера. В случае необходимости могут быть использованы и также традиционные средства передвижения, хорошо приспособленные к местным природно-климатическим условиям, как верблюды, лошади, ослы.

Вооружение, снаряжение и транспортные средства арабского спецназа представлены главным образом современными образцами западного, российского, восточноевропейского и китайского производства. Только Египет (а ранее Ирак) в состоянии выпускать для спецвойск национальных ВС отдельные виды вооружения и военной техники.

В большинстве случаев части и подразделения специального назначения имеют хорошую современную учебно-материальную базу, что способствует качественной подготовке личного состава к выполнению различных задач. В ходе подготовки военнослужащих и подразделений используются (в зависимости от нынешней или прежней внешнеполитической ориентации государства) советские (российские), американские, английские, французские, китайские, северокорейские, а также собственные методики обучения. Важное место отводится идеологической обработке личного состава в духе верности правящему в стране режиму. Повышенное внимание отводится отработке действий в пустынной (горно-пустынной) местности, что связано с природно-климатическими особенностями большинства стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки. При этом, особый упор делается на обучение спецназовцев различным способам выжи-

вания при длительном нахождении в пустыне без связи с внешним миром. Еще одна характерная черта арабского спецназа – в целом более высокий уровень подготовки личного состава по сравнению с обычными армейскими частями и полицейскими формированиями. Как отмечают многие иностранные эксперты, различие в ней просматривается намного ощутимее, чем, например, в вооруженных силах государств НАТО. На сегодня наиболее крупными формированиями войск специального назначения обладают вооруженные силы Сирии, Египта и Иордании.

В целом, в настоящее время в армиях и других силовых структурах многих арабских государств просматривается тенденция к наращиванию боевого и специального потенциала формирований спецназов как за счет оснащения их более современными видами вооружения, специальной техники и снаряжения, так и путем всемерного повышения качества подготовки личного состава.

Алжир. К началу 90-х годов в составе Национальной народной армии (ННА) имелась одна бригада спецназа, которая в 1993 г. была включена в сформированную воздушно-десантную дивизию.

Масштабное противостояние властей с вооруженными группировками радикальной исламской оппозиции, начавшееся в 1992 г., стимулировало дальнейшее развитие сил спецназа как в ННА, так и в других силовых структурах АНДР. В частности, в составе министерства национальной обороны было сформировано специальное подразделение по борьбе с терроризмом, оснащенное вертолетами и легкой бронетехникой.

В 1998 г. в ННА создано еще одно специальное антитеррористическое подразделение «Куксом». Оно насчитывает до 500 человек и укомплектовано военнослужащими-десантниками. Срок обучения спецназовцев – три года. Их подготовка осуществляется в учебных центрах при военных училищах в Шершеле и Бискре. По данным иностранной печати, в создании спецподразделения и подготовке его личного состава участвовали северокорейские специалисты. Подразделение «Куксом» за короткий срок проявило себя весьма результативно. Спецназовцы действуют, как правило, небольшими группами, проникая в горно-лесистую местность, выслеживая бандформирования в непосредственной близости от их баз. Особенно эффективно подразделение действует против мелких групп исламистов.

Кроме войсковых операций, алжирские подразделения спецназа проводят многочисленные специальные мероприятия. Причем наиболее часто устраиваются засады. Одна из главных целей спецопераций – физическое уничтожение «эмиров» (полевых командиров исламских вооруженных формирований).

Собственные подразделения спецназа имеются в составе Национальной жандармерии (отдельная структура вооруженных сил) и Корпусе войск безопасности МВД. Они активно участвуют в борьбе с бандформированиями исламистов.

За долгие годы борьбы с вооруженной исламской оппозицией алжирские спецназовцы провели много успешных операций и приобрели богатый опыт действий как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими родами войск ННА. Алжирский спецназ внес значительный вклад в достижение во второй половине 90-х годов перелома в пользу правительственных сил в борьбе с вооруженной исламской оппозицией. Правительство республики продолжает уделять большое внимание повышению уровня подготовки сил спецназначения, улучшению их технического оснащения. С этой целью за рубежом закупают необходимые образцы вооружения, специальной техники и снаряжения.

Бахрейн. В составе сухопутных войск имеется отдельный батальон спецназначения. Подразделения бахрейнского спецназа отличаются высоким уровнем подготовки, что они наглядно продемонстрировали в ходе участия в операции «Буря в пустыне» по освобождению Кувейта от иракской оккупации в 1991 г. Подразделения специального назначения имеются также в структуре МВД страны.

Джибути. Сухопутные войска республики располагают пограничным полком коммандос (1 тыс. чел.), состоящим из двух батальонов. Полк полностью моторизован. Подразделения местного спецназа имеют неплохой практический опыт ведения операций, приобретенный в ходе почти двадцатилетнего противоборства с вооруженными формированиями оппозиционного Фронта восстановления единства и демократии.

Египет. Первые подразделения воздушно-десантных и специальных войск были созданы в стране в 1953 г. Местный спецназ имеет богатый боевой опыт: он принимал активное участие в трех войнах с Израилем (1956, 1967, 1973 гг.). Наиболее яркая страница его истории – участие в военных действиях в октябре 1973 г. Тогда подразделения египетских коммандос были в числе первых, форсировавших Суэцкий канал и с ходу захвативших израильскую оборонительную «линию Бар Лева». По сообщениям иностранной печати, спецназовцы уже в первую неделю боев, действуя из засад на танкоопасных направлениях и применяя ПТУР «Малютка» и РПГ-7, уничтожили десятки танков противника. Неприятными «сюрпризами» для израильтян стали и скрытно поставленные противником минные заграждения. Подразделения египетского спецназа совершили также насколько успешных операций разведывательно-диверсионного характера в тылу израильских войск на Синайском полуострове.

Но есть в истории спецназа АРЕ и примеры другого рода. Прежде всего, это неудачно проведенные операции по освобождению захваченных террористами пассажирских самолетов (в 1978 г. – на Кипре и в 1985 г. – на Мальте).

Во время кризиса в зоне Персидского залива (1990–1991 гг.) подразделения египетских спецвойск были направлены в Саудовскую Аравию и ОАЭ, однако активного участия в военных действий против Ирака они не принимали.

На протяжении 90-х годов в условиях активной деятельности в стране религиозных экстремистов власти широко использовали армейский спецназ в операциях по ликвидации бандформирований и террористических групп исламистов. Военные также оказали содействие органам МВД в создании его собственных специальных формирований.

В настоящее время в боевом составе сухопутных войск АРЕ имеется группа «коммандос» и группа «спецназ». По своей численности они могут быть приравнены к полкам специального назначения.

Формирования спецвойск являются непременными участниками всех крупных учений египетских вооруженных сил, в ходе которых они отрабатывают вопросы планирования и проведения совместных действий с частями других родов сухопутных войск, ВМС, боевой, военно-транспортной и вертолетной авиацией. Спецназ постоянно привлекается к таким крупномасштабным международным учениям как «Брайт стар» («Яркая звезда»), в которых, наряду с ВС Египта, участвуют части и подразделения вооруженных сил США, ряда стран НАТО и некоторых арабских государств (в 2003 г. США приняли решение не участвовать в очередных учениях «Брайт стар», мотивируя данный шаг проведением масштабной контртеррористической операции и «большой отвлеченностью ВС США на операции в Афганистане, Ираке и других регионах мира»).

В составе сухопутных войск АРЕ имеется также отдельное спецподразделение 777 (200 чел.), которое предназначено для борьбы с терроризмом и освобождения заложников. В подготовке его личного состава активное участие принимали американские военнослужащие из спецподразделения «Дельта».

Собственными формированиями спецназа располагают египетские ВМС. К ним относятся бригада специального назначения (до 4,2 тыс. чел.), роты морской и глубинной разведки. Пункт их дислокации – главная военно-морская база страны в Александрии. Морские спецназовцы принимали активное участие в арабо-израильской войне 1973 г.

Иордания. Первые подразделения воздушно-десантных войск и сил специального назначения начали формироваться в стране в 1962 г. с помощью американских инструкторов. Имевшаяся в иорданской армии в 1967 г. рота спецназа в войне с Израилем не участвовала. В 1969 г. завершается формирование батальона спецназа, который хорошо проявил себя в боях с палестинскими вооруженными отрядами в сентябре 1970 г. В 1971 г. в королевской армии создается воздушно-десантная бригада, в состав которой вошли и подразделения спецназа. Изначально иорданский спецназ был ориентирован главным образом на борьбу с террористами и формированиями партизанского типа.

В 1975 г. король Хусейн направил батальон спецназовцев в Оман, где подразделение участвовало в военных действиях против оппозиционных султану Кабусу повстанческих сил левой ориентации.

В 1996 г. в вооруженных силах Иордании создано Командование специальных операций (КСО), которым до своего вступления на престол в феврале 1999 г. руководил нынешний король Абдалла II. При создании командования широко использовался опыт Сил специальных операций армии США и британского Управления специальных операций. В состав КСО включены: воздушно-десантная бригада, бригада рейнджеров, бригада спецназа, вертолетная эскадрилья спецопераций ВВС (последней командует брат короля принц Фейсал), а также спецподразделение 71 (200 чел.), предназначенное для проведения антитеррористических операций и освобождения заложников. В оперативном отношении КСО подчинена также полицейская бригада общественной безопасности.

Бригада спецназа включает в себя группу спецназа, парашютно-десантный батальон, артиллерийский дивизион, противотанковую роту, зенитную батарею и школу подготовки спецназовцев.

Формирования, входящие в КСО, представляют собой стратегический резерв командования вооруженных сил королевства и предназначены для выполнения специфических боевых задач, противоповстанческих и антитеррористических операций, участия в мероприятиях по поддержанию внутренней безопасности, для борьбы с саботажем, подавления массовых беспорядков. Не исключается возможность использования соединений и частей КСО для ведения обычных боевых операций совместно с частями других видов ВС.

Национальные ВВС обеспечивают подразделения спецназа средствами переброски (самолеты С-130 «Геркулес», вертолеты CASA-212 «Авиакар»), а в случае необходимости могут оказать им огневую поддержку с воздуха, в первую очередь, с помощью боевых вертолетов UH-1 «Кобра».

Личный состав специальных войск комплектуется из представителей преданных Хашимитской династии бедуинских племен, а также национальных меньшинств – черкесов и чеченцев, которые в Иордании традиционно считаются одним из оплотов монархии. При отборе кандидатов большое внимание уделяется не только их физической подготовленности, но и умственному развитию. Первоначальное обучение бойца спецназа длится в течение одного года.

Иорданские войска спецназначения располагают хорошей учебно-материальной базой, что благоприятствует всесторонней качественной подготовке их личного состава. Главный центр их подготовки находится в районе города Аз-Зарка, где имеются стрельбище и специально оборудованный полигон.

Командование ВС страны уделяет большое внимание изучению опыта подготовки и боевых операций сил специального назначения иностранных государств. Помощь в обучении различных категорий личного состава иорданских сил спецназа оказывают специалисты из США и Великобритании. В частности, бойцов антитеррористического

подразделений 71 обучали военнослужащие спецподразделения ВС США «Дельта». Имеют место регулярные совместные учения местных спецформирований со спецназовцами США и Великобритании.

Осенью 2000 г. на территории Иордании проведено совместное учение подразделений специальных войск арабских государств. Кроме собственно Иордании, в них принимали участие спецназовцы из Египта, Йемена, Катара, Бахрейна, Кувейта и Омана.

Ирак. До войны страна располагала крупными силами войск специального назначения (5 бригад коммандос, 4 специальные бригады Республиканской гвардии), которые имели значительный боевой опыт, приобретенный в ходе многочисленных внутренних и межгосударственных войн и вооруженных конфликтов, развязанных иракскими режимами в 60–90-х годах. Спецназ являлся элитой иракских ВС. Помимо чисто военных функций он выполнял задачи по обеспечению безопасности правящего режима С.Хусейна и осуществлению контроля над территорией страны. В ходе военных действий против сил американо-британской коалиции в марте – апреле 2003 г. ряд частей иракского спецназа оказал умелое сопротивление войскам противника.

Данные о формировании частей спецназа в составе создаваемой американцами новой иракской армии отсутствуют.

Йемен. Первые подразделения спецвойск начали формироваться в йеменской армии в начале 70-х годов. В 70–90-х годах в составе ВС Северного Йемена имелась бригада спецназа. В марте-апреле 1999 г. в провинции Ходейда были проведены совместные йеменско-американские учения спецвойск, продолжавшиеся четыре недели. С йеменской стороны в них участвовала бригада спецназа «Наср» («Победа»), с американской – батальон спецназ.

В настоящее время ЙР и США продолжают активно сотрудничать в деле борьбы с терроризмом. В Йемен после событий 11 сентября 2001 г. были направлены 150 военнослужащих Сил специальных операций ВС США с целью участия в мероприятиях по поиску и уничтожению сторонников Усамы бен Ладена. Подразделения ВС ЙР и спецназовцы из США проводили совместные операции по прочесыванию местности в провинциях Мариб и Джоуфа, где особенно сильно влияние вооруженных исламистских группировок. Осуществлено несколько совместных операций по выявлению и уничтожению функционеров Аль-Каиды, скрывавшихся на территории республики. Американские специалисты участвуют в подготовке личного состава йеменского спецназа.

На сегодня в боевом составе йеменских сухопутных войск имеются две воздушно-десантные (коммандос) бригады и бригада спецвойск. В 1999 г. создано специальное антитеррористическое подразделение. Личный состав для него отобран из элитных армейских частей. Структурно подразделение входит в президентскую охрану. Его задачей является борьба с любыми проявлениями терро-

ризма, а также похищениями иностранцев. Командир отряда – сын президента Йемена полковник А.Салех.

Катар. В составе сухопутных войск страны имеется отдельный батальон спецназначения. Катарские армейские спецназовцы отличаются хорошей боевой выучкой. Они положительно показали себя в ходе участия в военных действиях в зоне Персидского залива в 1991 г. Подразделения спецназначения имеются и в составе МВД Катара.

Кувейт. Сухопутные войска эмирата располагают отдельным батальоном коммандос. Свои подразделениями спецназа имеет МВД страны.

Ливан. Вооруженные силы республики обладают крупными силами специального назначения. Так, в сухопутных войсках имеются полк коммандос и 5 полков спецназа. Командование рассматривает их в качестве сил быстрого реагирования, предназначенных для решения задач по обеспечению безопасности и поддержанию порядка на территории страны.

В составе ливанских ВМС, при содействии специалистов из США и Великобритании, в конце 90-х годов был создан отряд специального назначения (морской десантно-диверсионный отряд) численностью в 100 человек. Подразделение предназначено для борьбы с терроризмом и действий быстрого реагирования на конфликтные ситуации. По оценкам иностранных экспертов, ливанский морской спецназ является одним из лучших подразделений подобного рода в регионе.

Ливия. В начале 90-х годов в вооруженных силах страны насчитывалось 12 отдельных батальонов спецвойск. Однако в условиях действия жестких международных санкций (1992–2003 гг.) ливийское руководство пошло на сокращение численности и боевого состава национальной армии, что коснулось и формирований спецназа. В настоящее время в сухопутных войсках Джамахирии имеются 6 парашютно-десантных (коммандос) батальонов.

Ливийский спецназ имеет неплохой опыт ведения операций в горнопустынной местности, приобретенный им во время войны в Чаде в 80-е годы. Подразделения спецвойск составляли основу ливийского контингента, оказывавшего помощь президенту Центрально-Африканской Республики А.Ф.Патиссе в подавлении мятежей местных военных в 2001 г.

Мавритания. В составе мавританских сухопутных войск имеется парашютно-десантный (специальный) батальон. Возможности использования этого подразделения ограничены из-за незначительного количества военно-транспортных самолетов и полного отсутствия вертолетов в составе национальных ВВС.

Марокко. Формирования марокканских войск специального назначения имеют богатый и, в целом, положительный опыт ведения операций в пустынной местности, который они приобрели в ходе многолетней (1975–1991 гг.) войны в Западной Сахаре против сил Фронта ПОЛИСАРИО, выступающего за независимость данной территории.

В составе сухопутных войск королевстве в настоящее время насчитывается 7 групп коммандос, а в Королевской жандармерии имеется бригада спецвойск. Помощь в подготовке марокканских спецназовцев оказывают американские специалисты.

Оман. В султанской гвардии (составная часть вооруженных сил страны) в настоящее время имеются два полка войск спецназначения. Оманские спецназовцы отличаются хорошей боевой и специальной выучкой, имеют на вооружении современные средства ведения боевых операций. Военнослужащих оманского спецназа обучают инструкторы из британских сил специальных операций.

Саудовская Аравия. Первые формирования спецназа в стране стали создаваться в начале 70-х годов. В настоящее время подразделения войскового спецназа (три роты) организационно входят в состав воздушно-десантной бригады, дислоцирующейся в районе Эр-Рияда. В оперативном отношении роты спецназа подчинены непосредственно министру обороны королевства. Подразделения специального назначения имеются также в составе Национальной гвардии, в полку Королевской гвардии и полку морской пехоты ВМС.

В МВД королевства первое спецподразделение было создано в 1979 г. незадолго до захвата религиозными экстремистами Большой мечети в Мекке (ноябрь 1979 г.). Операция по их обезвреживанию стала его первой операцией. Для обеспечения безопасности паломничества в Мекку и Медину в 80-е годы с помощью французских специалистов было создано еще одно подразделение спецназа, численность которого оценивается в 120 человек. Изначально спецназ МВД был ориентирован преимущественно на антитеррористические действия.

Все спецподразделения МВД подчинены непосредственно министру. Они оснащены различными видами стрелкового оружия, легкой бронетехникой, переносными установками ПТУР, имеют в своем распоряжении химические средства несмертельного действия.

В настоящее время в королевстве создаются новые Силы специальной безопасности (ССБ), предназначенные для проведения антитеррористических операций, а также охраны основных объектов нефтяной отрасли, электростанций, заводов по опреснению воды. Их численность пока составляет 500 человек, имеющих на вооружении бронетранспортеры UR-416. Обучением личного состава ССБ занимаются специалисты из Германии. Боевой дебют подразделения в марте 2001 г. в операции в аэропорту Джидда по обезвреживанию террористов, захвативших российский пассажирский самолет Ту-154, нельзя назвать однозначно удачным.

Помощь саудовцам в подготовке личного состава и техническом оснащении сил спецназа оказывают США, Великобритания, Франция, Германия, Иордания и Пакистан.

Сирия. В 1958 г. в национальной армии была сформирована первая парашютно-десантная рота, ставшая в дальнейшем основой для создания войскового спецназа. Сирийские специальные подразделения принимали активное участие в арабо-израильских войнах (1967, 1973 и 1982 гг.). В частности, в октябре 1973 г., в самом начале военных действий спецназовцы провели смелую и успешную операцию по захвату вертолетным десантом израильского разведывательного центра и пункта управления на горе Хермон (Джебель аш-Шейх). Вывод из строя этого объекта, по оценкам зарубежных военных обозревателей, на несколько суток дезорганизовал управление частями Армии обороны Израиля (АОИ) в северной части Голанских высот. Сирийский спецназ также активно и действенно применял противотанковые засады в тылу противника. В результате внезапного нападения на командный пункт 188-й бронетанковой бригады АОИ были убиты ее командир и несколько старших офицеров штаба.

По данным иностранной печати и воспоминаниям советских военных советников, в июне 1982 г. во время боев с частями израильской армии в Ливане сирийские коммандос, умело действуя в тылу противника, уничтожили с помощью ПТУР «Фагот» и «Милан» больше израильских танков, чем танкисты.

В 1990–1991 гг. во время кризиса в зоне Персидского залива один из полков сирийского спецназа был направлен в Саудовскую Аравию, однако активного участия в военных действиях не принимал.

В настоящее время в составе сухопутных войск ВС САР имеется дивизия спецвойск (три полка) и 10 отдельных полков коммандос. Значительная часть этих сил продолжает дислоцироваться на территории Ливана. Так, сирийские спецназовцы размещены в пригородах Бейрута, в городах Триполи, Батрун и в районе Кфар-Фаллус.

Пребывание основной части формирований сирийского армейского спецназа в течение длительного времени в Ливане, где они фактически выполняют задачи не столько военного, сколько полицейского характера по поддержанию порядка и контролю над отдельными районами соседней республики, негативным образом сказывается на качестве боевой и специальной выучки личного состава.

Специальные антитеррористические подразделения имеются в составе дивизии Республиканской гвардии (войска охраны президента и его окружения). В сирийских военно-морских силах на протяжении многих лет существует отряд боевых пловцов.

Личный состав частей спецназа вооруженных сил Сирии комплектуется в подавляющем большинстве выходцами из алавитской общины, к которой принадлежит семья нынешнего главы государства Б.Асада. Руководство САР отводит силам спецназначения важную роль в решении задач по поддержанию безопасности правящего режима и сохранению внутриполитической стабильности в республике.

Судан. Первые подразделения спецназа были созданы в суданской армии в начале 70-х годов. В настоящее время в составе сухопутных войск имеются пять отдельных рот спецназначения. Подразделения спецназа на протяжении многих лет принимают участие в военных действиях против сепаратистских партизанских формирований на юге республики, в ходе которых они приобрели большой опыт ведения операций в саванне, лесистой и горнолесистой местности.

Тунис. Первый батальон коммандос в составе национальной армии был сформирован в конце 70-х годов. В настоящее время в составе сухопутных войск имеется бригада специальных войск.

Национальная гвардия МВД располагает двумя антитеррористическими спецподразделениями. Одно, численностью 50 чел., сформировано в начале 80-х годов и предназначено для решения задач по освобождению заложников, защите от террористов правительственных зданий, диппредставительств и т.п. Другое подразделение (150 чел.) дислоцируется вблизи аэропорта г.Тунис и предназначено для противодействия крупным акциям террористов.

СОДЕРЖАНИЕ

А.М.Вартанян
ОБ ОСНОВАХ РЕГИОНАЛЬНО СТРАТЕГИИ ИРИ В ЗАКАВКАЗЬЕ 3

О.И.Жигалина
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА 9

А.Эпштейн (Иерусалим) И Г.Меламедов (Москва)
«ДВУНАЦИОНАЛЬНОЕ ЕВРЕЙСКОЕ» ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ АРАБОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
(к выводам Госкомиссии под председательством Теодора Ора**)** 17

А.Я.Клява
ПАЛЕСТИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ :ОТ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ К «ДИПЛОМАТИИ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ» (1974–1991 ГГ.) 35

К.А.Абилов
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПАЛЕСТИНЦЕВ 70

С.И.Симановский
ТРИ ГОДА ИНТИФАДЫ И ПАЛЕСТИНСКАЯ ЭКОНОМИКА 77

Н.С.Глебова
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХАМАС И ООП 104

В.М.Ахмедов
БАШАР АСАД: ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ВЛАСТНОМ ПОПРИЩЕ 115

В.Ф.Щенников
МЕСТО СИРИИ В АРАБСКОМ МИРЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕЖИМА САДДАМА ХУСЕЙНА 137

А.О.Филоник
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА 147

П.Н.Мамед-Заде
ЕГИПЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖАРАБСКОГО ГАЗОПРОВОДА 157

О.Е.Трофимова
СОГЛАШЕНИЕ ОБ АССОЦИАЦИИ ТУНИСА С ЕС:
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА 167

Н.В.Мохов
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНКО-АЛЖИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ 175

Е.В.Загорнова
ДРУЗЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ 189

М.З.Ражбадинов
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМИЗМ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ЕГИПТЕ 203

Б.Н.Гашев, Л.П.Зудина
АРАБО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО 207

Г.Г.Косач
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ПОСТСОВЕТСКИЕ «МУСУЛЬМАНСКИЕ» ГОСУДАРСТВА: АСПЕКТЫ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА 221

З.А.Соловьева
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМИРНОГО БАНКА В ИОРДАНИИ 248

Д.Ю.Шадрин
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЮЗА АРАБСКОГО МАГРИБА) 256

Н.Г.Киреев
КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ТУРЦИИ: РАСКОЛ ДВИЖЕНИЯ МИЛЛИ ГЁРЮШ 267

В.Г.Коргун
АФГАНИСТАН: ПОИСКИ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ 289

Р.Р.Сикоев
АФГАНИСТАН: НА ПОРОГЕ СУДЬБОНОСНЫХ РЕШЕНИЙ 305

Г.Д.Демоян
ИСЛАМСКИЕ НАЕМНИКИ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ 312

А.А.Ткаченко
ИРАК ПРИ С.ХУСЕЙНЕ: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГРЕСС 327

ПРИЛОЖЕНИЕ 336

Р.Бузмаков
СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ 336

Ф.А.Тринич
РОССИЯ – ИЗРАИЛЬ: СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 346

А.А.Трофимов
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН 355

В.П.Юрченко
ВОЙСКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ 368

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеэв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** " Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. В.А.Исаев, А.О.Филоник "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)

98. О.В.Плешов "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. М.З.Ражбадинов "Радикальный исламизм в Египте". (совместно с ИВ РАН)

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.

103. "Иран и СНГ". Сборник.

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. **Ахмедов В.М.** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".

108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.

109. **Юрченко В.П.** "Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы". Сборник.

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола)

113 **Уразова Е.И.**"Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ".

114. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In cooperation with the Academy of Geopolicy and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**

    In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays).

100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"

113 "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

114. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДВАДЦАТЫЙ

Подписано в печать 2.12.2003 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 24,75 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 86

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»